4
3-81

Золотова Г.А.

Коммуникатив-
ные аспекты
русского синтаксиса

М., 1982.

76353

ИРЯ

институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

Г. А. Золотова

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОГО СИНТАКСИСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1982

В монографии исследуется комплекс синтаксических форм и средств, выражающих содержание коммуникативно-речевой деятельности и конструирующих типы речи различного общественно-коммуникативного назначения.

Обсуждая актуальные вопросы современной синтаксической теории, автор обосновывает единый структурно-семантический принцип анализа синтаксических единиц как конструктивных носителей смысла, позволяющий осуществить функциональное изучение синтаксических явлений в направлении от языковой системы к речевой деятельности.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ю. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Ч
3-81

ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

76353

Галина Александровна Золотова

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОГО СИНТАКСИСА

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Н. Н. Барская.* Художник *И. А. Слюсарев.*
Художественный редактор *Т. П. Поленова.*
Технический редактор *Т. А. Калинина.* Корректоры *Е. З. Осипова, Л. Д. Собко.*

ИБ № 25414

Сдано в набор 19.04.82. Подписано к печати 27.08.82. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага книжно-журальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр. отт. 19,5. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж 4300 экз. Тип. зак. 1587
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

3 4602010000—316
042(02)—82 445-82, кн. 1 © Издательство «Наука», 1982 г.

ОТ АВТОРА

В монографии получает продолжение и развитие синтаксическая концепция, изложенная автором в «Очерке функционального синтаксиса русского языка» (М., «Наука», 1973), на более широкой основе — с переходом от языковой системы к речевой деятельности. С учетом исследовательского, лекционного, а также дискуссионного опыта прошедших лет, автор обосновывает, уточняет, подкрепляет новой аргументацией и анализом материала свои позиции в ряде актуальных теоретических вопросов, обсуждаемых в современной синтаксической науке.

Выявление синтаксических первоэлементов — синтаксем — как конструктивных носителей смысла позволяет построить типологию простого предложения, опираясь на соотношение семантических, морфологических и синтаксических признаков, и представить системную стратификацию центральных и периферийных синтаксических моделей как способов выражения типовых коммуникативных значений.

Система моделей предложения в целом отражает общую модель языкового видения человеком мира. В центре этой модели человек как лицо говорящее (представитель языкового коллектива) и главное действующее лицо мира, о котором он говорит. Позиция говорящего, обусловленная прикрепленностью к типовым общественно-коммуникативным ситуациям речи, а с другой стороны — индивидуальным отношением к содержанию речи и языковым средствам его выражения, положение говорящего во времени и в пространстве по отношению к претворяемой в языковое сообщение реальной действительности — эти факторы определяют признаки различных типов речи. Синтаксис текста как формы речевой деятельности получает опору в едином структурно-семантическом принципе анализа синтаксических явлений.

Понятие «коммуникативный», вынесенное в заглавие

книги, не противопоставляется понятию «конструктивный», поскольку в синтаксисе нет конструкций, не предназначенных участвовать тем или иным способом в процессе коммуникации, а коммуникативная функция речи осуществляется не иначе как посредством синтаксических конструкций — носителей выражаемого содержания. Коммуникативные аспекты — это попытка рассмотреть устройство русского синтаксиса с точки зрения его коммуникативного назначения, ради которого синтаксические средства существуют.

Синтаксис, таким образом, понимается как система виртуальных единиц, готовых к функционированию в речевом процессе и реализующих свои потенции в различных формах речевой деятельности на основе своих системных значений.

В книге представлено несколько разработанных линий, несколько областей, группирующихся вокруг поставленной проблемы, вся сложность которой не может быть, разумеется, здесь исчерпана.

Автор благодарит рецензентов рукописи доктора филологических наук И. И. Ковтунову и доцента МГУ кандидата филологических наук Е. А. Брызгунову, а также всех коллег, помогавших советом и доброжелательством.

ЧЕЛОВЕК И МИР В КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ

(структурно-смысловое содержание синтаксических единиц)

КАРТИНА МИРА В РЕЧИ

1. Человек — создатель и носитель языка. На протяжении многих веков становления и существования язык служит человеку как средство коммуникации. Человек живет в природе и в обществе. Он движется, действует, мыслит, познает, ощущает. Он осмысляет свои и себе подобных качества и свойства. Он испытывает различные чувства к другим людям и вступает с ними в те или иные отношения. Он воспринимает явления природы, он воздействует на окружающие его предметы, он создает предметы. Явления и предметы не действуют, не мыслят, они осуществляются или существуют, они обладают признаками и качествами, человек видит и познает их признаки, их связи и отношения. В меру своего понимания мира или в меру своего воображения человек наделяет предметы способностью действовать и другими свойствами одушевленных существ. Наблюдая конкретные предметы и явления, человек поднимается до абстрактного мышления, находя логические связи и обобщая.

Вся эта картина мира, вся жизнь человека (точнее, человеческого общества) в мире, пропущенная сквозь коллективное человеческое сознание, отражается в языке и, находя в каждом языке соответствующие формы выражения, становится содержанием коммуникации.

Человек, таким образом,— центральная фигура языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит.

Антропоцентрическая точка зрения на язык[1] пред-

[1] См.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974; Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume. Recueil de textes inédits préparé sous la direction de R. Valin. Paris, 1973; *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, где приводятся ссылки на работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, П. С. Поспелова и др. См. также идеи о языковой личности и ее речевых действиях в трудах В. В. Виноградова.

ставляется наиболее естественной и адекватной действительному положению вещей. Именно она позволяет осмыслить системные связи языковых явлений не в принудительном разделении формы и содержания, а в синтезе, в едином служении их потребностям общения.

Намеченная здесь в самых общих чертах канва многообразнейших и разносторонних отношений объективной действительности находит в языке соответствие в определенных синтаксических моделях, основных и вариативных, со всеми их регулярными модификациями и видоизменениями.

Любой текст соответственно его характеру и содержанию отражает в своих синтаксических конструкциях эту общую модель языкового видения человеком мира.

2. Рассмотрим соотношение содержания текста и выражающих его синтаксических средств.

2. 1. Статья Е. Евгеньевой (Наука и жизнь, 1976, № 5) «Доказано: мышцу можно пересаживать». Речь идет об открытии профессора Студитского, которому удалось пересадить мышцу так, что она регенерировала и начала функционировать.

В содержании статьи можно выделить несколько тематических пластов, в каждом из которых используются соответствующие модели. Объект внимания — мышца, ее свойства, признаки, функции. Соответственно научно-популярному жанру статьи, читателю сообщаются сведения о строении предмета, его качественные и количественные характеристики, положение частей по отношению к целому — в существующих для этого синтаксических моделях (*Ткани организма состоят из клеток, мышечная ткань имеет иное строение; Основная ее единица — мышечное волокно; Его отличают размеры.., длина.., достигает.., размер... составляет...; Волокно представляет собой многоядерное образование; Ядра располагаются в.., они лежат под..; Мышцы составляют свыше 40 процентов веса тела, большинство из них расположено у самой поверхности тела; Мышечная ткань отличается... чувствительностью*).

Действия, которые приписываются мышцам, конечно, не целенаправленные действия в собственном смысле, а свойства, функции предмета, проявляющиеся либо постоянно, либо в названных условиях, и служащие вместе с тем каузатором других свойств и функций (*Мышца сокращается, мышечная ткань плохо восстанавливается, (от недостатка кислорода) мышца гибнет, во-*

локна распадаются; от способности мышц сокращаться зависит подвижность органов, утрата способности мышцы сокращаться ведет к утрате подвижности органа).

Следующий смысловой пласт представляет читателю ход эксперимента, здесь основная модель: лицо (экспериментатор) и его конкретные действия, производимые над объектом. Разная степень временной локализованности действий позволяет варьировать личные формы глагола с неличными и с отглагольными номинациями, разная степень потребности в именовании агенса допускает, наряду с определенно-личными, неопределенно-личные и потенциально-личные конструкции (*Профессор пересаживает мышцы; Сотрудница пересадила мышцу; Студенты делали опыт; Если мышцу предварительно травмировать — нанести уколы, порезы...; Удаляли мышцу, измельчали, сажали на место*). Параллельно изображается реакция мышцы на воздействие — изменение, динамизация её свойств и состояний (*Измельченная мышца отличается рядом замечательных особенностей; Мышца пребывает в особом «пластическом» состоянии, приобретает способность к вторичному развитию; Ткань оказывается более радиоустойчивой, усиливается обмен веществ; Сократительная активность восстанавливается*).

Цель эксперимента — получение заданного результата целенаправленного воздействия человека на предмет — формулируется, естественно, средствами каузативной конструкции (*Возник замысел: попробовать заставить разрушенную мышцу справиться с задачей повторного строительства*).

Наблюдая свойства предметов и их взаимодействия, человек абстрагирует их и объясняет, находя причинно-следственные связи. Гносеологическую деятельность человека отражает в своих конструкциях следующий пласт содержания статьи, использующий более сложные синтаксические построения: авторизацию, каузацию, придаточные изъяснительные при глаголах мысли и информации (*Сотрудница показала, что восстановление происходит в результате взаимодействия...; Выяснилось, что особенно сильное влияние на... оказывают...; Оказалось, что...; Не исключено,что...; Исследования процессов показали, что...; Перед учеными стояло множество вопросов; Для того, чтобы фантастический опыт превратился в стройную теорию...; В результате многолетней работы всего коллектива удалось понять, за счет каких процессов происходит восстановление мышечного органа*).

Новое осмысление явления пришло в борьбе со старым (*Считалось твердо установленным, что...; Надо было бороться с укоренившимися представлениями о...; Эти результаты опровергли мнение о...; Первые сообщения о... были встречены с большим скепсисом; Главное сделано — устоявшиеся традиционные представления о неспособности... отошли в прошлое; Начался новый этап в изучении мышц*). Здесь тот же круг конструкций с синонимической конкуренцией изъяснительных придаточных и отвлеченных наименований речи, мысли, распространяемых делибератом *«о* + предл. п.» Отвлеченные имена действия дают возможность не называть имен субъектов — носителей прежних мнений и представлений, они остаются как бы за кадром, но сам пласт «борьбы мнений», несомненно, усложняет субъектную структуру текста.

С иным субъектным кругом связан смысловой пласт оценки изложенных исследований (*Монография получила высокую оценку — удостоена Государственной премии; Исследования советских биологов по регенерации относятся к числу лучших достижений нашей науки; На Всемирном конгрессе отмечено, что результаты работ советских морфологов по регенерации вошли в золотой фонд мировой науки*).

И наконец, последний круг человеческого знания — возвращение его результатов практике — получается выражение снова в каузативной конструкции (*Мечта ученого — помочь людям восстановить утраченные или поврежденные органы; Работа Студитского способствует не только раскрытию загадок развития организма, но и приносит ощутимую пользу людям*).

2.2. Вот текст иного содержания — газетная статья «Были Рундальского дворца» (Известия, 3 мая 1977 г.). Рассказывается об архитектурном памятнике, его истории, настоящем и будущем. Смысловые планы, или пласты, текста также находят выражение в соответствующих синтаксических моделях. Прежде всего — квалификация предмета, его качественные и количественные характеристики (*Рундальский дворец — уникальный среди памятников старины в Латвии, произведение Растрелли; Отличается пластичностью и выразительностью форм, состоит из трех корпусов, в нем — 140 помещений...*). В истории своей дворец предстает как объект военных разрушений (*Здание пострадало во время нашествия наполеоновских армий, глубокие раны нанесли ему кайзеровские солдаты, остави-*

ла отметины и вторая мировая война). В кульминационный момент истории противоположно направленные субъектные устремления получают выражение в каузативных конструкциях, осложненных модальными и отрицательными значениями (*Гитлеровские полчища, вынашивавшие план уничтожения дворца, не успели его разрушить; советские войска выбили их из Рундале*).

В настоящем дворец — объект реставрационного процесса (*Идет реставрация; мастера воссоздают украшения, им оказывают помощь ленинградские специалисты; начались мелиоративные работы в парке*).

В результате — в скором будущем — *дворец-музей предстанет перед нами в первозданном виде.*

2.3. Статья Б. Стрельникова «И назвали поселок по-русски (Из американского блокнота)» (Правда, 3 мая 1978 г.). Путешествуя по Америке, автор, специальный корреспондент «Правды», выясняет историю русских названий американских населенных пунктов.

Замысел статьи реализуется в нескольких структурно-смысловых пластах.

1) Исходная информация о существовании в Америке населенных пунктов с европейскими и русскими наименованиями, иногда с количественными и локативными характеристиками,— выражена моделями экзистенциальной (с помощью глагола *есть*), квантитативной, локативной (с участием глаголов *стоит*, *встречается*, причастия *расположен*): В Америке *есть* свои Лондоны, Римы, Парижи, Берлины, Афины, Мадриды. Немало... и русских названий. Одна лишь Москва *встречается* больше десяти раз; *Стоит* на Мексиканском заливе город Сент-Питерсбург; *Есть* в Америке девять Одесс; *встречались* мне крошечные фермерские поселки: Россия, Киев, Белоруссия; В степях Канзаса *расположен* населенный пункт Урал; Немало в Северной Америке мест, названных в честь русских мореплавателей и землепроходцев...

2) Действия автора — передвижение, познавательные, речевые акты выражены с помощью глагольно-именных моделей, а также с использованием производных отглагольных конструкций, деепричастной и девербативной: На карте штата Миннесота *я* неожиданно *обнаружил* Москву... *стал узнавать... звонил*,— *выяснял*; *Проехали* на машине...; *Были мы* в Москве, которая расположилась в штате Теннесси (глагол пребывания приобретает текстовый смысл передвижения благодаря тому, что место пребыва-

ния — одно из ряда посещенных); *Зашли* в аптеку, *попросили* кока-колу; *Попал* в фермерский поселок Волга; *Побывав* на Аляске, *убеждаешься*...; *пытался выяснить*...; мои *попытки выяснить*... Упоминания действий автора, послуживших сюжетным импульсом, к середине статьи исчезают, уступив место собственно информации о предмете авторских изысканий.

Отступая на задний план как очевидец и рассказчик, автор вовлекает читателя в «сопереживание» и после приглашения *Давайте представим себе* заменяет форму 1-го лица 2-м обобщенно-личным: Побывав на Аляске, *убеждаешься*...; На современной карте Аляски *вы* не раз *встретите* имена Чирикова, Шелихова, Прибылова, Баранова, Беринга, Врангеля...

2а) Познавательно-речевые действия автора вызывают ответные действия лиц-«информаторов»: *Один из профессоров* географии *рассказывал*...; Председатель исторического общества *миссис Уикс ответила*...; *вспоминал он* (хозяин аптеки)...; Молодые американские *волжане* даже *не подозревали* о существовании такой реки в России; *Он припоминал* и, наконец, *вспомнил; Внучка* старика *сказала*...; Нынешние *жители* Кадьяка *помнят*...

Для обозначения источника информации используются также вводные обороты с отглагольными именами информативной семантики: *По сведениям мэра*...; *Согласно преданию*...; так называемые безличные главные предложения, сопоставляющие «ложную» и «истинную» информацию, содержащуюся в придаточных: *Можно было подумать*, что...; *Но оказалось*, что...; а также вводное слово *дескать* и модальное слово *будто бы* при изложении полученных от мэра сведений, для выражения сомнения автора в их достоверности.

3) Композиция статьи складывается затем из последовательно — соответственно маршруту корреспондента — включаемых фрагментов-рассказов о каждом из посещенных автором населенных пунктов. Общность содержательной установки в этих фрагментах предопределяет использование предложений определенных типовых значений. Населенные пункты характеризуются а) по местоположению (локативные модели; их разновидности — в характеристике окрестностей); б) по размерам — непосредственно, либо через численность населения (количественные модели); в) по значению, экономическому или историческому (двусоставные именные квалификативные модели).

Разные виды характеристик могут и объединяться. См. примеры:

а) Москва *есть в штате Вермонт*; *Есть* Москва *в штате Канзас*; *В калифорнийской пустыне есть* полустанок Сибирь; Сибирь *есть и около озера Мичиган*; *В степях Канзаса расположен* населенный пункт Урал; *Около двух американских Одесс плещется* море. Другие *стоят в степях*; *Кругом лежала* степь; *Вокруг тянутся* пшеничные поля; *Вокруг расстилались* поля пшеницы, ржи и кукурузы...

б) В Миннесоте — *самая маленькая* американская Москва. В штате Айдахо — *самая большая*: 15 тысяч населения и университет; *Самая большая* Одесса (80 тысяч жителей) — в Техасе... Это тоже *крошечный городок*... Сейчас там *200 тысяч жителей*; Сейчас в ней живут *150 человек*, В поселке живут что-то *около 900 человек*; К 1830 году население Форта-Росс *перевалило за четыре сотни* и *составило* примерно *десятую часть* населения всей тогдашней Калифорнии...

в) Сейчас это *центр нефтяного района*; Теперь Форт-Росс — *музей-заповедник* штата Калифорния... Это *глубинка* сейчас; В ту пору Сан-Франциско был всего лишь *небольшим поселением*, самым северным «президио» — *военным фортом* испанцев; Когда-то это был *русский город Ново-Архангельск — столица Русской Америки, самый крупный населенный пункт* на всем Тихоокеанском побережье Северной Америки; Москва всегда была для американцев *чем-то очень далеким, таинственным* и *героическим*.

4) Характеристика населенных пунктов, большей частью относящаяся к их современному состоянию, дополняется сведениями из истории, где разыскивается ключ к топониму. В темпоральных моделях выражается время возникновения или основания поселка: В большинстве случаев эти маленькие тезки нашей Москвы *возникли* вскоре *после 1812 года*; *Тогда же возникло* и Бородино в штате Нью-Йорк; *Во время Крымской войны 1853—56 гг.* в США *появились* сразу пять или шесть Севастополей. *Более ста лет назад основали* их наши земляки; Официальное *открытие* форта *состоялось 11 сентября 1812 года*.

История названия может начинаться с события, поименованного отвлеченным существительным: Лет сто пятьдесят назад около безымянного поселка начался лесной *пожар*; В одном из безымянных поселков в Калифор-

нии из-за чего-то вспыхнула крупная *потасовка*. Этой истории могут предшествовать переселения, передвижения людей, передаваемые глагольно-именными моделями с глаголами движения, сопровождаемыми именами ориентиров: Американцы... *продвигались* на запад; туда *прибыли* первые американские поселенцы; русские мирно *покинули* Калифорнию; *переселился* в США из Тверской губернии... офицер Дементьев; бедняки-крестьяне, *переселившиеся* в Америку в поисках счастья; первые поселенцы, *пришедшие* в эту глушь с востока. Движение людей может быть не произвольным, а каузированным: Губернатор... *послал его* далеко на юг с важным заданием; Крепость стоит... *привлекая* к себе *тысячи туристов*.

Чаще всего история поселков или их названий предстает в деятельности жителей, в их занятиях, трудах. Действия в разной мере локализованы во времени: то это акции, сменяющие друг друга в конкретной временной протяженности, то постоянные узуальные занятия, то действия, овеществляемые их плодами, результатами: глагольно-именные предложения организуются глаголами ментальных или физических действий, направленных на предмет или создающих предмет: Местные фермеры *засевали*... земли семенами пшеницы, выведенной под Одессой; Русские *строили* крепость; Они *построили* две ветряные мельницы, кузницы, мастерские, русскую баню, *парились* вениками; *было построено* несколько небольших судов и два корабля; *Обтесывая* бревна, рассказывал... о пожаре Москвы; Дементьев на паях с Вильямсом *построил* во Флориде железную дорогу; *Бросили* вверх монету... *Выиграл* Дементьев; Жена Кускова, изучив язык индейцев, *организовала* школу, где *учила* индейских ребятишек русскому языку, чтению, письму и арифметике; *Строили* церковь, *заказали* колокол... Кто-то *воскликнул*: «Прямо как Царь-колокол в Москве!».

Отношения владения, принадлежности находят выражение в посессивных моделях: Заправочной станцией *владел* мэр города; Ему *принадлежал* элеватор; *У мэра* Москвы — плантация хлопка; *У нее* семеро детей; — *У вас есть* телевизор, Джозефина?... — Что же *у вас есть*, Джозефина? Каузативно-посессивные модели выражают отношения изменения принадлежности: Царское правительство *продало* Аляску США; испанцев, спешивших *колонизировать* все побережье Тихого океана...; американские переселенцы, *отобравшие* Калифорнию у испанцев с помощью оружия...

История поселений — это и разного рода общественные отношения между людьми. Предложения, сообщающие о такого рода отношениях, организуются глаголами социативного (взаимного) действия (или соответствующими девербативами), обычно сопровождаемыми именем второго субъекта в форме «с+твор.п.»: Русские *завязали дружбу* с местными индейцами; У русских *не было ни одной ссоры* с индейцами; Испанские поселенцы *воевали* с аборигенами; С десяток парней забаррикадировались в лавке и долго *отбивали штурм* разъяренных противников.

Предложения квалитативной предикации не занимают в рассматриваемом тексте большого места. Это отдельные характеристики признаков лиц и предметов: Колокол получился *красивым*, *звонким*; Кругом лежала степь, *ровная* и *гладкая*; *Замечательные* ребята! — вспоминал он советских солдат; Люди, давшие ему такое название (Сибирь), были *с юмором*: это *самое жаркое* место на западе США.

Идея человеческой памяти, запечатленной в географических названиях, то и дело возникает в тексте в глагольных (и соответственно — с девербативами) предложениях: Имен этих людей *никто не помнит*, но... Жива там *память* о русских, открывших и исследовавших Аляску; *Жители помнят... Не забывают жители...*, подводя к заключению о том, что *Сохранилась память* о горстке мужественных и трудолюбивых россиян, вписавших славную страницу в историю Северной Америки.

2.4. Статья Ю. К. Горелова и др. «Медоед в Туркмении» (Природа, 1978, № 6) — зоологическая характеристика редкого животного, с элементами научно-популярного жанра.

Статья в соответствующих моделях предложения дает сведения классификационного содержания (Медоед *относится к семейству* куньих. Медоед *относится к* особо охраняемым *видам* Советского Союза), о местах обитания животного (*Обитает* медоед в основном *в Южной и Центральной Африке, в Передней Азии, Индии*. В Советском Союзе медоед *встречается лишь в западных районах Средней Азии*), дается описание животного: формы тела, размеров, веса, окраски, с качественными и количественными признаками (Туловище медоеда довольно *массивное*, длина его тела *до 75 см*, а хвоста — *18—20,5* см. Взрослый зверь *весит 16 кг*. Ноги *плотные* и *короткие*. Когти передней лапы *достигают 5 см*, задней — *2 см*... Нижняя часть туловища

окрашена *в блестящий черный цвет*, а верхняя — *в белый*. Мех зверя *редкий, жесткий, грубый*; Слух у зверя *хороший*; Скорость передвижения медоеда *невелика*). Описывается устройство убежища медоеда, его составные части и параметры (*Убежищем* медоеда служат *норы*, обычно весьма просто устроенные: ход прямой — *18—25 см в диаметре*; *Глубина* таких нор *от 1 до 3 м, в конце норы* округлая *камера — диаметром 40—60 см*; В обжитых медоедом местах *образуется* городок из сложных нор).

В глагольных предложениях текста получает отражение жизнедеятельность животного, глагольные формы, естественно, не актуального, а узуального значения (Медоед *лакомится* медом; *разоряет гнезда, съедает мед* и *личинок*; ему приходится *раскапывать гнезда* общественных ос; *выкапывает из земли черепах, поедает грызунов, ежей, ящериц, фрукты и прочую* растительную *пищу. Медоед размножается* в течение почти всего года; *обороняется* весьма активно, *бросается на* приблизившихся *людей*, а убегая, *задирает* распущенный *хвост*).

Некоторые характеристики даются в сравнительном плане с использованием соответствующих конструкций, компаративов и компонента «*по*+дат. п.» со значением основания сравнения (*По форме тела* медоед *напоминает* барсука, хотя морда у него *не такая острая*, а размер *несколько меньше*; Отпечатки лап медоеда несколько *напоминают* дикообразы; В своей «весовой категории» медоед, пожалуй, *один из* чемпионов *по длине когтей;* Панцири черепах, съеденных медоедом, заметно *отличаются от* панцирей черепах, оставленных другими хищниками; Звук, который издает медоед, *похож на* хриплое хрюкающее «хря-я-я-я»).

Причинные построения и каузативные конструкции отражают интеллектуальные усилия авторов найти логические связи между признаками и свойствами, объяснить те или иные явления (Контрастность окраски *позволяет сделать предположение* о ее предупредительном характере; Ушные раковины медоеда едва заметны, что *можно объяснить* его роющим образом жизни; Чередование мест пребывания медоеда *позволяет предположить*, что медоед ведет здесь кочевой образ жизни; Это явление, по нашему мнению, *свидетельствует о том*, что...). Устанавливается причинная связь между названием животного и его свойствами.

Заключение статьи — в модальности долженствования и

необходимости — также устанавливает причинно-следственную зависимость между редкостью зверя и мерами охраны редких видов животных. Поскольку речь идет о действиях лишь потенциальных, желательных или нежелательных, они большей частью названы не глаголами, а девербативами (*добыча, отлов, содержание в неволе, освоение человеком мест обитания зверя, сохранение среды, расширение сети заповедников, охрана редких видов*).

3. Способы выражения типовых значений, разумеется, многообразнее, здесь намечен только начальный этап анализа типового содержания текста. Средства организации текстов разных типов будут рассматриваться далее, пока важно показать, что содержание текста не может объективироваться иначе, чем в синтаксических моделях, предназначенных языком для того или иного содержания.

Однако связь между смыслом и конструкциями, здесь приведенными, может быть не всегда очевидной для лингвистического сознания, сложившегося на традиционном синтаксическом разборе. Поэтому, прежде чем обратиться к синтаксическому материалу, необходимо определить исходные позиции для его анализа и отношение к основным дискуссионным вопросам современной синтаксической теории.

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ

1. Интерес к семантике предложения позволил увидеть состав и типологию предложения в новом аспекте соотношения языковой формы и выражаемого ею внеязыкового содержания.

Чешский русист М. Кубик справедливо замечает, что «описание семантической стороны синтаксических отношений не является для языковедов ничем новым»: «традиционные грамматики XIX века» проявляли неизменное внимание к семантическим функциям падежных форм в предложении [2]. Однако лишь современный уровень развития лингвистической теории открывает возможность систематического изучения синтаксической семантики.

Работами многих ученых в последнее время не только

[2] *Kubík M.* Věta a větná sémantika.— In: Jazykověda a příprava učitelů jazyků, I. UK Praha, 1980, s. 77—78.

утверждается важная роль семантики в синтаксисе, введено понятие семантической структуры предложения, показано, что синтаксическая семантика поддается членению, описанию, даже формализации. Трудно переоценить заслугу Грамматики-80 [3], освятившей своим авторитетом признание необходимости семантического анализа синтаксических конструкций и разработавшей опыт такого анализа.

Недостаточно изученных вопросов еще много в области соотношения синтаксиса и семантики. Признание семантической структуры предложения лингвистическим объектом не устраняет различий в понимании явления. Однако общность самого объекта и общность этапа в развитии синтаксических концепций, как кажется, сближает сейчас позиции многих ученых, шедших к нему разными путями. Остается актуальной задачей скоординировать точки зрения, увидеть за разными терминологическими и понятийными системами общие результаты работы.

Становится все более очевидным насколько значительны перспективы поворота к семантике для синтаксиса. Прежде всего, этот поворот усиливает внимание к связи языка с действительностью, обогащая гносеологические, философские аспекты языкознания, создавая новые стимулы для изучения содержательного назначения языковых форм. Не менее важно то, что осмысление роли семантики становится для синтаксиса открытием, которое должно содействовать усовершенствованию синтаксической теории, освобождению ее от противоречий логицизма и морфологизма.

Вряд ли справедливо считать «семантический синтаксис» лишь одной из возможных областей синтаксических занятий. Выйдя из «досемантического» состояния, синтаксическая теория не может оставаться прежней: в свете семантики ей становятся виднее не только ее собственные слабости и противоречия, но и причины, породившие их, и пути их изживания.

Дело, следовательно, не только в том, чтобы признать и описать семантику синтаксических конструкций, но и в том, чтобы оценить последствия этого признания, найти открывающиеся возможности решения дискуссионных проблем, постановки новых вопросов, укрепления ненадежных звеньев синтаксической науки.

---

[3] Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., «Наука», 1980.

С этой точки зрения требуют обсуждения в первую очередь, как представляется, такие вопросы:

1) об источниках семантико-синтаксической информации и о релевантном для синтаксиса уровне абстракции;

2) о конститутивной единице синтаксиса и о роли семантического компонента в синтаксических построениях;

3) о тождестве и различии синтаксических моделей;

4) о принципах систематизации синтаксических явлений.

Эти вопросы, тесно сплетенные между собой, будут рассматриваться в следующих разделах книги.

Семантика предложения — это прежде всего проблема связи языковой структуры и выражаемого ею внеязыкового содержания. «В конечном счете все лингвисты... исходит из признания того, что семантическая структура предложения... изоморфна отражаемой им реальной ситуации»[4]. Если отвлечься от известной некорректности термина «изоморфный», «изоморфность» в подобном, ставшем привычным употреблении (трудно утверждать подобие форм и таких различных явлений, как язык и реальная действительность), возникает вопрос о степени освоенности структурирования действительности.

Попытки найти семантическую структуру предложения по внеязыковой ситуации наталкиваются на определенные трудности, связанные с тем, что структура, степень расчлененности и обобщенности внеязыкового плана допускают произвольность интерпретации. Метод логического моделирования не выводит исследователя из круга тех же затруднений. Об изоморфности можно говорить без боязни ошибиться постольку, поскольку структуру ситуации, ее членение мы представляем лишь так, как она отражена в нашем языковом сознании[5]. По-видимому, нельзя не признать, что семантическая ситуация может быть структурирована в той мере, в какой ее составляющие и отношения между ними выражены языковыми средствами, а также в какой адекватна языковой системе интерпретация языковых средств, зависящая в свою очередь от грам-

---

[4] *Распопов И. П.* Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения.— ВЯ, 1981, № 4, с. 26.

[5] Оценивая Категории Аристотеля, Э. Бенвенист пишет: «Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущности языка: ведь именно язык благодаря своим собственным категориям позволяет распознать и определить эти свойства... То, что можно *сказать*, ограничивает и организует то, что можно *мыслить*» (*Бенвенист Э.* Общая лингвистика, с. 111).

матической концепции, которой придерживается исследователь. Те или иные наборы «реальных актантов», соотносимых затем с «синтаксическими актантами», ориентированы главным образом на представление о системе членов предложения и их разновидностей, поэтому структурирование реальной ситуации предопределено синтаксической традицией. Следование сложившейся грамматической традиции в этом смысле дает, с одной стороны, явные преимущества, с другой — накладывает определенные ограничения на восприятие исследователя.

Встает вопрос об источниках получения семантико-синтаксической информации о предложении.

2. В каждой области научного знания существует большее или меньшее расстояние между реально существующим, изучаемым предметом, явлением, системой явлений объективной действительности и тем представлением о явлениях и их системе, которое складывается в коллективном сознании человека на том или ином этапе его гносеологических усилий. Утрата ощущения этого расстояния означала бы утрату возможностей сокращения этого расстояния, тогда как именно к сокращению его должно привести поступательное развитие науки. Знание человека об объективном мире относительно, поэтому система сложившихся научных представлений всегда остается в той или иной степени несовершенной, не вполне адекватно отражающей систему явлений. В пределах коллективного знания на каждом этапе закономерно идет столкновение различных мнений, борьба направлений и методов, способствующая выявлению противоречий в представлениях, спорных решений, «трудных мест» в осмыслении объекта, что в целом и обеспечивает постепенное приближение знания к объекту. В ходе развития каждой науки, в смене ее этапов переоценивается, сменяется, обновляется, углубляется система представлений об объекте, совокупность приемов анализа и описания, неизменным остается их назначение — быть орудием, инструментом познания.

Таким образом, между человеком, субъектом познания, и реальным объектом его познания как бы создается сеть, упорядочивающая в своих координатах и ячейках представления субъекта об организации и устройстве объекта. Очень важно при этом, чтобы субъект-исследователь сохранял непосредственное видение объекта сквозь ячейки этой сети, благодаря ей и вместе с тем вопреки ей. Если исследователь воспринимает объект только через нало-

женную на него сеть и только благодаря ей, непосредственная связь между объектом и субъектом нарушается, сеть принятых представлений начинает приниматься за конечный, неизменный результат познания, начинает загораживать объект от субъекта.

Значительные достижения синтаксической науки последних десятилетий позволяют надеяться, что творческие усилия синтаксистов, направленные не на то, чтобы привести материал в соответствие незыблемой сети установившихся понятий, а на то, чтобы вникая в материал, искать новую систему понятий, более соответствующую его природе, станут еще плодотворнее.

3. Обратимся к анализу некоторых положений синтаксической теории. И во второй половине XX в. строение предложения воспринимается сквозь призму системы членов предложения. Восходящая к далеким временам античности и средневековья, сложившаяся в основном на ранних стадиях развития грамматической и логической мысли, многократно подвергавшаяся позже критике, система членов предложения остается основным способом представления его синтаксической структуры. «Глубокую неудовлетворенность логико-синтаксическим учением о членах предложения» неоднократно констатировал В. В. Виноградов в истории русской синтаксической мысли[6].

Стимулировавшиеся критикой попытки преодолеть несовершенства этой системы в наше время носили на первый взгляд разнонаправленный, но чаще всего количественный характер. Так, на одной из синтаксических конференций в поисках путей улучшения теории членов предложения было рекомендовано пополнить существующую классификацию второстепенных членов предложения такими категориями, как предикативное определение, обстоятельственное определение, дополнительно-определительный член предложения, дополнительно-обстоятельственный член предложения, развернутые члены предложения, объектно-предикативный член предложения и уточняющие члены предложения, которые в свою очередь поддавались дальнейшей дифференциации[7]. Эта позиция и позже поддерживалась рядом синтаксистов. Другая по-

[6] *Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 296, 300 и др.

[7] Совещание языковедов Юга России и Северного Кавказа по вопросу о членах предложения. (Тезисы докладов). Ростов, 1959.

зиция представлена Академической грамматикой, которая, как известно, пошла по пути отказа от второстепенных членов предложения, заменив их понятием распространяющих структурную схему членов предложения. И в том и в другом случае система членов предложения только модифицируется, суть ее сохраняется в том, что исследователи продолжают квалифицировать факты через те же категории. Те распространители предложения, которые объединены в Грамматике под именем детерминантов, дифференцируются затем по значению как объектные, субъектные и обстоятельственные. Плодотворная идея о разграничении падежных форм имени — распространителей предложения, или детерминантов, и присловных распространителей, управляемых и примыкающих, не находит опоры в однозначных критериях, а следовательно, не проясняет синтаксической природы тех и других. Унаследованное от учения о членах предложения смешение семантического и позиционного критериев мешает выявлению тех свойств словоформ, которыми определяются их синтаксические возможности и характер связи.

Трудности и противоречия, связанные с выделением и разграничением так называемых главных членов предложения, подлежащего и сказуемого, бывшие неоднократно предметом обсуждения, глубоко проанализированы в книге Д. Н. Шмелева «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке». Сопоставляя различные определения главных членов предложения и различные способы выражения этих членов в разных конструкциях, Д. Н. Шмелев показывает непоследовательность критериев, на которых основано выделение подлежащего и сказуемого в предложениях разных типов. Так, признак зависимости сказуемого от подлежащего, выделенный из согласованных номинативно-глагольных и номинативно-адъективных предложений, не обнаруживается в несогласованных, в том числе с инфинитивом в роли одного из главных членов. Для предложений, конституируемых инфинитивом и безлично-предикативным словом, вводятся по существу «совершенно новые, именно для истолкования данного случая, признаки подлежащего и сказуемого — „возможность членения предложения", интонация, порядок слов»[8]. «Может ли в самом предложении — в за-

[8] *Шмелев Д. Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976, с. 27.

висимости от расположения сочетающихся словоформ — то появляться, то исчезать подлежащее — это вопрос, на который нет однозначного ответа»[9].

«Когда в предикативную связь вступают неизменяемые словоформы, отношения между ними с трудом подводятся под те же отношения, которые определяются как отношения между главными членами предложения» (с. 31). Исследователям приходится искать поддержку в семантическом анализе, в логических критериях, в парадигматических соответствиях. Неудивительно, что при таком положении синтаксическая характеристика одних и тех же предложений у разных исследователей оказывается различной.

Д. Н. Шмелев ставит вопрос: «может быть, для нас несомненно, что предложение *Мальчик играет* состоит из подлежащего и сказуемого не потому, что члены этого предложения полностью соответствуют определению подлежащего и сказуемого, а потому, что само определение приспособлено для предложений такого типа, структура которых дает основание видеть в подлежащем выражение логического субъекта, а в сказуемом — выражение логического предиката?» (с. 34). Суть противоречий Д. Н. Шмелев видит в том, что «термины подлежащее и сказуемое являются своего рода синтаксическими масками соответствующих морфологических обозначений (синтаксическими псевдонимами морфологических характеристик — названы они ниже), но такими масками, которые различные режиссеры синтаксического анализа стремятся приложить (не подойдут ли?) к другим морфологическим формам, вступающим на синтаксическую сцену, как только в их роли обнаруживается нечто общее с ролью первых. Здесь чувство реальности нередко отступает перед чувством уважения к традиции» (с. 34—35). И Д. Н. Шмелева тревожит та же ситуация, при которой «маски постепенно начинают приниматься за подлинные синтаксические сущности». Перед синтаксистами, по мнению Д. Н. Шмелева, стоит дилемма: «или расширить представление о способах выражения подлежащего и сказуемого, или признать, что кроме подлежащно-сказуемостного типа предложений в таких языках, как русский, реально существуют (и играют заметную роль) и иные типы двусоставных предложений, компоненты которых требуют иного обозначения» (с. 37—38).

[9] Там же, с. 28.

Но затруднения носят не только терминологический характер, пишет далее Д. Н. Шмелев, приводя примеры двухкомпонентных конструкций, не поддающихся непротиворечивому истолкованию. Так, в предложении типа *В купе много народу* вслед за К. Эбелингом может быть выделено подлежащее *много народу* и сказуемое *в купе*, на том основании, что локативным формам свойственно выступать в качестве «заместителей глагола»: *Гости сейчас в саду*; *На улице дождик и слякоть*. Согласиться с этим решением Д. Н. Шмелеву не позволяет возможность сочинительной связи между «подлежащим» и словами иной морфологической природы: *В купе много народу и душно*; *В купе много народу и дует*. (Среди литературных иллюстраций: В притихшем доме *сумрак, скучно, на потолке спят мухи* — Бунин). Автор сомневается в тождественности синтаксических функций, в одноименности сочиненных таким образом компонентов и оставляет вопрос о структуре этих предложений открытым, придя лишь к выводу о неприменимости к анализу подобных случаев подлежащно-сказуемостной модели предложения.

Возможен, однако, иной способ интерпретации состава подобных предложений. Целесообразным кажется исходить из того, что для синтаксиса имеет решающее значение противопоставление классов имен конкретно-предметного значения и отвлеченного значения, или слов предметной семантики и пропозитивной (событийной, признаковой) семантики. В классе имен существительных такое противопоставление подклассов опирается не только на семантику, но на четкие словообразовательные признаки: различны характер основ, система суффиксов и окончаний в подклассах личных имен (*кормилец, возчик, пушкинист*), имен действия (*бег, смех, косьба, перечисление, рисование*), имен качества (*ловкость, прямота, крутизна*), имен состояния (*тишина, холод, дремота* и под.). Значение и деривативные связи имен событийных и признаковых сближают их функции с функциями глаголов, прилагательных, предикативных наречий, обозначающих действия, события, качества, состояния.

Именно как обозначения признаков оказываются одноименными компонентами предложения морфологически разнородные слова *душно, духота, дует, сквозняк, сумрак, сумрачно, скучно, скука*; *спят мухи* — тоже состояние-признак (ср. разг. *мухота*). *Много народу* (ср. *многолюдно*) — тоже признак, как и *душно*, дающий предикативную ха-

рактеристику с отрицательной экспрессией предмету или предметному пространству, обозначенному локативной формой (*в купе, в доме*). Тогда не вполне правомерной оказывается аналогия между *Гости сейчас в саду* и *На улице дождик и слякоть*: в первом предложении *в саду* обозначает предикативный признак субъекта (местонахождение); во втором *на улице* — не местонахождение дождя: *дождик и слякоть*, отвлеченные имена состояния, сами обозначают предикативные признаки — чего? — среды, «улицы». Ср. синонимичный способ предикативной характеристики того же предметного пространства: *Купе душное*; *Дом сумрачен и скучен* и под. Предложенная трактовка «трудных примеров», по-видимому, соответствует и призыву Д. Н. Шмелева расширить представление о способах выражения главных членов и его наблюдению о сравнительной легкости сочетания морфологически неоднородных форм при выражении сказуемого.

Можно принимать ту или иную трактовку трудных случаев, можно и следует искать дополнительные аргументы в пользу той или другой, несомненно одно: сама возможность и высокая степень вероятности различных синтаксических характеристик одних и тех же конструкций подтверждает неадекватность системы членов предложения и их критериев синтаксической действительности. Известны приводившиеся в литературе примеры разнообразных русских предложений, не содержащих ни глагольного сказуемого, ни канонического подлежащего в именительном падеже, что не мешает им быть полноценными, не зависимыми от контекста, единицами коммуникации: *На улицах ни души*; *Звезд — без счета*; *Забот — выше головы*; *Воды — по щиколотку*; *Ему за сорок*; *У каждой по ребенку, а у кого и по два*; *С бумагой туго*; *Душе не до сна*. В каждом из этих предложений непредвзятый анализ обнаружит регулярные модели, организованные двумя взаимообусловленными компонентами, которые выражены определенными словоформами с определенным значением и связаны предикативными отношениями[10]. Если перед нами альтернатива — разбирать «по членам предложения» или увидеть реальный состав моделей, интересы

[10] Ср.: «Хотя многие из подобных предложений по традиции относят к односоставным, их двухкомпонентность, если отрешиться от представления о подлежащно-сказуемостной двусоставности, в общем, не может вызывать сомнения» (*Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 146).

познания встанут на сторону реальности. С новой очевидностью убеждаемся, что сеть членов предложения плохо служит улавливанию его конструктивных основ.

Чем же можно объяснить, с одной стороны, устойчивость, живучесть теории членов предложения, а с другой стороны — ее неизбывные противоречия? По-видимому, и для того и для другого должны быть веские основания. Чтобы их обнаружить, надо разобраться, какие реальные явления языкового устройства стоят за привычными терминами членов предложения.

4. Структура предложения формируется взаимодействием двух планов, в одном из которых получает отражение связь предложения с объективным миром, в другом — связь его с процессом мышления. Будучи «главным средством формирования, выражения и сообщения мысли», предложение выражает сообщение о действительности[11]. Акт мышления, выражаемый предложением, всегда двучленен: о чем-то сообщается что-то, некоторому субъекту приписывается некий предикативный признак. Субъекту и предикату мысли-суждения в структуре предложения соответствуют, как правило, два его организующих центра, или два «главных члена», обозначающих носителя предикативного признака и предицируемый признак. Двучленность, двусоставность предложения, таким образом,— его необходимый признак постольку, поскольку предложение служит выражением акта мышления. Этот признак является общим для всех предложений. Предикативность, характеризующая каждое предложение, и означает предикативное отношение между структурными опорами мысли-предложения — субъектом и предикатом, выражающееся в языковых категориях времени, модальности и лица.

Поскольку мы изучаем не логическую структуру мысли-суждения, а языковую структуру мысли-предложения, для нас особенно важны конкретные языковые формы и значения субъектов и предикатов в разных моделях предложения. Языковыми формами и значениями субъектов и предикатов, разным типовым содержанием и способами его оформления обусловлена принадлежность предложения к разным структурным типам. В этих различиях и проявляется план связи предложения с внеязыковым миром. Отображая категориальные явления объективной действительности, их связи и отношения, язык для именования

[11] См.: *Виноградов В. В.* Введение в синтаксис.— В кн.: Грамматика русского языка, т. II, ч. 1. М., 1954, с. 65.

тех или иных категорий и связей располагает определенными номинативными и конструктивными средствами. Действительность не только находит опосредованное отображение в языковых формах, она членится и организуется в сознании говорящих соответственно ее лингвистическому видению тем или иным национально-языковым коллективом.

Семантико-синтаксическая структура предложения, сопрягающая предикативно словоформы со значением деятеля и его действия, субъекта состояния и его состояния, предмета и его признака (качественного или количественного) и др., реализует план связи предложения с действительностью и одновременно конкретизирует план связи с мышлением, выражая не вообще субъект и предикат мысли, а его содержательно-формальные разновидности.

Каково же место системы членов предложения в отношении к этим двум планам? Она занимает место между этими планами, как экран, разъединяя их и отражая элементы того и другого. В том, что она отражает элементы реальных планов,— ее сила, в том, что она отражает лишь элементы, эклектически их объединяя,— ее слабость [12]. «Когда утверждают, что подлежащее выражает субъект, то используют термин из того ряда, члены которого отображают структуру мыслительного процесса. Когда утверждают, что подлежащее обозначает деятеля, то используют термин из того ряда, члены которого отображают сегментацию действительности» [13].

Воспринимая элементы обоих планов, экран членов предложения преломляет их, нарушая и искажая прямые связи между планами (это, конечно, не означает, что связи могут быть только прямыми, взаимнооднозначными). Важно, чтобы для лингвистов этот экран не подменял собой языковую реальность, чтобы не воспринимать строение предложения только через этот экран, чтобы не упускать из виду расстояние между «экраном» как несовер-

---

[12] Смешение в понятиях членов предложения двух терминологических рядов, отображающих сегментацию мыслительного процесса и сегментацию действительности, было справедливо отмечено Н. И. Мигириной, хотя ее распределение значений между этими рядами небесспорно (см.: *Мигирина Н. И.* Принципы описания членов предложения и их смешение в учебных пособиях по русскому языку.— В кн.: Проблемы теории членов предложения. Кишинев, 1973).

[13] Там же, с. 65.

шенным конструктом лингвистической мысли и самим объектом изучения.

Обратившись к проблеме соотношения синтаксиса и семантики, синтаксисты подчас соотносят не план содержания и план выражения, не семантические категории и языковые средства их оформления, а план содержания — с «экраном» членов предложения, и план выражения опять с тем же «экраном». Преломляющее же, сдвигающее свойство экрана создает впечатление несоответствия формы и содержания в языке. Если подлежащее имеет в одном случае значение производителя действия, а в другом — объекта действия (*Министры подписывают договор — Договор подписывается министрами*), если имя субъекта действия или состояния в одном случае оказывается подлежащим, а в другом дополнением (*Брат работает — Брату нездоровится*), о каком же соответствии содержания и выражения можно говорить? Отсюда делается вывод, что семантический и синтаксический планы параллельны и взаимно независимы [14].

Рассуждая подобным образом, упускают из виду, что в предложениях, подобных *Брату нездоровится*, языковыми фактами являются форма дательного падежа личного имени и ее значение субъекта состояния — регулярное значение данной формы во множестве предложений аналогичного строения. Что же касается квалификации этой формы как дополнения, то это не констатация факта, а квалификация конвенциональная, обусловленная принадлежностью термина к системе конструктов, вовсе не всегда, как мы убедились, оправдывающей себя в приложении к фактам. Квалификация дательного субъекта и других субъектных форм косвенных падежей как дополнения, так же как словоупотребление «субъектная форма в объектной позиции», содержит только ту информацию, что это формы косвенных падежей, т. е. это и есть «синтаксические маски» морфологических фактов. Обойтись без посредничества масок и работать с самими фактами — не значит пренебречь морфологическими показателями. Мож-

[14] Так, например, развивая идею А. А. Холодовича, Г. Г. Сильницкий утверждает, что «синтаксические и семантические позиции предложения представляют собой два автономных ряда единиц, каждый из которых должен исследоваться в его собственной логической перспективе» (см.: *Сильницкий Г. Г.* Синтаксические типы припредикатных позиций.— В кн.: Диатезы и залоги. Л., 1975, с. 58).

но непосредственно соотнести несколько определенных (предложно-) падежных форм с их субъектными значениями, установить, какие способы в каких моделях предназначены для выражения субъекта, какие формы и разновидности субъектных значений сопрягаются с какими формами и значениями предикативного признака.

Из сказанного, по-видимому, вытекает, что в синтаксической теории назрела необходимость в переоценке некоторых привычных представлений, в отделении ценностей подлинных от ценностей мнимых. Из-за приверженности к привычному синтаксическая наука не должна отставать в развитии.

Может ли синтаксис обойтись без учения о членах предложения в том виде, в каком оно существует? Очевидно, может, потому что представление о системе структурно-семантических компонентов предложения, в которое это учение могло бы претвориться, сохранит все рациональное, что есть в этом учении постольку, поскольку и в нем отразились элементы языковой реальности, но позволит избавиться от двойной номенклатуры, от промежуточного преломляющего «экрана». Наше знание о синтаксисе может стать содержательнее, если и исследователь, и учащийся увидят в субъекте и предикате предложений *Обманывать грешно, Курение вредно* конкретно-типовые формы структурных компонентов со значением действия и его оценки; *Ему весело, Ему взгрустнулось* — субъекта и его состояния; *Рыбы — бездна, Мальчиков четверо* — предмета и его количественной характеристики; *Хлеба вдоволь, Времени не хватает* — предмета и оценки его количества; *У нее диплом, У него бас* — субъекта владения и характеризующего его объекта владения; *Школа — в лесу, Дуб — у лукоморья* — предмета и его местонахождения и т. д., вместо того чтобы ломать голову над вопросом: есть ли в этих предложениях подлежащее и сказуемое,— над вопросом, который, по-видимому, бесплоден, потому что любой ответ на него не сойдется либо с имеющимися определениями, либо с действительной структурой предложений. Очевидно, и к синтаксису справедливо отнести слова, сказанные Гегелем о философии: «Ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены».

Анализ компонентного состава предложений — установление для каждой модели предложения составляющих ее структурно-семантических компонентов в их конкретно-

типовых формах — выявляет коммуникативно-смысловое назначение синтаксиса и будет способствовать построению типологии предложения, не отрывающей структуру от этого назначения. От субъективизма в выделении новых категорий структурно-семантических компонентов должны уберечь как регулярная связь в них значения с формой выражения, в основе которой категориальная семантика частей речи, так и их системные места в синтагматических и парадигматических отношениях.

—В. В. Виноградов отмечал, что искать отражения и обобщения явлений и отношений действительности в грамматических категориях и понятиях — это ломоносовская и востоковская традиция в русском синтаксисе[15]. Развитие науки, следование логике объекта предполагают непрерывающуюся преемственность, органическое согласование в теории всего ценного из старого и из нового.

5. Объект изучения синтаксиса — синтаксический строй языка, его конструкции — допускает различные теоретические интерпретации. Исследователь избирает одну из них, более привычную или, наоборот, более новую. Но проблема объекта и метода предполагает еще и выбор пути: от метода к материалу или от материала к методу. Лингвистические работы создаются и тем и другим путем. Возможны и полезны описания материала по принятой методике, оснащение языковыми фактами признанных концепций. Однако кажутся предпочтительнее исследования второго типа, авторы которых стремятся прежде всего идти от материала, наблюдая, сопоставляя, обобщая наблюденные закономерности. Разумеется, речь идет не об эмпиризме, не об отказе от теоретического анализа, но о попытках увидеть явления за фактами, о поисках наиболее адекватного способа обобщения и организации языкового материала. Каждый исследователь отдает себе отчет в том, что разрабатываемая им концепция или концепция, которую он принял как руководство, не обладает абсолютной объяснительной силой, не отвечает на все перешенные вопросы. Поэтому поиски путей анализа материала, точек зрения на его системные связи отвечают внутренним потребностям развития науки.

---

[15] *Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 199. Ср. также: «Мы определяем синтаксис как науку о таких отношениях между элементами действительности, которые отражаются и закрепляются в словесных формах и конструкциях» (*Дорошевский В.* Элементы лексики и семиотики. М., 1973, с. 125).

В настоящее время многие специалисты согласны в том, что смысловую структуру предложения, которая материализуется лишь в языковых единицах, целесообразно и изучать на материальном уровне этих единиц. Вместе с тем сложившиеся приемы анализа предложения извлекают из этой материи не всю возможную и не самую существенную лингвистическую информацию.

Тысячелетия развития человеческого мышления и языка создали языковые средства, отражающие разносторонние и многообразные виды человеческой деятельности в мире.

Более очевидно, что многообразие явлений действительности отражается в семантике лексической. Иногда говорят, что фильтр синтаксической структуры ломает, деформирует эти отображения. Но эти отображающие свойства присущи и синтаксическим конструкциям, синтаксическому строю языка. И если до сих пор принятые классификации синтаксических явлений не убедили нас в этом, то лишь потому, что синтаксическим категориям, отстраненным от участия в выражении содержания, отводится слишком бедная роль. Название 'поверхностный' применимо не столько к синтаксическим структурам, представляющим реальную действительность языка, сколько — в качественном смысле этого прилагательного — к привычным приемам синтаксического анализа.

Было бы странно предполагать, что многовековое совершенствование типов предложения как форм выражения мысли, как орудия разума направлялось лишь к созданию оппозиций и систем, основанных не на самых существенных для выражения смысла признаках.

Сопоставим пары предложений:

(1) *Мы строим дом* — (2) *Строим дом.*

(3) *Темнота сгущается* — (4) *Темнеет.*

Грамматика различает в структуре этих предложений прежде всего наличие/отсутствие подлежащего и по этому признаку объединяет (1) и (3), (2) и (4) и противопоставляет пары друг другу, полагая в этом признаке основание для кардинального типологического противопоставления классов предложений — двусоставных и односоставных.

Грамматика права: подлежащее есть в одном случае, подлежащего нет в другом, но все ли увидено таким образом в структуре этих предложений и самое ли существенное увидено? Не важнее ли с точки зрения выражае-

мого смысла и средств его организации то, что предложения (1) — (2) сообщают о действии человека, а предложения (3) — (4) о динамическом состоянии (изменении состояния) среды, природы? Можно ли утверждать, что эти различия не выражены или воспринимаются нами вопреки формальной организации предложения? Легко убедиться в обратном. Различия в характере сообщений по вертикали и общность по горизонтали определяются не только лексическими значениями использованных слов: они выражены в наборе компонентов, по линии синтагматической, в категориально-семантическом характере этих компонентов, в их парадигматической закрепленности.

Так, предложение (1) организуется сопряжением компонентов со значением агенса (выраженного личным существительным или местоимением) и действия, переходящего на объект, предложение (2) по составу отличается лишь тем, что агенс не именован, но выражен личной формой глагола, забронировавшей позицию для определенно-личного субъекта, при надобности его назвать, и парадигматически указывающей на его возможные грамматические варианты (*я строю, ты строишь, вы строите* и т. д.). Синтагматически предопределены одинаковые возможности распространения для предложений (1) — (2), одинаковы будут их синонимически-коррелятивные варианты, представляющие наборы одноименных, но разноформленных компонентов.

Предложения (3) — (4) организованы иными компонентами, в них нет ни значения агенса, субъекта, ни значения действия. Слова *темнота* и *темнеет*, деадъективного происхождения, по своему синтаксическому и словообразовательному характеру обозначают признак или состояние (среды, природы). Глагол *сгущается*, так же как морфемный состав глагола *темнеет*, указывает на изменение интенсивности названного корнем признака (ср. *Дождь усиливается, Туман редеет, Ветер стихает, Мороз крепчает, Облачность увеличивается, Светлеет* и т. п.). Иными, чем в паре (1) — (2), будут синтагматические потенции предложений (3) — (4) (ср. невозможность включения в них компонентов со значением объекта, орудия, адресата действия), иные у них и синонимические связи.

Таким образом, общность и различия в смысловом назначении предложений выражены и доступны непосред-

ственному лингвистическому наблюдению. При этом обнаруживаются значительно большие структурные сходства и различия, чем наличие/отсутствие подлежащего, которое грамматика принимает за основание главного типологического деления предложений русского языка. Более того, наличие подлежащего и лично-глагольного сказуемого не свидетельствует о принадлежности предложений к одному структурному типу.

Сравним еще примеры предложений, подводимых обычно под общую формулу N_1—Vf: *Дети играют*; *Собака лает* — и *Слышится гром*; *Пошел дождь*; *Боль утихает*. Участие слов различных лексико-семантических категорий в организации предложений дает разный семантический результат.

Семантическая структура 'деятель и действие' может быть отвлечена от предложений, организованных сопряжением структурно-смысловых компонентов со значением деятеля и действия, т. е. именем существительным подкласса личных или одушевленных предметов (противопоставленных подклассам конкретно-предметным и отвлеченным) и финитным глаголом подкласса действия (противопоставленного подклассам состояния, отношения и др.). Модель данной структуры, манифестируемая образцами *Дети играют*; *Собака лает*; *Поэты пишут стихи*, в языковой системе соотносится со своими конструктивно-смысловыми и экспрессивными коррелятами: *Стихи пишутся поэтами*; *Дети — играть, а собака — лаять*; *Поэтам не пишется, детям не играется*, а также с производными конструкциями номинативного порядка *лай собак, играющие дети, писание стихов поэтами*. В каждой из соотносительных конструкций значение деятеля и действия остается выраженным определенными и взаимно обусловленными словоформами.

В составе предложений типа *Боль утихает*; *Тревога растет*; *Пошел дождь*; *Огонь разгорается*; *Мороз крепчает*; *Наступает весна*; *Шум усиливается* и т. п. обнаруживаем иные компоненты: отвлеченное имя со значением состояния (лица или природы) и глагол со значением фазисного осуществления или количественного изменения названного состояния. Отсюда и семантическая структура предложения: состояние (лица или природы) и его реализация, фазисная или количественная. Точно так же предложения *Листья желтеют*; *Ручей пересыхает*; *Больной выздоравливает* не выражают значения «деятель и дейст-

вие», а служат сообщением о предмете (лице) и его процессуальном признаке (качестве, состоянии) или изменении этого признака.

Приведенные примеры показывают, что в семантических характеристиках заключены определенные грамматические гарантии объективности: принадлежность слов к подклассам, которая не только обнаруживается в их семантике, но также подкрепляется словообразовательными признаками (суффиксы агентивности, предметности, отвлеченности, деадъективный и девербативный характер производящих основ), парадигматически закрепленные отношения между коррелятивно-синонимическими способами выражения одноименных компонентов и синтагматически закрепленный характер их сочетаемости. Сказанное подтверждает, что грамматика не использует всей лингвистической информации, которая заключена в языковом материале и может обогатить методику синтаксического анализа.

Смысловое назначение предложения (речь идет, конечно, не об индивидуальном, а об обобщенном, типовом назначении) предполагает выбор слов соответствующей категориальной семантики, что в свою очередь обусловливает и их взаимные роли и способы их грамматического оформления. Не отказываясь от привычной грамматики, попытаемся вникнуть в ее рациональные основы, в которых можно увидеть предназначенность языковых средств для выражения внеязыкового содержания.

6. Основные общественно осознанные категории явлений и отношений объективной действительности и — соответственно — категории человеческого мышления получили выражение в языке в лексико-грамматических классах знаменательных частей речи. Знаменательные части речи выделяются по совокупности морфологических, синтаксических и семантических признаков. Категориальное значение, или семантический признак, каждой знаменательной части речи — это значение одной из основных категорий действительного мира: значения предмета (предметности, субстанции), действия (процесса), качества (свойства), количества и т. д.

С разной степенью детализации, однако достаточно полно в грамматиках описываются морфологические разновидности сказуемого. И хотя эксплицитно это не всегда выражено, однако может быть прослежено, что категориально-морфологические разновидности сказуемого, каж-

дая вместе со «своей» разновидностью подлежащего, по существу организуют типы, или модели, предложения со своим структурно-семантическим значением. Важно, что в основе своей классификация способов выражения сказуемого заключает в себе единство морфологических, синтаксических и семантических признаков. Именно это осуществление единства признаков вселяет веру в то, что грамматическое осознание явления приближается здесь к существу самого явления. По-видимому, поиски этого единства признаков и должны быть ориентиром, направляющим лингвистические классификации и квалификации.

Соотнося типы предложений, сгруппированные по способу выражения предиката, и категориальные значения частей речи, представленных этими предикатами, убеждаемся в том, что способ языковой реализации предикативного признака зависит от характера признака в реальной действительности и от категоризации этих признаков в национальном языковом сознании.

Таким образом, с некоторыми коррективами, приводящими в соответствие характер синтаксических структур и характер выражаемых ими фрагментов, или «ситуаций», внеязыковой действительности, основные типы, модели предложений могут предстать в следующем порядке. В основе этой предварительной классификации – деление предложений на классы по грамматическому характеру предиката, с которым в пределах данного типа взаимообусловленным образом связана и форма предицируемого компонента.

1) Глагольные предложения:

а) сообщающие о действии предмета (лица): *Пахарь пашет*; *Бабушка вяжет чулок*; *Студенты поют*; *Они летят самолетом*; *Самолет летит*.

Значение действия может конкретизироваться соответственно категориально-семантическому разряду глагола и сопутствующему ему набору предметных значений: как конкретно-физическое действие, направленное на объект, факультативно сопровождаемое указанием на орудие, способ (*Художник пишет портрет маслом*; *Автор печатает статью на машинке*; *Садовник поливает цветы из лейки*; *Солдат разгребает золу штыком*); как мыслительно-речевое действие, с указанием на деливерат и адресат (*Профессор читает лекцию студентам*; *Писатель рассказывает пионерам о новой книге*; *Мать поет колыбельную сыну*; *Учитель обращается к выпускникам с напутствием*); как

социативное (или интерсубъектное) действие, с указанием на совместный субъект, а также на делиберат или целевую направленность действия (*Он спорит с товарищем о новом фильме*; *Феодалы воевали с соседями за спорную землю*; *Он подрался с мальчишкой из-за мяча*), как процесс или результат движения, с указанием на путь движения, на средство и на предметные ориентиры (*Он плывет от одного берега к другому*; *Они идут из школы домой мимо памятника*; *Делегация летит на фестиваль самолетом через Вену*; *До деревни шли полем, лесом, проселочной дорогой*; *По песчаным холмам передвигались на верблюдах*);

б) сообщающие о состоянии предмета (лица): *Сирень цветет*; *Мать тревожится*; *Дети спят*; *Ей нездоровится*; *Детям не спится*; *Его знобит*;

в) сообщающие о состоянии среды: *На дворе смеркается*; *Здесь сквозит*; *За окном метет*.

2) Адъективные, сообщающие о признаке, качестве, состоянии предмета (лица): *Дети здоровы*; *День солнечный*; *Море синее*; *Книга увлекательная*; *Стадо невелико*.

3) Именные (субстантивные):

а) сообщающие информацию классификационную: *Волк — хищник*; *Лавр — вечнозеленое растение*; *Луна — спутник Земли*; *Байкал — озеро*;

б) сообщающие о признаке предмета (лица): *Дом без крыши*; *Штаны — в заплатках*; *Девочка с косичками*; *Юбка — в клетку*.

Значение предицируемого компонента может конкретизироваться, с соответствующей конкретизацией формы выражения, как указание на источник, происхождение, материал предмета: *Вода — из колодца*; *Телеграмма — от жены*; *Они с Волги*; *Подсвечник из бронзы*; как указание на адресацию, назначение, направленность предмета: *Таблетки — от кашля*; *Спектакль — для детей*; *Дверь — на террасу*; *Посылка — соседям*; как указание на пространственное положение, местонахождение предмета: *Такси — у подъезда*; *Билеты в кармане*; *Отец у себя*; *Школа — около дома*; *Чайник на плите*; *Ботинок под шкафом*; как указание на временну́ю приуроченность события, явления: *Каникулы в марте*; *Консультации по средам*; *Прием — с двенадцати*; *Сеанс — в девять часов*; как сообщение о посессивном наличии, о субъекте и объекте обладания: *У неё сын*; *У соседа — «Жигули»*; *У родителей дача*; как сооб-

щение о состоянии предмета (лица): *Больной в бреду*; *Он без сознания*; *Все в панике*; *С женщиной обморок*; *У ребенка ангина*; *У нее радость*;

в) характеризующие данное время и пространство или данную среду по наличию названного признака: *Август*; *Море*; *Солнце*; *Крики чаек*.

4) Наречные:

а) сообщающие о разных признаках предмета: *Сестра замужем*; *Яйца — всмятку*; *Лес неподалеку*; *Дверь справа*: *Сапоги впору*;

б) сообщающие о состоянии предмета (лица): *Ему больно*; *На душе легко*; *Детям весело*; *Матери неспокойно*;

в) сообщающие о состоянии среды: *На дворе морозно*: *В лесу тихо*; *За окном светло*;

5) Квантитативные (с числительным или другим количественным словом в предикате), содержащие количественную характеристику предмета: *Велосипедистов — трое*; *Зевак — толпы*; *Воды — по колена*; *Муки — два пакета*; *Птиц — стаи*.

Уже эта предварительная раскладка, которая далее будет дополнена и обсуждена с разных точек зрения, свидетельствует о том, что многообразие моделей простых предложений русского языка может быть систематизировано с точки зрения соотносительности выражаемого содержания и средств, существующих в языке для выражения этого содержания.

Изложенные подступы к описанию структуры предложения диктуются не стремлением упростить действительные сложности. В языке нет взаимноодноэначной соотнесенности формы и содержания. Действительность находит в языке сложное, опосредованное отражение, известны явления асимметричности, если пользоваться этим геометрическим термином, но они не исключают и определенной симметричности в выражении смысла синтаксическими конструкциями. Никакая лингвистическая теория не может быть слишком простой, но, обобщая, она должна объяснять понятое или ставить новые вопросы, не поддаваясь соблазну логической схематизации.

7. Сопоставим роли человека и предмета-вещи в реальной действительности, а также слов, их обозначающих, в синтаксическом строе языка.

Человек	*Предметы*
Существует в пространстве и времени, в природе и в обществе (живет, рождается, растет, изменяется), обладает свойствами	Существуют, наличествуют, обладают свойствами
Испытывает состояния, физические и психические	Могут переносить изменения физического состояния, на переходе от бытия к небытию
Движется в пространстве	Служат ориентирами движения
Действует:	
Конкретно-физические действия	Служат объектами, орудиями действия
Ментальная деятельность	
мыслительно-речевая	Служат объектами речи-мысли (дельбераты)
восприятие	или восприятия
Фактитивные действия:	
каузируют действия, состояния, признаки, бытие других субъектов и предметов	Служат каузированными объектами-субъектами или каузаторами
Вступает в отношения с другими людьми, социальные, психологические.	

Возвратимся к анализированным выше текстам. Итак, человек — живет в природе и обществе. Он действует (*Профессор пересаживает мышцы*; *Фермеры засевают землю*; *Мастера реставрируют украшения*; ср.: *Медоед разоряет гнезда, выкапывает из земли черепах*); мыслит, познает, говорит (*Журналист узнавал, звонил, выяснял*; *Профессор рассказывал*; *Старик вспомнил*; *Жители не забывают*; *Миссис Уикс ответила*); движется (*Мы проехали на машине, зашли в аптеку*; *Американцы продвигались на запад*); вступает в отношения с другими людьми (*Испанские поселенцы воевали с аборигенами*; *Русские не ссорились с индейцами*); владеет (*Мэр владел станцией*; *Ему принадлежал элеватор*; *У нее семеро детей*; *У нее есть телевизор*).

Человек совершает фактитивные действия: создает предметы — каузирует бытие предметов (*Русские строили крепость*; *Жена организовала школу*); каузирует перемещение предметов (*Губернатор послал его на юг*; *Они бросили вверх монету*); каузирует изменение принадлежности (*Царское

правительство продало Аляску США; Американские переселенцы отобрали Калифорнию у испанцев; Мы попросили кока-колу).

Таким образом человек, личный субъект, воплощает в себе активное начало.

Явления и предметы не действуют, не мыслят, не передвигаются самостоятельно, они пассивны, они осуществляются или существуют. Человек воспринимает и познает предметы и явления в их осуществлении (*начался пожар, вспыхнула потасовка*); в их локализованном существовании (*Есть в Америке девять Одесс; В калифорнийской пустыне есть полустанок Сибирь; В степях Канзаса расположен населенный пункт Урал; Вокруг расстилались поля; Обитает медоед в Африке, встречается в Средней Азии*); в их качествах (*Ткань радиоустойчива; Колокол красивый и звонкий; Туловище медоеда массивное; Мех зверя редкий, жесткий; Мышечная ткань отличается чувствительностью; Дворец отличается пластичностью и выразительностью форм*); в их состояниях (*Мышца пребывает в «пластическом» состоянии*); в проявлениях жизнедеятельности, в их функциональных свойствах (*Мышца сокращается; Медоед размножается в течение всего года; Медоед лакомится медом*); в их структурном устройстве и количественных характеристиках (*Ткани организма состоят из клеток; Волокно представляет собой многоядерное образование; Мышцы составляют свыше 40% веса тела; Дворец состоит из трех корпусов, в нем 140 помещений; Население Форта-Росс составило десятую часть населения Калифорнии; Длина его тела до 75 см; Глубина нор от 1 до 3 м; Когти достигают 5 см*).

Отвлеченные понятия — обозначения действий, качеств, состояний — не могут сами действовать, они выступают как названия признаков или как каузаторы, самим своим существованием воздействуя на другие предметы. Каузативные, причинно-следственные связи — результат познавательной и логической деятельности человека — получают выражение в каузативных и авторизованных конструкциях, нередко окрашенных модальным отношением познающего субъекта (*Утрата способности мышцы сокращаться ведет к утрате подвижности органа; От способности мышц сокращаться зависит подвижность органов; Восстановление происходит в результате взаимодействия; Работа Студитского способствует раскрытию за-*

гадок развития организма; Контрастность окраски позволяет сделать предположение о ее предупредительном характере; Ушные раковины медоеда едва заметны, что можно объяснить его роющим образом жизни).

Таким образом, наблюдая, воспринимая конкретные предметы и явления, человек познает их связи и отношения, поднимается до абстрактного мышления, находит логические связи.

Предметы окружают человека и сопровождают его в его деятельности, при этом категориально-семантическими значениями предметных имен предопределяются их синтаксические позиции в речи.

Синтаксические конструкции, представляющие каждую рубрику, однородны по своему структурно-смысловому устройству, по составу своих компонентов.

Изложенный подход не требует отказа от привычной грамматики, но в организации материала учитывает некоторые его свойства, роль которых недооценена в других грамматических концепциях.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ЕГО СОСТАВ И ТИПОЛОГИЯ

О КОНСТИТУТИВНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЕ

1. Основные понятия этой главы составляют некоторую цепочку последовательных зависимостей: составом предложения определяется его принадлежность к типу, система типов предложения дает типологию. Но интерпретация состава предложения зависит прежде всего от того, что́ мы принимаем за единицы членения и организации предложения (сами процессы членения и организации как процессы анализа и синтеза предложения должны быть взаимно обратимыми). Таким образом, первым звеном в этой цепочке должно быть выявление понятия конститутивной синтаксической единицы.

Можно ли говорить о слове как синтаксической единице, если известно, что изменяемое, например, слово располагает совокупностью форм (допустим, именительный, дательный, творительный падеж имени, причастия, инфинитивная или спрягаемая форма глагола), которые реализуют свои значения в различных синтаксических конструкциях? На какой ступени обобщения проявляет свои синтаксические возможности форма слова? Возьмем, например, дательный падеж имени. Представляет ли форма единицу, характеризующуюся единой синтаксической функцией? Рассмотрим предложение, включающее имя в дательном падеже: *Исполнение соответствует требованиям* (*замыслу, условиям, представлению, уровню...* но не: **брату, улице, доске, карандашу...*). Видимо, для замещения той или иной синтаксической позиции имеет значение не только падежная форма, но какие-то дополнительные признаки. Может быть, то, что одни словоформы представляют ряд имен отвлеченных, другие — ряд конкретно-предметных, т. е. принадлежность слов к семантико-грамматическим подклассам внутри своей части речи. А если словоформа представляет не только один подкласс, но и один

предмет, скажем: *писать брату* и *Брату нездоровится*, можно ли рассматривать эту словоформу — в одном случае в значении адресата действия в приглагольном употреблении, в другом — в значении субъекта состояния, предикативно сочетающегося с названием состояния,— как одну и ту же синтаксическую единицу? Очевидно, что с точки зрения синтаксиса это разные единицы.

«Бессмысленно спрашивать, например, какова в русском языке значимость *-а* как морфемы,— писал С. Карцевский.— Прежде всего нужно установить ряды общих значимостей, внутри которых это *-а* проявляется. Например: *стол, стола, столу*..., *паруса, парусов*..., *жена, жены*... и т. д.» [1].

Аналогичного подхода требует и выявление функциональной значимости морфологических форм слова в общих синтаксических рядах, в которых эти формы встречаются. Ср.: *ни стола, ни жены*...; *два стола, две жены*...; *ножка стола, ножка жены*... *Возле жены — ее ученик*; *Возле стола — кресло*..., но: *У жены — лекция*, не * *У стола*...; *работа жены*, не* *работа стола*... Совпадения и расхождения возможностей употребления словоформ в тех или иных синтаксических построениях обнаруживают их общие функциональные свойства и границы подкласса, в которых эти свойства осуществляются.

Вопрос о тождестве и различии языковых фактов в области синтаксиса не может решаться только на основании морфологических характеристик. В лингвистической литературе встречаются такие примеры «одинаковой синтаксической сочетаемости» глаголов, как *вручить что кому* и *предпочесть что кому, бороться за что* и *схватиться за что*. Вряд ли верно говорить об одинаковой синтаксической сочетаемости, если не только глаголы принадлежат к разным семантическим группам, но и именные компоненты представляют разные грамматико-семантические категории имен, разные подклассы существительных. Так, *вручить что кому* представляет модель, состоящую из глагола «давания», конкретно-предметного объекта в винительном и личного адресата в дательном. Что касается глагола *предпочесть*, то, соединяясь с именами в винительном и дательном, он организует иную модель, с иными компонентами. Особенностью этой модели является категориальная

[1] *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака.— В кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях, ч. 2. М., 1965, с. 87.

семантическая однородность, равновесность именных компонентов: либо *Она предпочла Петра Федору* (кого кому — сопоставляются лица), либо *Она предпочла танцы занятиям* (что чему — сопоставляются процессы, занятия), либо *Она предпочла груши яблокам* (что чему — по сопоставляются конкретные предметы, впрочем, может быть, и действия, эллиптически представленные объектами). При *бороться* имя в форме *за что* с делиберативно-целевым значением представляет отвлеченное понятие (*за мир, за идею, за воплощение идеи*), оно находится в антонимичных отношениях с именем в форме *против чего* (*бороться за мир — против войны, за человечность — против мракобесия*); при *схватиться* имя в форме *за что* — конкретно-предметное (*за перила, за палку, за соломинку*).

Таким образом, совпадение падежных форм при глаголах различной семантики может давать лишь о м о м о р ф н ы е конструкции, сходные морфологически, но представляющие разные синтаксические модели, разную синтаксическую сочетаемость.

Для рядоположных морфологически слов, принадлежащих к одному типу склонения, лексические значения их безразличны, они образуют падежную форму, допустим, дательного, присоединяя к основе одну и ту же флексию:

$$\begin{matrix}Стол\\Сон\\Сын\\Стук\end{matrix}\Big\} + у = \begin{cases}Столу\\Сну\\Сыну\\Стуку\end{cases}$$

Однако в своих синтаксических потенциях эти словоформы расходятся именно в силу категориально-семантических различий. Только одна из них, представляющая класс личных имен, способна быть компонентом предикативного минимума: а) в роли субъекта — носителя предикативного признака и б) в предикативной роли адресата, которому предназначается предицируемый предмет. Ср.: а) *Сыну весело*; *Сыну нездоровится*; *Сыну под сорок*; б) *Письмо — сыну*, при невозможности фраз **Столу нездоровится*; **Сну весело*; **Стуку под сорок*, или **Письмо — столу, сну, стуку* и т. п. Все эти ограничения объясняются не капризами лексики, а несоответствием того или иного подкласса предметов, манифестированного приведенной словоформой, тому или иному типу отношений, выражаемому в данных синтаксических моделях.

Таким образом, соотношение лексики и грамматики оказывается различным для морфологической и синтаксической единицы.

2. Вопрос о конститутивной единице синтаксиса — это один из ключевых, на наш взгляд, вопросов синтаксической науки, ответ на которые составляет непременное условие для построения адекватной и последовательной теории синтаксиса. Необходимость исходного понятия, единицы, которая стала бы первоэлементом возводимой исследователями системы синтаксиса русского языка, очевидна при любом концепционном подходе к предмету. Трудно допустить, что язык не располагает такой единицей, строя свои синтаксические конструкции, гибкие и многообразные по форме и смысловому назначению, по степени элементарности и усложненности. В то же время в синтаксических руководствах, излагающих правила построения словосочетаний, предложений, конструкций, описывающих типы подчинительных связей и т. д., недостает ясности в вопросе о том, из каких единиц строятся конструкции, какие единицы вступают в связь.

Принято считать, что «строительным материалом» для предложения служат слова и словосочетания. Проведем несколько экспериментов и проверим справедливость этого положения.

Попробуем построить предложение из ряда слов и словосочетаний, например: *Петр, детство, любимая подруга, море, читать стихи.* Получим разные предложения: *Петр в детстве читал стихи у моря любимой подруге*; *Петр читал у моря любимой подруге стихи о детстве*; *Петр в детстве читал стихи о море любимой подруге*; *Петр в детстве читал у моря стихи о любимой подруге*; *Петр читал у моря стихи любимой подруге детства* и т. д.

Дальше *Петр* и его *любимая подруга* могут поменяться ролями и тогда *подруга* будет *читать Петру стихи о море, о детстве или у моря* и т. д. Все это будут предложения, составленные из одних и тех же слов и словосочетаний, но в то же время это будут разные сообщения о разных ситуациях действительности. При этом разные предложения оперируют более или менее ограниченным набором смысловых элементов в разных сочетаниях: это обозначения действующего лица, его действия, делибората, адресата, места. Возникает вопрос, почему именно эти элементы, от чего это зависит, возможны ли элементы с другими значениями из этих слов?

В известной мере набор элементов определяется характером глагольного действия: речевое действие, например, предполагает наличие адресата (компонента со значением лица, к которому обращена речь) и делиберата (компонента со значением темы, содержания речи). Но как распределяются эти значения между данными словами, все ли слова могут их выразить?

Если задаться целью, предположим, построить предложение со словом *сад*, характер предложения будет зависеть от того обобщенного смысла, который должен выражаться теми или иными формами этого слова. Если сад — это объект какого-то человеческого действия, отношения, то слово *сад* будет употреблено при глаголе в одной из объектных форм, по требованию данного глагола: *Мы выращиваем* (*убираем, поливаем*) *сад, любим сад, мы ухаживаем за садом, мы любуемся садом.* Если сад — это место, то место будет обозначено одной из форм предложного, творительного или родительного падежа с предлогами и может характеризоваться наличием каких-то предметов, находящихся в этом месте или соположенных с ним, какими-то признаками или событиями, происходящими в этом месте: *В саду фонтан, за садом река*; *В саду растут яблоки и груши*; *В саду прохладно*; *В саду поют птицы, играют дети; Мы встретились около сада* и т. п. Если сад — это характеризуемый предмет, слово *сад* может стоять в именительном падеже и сочетаться со словами, обозначающими признаки: *Сад густой и тенистый*; *Сад в росе*; *Сад в запустении* и т. д.

Если сад служит ориентиром или путем движения, то слово *сад* в формах винительного, творительного, дательного с соответствующими предлогами образует конструкции со словами, имеющими значение направленности или протяженности: *Мы вошли в сад*; *Мы гуляем по саду*; *Над садом летит самолет*; *Из сада доносились голоса*; *От сада тянуло сыростью*; *Тропинка в сад*; *Окна выходят в сад*; *К реке шли садом* и т. д.

Допустим другое задание: построить предложения с глаголом *читать*. Зная, что глагол располагает системой форм а) предикативных и б) непредикативных, постараемся употребить разные формы, например:

а) Петр *читает* газету
Сестра *прочитала* письмо

б) *Читать* интересно
Читать — большое удовольствие

Студенты *читают* книги	Надо много *читать*
Не *читал бы* ты при плохом свете	*Читающий* человек больше знает
Читайте новый роман	*Читая*, задумываемся о жизни
	Надоело *читать*

Сравнивая примеры а) и б), заметим: предикативные, личные формы предложения всюду обозначают действие лица, служат предикатом, поэтому предложения, которые они образуют,можно считать грамматическими вариантами одной модели (различающимися по значениям грамматических категорий лица, времени, модальности). Непредикативные формы: инфинитив, причастие, деепричастие — участвуют в моделях иной структуры, у них иные, у каждой формы свои, синтаксические функции, вытекающие из их категориальных значений: инфинитив обозначает потенциальное действие, в отвлечении от конкретного его протекания, причастие — признак предмета по действию, деепричастие — второстепенное действие-состояние, сопровождающее другое действие.

Что показывают эти эксперименты?

1) Слова и словосочетания образуют разные предложения в зависимости от того, в какой форме и с каким обобщенным значением они участвуют в предложении.

2) Для отображения в предложении определенной ситуации внеязыковой действительности, для выражения определенного смысла недостаточно, чтобы слова называли какие-то предметы и понятия, надо знать, в каких ролях связаны предметы данной ситуацией: какой предмет служит агенсом, деятелем, какой — адресатом, какой — объектом или темой, содержанием речи-мысли, какой обозначает временно́е или пространственное понятие. Если это известно, то, зная о том, что агенс, производитель действия, в русском языке выражается формой имени в именительном падеже (кто?), адресат в дательном (кому?), тема или содержание речи формой «*о*+предл. п.» (о ком? о чем?), место и направление (где? куда? откуда?) соответствующими формами, можно построить определенную модель предложения, правильно и однозначно отображающую данную ситуацию.

3) Роли тех или иных предметов в предложении и, следовательно, падежные формы, служащие для выражения этих ролей, в значительной степени предопределены кате-

гориальным значением имени. Так, принадлежность слова к категории одушевленных имен предопределяет преимущественное употребление его для обозначения агенса, адресата, объекта действия, но маловероятное — для обозначения, скажем, пространства и времени (ср., впрочем, (где?) *у Петра*, (когда?) *при Петре*). Предметно-пространственное значение слова (*море, лес, комната, город, улица*) предопределяет преимущественное использование его в функции локатива и исключает агентивное или адресатное функционирование. Принадлежность слова к категории отвлеченных имен (*детство, чтение, любовь, красота, движение, молодость*) также исключает функции деятеля, адресата, но предполагает использование его для обозначения признака, состояния, временно́го понятия или каузатора других действий, признаков, состояний (*Чтение расширяет кругозор*; *Красота вдохновляет*).

3. Итак, центральный элемент языкового механизма — слово, признаваемое во многих лингвистических построениях за единицу разных языковых уровней, само по себе не отвечает требованиям синтаксической единицы. Известно, что принятая большинством лингвистов стратификационная модель языковых уровней содержит непреодолимую непоследовательность.

«В функциональном отношении слово занимает промежуточную позицию, что связано с его двойственной природой. С одной стороны, оно разлагается на фонематические единицы низшего уровня, с другой — входит как значащая единица вместе с другими значащими единицами в единицу высшего уровня»,— пишет один из основателей уровневой концепции Э. Бенвенист[2]. Реализация принципа идентификации единиц каждого уровня как составных частей единицы более высокого уровня встречает затруднения при синтаксическом описании: «Труднее поддаются определению отношения между словом и предложением»,— признает далее Э. Бенвенист. «Предложение реализуется посредством слов. Но слова не просто отрезки предложения. Предложение — это целое, не сводящееся к сумме его частей»[3].

Действительно, слово и предложение не вступают в отношения части и целого: предложение не составляется непосредственно из слов как из конститутивных элементов

[2] *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа.— В кн.: Общая лингвистика. М., 1974, с. 133.

[3] Там же.

и не разложимо непосредственно на слова. Слово не располагает признаками синтаксической единицы, по которым оно может быть идентифицировано и соотнесено с другими единицами того же синтаксического ряда.

Если какой-то участок системы не поддается общему для системы объяснению, возможно, что устройство этого участка, его элементы неадекватно интерпретированы в принятых теориях.

Существующие представления об отношениях между предложением и словом сводимы в основном к двум концепциям. Согласно одной из них, коммуникативная потребность человека реализуется прежде всего в поисках необходимой синтаксической схемы предложения, которая затем наполняется лексически. Исследователи справедливо упрекают сторонников этой концепции в недооценке номинативного аспекта речевой деятельности. В свете другой концепции отправной точкой речевого акта служит номинация компонентов, «участников» ситуации, о которой идет речь, и результатом является предложение, понимаемое в свою очередь как номинация ситуации или события. Слабость номинативной концепции в том, что она размывает границу между двумя различными видами речевой деятельности — между номинацией и коммуникацией, между такими их продуктами, как, например, *ратификация договора парламентом* и *Парламент ратифицирует договор*: в каждой из этих конструкций можно видеть номинацию события, но первая составляет собственно наименование события, а вторая — сообщение о событии, иными словами, в качестве коммуникативной единицы выступает лишь вторая, обладающая свойством предикативности.

Признавая, что номинация, обозначение компонентов ситуации является исходным условием построения предложения, следует выяснить вопрос о языковых средствах номинации этих компонентов.

4. Тот факт, что слово принадлежит и лексике, и морфологии, и синтаксису, ставит перед нами вопрос: когда мы говорим о слове в лексике, о слове в морфологии, о слове в синтаксисе, имеем ли мы дело с понятием, тождественным самому себе? Или иначе: имеем ли мы дело в каждом из этих случаев с одной и той же языковой единицей?

Двусмысленность термина «слово», обозначающего и лексическую единицу и сегмент синтаксической цепи,

отмечалась рядом исследователей. Ср., например, слово-тип и слово-член у А. М. Пешковского, парадигматическое слово и синтагматическое слово у А. А. Зализняка[4]. Обращаясь к этому вопросу с точки зрения синтаксиса, следует, очевидно, выяснить, какие элементы структуры слова определяют возможности его синтаксического функционирования.

«Осмысленность — это основное условие, которому должна удовлетворять любая единица любого уровня, чтобы приобрести лингвистический статус»[5]. Но значение, которым должна обладать синтаксическая единица, это не только номинативное, референтное значение, обращенное к миру предметов, это еще и структурно-смысловое значение элемента языковой системы на синтаксическом уровне, отграниченного от других синтаксических элементов и сопоставленного с ними.

Слово-лексема располагает первым из этих значений, но лишено второго. Оно соотносится с другими словами как с лексическими единицами в пределах своего уровня, но не имеет различительных признаков синтаксической единицы. Не лексемы соотносятся в значимых оппозициях синтаксической системы, не лексемы определяют тождества и различия синтаксических конструкций. В свою очередь референтное значение слова-лексемы объединяет три ступени абстракции: а) индивидуально-лексическое, или уникальное значение, отличающее данное слово от всякого другого (*дом, дед, дождь* в лексической системе обозначают любой дом, любого деда, любой дождь; в конкретно-речевом предложении референтом этих имен может быть единичный предмет или явление: *этот дом, этот дед, этот дождь*)[6]; б) категориально-семантическое значение — значение данного предмета как представителя подкласса конкретных неодушевленных предметов, либо подкласса лиц, либо подкласса явлений природы и т. п.[7];

---

[4] Из последних работ см.: *Creissels D.* Sur la notion d'unité syntaxique. Cahiers de linguistique slave, v. 2. Grenoble, 1976; *Idem.* Unités et Catégories grammaticales. Grenoble, 1979, p. 82 sqq.

[5] *Бенвенист Э.* Указ. соч., с. 132.

[6] См.: Языковая номинация... Виды наименований. М., 1977, с. 20—24.

[7] «Чистое и простое противоположение — (дерево является деревом, потому что оно не является ни домом, ни лошадью, ни рекой...) ведет к хаосу и не может служить основанием для с и с т е м ы,— писал С. Карцевский.— Истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия. Мыслимые

в) общеграмматическое значение класса слов — той части речи, в которую входит данное слово[8]. Референтное значение слова-лексемы служит материалом для преобразования его в синтаксическую единицу, но только материалом.

Средствами именования компонентов предложения, звеньями синтаксической цепи, которыми становятся единицы только вступая в отношения с другими звеньями, оказываются не слова-лексемы, а слова-синтаксемы.

Понятие синтаксической формы слова как первичной синтаксической единицы и опыт функциональной типологии этих форм предложен автором в работах 1969 и 1973 гг. Термин «синтаксема» принят в настоящей работе для того же понятия[9]. В связи с обоснованием этого понятия возникает необходимость рассмотреть некоторые теоретические аспекты вопроса.

Термин «словоформа» или «форма слова» в последнее время часто употребляется в значении языковой единицы. Так, на советско-чехословацком симпозиуме по теории грамматики в 1967 г. в своем докладе Ф. Данеш и К. Гаузенблас постулируют «уровень словоформ» между уровнями морфем и предложений, «словоформа» или «форма слова» фигурирует в докладах и выступлениях О. Лешки, Н. Д. Арутюновой, Т. П. Ломтева, А. С. Мельничука и др.[10] Вместе с тем грамматическое содержание этого понятия, ориентированного на морфологический показатель, не получает необходимой квалификации[11]. В последнем университетском учебнике по синтаксису форма слова приз-

---

явления образуют ряды, основанные на общем элементе, и противополагаются только внутри этих рядов...» (*Karcevski S.* Système du verbe russe. Prague, 1927, p. 13—14).

[8] Ср.: «Каждое слово является членом класса слов (части речи) и одновременно входит в тот или иной подкласс... Соответственно слово имеет классное (общеграмматическое) значение, значение подкласса (которое можно определить как лексико-грамматическое значение) и индивидуальное лексическое значение» (*Солнцев В. М.* Взаимодействие грамматики и лексики и понятие истинности конструкции.— В кн.: Историко-филологические исследования. М., 1967, с. 166).

[9] См.: *Золотова Г. А.* О синтаксической форме слова.— В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969; *Она же.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; *Она же.* О «Синтаксическом словаре русского языка».— ВЯ, 1980, № 4.

[10] См. сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

[11] См. также: *Шведова Н. Ю.* О синтаксических потенциях форм слова.— ВЯ, 1971, № 4.

нана объектом синтаксиса, но не синтаксической, а высшей морфологической единицей [12]. Непоследовательно формулируется статус словоформы и в новом вузовском пособии издательства «Просвещение». Словоформы рассматриваются как строевые элементы словосочетания и предложения, но не допущены в ряд основных синтаксических единиц [13]. Очевидно, что соотношение слова и формы слова, слова-лексемы и слова-синтаксемы требует еще пристального внимания.

По-видимому, преобразование лексемы в синтаксему предполагает два этапа:

1) отвлечение категориально-семантического значения от индивидуально-лексического, или, точнее, поднятие индивидуального значения на категориальную ступень;

2) фиксацию одной из морфологических форм, данных слову как представителю той или иной части речи.

«С разными формами или видоизменениями одного и того же слова связаны разные функции слова в строе речи или высказывания»,— писал В. В. Виноградов [14]. Взаимодействие семантики и морфологии создает языковую единицу с определенными синтаксическими потенциями, обусловливающими ее возможные отношения с другими звеньями синтаксической цепи. Иными словами, в силу тех качеств, которые получает синтаксема в результате соединения усилий семантики и морфологии, она приобретает способность вступить в тот или иной тип словосочетания или предложения.

Это соотношение слова-лексемы и слова-синтаксемы, если условно трактовать его как процесс, можно рассмотреть и в обратной последовательности. Отвлеченное от множества однородных лексем категориально-семантическое значение в данной морфологической форме может фигурировать в представлении о системе языка как виртуальная единица со своими потенциальными возможностями участия в определенных синтаксических конструкциях, которая затем реализует свои потенции с индивидуально-лексическим «наполнением» в построении конкретного высказывания.

---

[12] *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 5—6.

[13] *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Синтаксис. Пунктуация. М., 1981, с. 5—6.

[14] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.— Л., 1947, с. 30.

Следует сказать, что понятием «лексического наполнения» синтаксических схем и моделей можно корректно пользоваться только в том случае, если осознается взаимная обусловленность «схем» и «наполнения»: схемы не безразличны к наполнению, они как понятия, принадлежащие плану теоретических конструктов, своим существованием обязаны этому наполнению, они абстрагированы от множества однородных «наполнений», представляющих план языковой реальности. Адекватность моделей синтаксической реальности, будь то модели предложений или словоформ, обеспечивается категориально-семантическим уровнем, определяющим границы подкласса, лишь в пределах которого сохраняется «свобода наполнения» без изменения структурно-смыслового существа модели (ср.: *Ключ в двери* и *Ключ — в координации; Дом — под горой* и *Дом — под наблюдением*).

Итак, в конкретной реализации синтаксемы снова становится необходимой та часть значения слова — индивидуально-лексическая, от которой мы отвлекли значение категориально-семантическое. Вряд ли обязателен особый термин для обозначения конкретной реализации, синтаксемы (resp. морфема — морф, фонема — аллофон). Констатируем, что структурно-семантическое значение синтаксемы — абстракция, органически соединяющая конкретное и обобщенное, явление и сущность.

Синтаксему, таким образом, принимаем за конститутивную синтаксическую единицу русского языка, полагая ее различительными признаками: 1) категориально-семантическое значение, 2) соответствующую ему морфологическую форму и 3) вытекающую из (1) и (2) способность синтаксически реализоваться в определенных позициях.

5. Рассмотрим, как материально формируется категориально-семантическое значение синтаксемы.

Надо заметить, что в понятие лексического значения слова названные выше три ступени абстракции входят нераздельно. Едва ли можно принять утверждение, что при синтаксической деривации сохраняется тождество лексического значения слов, принадлежащих к разным частям речи[15]. Не могут быть лексически тождественными слова

[15] Ср.: «Так, прилагательное *автомобильный* имеет то же лексическое значение, что и существительное *автомобиль*, но выражает его не в виде значения предмета, а в виде значения признака (‘относящийся к автомобилю’)» (*Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 185).

с разными категориально-семантическими значениями: предмета (*лес*) и признака (*лесной*). Очевидно, что в таких случаях правомерно говорить лишь о тождественности производящей основы. Если же, вслед за Е. Куриловичем, разграничивать явления, относящиеся к синтаксической деривации и к лексической деривации (ср. *лесной — лесистый, глазной — глазастый*), можно констатировать в этих случаях различный информативный объем производной основы по отношению к производящей и с этой точки зрения разграничить функциональные типы суффиксальных морфем: в рамках «синтаксической деривации» суффикс *-н-* выражает лишь отношение признака к предмету, названному в производящей основе, в рамках «лексической деривации» — суффиксы *-ист-*, *-аст-* и под., кроме отношения признака к предмету, выражают еще и некоторую характеристику этого признака. Более позднее примечание Е. Куриловича к его работе «Деривация лексическая и деривация синтаксическая» существенно корректирует систему понятий: «Сегодня вместо л е к с и ч е с к а я: с и н т а к с и ч е с к а я автор предпочел бы употребить термины с е м а н т и ч е с к а я: с и н т а к с и ч е с к а я»[16].

Категориальное значение слова выражается его морфемным составом. Значит, уже в морфемах заложено в большей или меньшей степени категориальное значение той синтаксической единицы, интегрантами которой они выступают. Например, *звон* — глагольная основа, в чистом виде служащая именем действия, вступая в связь с морфемами разных видов, дает лексемы разнообразных категориальных значений, которые вместе с тем сохраняют в качестве мотивационной основы отношение к названному действию: действия — *звонить*, однократного действия — *звонок*, предмета по его функции — *звонок*, признака — *звонкий*, лица по его действию — *звонарь, звонящий* и др. *Сапог* — именная основа, в чистом виде служащая именем предмета, с разными морфемами дает лексемы иных категориальных значений, но сохраняющих мотивационную основу — отношение к названному предмету: признака — *сапожный*, лица — *сапожник*, его действия — *сапожничать* и др.

Очевидно, что даже в пределах одной части речи синтаксические ролевые функции слов с различным категориальным значением (*звон, звонок* (дверной) и *звонарь*)

[16] *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 57.

не совпадут. Но в какие именно синтаксические конструкции они вступят в качестве единиц, интегрантов, станет известно только тогда, когда будет фиксирована определенная морфологическая форма и данная лексема войдет в парадигму коррелятивных с ней синтаксем.

Так, имена с личным значением в дательном падеже *звонарю, сапожнику, директору* и т. п. получают статус свободной синтаксемы со значением адресата, реализующейся в перечислимых синтаксических условиях (*Директору; Писать директору, записка сапожнику, платить сапожнику*), либо статус обусловленной синтаксемы со значением носителя состояния, реализующейся в позиции предицируемого компонента модели (*Звонарю весело; Сапожнику не спится; Директору не до шуток*).

О том, что это разные, омонимически совпадающие по форме, но различающиеся по функции синтаксемы, свидетельствует тот факт, что в свободной, изолированной позиции (заголовок, адрес) личное имя в дательном осмысляется только как адресат, но не как субъект состояния, последнее значение не свободно, а обусловлено составом соответствующей модели.

Показательно, что в этих синтаксических функциях, в этих моделях не участвуют имена конкретно-предметные и отвлеченные.

В форме творительного падежа личные имена функционируют как обусловленные синтаксемы с агентивным значением в определенных конструкциях (*Сапоги сшиты хорошим сапожником; Подписание приказа директором*), эти функции также не свойственны именам предметным и отвлеченным.

В свою очередь, предметные имена в творительном падеже функционируют как свободная, по преимуществу приглагольная форма со значением орудия действия (*Своими руками; Топором и долотом; Ударить сапогом, звонком*, но не* *звонарем, сапожником*).

Итак, материально синтаксема создается своими конститутивными элементами, идентифицируется же она в качестве синтаксической единицы в ряду синтаксических элементов в их отношениях между собой и к целому — предложению.

Чтобы уточнить понимание синтаксических свойств синтаксемы, необходимо вспомнить, что рядом ученых различаются в структуре слова или словоформы номинативные элементы значения и синтаксические элементы

значения. Номинативные (несинтаксические) значения «называют» предметы, признаки, отношения внеязыковой действительности, синтаксические значения отражают способность слова вступать в определенные синтаксические связи. Так, например, анализируя с этой точки зрения значения словоформы *домиком*, А. А. Зализняк выделяет в ней пять номинативных элементов (предмет, неодушевленный, предмет определенного вида, нечто маленькое, один предмет) и шесть синтаксических (выявляющихся в синтаксических связях: значений существительного, муж. рода, неодушевленного, ед. числа, подчиненного падежа, подчиняющего падежа)[17].

Можно ли считать перечисленные синтаксические элементы значения синтаксической характеристикой этой конкретной словоформы или словоформы как типа? Если взять ряд аналогичных словоформ, располагающих одними и теми же синтаксическими значениями, дает ли это основание утверждать, что их синтаксические возможности одинаковы? Сравним, например, словоформы *домиком, мальчиком, ветром*. В них выделяются те же «синтаксические значения», с одним только расхождением между *домиком* и *мальчиком* в категории неодушевленности/одушевленности. Аналогичны их подчиняющие способности, ср. *белым домиком, рыжим мальчиком, сильным ветром*. Очень ограниченны их совпадения в подчиненной позиции: *любуюсь, занимаюсь домиком, мальчиком, ветром*. Дальше их конструктивные возможности значительно разойдутся. Ср.: Крепость нарисована *мальчиком* (но не: **домиком, *ветром*); Помню его *мальчиком* (но не: **домиком, *ветром*); *Ветром* несет листья (но не: **домиком, *мальчиком*). Разойдутся слова *домик, мальчик, ветер* и в других падежных формах (*В ветер* леса шумят — не **в мальчик, *в домик; Мальчику* весело — не **домику, *ветру; У мальчика* радость — не **у домика, *у ветра; В домике* шумят — не **в мальчике, *в ветре* и т. д.).

Очевидно, то, что называется «синтаксическими элементами значения» слова, не равно понятию его синтаксических возможностей. Поучительно вспомнить при этом, что С. И. Бернштейн, оценивая деление форм на «синтаксические» и «несинтаксические», вытекающее из понимания синтаксиса Фортунатовым и Пешковским, признавал

---

[17] *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1962, с. 22—24.

его явно не соответствующим отграничению «синтаксиса» от «несинтаксиса» [18].

Какими же элементами значения данных слов или их словоформ определяются эти расхождения? Определяются они различиями категориально-семантических значений этих слов, тем, что слово *домик* (и его словоформа *домиком*) представляет подкласс имен с предметно-пространственным значением, *мальчик* — подкласс личных имен, *ветер* — подкласс процессуальных имен со значением стихийного явления. Этот уровень, или элемент, значения не отмечен среди номинативных элементов в перечне А. А. Зализняка в силу иной целенаправленности его анализа, но с точки зрения наших целей этот элемент значения играет первостепенную роль. Границы семантического подкласса (то более, то менее широкого) для компонента определенных моделей непереходимы. Лишь в пределах данного подкласса для «заполнения» позиции данного компонента остается свобода лексического выбора.

Существует мнение, что синтаксические значения слову вне конструкции предложения не свойственны, что эти значения присущи лишь словам, занявшим ту или иную позицию в предложении [19]. Очевидно, однако, что не всякое слово способно занять любую позицию в любом предложении, и лингвист не может не задаваться вопросом, от чего это зависит. Как становится ясно, возможность занять данную позицию обусловлена способностью того или иного разряда слов занимать именно эту позицию. Соответственно значения, которые приписываются иногда самим позициям, являются результатом абстракции от множества словоформ определенного категориально-семантического подкласса, встречающихся в данной позиции данной конструкции. Само понятие «синтаксического значения» предстанет в дифференцированном виде: как виртуальная способность слова, словоформы к определенному виду синтаксического функционирования и как актуальная реализация этой способности.

6. К синтаксической характеристике синтаксем имеет

---

[18] *Бернштейн С. И.* Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского.— В кн.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 19.

[19] См., например: *Головин Б. Н.* К вопросу о парадигматике на уровнях морфологии и синтаксиса.— В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969, с. 77.

отношение еще один обсуждаемый в последнее время аспект проблемы. Помимо трех названных ступеней абстракции выделяют еще ономасиологическое категориальное значение «предметность — признаковость», место которого по отношению к остальным ступеням требует выяснения.

Одна из точек зрения на вопрос заключается в том, что значение «предметность — признаковость» стоит над общеграмматическим, частеречным уровнем, задавая распределение частей речи на предметные имена (существительные) и признаковые имена (прилагательные, наречия и глаголы)[20].

Другой взгляд на вопрос предполагает, что предметные и признаковые имена могут быть разграничены и в пределах класса существительных, на основании категориальной семантики и словообразовательных связей (см. примеры *прыгун, весельчак*,[21] *белизна, беготня* и т. п.).

Выявление конститутивной единицы синтаксического уровня показывает, что значение предметности или признаковости в одних разрядах слов задается частеречным или категориально-семантическим уровнем, при этом слова признаковые (*холод, дождь, чистота, беготня, сонливость*) в разных синтаксических позициях выступают только с признаковым, а не с предметным значением, чаще всего в качестве предиката в первичной модели (*На дворе холод, дождь; В комнате чистота*), либо во вторичной, полипредикативной в качестве каузатора (*Холод и дождь наводят тоску; Чистота радует глаз*). В других разрядах, например, в подклассе предметных имен, значение предметности или признаковости определяется только на уровне синтаксем, поскольку часть синтаксем от одного и того же слова выступает с предметным значением, часть с признаковым. Подразделение именных (падежных и предложно-падежных) синтаксем на предметные и признаковые (ср. *олова, пуговицу, молотком, мизинца — из олова, с узором, без пуговиц, с мизинец, в горошек* и под.) отражает способность/неспособность синтаксемы функционировать в субъектно-объектных позициях либо в атрибутивно-предикативных.

Таким образом, в соответствии с категориальной семантикой и ситуативной ролью денотата, компонент будуще-

[20] См.: *Уфимцева А. А.* Семантика слова.— В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 51, 61—63.

[21] См.: *Арутюнова Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения.— Там же, с. 170.

го предложения предстает в одной из морфологических форм, предназначенной для определенной позиции в модели, которая отображает тот или иной тип отношений внеязыковой действительности. Процесс преобразования исходного лексемного материала в синтаксические единицы заключается в приведении в единство трех характеристик этих единиц: категориально-семантической, морфологической и функционально-синтаксической.

Возникает вопрос о взаимном соотношении этих характеристик.

В свое время А. С. Чикобава указал на неправомерность грамматической формулировки, утверждавшей, что имена в русском языке обладают «грамматическими категориями рода, числа и падежа» в силу того, что они обладают значением предметности. «Специалисты как будто единодушны в том, что одинаковые лексические значения не гарантируют наличия одинаковых грамматических категорий не только среди различных языков, но даже на различных этапах одного и того же языка»[22].

Известны языки, в которых имена существительные не обладают морфологическими категориями рода, числа, падежа, глагол в ряде языков не изменяется по лицам и числам. Известно наличие в русском языке неизменяемых существительных, морфологические значения которых выявляются не из формы, а из их синтаксической позиции. Набор морфологических категорий той или иной части речи не обусловлен ее семантикой, но в сознании носителя данного языка привычно связан с ней. «Лексические значения подводятся под грамматические категории». Поэтому «определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова»[23].

Но грамматическая характеристика — это не только морфологические категории. Что же касается синтаксических характеристик, то изложенное показывает ведущую роль категориальной семантики слов (на уровне подклассов частей речи) в определении синтаксических позиций в которых функционируют слова этих подклассов.

Даже по отношению к тем языкам, где различия в составе компонентов предложения не выражены флективны-

[22] *Чикобава А. С.* Части речи как понятия филологической грамматики и как понятия описательного научного анализа.— В кн.: Вопросы теории частей речи. Л., 1968, с. 60.

[23] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 15.

ми средствами, неверно было бы говорить об отсутствии грамматических показателей различий между категориально-семантическими подклассами слов, способных занять те или иные синтаксические позиции в разных моделях предложений. Американский лингвист У. Н. Френсис приводил предложения: (1) He wrote his brother a letter 'Он написал своему брату письмо' и (2) He considered his life a failure 'Он расценивал свою жизнь как неудачу' как пример фраз одинакового строения [24]. Значения же «косвенного дополнения и прямого дополнения» в первом предложении, «прямого дополнения и предикативного определения» во втором выявляются путем оценки соотношения лексических значений существительных.

Если поднять эти наблюдения с лексического на грамматический уровень, можно увидеть, что каждое из названных существительных репрезентирует определенную семантико-грамматическую категорию, способную функционировать в качестве данного компонента данной модели: в (1) — подкласс существительных личных для именования адресата, подкласс существительных предметных для именования объекта (результата) действия; в (2) — подклассы отвлеченных существительных со значением процессуальным и со значением оценочным — для именования предмета оценки и предицируемой оценки. Релевантность этих категориальных значений для организации данной модели может быть подтверждена экспериментально: возможностью замены имен существительных другими лексемами того же подкласса без нарушения смысла и структуры предложения и невозможностью замены лексемами других подклассов.

Если критерием тождества синтаксической модели считать то, что «сама по себе синтаксическая модель всегда выступает как всеобщая и стопроцентно охватывающая лексический материал языка» [25], с категориально-семантическими ограничениями, определяющими область охвата, это дает основание утверждать, что приведенные предложения представляют модели разной структуры. Это же доказывается принадлежностью их к разным парадигмати-

[24] *Francis W. N.* Resolution of structural ambiguity by lexical probability: the English double object.— In: American speech, 1956, № 2, p. 102—106; см.: *Ярцева В. Н.* Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка.— В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 47.

[25] *Ярцева В. Н.* Указ. соч.

ческим рядам: предложение (2) парадигматически соотносится с предложениями, где данные отвлеченные понятия сопряжены предикативно, при вынесении «за скобки» мыслительного глагола и его субъекта (ср.: *Он считает, что его жизнь неудачна*), для (1) такое соотношение невозможно.

Как известно, трудности квалификации китайских частей речи вызваны тем, что в китайском языке передки предложения, состоящие из одних знаменательных слов, без служебных элементов. С. Е. Яхонтов предлагает в связи с этим пример *Бай*^{2} *ма*^{2} *чи*^{1} *цао*^{3} 'белизна, лошадь, еда, трава', переводя каждое слово фразы существительным, чтобы «замаскировать» подлинные части речи. «Единственно возможный перевод этой фразы 'Белая лошадь ест траву' надо получить, справившись в специальном словаре о частеречных квалификациях слов и в правилах словорасположения»[26]. Вместе с тем очевидно, что перевод этот предсказывается категориальными значениями слов. *Лошадь* среди ряда данных имен — единственный предмет, способный быть агенсом, *белизна* — признак предмета, *еда* (*поедание*) — действие предмета, *трава* — объект действия.

Отвлекаясь от различий в структуре языков, можно было бы сказать, что аналогичные наборы имен существительных русского языка могут представлять названия компонентов ситуаций, понятных в силу категориального значения имен (*Лыжники, скольжение, крутизна, склон*; *Белизна, хлопья, кружение, воздух; Смуглость, девушка, чтение, книга* и т. п.). Неоформленность их связей не может быть препятствием к восстановлению этих связей: положением репрезентируемой словом категории в системе объективно существующих категорий определяется позиция слова (оформленного согласно грамматическим условиям данного языка) в системе моделей предложения (ср.: *Белые хлопья кружатся в воздухе; Хлопья немыслимой белизны совершают кружение в воздухе* и т. п.). Знаменитая фраза Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка* обладает содержанием именно на уровне категориально-семантическом, который обеспечивает однозначный состав ее компонентов, не допуская толкования *глокой куздры* как *горькой обиды* или *глупой*

---

[26] *Яхонтов С. Е.* Понятие частей речи в общем и китайском языкознании.— В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 76.

записки или другого понятия за пределами подкласса живых существ.

Сказанное подтверждает, что синтаксические возможности слова обусловлены прежде всего его категориальной семантикой [27]. Именно поэтому, видимо, «основные синтаксические функции частей речи для большинства, а может быть, и для всех языков одинаковы» [28].

Возникает вопрос, как определить тот категориальный смысл, тот уровень обобщения, который релевантен для синтаксического функционирования слова. Язык сам подсказывает эти категории, называя их, например, в конструкции двусоставных именных предложений с квалифицирующим значением. Сопоставляя синонимические или связанные по смыслу пары предложений, можно наблюдать взаимодействие лексики и грамматики, обнаруживающееся в том, что категориально обобщающий компонент лексико-грамматического значения слова или данной его формы как бы вычленяется, вербализуется и становится опорой предиката двусоставного именного предложения. Ср.:

В саду растут яблоки. Сад — *место*, где растут яблоки; Мы встречаемся в саду. Сад — это *место* наших встреч; Мы заботимся о саде. Сад — постоянный *предмет* наших забот; Он читает стихи о море. Море — *тема* его стихов; Она пишет письма подруге. Подруга — *адресат* ее писем; Он пишет авторучкой. Авторучка — *орудие* пишущего; В полночь на площади тихо. В полночь площадь — тихое *место*. Полночь на площади — тихое *время*; Он отсутствует по болезни. Болезнь — *причина* его отсутствия; Он сказал так из зависти. Зависть — недостойное *побуждение*; Перевод можно получить по предъявлении паспорта. Предъявление паспорта — необходимое *условие* для получения перевода; Он проявил смелость. Смелость — завидное *качество*; Он учится в техникуме. Учиться — достойное *занятие*; Он прежде всего выключил мотор. Выключить мотор было необходимым *действием*; У него бессонница. Бессонница — неприятное *состояние*; В бидоне молоко. Бидон — *вместилище* для молока. Молоко — *содержимое* бидона; Зерна здесь центнер. Центнер — это небольшое *коли-*

[27] Ср. иное мнение: «Значения слов сами по себе еще не предопределяют типа семантико-синтаксических отношений, в которые слова данного типа вступают в предложении» (*Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 208).

[28] *Яхонтов С. Е.* Указ. соч., с. 77.

чество; Мальчику тринадцать лет. Тринадцать лет — трудный *возраст*; Крепость — из льда. Лед — ненадежный *материал*; Он пошел в повара. Повар — нужная *профессия*; У него машина. Он *владелец* машины; Директор отвечает за работу предприятия. Директор — *человек*, который отвечает за работу. Директор — *лицо*, ответственное за работу.

От морфологических категорий данного языка, данной части речи зависят способы оформления семантико-синтаксических отношений. Этим, по-видимому, объясняется и тот факт, что «синтаксические признаки частей речи гораздо более устойчивы и постоянны, чем морфологические, и меньше изменяются от языка к языку» [29].

В свою очередь набор морфологических форм для выражения того или иного синтаксического значения также зависит от характера лексической семантики. Так, среди локативных синтаксем от слов *поле*, *море* в их конкретно-пространственном значении имеются по две формы предложного падежа (если считать предлог, вслед за А. А. Шахматовым и Е. Куриловичем, служебной морфемой в составе предложно-падежной формы имени): *в поле*, *в море*, *на поле*, *на море*; в переносном или отвлеченном значении эти слова дают только одну форму: *в житейском море*, *в поле зрения*, *в магнитном поле* и т. п.

Полисемичные имена часто реализуют разные свои значения в разных синтаксемах. Ср.: *снег*, *град* (1) как процесс и (2) как вещественный результат процесса (значения, кстати, не разграничиваемые словарями). В синтаксемах *во время снега*, *до снега*, *в снег* реализуется первое значение, в синтаксемах *из снега*, *со снега*, *снегу*, *на снегу*, *по снегу*, *в снегу* — второе значение. При совпадениях перед нами — омонимия синтаксем, которая разрешается возможностью/невозможностью сочетания имени с прилагательным, называющим признак предмета, но не процесса, ср.: *выехали в снег — бросился в пушистый снег*, *шли под снегом — обнаружили под смерзшимся снегом* [30].

Предметно-пространственное значение слова *дорога* реализуется в синтаксемах *на дороге*, *у дороги*, *при дороге*, *за дорогой*, *над дорогой* и некот. др., отвлеченно-процес-

[29] *Яхонтов С. Е.* Указ. соч., с. 77.

[30] Об этом см.: *Ермакова О. Н.* О синтаксической совместимости определения и предложно-падежных форм существительных.— В кн.: Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга. 1971, с. 30—38.

суальное значение — в синтаксемах *в дорогу, в дороге*; в формах *дорбгой, по дороге, на дорогу, с дороги* совпадают омонимические синтаксемы (*упал на пыльную дорогу — испекла пирожок на дорогу, шли по* (*проселочной*) *дороге — по дороге разговорились*). Ср. примеры из стихотворений А. Ахматовой: I. Муза ушла *по дороге*, Осенней, узкой, крутой; В доме, *у дороги* непроезжей, Надо рано ставни запирать; II. Как я пела обратной *дорогой* О моем несказанном веселье; Они летят, они еще *в дороге*, Слова освобожденья и любви; Давно мне пора *в дорогу*, Я только тебя поджидал; ср. еще: *Дорогой* и скажешь (Бунин).

Слово *гость*, определяемое в словаре Ожегова как «тот, кто посещает, навещает кого-нибудь в домашней обстановке» (заметим, что «в домашней обстановке» — необязательная часть определения, гостем называют и лицо, прибывающее с официальным визитом; ср. у Даля: «. . . пришедший навестить... ради пира, досуга, беседы и пр.»), иллюстрируется примерами *идти в гости, быть в гостях, вернуться из гостей*. Между тем в парадигматическом ряду слова *гость* со значением лица (*гость, гостя, гостей, гостям, гостями, о госте, о гостях* и др.) именно эти три формы в *гости, в гостях, из гостей* (ср. еще *ходить по гостям*) выделяются иным значением: они обозначают не лицо, а состояние, пребывание, гощение, т. е. выступают с признаковым значением в функции предиката (роль глагола приближается здесь к фазисной: начало, вступление в состояние, пребывание в нем и выход из него прекращение). Состояние гощения включает в себя и локальный компонент, ср.: *идти в гости, в театр, к друзьям, домой — быть в гостях, в театре, у друзей, дома — возвратиться из гостей, из театра, от друзей, домой*. Ср.: *В гостях хорошо, а дома лучше*. Сопоставление с похожими признаковыми конструкциями *идти в солдаты — быть в солдатах — вернуться из солдат* (*наняться в повара, вступить в пионеры* и т. д.) обнаруживает и различие: *в солдатах, в пионерах* множественное число мотивировано тем, что лицо вступает в совокупность, множество однородных лиц; *в гостях* же не обязательно означает множество, в гостях можно быть и одному лицу. Таким образом, и в слове *гость* граница между предметным и признаковым значением проходит внутри парадигмы.

Морфологическая парадигма слова оказывается неоднородной с точки зрения семантико-синтаксической, в ней возникают внутренние группировки форм, сближающихся функционально. «...Степень грамматической отвлечен-

ности разных форм и их лексический вес не одинаковы,— писал В. В. Виноградов. Семантическое наполнение формы может изменяться и качественно, и количественно»[31].

Возможно в связи с этим уточнить и отношения между существительным и его «лексическим дериватом»— уменьшительной формой, сформулированное Е. Курилович следующим образом: «Уменьшительная форма от данного существительного. . . имеет ту же синтаксическую функцию, что и исходное существительное»[32].

В полисемичном слове уменьшительный суффикс часто скрепляет его конкретно-предметное значение, устраняя возможность употребления его в расширенных и переносных значениях. Ср., например: *В доме* (*в домике*) *пять комнат, чисто, уютно, живет молодая семья* и т. д. Но: *вести дом, править домом* (в смысле 'хозяйство'; не **домик, домиком*); *В доме постоянные раздоры* (в смысле 'в семье' или 'среди жильцов', не **в домике*).

Известно, что в полисемичных глаголах можно разграничить значения акциональные (действия, движения) и неакциональные (различных, в том числе пространственных, отношений между предметами). Неоднократно отмечалось, что такие глаголы в неакциональном значении утрачивают видовую соотносительность и некоторые другие морфологические возможности (ср.: *Машина спустилась, спускалась к морю — Лестница спускалась к морю; Дети вышли, выходят в сад — Окна выходят в сад*).

Как в именах, так и в глаголах функциональная дифференциация синтаксем проходит внутри системы морфологических форм одного слова: личные формы глагола функционируют в предикативной позиции, неличные — инфинитив, причастие, деепричастие — в иных позициях, в иных конструкциях. Приведем пример, свидетельствующий о необходимости различения глагольных лексем и глагольных синтаксем. В словарях за глаголом *работать* следует глагол *работаться* с пометой *безл.*, за глаголом *лежать — лежаться, сидеть — сидеться, жить — житься* и т. п. Нельзя не заметить что глагол в вариантах на *-ся* резко отличается по своему статусу от своего коррелята без *-ся*. Глаголы *работаться, сидеться* и под. не имеют личных форм, не образуют ни причастий, ни деепричастий, ни императива, не имеют обычно соотносительной видовой пары, да и сама

[31] *Виноградов В. В.* О формах слова.— В кн.: *Виноградов В. В.* Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 42.
[32] *Курилович Е.* Очерки по лингвистике, с. 63.

форма инфинитива, по традиции представляющая глагол в словаре, имеет ограниченную употребительность (ср.: *Мне не работается — Должно работаться!*). Остаются временные варианты: *Мне не работается — Не работалось*. Отсутствие глагольных форм и категорий у подобных слов подтверждает догадку Л. В. Щербы, что, может быть, правильно было бы не считать безличные глаголы глаголами. Грамматическая квалификация безличных глаголов — это особый вопрос; здесь же перед нами, по-видимому, все-таки не самостоятельные лексемы, а периферийные производные формы глагола, которые стоят особняком от глагольной парадигмы и представляют собой одну из синтаксем глагола, обусловленных единственной конструкцией, в которой они употребляются (*Мне работается*; *Ему не сидится*), и предназначенных для выражения их специфического грамматического значения в предикативном сочетании с именной субъектной синтаксемой в дательном падеже. Такие формы — объект синтаксиса, а не лексикологии, они должны занять соответствующее место в словаре синтаксем русского языка.

7. Наблюдения над соотношением категориальной семантики и морфологии в синтаксических единицах возбуждают ряд вопросов, касающихся разграничения в слове формы и содержания, лексического и грамматического. Если отождествлять в слове формальное с морфологическим, содержательное с семантическим, правомерно ли говорить о «разграничении в семантике слова лексического и грамматического значений»? Что понимать под морфологической структурой — словоизменительную или морфемную, словообразовательную структуру слова? Можно ли считать синонимичными, взаимозаменимыми дефиниции а) формальное, морфологическое, грамматическое, категориальное и б) содержательное, смысловое, лексическое, индивидуальное, рассматривая а) и б) как две стороны знаковой сущности слова?[33] В описании слова как лексической единицы граница между лексическими значениями слова и его морфологической характеристикой прочерчивается привычно, вместе с тем привычно относить последнюю к грамматическим значениям. Эта ли граница разделяет две стороны слова, выражающие знаковое отношение?

Если справедливо полагать формой слова как знака его звуковую оболочку, звуковой ряд, как это, вероятно, и

[33] См.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 5, 6, 9, 10.

понималось Ф. де Соссюром, С. Карцевским, Е. Куриловичем и другими лингвистами, а содержательную сторону видеть во взаимодействии лексического и грамматического, встает еще вопрос, закономерно ли отношения между звуковой формой слова и его значением возводить в принцип отношения между всякой языковой формой и ее значением, поскольку в данном случае означающее (звучание) немотивированно, а в других случаях может быть мотивированным.

Каково соотношение означающего и означаемого в синтаксеме? В синтаксеме нет противопоставленности формально-грамматического и семантического, потому что синтаксема как синтаксическая единица не формируется только словоизменительными (если так понимать формально-грамматическое) средствами. Оппозиция слов *корова/весна* демонстрирует общность грамматической формы и различие лексического значения, оппозиция словоформ *корова/коровой* — общность лексического значения и различие грамматической формы.

Но оппозиция синтаксем *коровой/весной* не сводима к сопоставлению по морфологическому или по лексическому признаку. В формировании синтаксемы *коровой*, представляющей ряд аналогичных синтаксем со значением одушевленного существа, агенса, реализуемым в страдательной конструкции, участвуют неразделимо категориально-семантическое значение подкласса одушевленных имен и флексия творительного падежа. В темпоральной синтаксеме *весной* так же неотделимо от флексии творительного падежа категориально-семантическое значение временно́го отрезка. (Отвлечемся здесь от возможности омонимического совпадения разных синтаксем в формах *коровой, весной*, так же как от того факта, что и формы *корова, весна* могут рассматриваться с точки зрения их синтаксических потенций).

Если падежная флексия вместе с категориально-семантическим значением некоторого множества слов формирует единицу, структурным значением которой становятся определенные синтаксические потенции, то можно ли эту единицу расчленить на форму и содержание, не разрушив сущности? Условия самого существования этой единицы состоят в мотивирующем друг друга взаимопроникновении элементов семантики и морфологии, так что наличие одних определяется наличием других.

Как видно, понятия «означающее» и «означаемое» в

синтаксеме не совпадают с понятиями «формально-грамматическое» и «семантическое».

Уместно вспомнить мысль А. А. Потебни: «Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением»[34], перекликающуюся с утверждением Э. Бенвениста: «Форма и значение должны определяться друг через друга, и повсюду в языке их членение совместно»[35].

Итак, можно утверждать, что слово в лексике и грамматике представляет разные языковые единицы. В качестве синтаксической единицы со своим грамматическим значением слово-синтаксема выступает интегрантом, составной частью предложения.

Разновидности синтаксем образуют формально-содержательные классы, разграниченные и противопоставимые друг другу. На основе функциональных свойств своего класса вступая в предложение определенной структуры, синтаксема приобретает статус его компонента.

Каждое предложение соответственно типу, который оно представляет, может рассматриваться и с точки зрения синтеза и с точки зрения анализа как одна из предсказуемых комбинаций синтаксем.

Таким образом, недостающее у Э. Бенвениста звено системы может быть восстановлено. Только отсутствием в представлении Э. Бенвениста собственно синтаксического звена как составной единицы предложения объяснима его интерпретация предложения как «образования неопределенного, неограниченно варьирующегося», не принадлежащего к «языку как совокупности формальных знаков... распределенных по иерархическим классам, комбинирующихся в структуры и системы»[36].

8. Для многих семантических исследований последнего времени, отечественных и зарубежных, для работ в области так называемой падежной грамматики характерен ослабленный интерес к собственно синтаксическим, конструктивным свойствам и возможностям форм слова. В. В. Виноградов еще в 50-е годы подчеркивал: «Изучение функций форм слов и законов их употребления, установление правил их использования как для образования словосочетаний, так и в структуре разных типов предложений,—

[34] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2. Харьков, 1898, с. 29.
[35] *Бенвенист Э.* Указ. соч., с. 136.
[36] Там же, с. 139.

очень важный и еще недостаточно исследованный круг вопросов русского синтаксиса»[37].

Исходя из понимания синтаксической функции как отношения синтаксической единицы к коммуникативной единице, считаем релевантным для характеристики синтаксической единицы разграничение и противопоставление трех основных возможностей:

I — самостоятельное употребление единицы;

II — употребление единицы в качестве компонента предложения;

III — присловное употребление единицы в качестве компонента словосочетания (или аналога словосочетания).

Сумма возможностей составляет основание для функциональной типологии синтаксем:

1) синтаксемы, располагающие конструктивными возможностями выступать в функциях I, II, III, отнесены к типу с в о б о д н ы х;

2) синтаксемы, выступающие в функциях II и III, отнесены к типу о б у с л о в л е н н ы х;

3) синтаксемы, способные выступать лишь в III функции, отнесены к с в я з а н н ы м.

Единая типология синтаксических функций создает, таким образом, необходимый уровень грамматического обобщения в систематизации синтаксем. Общее понятие функции детализируется более конкретным понятием позиции:

В функции II различаются: а) позиция предицируемого компонента предложения; б) позиция предицирующего компонента предложения; в) позиция распространителя предложения (ситуанта).

В функции III различаются: а) приглагольная позиция; б) приименная позиция; в) приадъективная и приадвербальная позиции.

---

[37] Грамматика русского языка, т. II, ч. 1. М., 1954, с. 34; см. также: «Язык состоит из формальных элементов, соединяемых в переменные комбинации в соответствии с определенными принципами структуры... Язык всегда содержит лишь небольшое число основных элементов, но эти элементы, сами по себе немногочисленные, могут вступать в большое число комбинаций. Самые элементы обнаруживаются нами именно через эти комбинации» (*Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, с. 23); «Для полноты описания языка необходимо регистрировать все типы форм, которые могут использоваться в процессе коммуникации» (*Ярцева В. Н.* Типология языков и проблема универсалий.— ВЯ, 1967, № 2, с. 8).

Термины «функция» и «позиция», следовательно, обозначают понятия более общей и более конкретной ступени абстракции: тот или иной тип функции как потенцию каждая синтаксема реализует в определенной синтаксической позиции, в той или иной модели предложения или словосочетания. Разграничение и синтезирование в понятии синтаксемы функций, позиций и структурно-семантических значений преследует цель преодолеть смешение смыслового и позиционного критериев в традиционном учении о членах предложения.

Три типа основных синтаксических функций дополняются IV функцией, к которой отнесено употребление синтаксем с двойной функциональной нагрузкой в полипредикативных и других осложненных предложениях (например, форма винительного падежа в предложении: Я пригласил своего *спутника* выпить стакан чая (Лермонтов) одновременно выполняет роль объекта действия, названного личным глаголом, и потенциального субъекта действия, названного инфинитивом, что усложняет ее синтаксический статус по сравнению со II и III функциями). Рубрика IV функции, объединяющая весьма разнообразные способы полипредикативизации простого предложения, нуждается в дальнейшей дифференциации.

Степень смысловой и конструктивной самостоятельности у разных типов синтаксем различна, но взаимно пропорциональна: синтаксемы с более самостоятельным значением располагают бо́льшими конструктивными потенциями, синтаксемы с менее самостоятельным значением ограничены в конструктивных возможностях.

Так, например, локативные синтаксемы обладают самостоятельным номинативным значением, дающим им возможность функционировать: а) как заголовок, своеобразное номинативное предложение, и вне предложения или словосочетания («В лесу» — название стихотворений В. Брюсова, Б. Пастернака); б) как распространитель другого слова, образующий словосочетание или аналог словосочетания (*Жил в лесу*, как во сне (Блок); *Родился* зайчик *в лесу* и всего боялся... (Мамин-Сибиряк); в) как не зависимый от другого слова компонент предложения, в составе предикативного минимума или в качестве его распространителя (День за днем идет, мелькая, а царевна молодая все *в лесу*; не скучно ей у семи богатырей (Пушкин); *Не в лесу* мы, довольно аукать (Ахматова); *В лесу* — поляна гектаров в сорок (Макаренко); В чужом месте, что *в лесу* (Даль); *В лесу* не молкнет птичий гам (Тютчев).

В противоположность локативным синтаксемам синтаксемы объектные реализуют свое значение только в условиях глагольного словосочетания (либо девербально-именного), и вне связи со своим глаголом (либо девербативом) синтаксически не функционируют, поскольку само понятие объекта действия возникает лишь при приложении действия к предмету — ср.: Ветер по морю гуляет и *кораблик* подгоняет (Пушкин).

Поскольку ни совпадение лексем в одной словоформе, ни совпадение предложно-падежного оформления не являются достаточными признаками одной синтаксемы (ср., например, свободную синтаксему со значением даты: *Пятого марта.* Экзамен — *пятого марта. Встретились пятого марта* — и связанную синтаксему с объектным значением: *ждал пятого марта — ждал писем, ждал свидания, хорошей погоды, приезда жены* и т. д.), процесс идентификации синтаксем предполагает следующие этапы.

1) Фиксируя (предложно-)падежную форму имени, определяем семантику словоформы как элемента смысла синтаксической конструкции, в ряду подобных. Например, из сочетания *писать письмо отцу* (*рассказывать сказку детям, показывать диапозитивы студентам, вернуть мясорубку соседке* и т. п.) извлекаем формы имени в винительном со значением объекта действия и в дательном со значением адресата.

2) Выявляем, что дательный адресата располагает синтаксическими потенциями свободной формы.

Функция I. Употребляется в независимой позиции для адресации письма, документа, предмета передачи, для посвящения: *Тебе* — но голос музы темной коснется ль уха твоего? (Пушкин, Посвящение к «Полтаве»), ср. заглавия стихотворений Пушкина «Кипренскому», «Дельвигу», «Друзьям», «Красавице, которая нюхала табак», «Лицинию», «Живописцу», «Дориде» и др.

Функция II. Употребляется в качестве предицирующего компонента в моделях со значением адресации, назначения предмета: Награда — *победителю*; Книги — *целинникам*; Письмо — *отцу*.

Функция III. Употребляется в качестве присловного распространителя при глаголах и именах соответствующей семантики (обращенного, направленного действия или предмета как результата такого действия): *Послал отцу* письмо; *Письмо отцу* вернулось обратно.

Винительный объекта, не располагая возможностью

употребляться в I и II функциях, употребляется только в III, лишь при переходном глаголе, соответственно его синтаксическим функциям входя за ним в предложение.

3) Те же слова, представляющие в данном случае категорию лица или, шире, одушевленного предмета, в том же дательном падеже могут употребляться с иной семантикой, например, в предложениях *Отцу нездоровится* (*Подруге весело; Старику одиноко; Детям не спится; Студентам не работается*) дательный имеет значение (1) субъекта состояния; в предложениях *Отцу за шестьдесят лет* (*Подруге под тридцать*; *Сыну год; Детям по 5—6 лет*) дательный имеет значение (2) субъекта — носителя признака (возрастного); в словосочетаниях *верить отцу, завидовать соседям* дательный выступает (3)$_I$ с объектным значением. Существенно то, что ни одно из этих значений (1), (2), (3) не представляет форма дательного в независимой позиции, они возникают только в условиях определенных синтаксических конструкций: (1) и (2) в моделях предложений определенного состава и типового значения, что соответствует II синтаксической функции; (3)$_I$ в моделях словосочетаний при определенных глаголах, что соответствует III синтаксической функции.

Из этого делаем вывод, что словоформы (1) и (2) представляют синтаксемы обусловленного типа, а словоформа (3) — синтаксему связанного типа.

Таким образом, в пределах одной морфологической формы, в данном случае дательного беспредложного, обнаруживается ряд синтаксем, которые даже при наличии лексико-семантических совпадений различаются синтаксическими условиями употребления и семантико-синтаксическим значением, реализуемым (для синтаксем свободного функционального типа) или возникающим (для синтаксем обусловленного и связанного типов) в этих синтаксических условиях. При этом синтаксемы, объединенные одной (предложно-)падежной формой проявляют разной степени близость и разного характера отношения между собой, для квалификации которых привлекаются лексикологические термины: омонимия, омоформия, полисемия.

Синтаксемы, объединяемые общей (предложно-)падежной формой и лексическими совпадениями, но различающиеся синтаксическими функциями, рассматриваются как омонимические.

Синтаксемы, объединенные общей (предложно-)падежной формой, но образуемые разными категориально-се-

мантическими разрядами слов, рассматриваются как омоформы. Так, например, имена со значением предметно-пространственным в форме творительного падежа (*лесом, полем, тропинкой, морем, деревней...*) дадут свободную синтаксему пути движения; имена со значением отрезка времени — свободную темпоральную синтаксему (*утром, вечером, зимой; вечерами, месяцами, часами...*); имена со значением личным — обусловленную субъектную синтаксему (договор подписывается *министрами*, вопрос решается *специалистами;* подписание договора *министрами*, решение вопроса *специалистами...*); имена со значением конкретно-предметным — свободную синтаксему орудийную (*молотком, палкой, камнем, бревном...*) и т. д. Категориально-семантические противопоставления могут быть сняты лишь в более широком лексическом кругу имен, выступающих как связанная объектная синтаксема в приглагольной позиции (*горжусь, любуюсь лесом, утром, министром, молотком и т. д.*).

Как явления полисемии могут рассматриваться случаи, когда синтаксемы совпадают в морфологических, категориально-семантических и функционально-синтаксических признаках, но тем не менее в пределах одного функционального типа образуют разновидности модели благодаря категориально-семантическим (и морфологическим) различиям в способах выражения второго, предикативно сопрягаемого компонента модели. Ср., например, разновидности модели с общим посессивным значением, в которых первый компонент, предицируемый, обозначает субъекта-посессора, а второй, предицирующий, имеет значение либо объекта владения (*У него овчарка*), либо состояния (*У него ревматизм*), либо характеристики субъекта (*У него заслуги*).

Как полисемичные могут рассматриваться и разновидности одной синтаксемы, совпадающие во всех признаках, но образуемые разными категориальными подклассами (ср., например, разновидности свободной локативной синтаксемы, образуемой именами предметно-пространственного значения: *жил у моря, у границы* и именами личными: *жил у пограничников, у сына...*).

«Всякий знак является потенциально „омонимом“ и „синонимом“ одновременно», — писал С. Карцевский [38].

[38] *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака, с. 85.

Выдвинув идею об асимметричном дуализме языкового знака, С. Карцевский проиллюстрировал ее схемой употребления морфологической формы глагола в разных семантико-синтаксических условиях (см. табл. 1).

Таблица 1

← Омонимия: СМОЛЧИ ОН, и т. д.	Знак адекватный МОЛЧИ!	← МОЛЧАТЬ! и т. д. Синонимия →
→		

С точки зрения грамматической квалификации рассматриваемых единиц — *Молчи!* и *Смолчи он...* — это разные синтаксические формы (синтаксемы) глагола. Сама «адекватность знака» в данном случае условна, поскольку эти формы различаются и по категориям вида.

На том же уровне синтаксического употребления морфологических форм существительного схему С. Карцевского можно было бы наполнить материалом именных синтаксем (см. табл. 2).

Таблица 2

Омонимия	Знак адекватный	Синонимия
Послать отцу (адресат действия)	— *отцу* — (дат. п. личного имени)	≈ *Послать к отцу, для отца*
Верить отцу (объект действия)		—
Отцу не спится (субъект состояния)		≈ *У отца бессонница; Отец не спит*
Сидеть за доктором (локализатор)	— *за доктором* — (*за* + тв. п. личного имени)	≈ *Сидеть сзади доктора*
Пойти за доктором (предметная цель движения)		≈ *Пойти привести доктора*
Следить за доктором (объект действия)		≈ *Выслеживать доктора; Наблюдать за действиями доктора*

Наблюдаемое, таким образом, в рамках одной (предложно-)падежной формы разнообразие значений и семантико-синтаксических условий их реализации служит новым стимулом для обсуждения теоретических вопросов, связанных с противопоставлением и взаимодействием лексики и грамматики, синтаксиса и морфологии, а также обращенных в область так называемой падежной грамматики или проблемы падежных значений. Становится очевидно, что неправомерно говорить ни о едином падежном значении, ни о многозначности падежа применительно к категории имени существительного вообще. Разными падежными значениями располагают разные подклассы и разряды имен существительных, флексия творительного падежа *-ом, -ой* не сигнализирует значений ни объекта, ни субъекта, ни предиката, ни времени, ни орудия, ни пути движения — значений, которые обычно приписываются творительному падежу. Но это все не значения творительного падежа как такового, они не принадлежат вообще существительному в творительном падеже, это значения определенных грамматико-семантических подклассов или разрядов имен, реализуемые ими в форме творительного падежа в определенной синтаксической позиции. Так, слова *вечер, осень* не выразят значения субъекта действия или орудия, потому что в их семантике нет значения лица и предмета, но есть значение временнóго понятия, и из их семантики это значение извлечено и приписано творительному падежу. Точно так же слова с предметным значением (*молоток, карандаш, камень, игла*) не способны принять временнóе или субъектное «значение творительного падежа», они будут выражать в творительном падеже свое орудийное значение, а имена личные — значение субъекта действия.

Значения исходной точки движения, источника, материала, причины, приписываемые обычно форме «*из* + род. п.», принадлежат также не морфологической форме слова и не вообще существительному в этой форме, а определенным категориям имени: причины — лексически ограниченной группе отвлеченных имен (*из любви, из ревности, из зависти, из вежливости...*), материала — группе вещественных имен (*из дерева, из глины, из серебра, из фарфора...*), исходной точки движения — главным образом именам предметно-пространственной семантики (*из города, из школы, из дома, из ящика...*) и т. д. Отсюда следует, что так называемые падежные значения — это производное от се-

мантики лексико-грамматического разряда слов, от их падежного оформления и синтаксической функции.

Еще на IV Московском съезде славистов, а еще ранее — в трудах Ф. де Соссюра, Ш. Балли отмечалось, что проблема классификации падежей, количества падежей упирается в принципиальный вопрос о понятии тождества лингвистического факта. Функциональная дифференциация (предложно-)падежных форм имени свидетельствует о том, что лингвистический факт на уровне морфологии и лингвистический факт на уровне синтаксиса не тождественны: понятия морфологической формы слова и синтаксической формы слова, или синтаксемы, формируются различным комплексом признаков.

9. Чтобы показать различия в лексикографическом и семантико-синтаксическом представлении предложно-падежной формы имени, сопоставим словоформу «*в* + вин. п.» как синтаксическую единицу и как объект лексикографического описания, например, в 17-томном Словаре современного русского литературного языка.

1). В отличие от детализированного толкования в 17-томном Словаре лексических значений, возникающих в сочетаниях предлога *в* с разными группами слов и отдельными словами в винительном падеже, за основное синтаксическое свободное значение синтаксемы *в* +вин. п. принимается обобщенное значение ориентира или направления движения (директив).

2) Понятие синтаксической функции не позволяет объединять в одном пункте словоформы, различающиеся синтаксическим употреблением. Например, в пункте I, 17-томного Словаря значение 'вид деятельности или состояния, в который приходит, вступает кто, что' иллюстрируется сочетаниями с глаголами движения: *погружаться в работу, в занятия; приводить в движение; приходить в ужас; падать в обморок; бросать в жар, в холод.* С точки зрения функционально-синтаксической прежде всего отметим соотносительность соответствующих форм винительного падежа с формами предложного падежа. Последние по отношению к формам винительного падежа рассматриваются как исходные, первичные (ср.: (*быть*) *в движении, в ужасе, в обмороке, в жару*), поскольку они способны предикативно выражать состояние субъекта без глагола; приведенные же сочетания с глаголами служат для обозначения одного из фазисных этапов названного состояния, поэтому приведенные глаголы должны квалифицироваться не

как глаголы движения, а как фазисные, вспомогательные глаголы, которые придают отвлеченным именам действия и состояния начинательное значение. Далее обозначения действий и состояний дифференцируются по их разным отношениям к субъекту и объекту:

а) сочетания *погружаться в работу*, *в занятия* обозначают начальный этап действия субъекта, выражаемого личным именем в именительном падеже: *Он погружается в работу* ≈ *Он начинает работать*;

б) сочетание *приводить в движение* означает каузацию неким лицом или предметом начала движения другого предмета (объекта каузации и одновременно субъекта движения): *Механик приводит в движение машину*; или *Мотор приводит в движение машину* ≈ *Машина начинает двигаться*;

в) сочетания *приходить в ужас*, *падать в обморок* означают фазисную реализацию состояния субъекта, выражаемого личным именем в именительном падеже: *Она приходит в ужас, упала в обморок*;

г) сочетания *бросать в жар*, *в холод* означают фазисную реализацию состояния субъекта, но выражаемого именем не в именительном, а в винительном падеже, с соответствующими различиями в спрягаемой форме глагола: *Она пришла в ужас, упала в обморок — Ее бросило в жар, в холод*.

С синтаксической точки зрения дифференцируются также словоформы, объединенные в пункте II, 17-томного Словаря не вполне ясным значением 'считать что во что, вменять что во что, быть кому во что' и т. п.: *Ему в диковинку, станешь в тягость себе, употреблять во зло; обнищать в конец, денег — в обрез*. Здесь должны быть разграничены словоформы приглагольной функции *употреблять во зло, обнищать в конец* (разные и семантически) и словоформы предикатной функции *в диковинку, в тягость, в обрез*, в свою очередь реализующиеся в разных синтаксических моделях.

3). Внимание к категориально-семантическому значению и грамматической форме слова в винительном падеже побуждает к некоторой перегруппировке материала между пунктами I_1 и I_2 в 17-томном Словаре: сочетание *записан в полк* уходит из ряда *выдвигать в председатели, попал в кучера* и др. под. и соединяется с сочетаниями *поступлю в гимназию, определил в правление*. Кроме того, приведенные ряды синтаксически дифференцируются и по приз-

www.ruslang.ru

наку действие (предикативное состояние) субъекта — каузированное действием другого субъекта предикативное состояние объекта—субъекта: *поступил в гимназию — определил (кого) в гимназию*; *попал в швейцары — произвел (кого) в швейцары*.

4) Семантико-синтаксический анализ позволяет увидеть в пунктах II_2 'единица измерения чего-либо' и II_3 'признак предмета' один и тот же компонент со значением количественно измеряемого признака то в атрибутивной, то в предикативной позиции, то в сопровождении параметрического компонента, то без него: *дом (высотой) в два этажа, груз (весом) в тонну, туча в полнеба* и т. п.

Указанные и некоторые другие критерии демонстрируют различия в лексикографическом и синтаксическом подходе к описанию предложно-падежной формы. Вместе с тем есть основания надеяться, что данные синтаксического анализа словоформ могут быть использованы и в лексикографической практике.

10. Функционирование в предложении глагола и соответственно типология глагольных синтаксем также определяется взаимодействием их морфологических, семантических и синтаксических признаков. Различны функции личных, спрягаемых форм, безличной формы, инфинитива, причастной и деепричастной форм.

Различны в предложениях роли глагольных слов, относящихся к функционально-семантическим подклассам вспомогательных (модальных, фазисных и др.), и знаменательных, акциональных и неакциональных глаголов (об этом см. ниже в специальном разделе). От принадлежности глагола к семантическим разрядам внутри этих подклассов зависит возможность его распространения. Меньше обращалось внимания на то, что распространение глагола именными синтаксемами возникает на разных основаниях, обнаруживая при этом различного характера синтаксические связи между глаголами и (предложно-) падежными формами имени. Ни морфолого-семантическая квалификация этих связей с точки зрения учения о словосочетании или управлении, ни количественно-логическая интерпретация их в рамках валентностной или предикатно-аргументной концепций не вскрывает этих синтаксических различий, определяющих обязательность и факультативность того или иного распространения, возможность его и частотность, заданность формы и/или значения распространяющего глагол имени. Дифференциация функциональных

типов именных синтаксем показывает, что требованием глагола обусловлены лишь синтаксемы связанного типа, входящие в предложение только при «своем» глаголе (например, *коснуться руки, придерживаться регламента, испугаться собаки, верить учителю, строить мосты, открыть окно, заведовать канцелярией, разочароваться в друге*). Сочетаемость подобных глаголов или групп глаголов может быть представлена списками. Что касается сочетаний глаголов со свободными формами имен, в которых задается лишь значение синтаксемы, оформленной независимо от глагола, то задача заключается в выявлении того семантического признака, семы, которым мотивируется совстречаемость глагола с синтаксемами соответствующей семантики.

Большинство сочетаний глаголов с именными формами основано на синсемичности — реализации семантического тяготения, соответствия между компонентами семантической структуры глагола и именной формой [39]. Так, признак направленности действия открывает при глаголе факультативную, но частотно замещаемую позицию для синтаксем со значением направления (динамический локатив или директив: исходная либо конечная точка движения, путь или преодолеваемое препятствие, например *ехать из деревни в город, лесом, через реку, сквозь заросли; смотреть из окна; писать в Москву, в министерство; говорить в пустоту* и т. д.); признак информативности действия предполагает позицию делибератива, раскрывающую содержание действия, и адресата (*говорить всем правду, сообщить собравшимся решение, о решении, писать министру жалобу, писать о злоупотреблениях, петь ребенку колыбельную* и т. п.). Пространственными синтаксемами (локативами) способно распространяться множество глаголов, поэтому нет смысла перечислять локативы поглагольно: перечни всегда будут неполны, а конкретизации недостаточны.

Если в словаре [40] дается «управление» *встречать кого-то где* (*в чем, на чем*), это не значит, что действие может произойти только *в передней* или *на крыльце*, это равным

[39] Еще В. А. Богородицкий писал: «Употребление глаголов в соединении с тем или другим падежом представляет собою вовсе не *управление* глагола именем, а лишь *сочетание* глагола с данною падежною формою, вызванное взаимным соответствием их при выражении данной мысли» (*Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.— Л., 1935, с. 222).

[40] См., например: *Прокопович Н. Н., Дерибас Л. А., Прокопович Е. Н.* Именное и глагольное управление в современном русском языке. М., 1975, с. 54.

образом может случиться и *у околицы, за воротами, возле школы, под мостом* и т. д. *Достать что где* (*в чем, на чем*) можно не только *в институте, на факультете,* но и *за городом, под Москвой, возле дома* и т. д. Управления здесь нет потому, что предлог и соответствующий падеж нисколько не зависят от глагола, а сами по себе, в единстве с категориальным значением слова выражают пространственное понятие, при этом выбор предложно-падежной формы локатива либо определяется реалией (*в доме — за домом*), либо вообще исключается, закрепленный узусом (есть локативы *в Белоруссии, в Грузии, в Ленинграде,* но не **на Белоруссии, *на Грузии, *на Ленинграде,* есть *на севере, на Кавказе,* но не **в севере, *в Кавказе*).

Независимость формы локатива от глагола подтверждается синтаксическим контекстом глагола *возложить* (*возлагать*). В сочетании *возложить что на кого-что* семантическая связь действия-перемещения и места — конечного пункта закреплена семантикой направления вверх—сверху в соответствии приставки *воз-* и предлога *на*. Это соответствие обнаруживается и в конкретном и в переносном употреблении глагола: *возложить венок на голову* и *возложить обязанность на кого*. Стилистически ограниченный, этот глагол реализует чаще всего свое значение в сообщениях о торжественном ритуале возложения венков, цветов. Здесь со значением глагольной приставки сталкивается и побеждает реальное пространственное соотношение между действием и предлогом, определяющее выбор предлога и падежной формы имени (не *на памятник,* не *на мавзолей,* не *на мемориальную доску,* а *к памятнику, у памятника, у доски, к мавзолею, у мавзолея*). Обнаруживается, таким образом, не распространение «нового управления» глагола *возложить* (как интерпретируется этот факт в упомянутом словаре), а отсутствие управления, независимое от глагола, определяемое реалией употребление пространственной синтаксемы, преодолевающее даже регулярность соотношения приставки — предлога. Глагол *возложить* в таком употреблении становится экспрессивно-стилистическим синонимом (с оттенками официальной торжественности и почтительности) глагола *положить*, для которого характерна широкая сочетаемость с локативными формами.

Важная задача в изучении глагольной сочетаемости — выявить синтаксически релевантный уровень семантической абстракции глагольных значений, который позволит не «спускаться» в лексику и прийти к грамматическим обоб-

щениям. Образно говоря, исследователь должен найти в семантической структуре глагола ту струну, ту ноту, на которую откликается смысловым созвучием нужный тип синтаксем. Те или иные аккорды, комплексы сем в глаголе, определяют и набор синсемичных именных синтаксем и служат различителями в случаях омонимии и полисемии. Так, сема социативности, интерсубъектности действия, предполагающая позицию совместного субъекта в форме «*с* + тв. п.», объединяет глаголы различной семантики. Значение речевого, информативного действия открывает позицию делибератива при глаголах *разговаривать, спорить, полемизировать, договариваться* (*с кем — о чем, по поводу чего, на тему...*), модально-волюнтативная сема в последнем делает возможным сочетание его с инфинитивом (*договорились встретиться*). *Играть*, в разной степени проявляя потребность в синтаксеме совместного субъекта, реализует сему содержания в делиберативных синтаксемах (*играть вальс, играть роль Гамлета, играть в хоккей, в дочки-матери*), сему конкретного действия — в инструментальных (*играть цепочкой, играть на скрипке*).

Глагол *напоминать* в значении речевого действия предполагает соответственно синтаксемы адресата и делибератива (*кому что* или *о ком-о чем*), в значении неакционального выражает компаративное отношение между двумя предметными синтаксемами в именительном и винительном падеже.

Глагол *отвечать* располагает одним акциональным значением и двумя неакциональными. В акциональном сема реактивного действия реализуется в сочетании с синтаксемами *на что* (действие — стимул), *чем* (способ), сема речи — в сочетании с синтаксемами адресата (*кому*) и делиберата (*чем*). Неакциональный глагол *отвечать* выражает значение соответствия между предметами или явлениями (в формах именительного и дательного падежа) или значение морально-нравственного отношения к лицу, предмету или делу (*за кого-за что*).

Не укладываются в рамки управления, словосочетания и более сложные структурно-смысловые отношения, реализуемые глаголами каузативного значения. Приемы подачи их в словарях часто служат подтверждением недостаточности указания на падежную форму зависимого слова. Так, помета *кому-чему* при глаголах *помочь, помешать* [41] может

[41] См., например: *Daum E., Schenk W.* Die russischen Verben. Leipzig, 1963.

открывать позицию каузируемого субъекта второго действия (одушевленного либо неодушевленного, со значением коллектива). Но за пометой *чему* может стоять и другая синтаксема — второго действия, синонимичная синтаксемам, выраженным инфинитивом или формой «*в* + предл. п.» отвлеченного имени (*помешать отцу, бригаде работать, в работе* или *помешать работе*). Не соотносительны формы винительного и родительного при глаголах *пугать* и *пугаться*. Синтаксема родительного при *пугаться* означает каузатора действия и соотносительна с творительным каузатора при *пугать* (ср. *пугать ребенка волком — пугаться волка*).

Помета *кем-чем* при глаголе *командовать* иллюстрируется примерами *дети, школьниками, взводом, батареей, погрузкой, разгрузкой*, которые представляют две синтаксемы: первая со значением одушевленного объекта действия организуется личными существительными, а вариант ее — ограниченным кругом неличных имен, обозначающих коллектив; вторая — отвлеченными именами со значением действия. Таким образом, принятые пометы не отражают границы между синтаксемами.

То же при глаголах *авансировать, стимулировать*: *кого-что* может обозначать адресат (*застройщиков, коллектив застройщиков*), а *что* — процесс (*строительство, изыскания*) — ср.: *дать, застройщикам аванс на строительство*. Конструкции с каузативными глаголами *беспокоить, тревожить, волновать, возмущать, удивлять* и под. должны быть представлены в различных конфигурациях компонентов (*Больного беспокоят разговорами — Разговоры беспокоят больного*), в которых обнаруживается соотносительность разнооформленных каузаторов: тождество лингвистического факта выявляется в синтагматических и парадигматических координатах. В мотивации синтаксического функционирования глаголов должны быть разграничены лексическое и грамматическое как единичное и типовое (Л. В. Щерба).

11. Соотношение формы и функции в слове в привычных представлениях воплощается в соотношение части речи и члена предложения. Учение о членах предложения в традиционном или модернизированных вариантах остается основным инструментом анализа состава предложения. Изложенное понимание конститутивной синтаксической единицы позволяет вернуться к вопросу о членах предложения в новой связи.

Восприятие этого учения как реализованной возмож-

пости описания синтактики средствами семантики[42] идеализирует положение дел. Известно, что роль категорий членов предложения в организации и описании его структуры давно вызывает сомнение синтаксистов. «Члены предложения не имеют непосредственной связи с содержанием мысли, они выражают лишь синтаксические (грамматические) функции слов в предложении и только через их посредство указывают на общие категории содержания»,— писали М. Докулил и Ф. Данеш в 1958 г.[43] Позднее к этому пришли и представители генеративной семантики (Ч. Филлмор, Дж. Лаков, Дж. Росс, Дж. Макколи).

Однако признание синтаксиса единственным уровнем языка, непосредственно связанным с выражением мысли, понимание предложения как средства формирования и выражения мысли, с одной стороны, и одновременно констатация того, что основные единицы членения и организации предложения — члены предложения — не имеют непосредственной связи с содержанием мысли, с другой, вступают в конфликт между собой. Тем самым утверждается представление о двойной, нецелесообразно расточительной системе синтаксических средств: можно подумать, что эти средства существуют для того, чтобы не выражать непосредственную связь с содержанием мысли, и вместе с тем, чтобы каким-то окольным путем передать собеседнику содержание мысли.

Представляется, что соотнесение частей речи и членов предложения как формы и функции слова в синтаксисе не имеет под собой достаточной основы, так как эти категории не детерминируют единой формальной или содержательно-функциональной характеристики синтаксического поведения слова.

Путь автономного изучения синтаксических членов предложений и семантических компонентов предложений, которым идут многие синтаксисты, избавляет их от вопроса о синтаксических средствах выражения содержания. Неизбежны поиски иных принципов представления синтаксической структуры, обещающих ответ на этот вопрос.

[42] См.: *Степанов Ю. С.* Номинация, семантика, семиология.— В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 351.

[43] *Dokulil M., Daneš Fr.* K poměru mluvnické a významové stavby věty.— In: O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958, с. 231—246; см. также: *Зимек Р.* Соотношение словообразования и синтаксиса с точки зрения трансформационной грамматики.— Československé přednášky pro VII mezinárodní sjezd Slavistů (Varšava, 1973). Praha, 1973.

Выявление тех значимых компонентов, из которых конституируется предложение, привело лингвистов к наблюдениям над общностью словообразовательных и синтаксических структур. М. Докулил в монографии 1962 г. разработал анализ семантической структуры производных слов на основе ономасиологических категорий, таких как носитель свойства, носитель отношения к действию, носитель предметного отношения и т. п. [44]

В статье 1964 г., посвященной вопросу взаимоотношения словообразования и синтаксиса [45], М. Докулил отмечал, что компоненты словообразовательно мотивированного производного слова и семантико-синтаксические структуры имеют общую гносеологическую базу. Такие содержательные гносеологические (внеязыковые) категории как деятель, объект действия, орудие действия, носитель состояния и под. отражаются как в словообразовательной, так и — опосредованно — в синтаксической системе. При помощи этих категорий можно обнаружить связи и корреляции между словообразовательными и синтаксическими явлениями и описать как структуру производных слов, так и семантическую структуру синтаксических конструкций.

Эти категории поднимают на обобщенный уровень словообразовательные модели, создаваемые с помощью различных аффиксальных средств (ср. значение лица-агенса: *читатель, певец, истопник, наборщик, пахарь, стрелок;* лица — носителя признака: *гордец, богач, крепыш, ревнушка;* действия: *плавание, поливка, бег, бегство, беготня, щелчок, грабеж;* качества: *сухость, глубина, упрямство, желтизна;* места (вместилища): *пастбище, купальня, предгорье, пчельник, чайник, сахарница;* орудия: *выключатель, резец, подъемник, сверло, сеялка*).

Языковые единицы, оформленные разными словообразовательными и морфологическими способами, но объединенные общим категориальным значением, сближаются в своих синтаксических возможностях, функционируют как синтаксические синонимы. Например, названия действия *чертить* и *черчение* взаимозаменяемы в ряде конструкций (*люблю чертить — люблю черчение*); названия места *город*,

[44] *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině, I. Praha, 1962.

[45] *Dokulil M.* Zum Wechselseitigen Verhältnis zwischen Wortbildung und Syntax.— TLP, 1964, I, p. 215—224.

Об общей семантической основе («системе актантных значений») для классификации языковых фактов в синтаксисе и словообразовании см. также в кн.: *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974, с. 132 и др.

пастбище, палуба, дом и *в городе, на пастбище, на палубе, в доме, дома, на дому*, так же как названия времени *зима, вечер, полдень* и *зимой, вечером, вечерами, в полдень* участвуют в образовании синонимичных конструкций. Ср. их употребление в значении предикативно характеризуемого места — времени в субъектной позиции предложения: *Дом тихий, уютный — В доме тихо, уютно; Вечера темные — Вечерами темно;* либо как средств обозначения места-времени в номинативных экспозиционных предложениях: *Палуба. Холодный октябрьский вечер.— На палубе. Холодным октябрьским вечером; Под Одессой, в светлую, теплую ночь конца августа* (Бунин); *За полдень. Жарко* (Орлов).

В трудах последних лет все более настойчиво и плодотворно стала подчеркиваться мысль о связях словообразования и синтаксиса, о параллелизме их функций в производстве номинативных единиц, часто даже синонимичных, представляющих собой вариантные именования одного и того же денотата[46].

Соотношение синтаксиса и словообразования ждет дальнейших исследований. Гносеологическая общность содержательных категорий, обнаруживаемая в словообразовательных и синтаксических структурах, способность этих структур к синонимическим и вариативным взаимозаменам на базе содержательной общности вместе с тем требуют внимания и к различиям.

Основное различие между словообразовательным и синтаксическим способами номинации видят в том, что первые создают цельнооформленные единицы (слова), вторые — раздельнооформленные (словосочетания). Однако отношения между разными способами номинации сложнее; следует прежде всего разграничить два вида «синтаксической номинации», или, точнее, два смысла, стоящие за этим термином.

---

[46] См., например: Словообразование и фразообразование. Тезисы докладов на научной конференции. М., 1979; *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973; *Хохлачева В. Н.* Словообразование существительных в русском языке. Докт. дис. М., 1976; *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977; *Ушаков Н. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977; *Гинзбург Е. Л.* Словообразование и синтаксис. М., 1979; *Кубрякова Е. С.* Семантика производного слова.— В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, и др.

В результате лексико-синтаксической номинации создаются раздельнооформленные единицы именования: либо устойчивые сочетания, пополняющие лексемный материал (*белый гриб, зачетная книжка, дежурный по станции, вести переговоры* и т. д.— отвлечемся здесь от различий в степени устойчивости этих сочетаний, в характере зависимости и степени знаменательности их компонентов), либо свободные сочетания, воспроизводимые в речи по продуктивным языковым моделям (*строить голубятню, мост, города, считать звезды, кур, доходы, бояться сквозняков, неизвестности, рассчитывать на поддержку, продираться сквозь заросли, далекие звезды, твердо рассчитывать* и т. д.).

И устойчивые и свободные сочетания, будучи именованиями простых или более сложных расчлененных понятий, функционально подобны лексеме и, как лексема, располагают соответствующей совокупностью словоизменительных форм.

Синтаксическими же единицами и цельнооформленные и раздельнооформленные единицы именования становятся лишь благодаря второму виду синтаксической номинации, структурно-синтаксической, о которой и шла речь в данном разделе.

Лексико-синтаксическая номинация использует синтаксические средства ради собственно номинации, структурно-синтаксическая номинация обращена на службу синтаксису, результатом ее становятся синтаксемы: виртуальные единицы с их функционально-синтаксическими потенциями — в системе первичных, конститутивных единиц синтаксиса, реализуемые в позициях компонентов определенных конструкций — в системе предложения. Через структурно-смысловые компоненты предложения, реализующие в предикативном акте категориально-семантические значения синтаксем, язык и осуществляет возможность выразить содержание мысли на синтаксическом уровне.

О ЕДИНИЦАХ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Задача представления предложения в виде образца, схемы, модели, предикативного минимума, отвлеченного от конкретной речевой данности, поставленная синтаксической наукой 60—70-х годов, не сводима к технике грамма-

тического описания: принципы установления этих образцов и осмысления их системных связей создают целый комплекс теоретических проблем современного синтаксиса.

В настоящее время наибольшее распространение в научно-педагогических кругах получило введенное Академической грамматикой понятие «структурная схема» как способ представления предложения и как единица синтаксического описания.

Рожденное плодотворным стремлением и осознанной потребностью представить на уровне грамматической абстракции модели русского предложения в их предикативном минимуме, понятие структурной схемы сыграло значительную роль в систематизации синтаксического описания.

Вместе с тем организация синтаксического материала на основе такой единицы, как структурная схема, оставляет нерешенными некоторые существенные вопросы.

1. Структурную схему, обозначенную формулой, Грамматика определяет как синтаксический образец, по которому может быть построена отдельная относительно самостоятельная единица сообщения (Грамматика-80, § 1893).

Между тем не все формулы или схемы соответствуют этому определению. Для большинства безличных предложений недостаточен минимум, названный в формуле Vf_{3S}: единицами сообщения не могут служить независимо от контекста глаголы *Хочется; Мерещится; Пахнет; Тянет; Живется; Идет; Обстоит; Сводит; Бьет; Несет* и др. Формула Praed недостаточна, чтобы образовать по ней независимую от контекста коммуникативную единицу со словами (приводимыми в § 2574) *Похоже*; *Таково*; *Целесообразно*; *Близко; Видно;* (*Не*) *впервой; Иначе; Полбеды; Невдомек* и др. Не представляет необходимого минимума предложения схема $Adj_{pl.\ кратк.}$, ср. некоммуникативность таких предложений, как: *Должны; Услужливы; Заинтересованы* и под.

Во многих случаях не адекватна синтаксической реальности формула N_1. Собственно номинативные предложения образуются не всеми разрядами имен существительных. Вопреки утверждению Грамматики-80 (§ 2522) об отсутствии лексико-семантических ограничений для этой схемы, не могут стать независимыми единицами сообщения такие имена, как *единство, склонность, крестьянство, тираж, право, решение, существование, функциональность* и под., называющие отвлеченные понятия и явления, не поддающие-

ся конкретному пространственно-временному восприятию[47]. С другой стороны, под формулу N_1 подводятся предложения разнообразной структуры и значения, объединяемые лишь наличием формы именительного падежа в одном из компонентов (*Сыну год; У нас равноправие; С ним неприятность; Каждому свое; Между нами ссора; Войне конец; Без музыки не свадьба* и др.). Частые оговорки, в отношении данной схемы и других, об обязательности для таких предложений «конститутивной поддержки» или введения в их состав «детерминантов» сближают описываемый материал с действительностью, но противоречат исходному определению понятия структурной схемы и самой идее грамматической абстракции. Растворяется граница между языковой моделью и ее конкретной речевой реализацией.

Таким образом, остается не до конца решенной проблема соответствия единицы описания реальной синтаксической единице, а также проблема тождества синтаксической единицы, выделенной на уровне языкового образца, модели или схемы предложения.

2. Компоненты предложения разделены Академической грамматикой на две группы: главные и распространяющие члены предложения или, иначе, компоненты и некомпоненты предикативной основы. Не обсудив права именного члена предложения на роль «компонента», Грамматика сохранила традиционный критерий выделения подлежащего, с некоторыми исключениями, не получившими обоснования.

Сковывающая традиция морфологизма помешала увидеть в языковой реальности структурную роль номинативного первого главного члена, тех словоформ, которые подводятся под внутренне противоречивые именования «обязательных распространителей» структурной схемы предложения, «субъектных детерминантов» (если они обязательные и субъектные, то почему они распространители, а не компоненты структурной схемы?). Роль этих обязательных формантов как компонентов модели, предикативного минимума предложения определяется их необходимостью и достаточностью для существования самой модели. Выведение обязательных субъектных детерминантов за пределы предикативного минимума отрывает предикативный признак от его носителя, заставляет этот признак повис-

[47] См. об этом: *Золотова Г. А.* О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных.— В кн.: Памяти Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971, с. 84; *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. М., 1978, с. 183.

путь в воздухе, лишает предложение того типового значения, для выражения которого оно образовано.

Информативная недостаточность ряда образцов, предложенных Академической грамматикой, вызвала, как известно, попытки усовершенствовать понятие структурной схемы.

Были выдвинуты предложения дополнить структурную схему предложения набором минимальных моделей реализации данной схемы, в которых схема расширяется «облигаторным распространителем»; понятием «минимальных структурно-грамматических типов предложений», возникающих при реализации схемы; разработана концепция «разных видов предикативных минимумов предложения»: формально-грамматического, дающего минимальную структурную схему, и номинативного минимума, дающего расширенную структурную схему [48].

Возражая против противопоставления «грамматической достаточности» и «информативной достаточности» предикативной единицы, И. П. Распопов убедительно писал, что предложение — такая лингвистическая единица, которая предназначена для выражения осмысленных сообщений, а вовсе не синтаксических категорий модальности и времени самих по себе, поэтому «информативно недостаточных предложений» попросту не существует [49].

Выявление различий между необходимыми компонентами предикативного минимума и его распространителями, уточнение теоретических представлений о составе предложения остается задачей, требующей дальнейших усилий.

3. Возникает вопрос об отношении между структурной схемой предложения и манифестирующей ее реальной языковой единицей. Стало привычным рассматривать реальное предложение как результат «лексического наполнения» схемы. Но схема сама по себе не дана в языке и речи, этот лингвистический конструкт возможен лишь постольку, поскольку в языке и речи существуют его лексически наполненные репрезентации.

Постановка вопроса о возможной независимости схемы

---

[48] См.: *Кокорина С. И.* О реализации структурной схемы предложения.— ВЯ, 1975, № 3; *Арват Н. Н.* Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке. Докт. дис. М., 1976; *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

[49] *Распопов И. П.* Что же такое структурная схема предложения.— ВЯ, 1976, № 2, с. 69.

от значения компонентов вообще кажется неправомерной[50]. Само понятие формулы, схемы, абстрактной структуры, выведенной в отвлечении от лексического наполнения, предполагает безразличие к лексическому наполнению, идентичность структур, получаемых при наполнении.

Но схем, свободных для любых классов лексики, свободных от семантической избирательности, не существует. Даже такие, казалось бы, универсальные модели, как $N_1 - Vf$ и $N_1 - Adj$, не обладают полной свободой лексического наполнения. Далеко не всякий личный глагол с именем в им. п. создает предложение с общим значением 'субъект и его действие' (ср.: **Школа находится*; **Поэма отличается*; **Скромность отличает*; **Дом принадлежит*), так же как не всякое прилагательное, сопряженное с именем в им. п., создает предложение с общим значением 'предмет и его признак' (ср. **Скромность присуща*; **Настойчивость свойственна* и т. п.).

В других моделях, которые могут символизироваться знаками *у* $N_2 - N_1$, $N_3 - Praed$, $N_1 - в\ N_6$ и т. п., действуют разнообразные лексико-семантические ограничения.

Бессмысленны были бы предложения **У прыжков грипп*; **Ширине весело*; **Ходьба в тоске*; **Чтение бегает*; **В небе летят*; **Образуют*; **С положением трудно*; **Масло пишет картину*; **Соседу принадлежится* и т. п. Дело здесь не в индивидуальной несовместимости слов, а в том, что сами модели, представляемые этими примерами, возникли из сопряжения слов (и, следовательно, для сопряжения слов) иных семантико-грамматических разрядов. Иногда говорят о несоответствии грамматического значения компонентов схемы и их лексического наполнения, но речь должна идти в таких случаях о несоответствии типичного, привычного категориально-семантического наполнения модели, от которого и абстрагировано представление о «грамматическом значении компонентов», и необычного, нетипичного, окказионального.

Если полагать, что лексическое наполнение приходит

[50] Ср.: «Само обозначение «лексическое наполнение» дает как будто основание исходить из первичности отвлеченной синтаксической схемы и вторичности ее лексической реализации. Можно думать, что на самом деле синтаксическая схема включает в себя указания не только на грамматические, но и на лексико-семантические признаки образующих ее компонентов. Иными словами, эти компоненты охарактеризованы не только грамматически, но и лексически» (*Шмелев Д. Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976, с. 124).

и уходит, а абстрактная схема предложения остается, возникает вопрос: откуда берется семантика типа, модели предложения? Ведь лексическая семантика, отражающая действительность, уйдет сквозь ячейки синтаксической сети, как мелкая рыбешка, а сама сеть не удержит семантического содержания синтаксиса. Необходимо уточнить существующие представления об уровне грамматической абстракции для синтаксиса.

Рассуждая о безразличии для изучаемого объекта разного уровня абстракции в традиционной и структурной лингвистике, В. А. Звегинцев приводит сравнение: смотреть ли на колокольню Ивана Великого в Москве с расстояния в 5 шагов и в 5 километров — она остается тем же, колокольней Ивана Великого[51].

Это справедливо, но важно при этом, что́ мы видим в объекте, что́ хотим узнать о нем. Разница в расстоянии безразлична лишь в том случае, если мы заранее знаем, что колокольня — это колокольня. А если предстоит идентифицировать объект, определить его место в ряду подобных и противопоставленных объектов — найти его релевантные признаки, тогда расстояние оказывается небезразличным. Если колокольню изучает историк или архитектор, для него важны древность памятника, возраст, композиционные формы, строительный материал, тут за 5 км много не изучишь. Но допустим, что летчик ведет самолет над ночным городом при плохой видимости, а на колокольне, как и на других высших точках города, горит красный свет. Тут колокольня выступает в другой функции — как локационный объект, и для летчика важны не древность ее, не архитектурные достоинства, а высота и местоположение по отношению к другим локационным объектам. И колокольня в этой функции выступает не в ряду с архитектурными памятниками, а в ряду с высотными зданиями, телевизионной башней и под. Опознать этот объект летчику надо, наверное, раньше чем за 5 км. Этим отступлением хочу подчеркнуть, что уровень абстракции — величина не заданная заранее. Это искомая величина, и чем вернее мы установим этот уровень — там, где изучаемый объект проявляет релевантные различительные признаки, осуществляя свою функцию, тем успешнее окажется исследование.

---

[51] См.: *Звегинцев В. А.* Язык и лингвистическая теория. М., 1973, с. 12.

Абстракция от конкретного — необходимый инструмент и условие теоретического познания. Но где должна пролечь граница между конкретным и абстрактным, чтобы сохранить существенные черты конкретного в его схеме?

Нелишне вспомнить возможность употребления понятия «абстракция» и в пейоративном смысле. В. В. Виноградов так излагает взгляды А. А. Потебни на падеж: «То, что в традиционном представлении составляет один падеж, например, творительный, является абстракцией, а не действительной грамматической формой»[52].

Уровень абстракции, на котором возникают собственно синтаксические различия, определяется взаимодействием лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса, формы и содержания.

Когда говорят о соотношении формы и содержания в синтаксисе, обычно принимают за известную величину понятие формы, структуры. Между тем именно оно нуждается в уточнении.

По-видимому, сейчас уже не вызывает возражений тот тезис, что форма в синтаксисе не сводима к морфологическому показателю, так же как синтаксическая структура предложения — к формуле морфологического выражения его компонентов. Дискутируется вопрос о роли семантической избирательности в синтаксисе, получают применение в синтаксических формализациях семантические маркеры. Но сталкиваясь с проблемой тождества и различия синтаксических моделей, снова оказываемся перед вопросом: достаточно ли морфологического подобия компонентов предложения, чтобы считать их представляющими одну и ту же модель? Например, можно ли считать тождественной структуру предложений, представляемых образцами (1) *Ключ в ящике*; (2) *Сила в единстве*; (3) *Трава в росе*; (4) *Мать в тревоге*, если все они могут быть записаны одной формулой N_1—*в* N_2? При общих морфологических показателях, отраженных в формуле, предложения явно служат сообщению различного типового значения: (1) о признаке предмета (по его местоположению), (2) о содержании отвлеченного понятия, (3) о признаке предмета (по характеру его поверхности), (4) о состоянии лица (живого существа).

Выдвигают в таких случаях идею полисемичности схе-

---

[52] *Виноградов В. В.* Современный русский язык, ч. 1. М., 1938.

мы или омонимичности схем. Но когда выявляют полисемию в лексике, допустим, в слове *стол*, или омонимию в слове *ключ*, ее выявляют в определенной материальной единице, слове. Какая же материальная единица представлена формулой $N_1 - в\ N_e$? Это только рама, в которую может быть вставлена та или иная картина (ср. примеры 1—4), а можно ли видеть полисемичность в раме без картины? Очевидно во всяком случае, что полисемичность слова и синтаксической формулы — явления разного порядка.

Есть своя иерархия у ступеней абстрагирования от конкретного[53]. Для каждого из языковых «ярусов» релевантность необходимой ступени абстракции устанавливается с точки зрения функциональных критериев и научных задач.

От некоторого множества физических звуков абстрагируется понятие фонемы как смыслоразличительного звука. По определенным признакам звуки составляют группы, классы: согласные, гласные, сонорные, губные, зубные и др. В изучении фонетических закономерностей возможно обобщение ряда фонем на уровне этих классов. Известны формулы tʌrt, tʌlt и под., которые «работают» при изучении исторических закономерностей в фонетике русского слова. Но можно ли утверждать, что уровень, отраженный в формулах tʌrt, tʌlt, достаточен для того, чтобы установить, скажем, омонимичность слов *толк, торс, торт, порт, сорт* и т. д.? Очевидно, что нет: для обнаружения омонимичности нужно совпадение слов не на абстрактной ступени, отражающей общие, но нерелевантные для смысла признаки, нужно материальное совпадение звуков на уровне фонем.

Аналогично положение в синтаксисе. Совпадение морфологических признаков предложений разного компонентного состава в структурной схеме (*Отец работает* и *Туман редеет; Мать в тревоге* и *Трава в росе*) рассматривают как проявление омонимии предложений разных значений в одной форме. Но так же, как и в случае с tʌrt, tʌlt, здесь нет материального совпадения структур, ибо компоненты каждого из типов формируются иными семантико-грамматическими категориями подклассов частей речи.

---

[53] Ср.: «В структуре предложения мы находим целую градацию обобщений» (*Адмони В. Г.* Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, с. 107).

Даже если принять идею полисемичности синтаксической формулы, эта идея не имеет объяснительной силы, она не помогает понять, откуда же берутся различия между предложениями (1)—(4). Свести все дело к лексике нельзя, потому что эти различия не индивидуальные, а обобщенные: неограниченное множество предложений, подводимых под данную формулу, распределится между типами (1)—(4) [54]. Бо́льший эффект даст рассмотрение того, какие предпосылки получаемого семантического результата (типового значения) выражены в каждом из типов.

Прежде всего, выражены категориально-семантические различия компонентов (представляющих, соответственно, имена конкретно-предметные, личные (подкласса одушевленных), отвлеченные, неограниченного или ограниченного круга). Эти различия не позволяют, скажем, поменять местами имена разных подклассов в пределах той же формулы: бессмысленность примеров *Мать в единстве; *Ключ в тревоге; *Сила в ящике; *Трава в единстве и т. п. подрывает доверие к обобщающей власти формулы и делает очевидной нетождественность структуры в синтагматическом плане.

Выраженность различий подкрепляется планом парадигматическим: различием способов оформления синтаксических синонимов для каждой группы — и в наборе вспомогательных слов, вербализующих обобщенное значение компонентов, и в составе моделей, передающих то же типовое значение сопряжением одноименных, но разнооформленных компонентов. Ср.: (1) *Ключ находится, лежит в сумке*; *Пальто находится, висит, лежит в шкафу*; *Склад находится, помещается в подвале*; (2) *Сила заключается в единстве; Его обаяние заключается, состоит в искренности; Искренность составляет его обаяние*; (3) *Трава покрыта росой; Сапоги покрыты пылью; На траве роса; На сапогах пыль; Сапоги запыленные*; (4) *Мать тре-*

[54] Более детальную классификацию, подтверждающую структурные различия между моделями, подводимыми под формулу N_1—*в* N_6, см. в специальных исследованиях: *Кан Ю. Н.* Предикативное употребление предложно-падежных сочетаний в современном русском языке. Канд. дис. М., 1965; *Безденежных Е. Л.* Двусоставные безглагольные предложения в современном русском языке. Канд. дис. М., 1972; *Рословец Я. И.* Предложно-падежные формы в предикативной функции в современном русском языке.— Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1960, № 148, вып. 10; *Лекант П. А.* Об одной из форм сказуемого в современном русском литературном языке.— Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1966, т. 160, вып. 8.

вожится; Мать встревожена; Мать охвачена тревогой; Тигр разъярен; Тигр в разъяренном состоянии; Тигр испытывает ярость и т. п. Анализ приведенных примеров показывает, что перед нами четыре типа синтаксических конструкций, каждый из которых организуется своим комплексом семантико-грамматических компонентов, а общего для всех типов набора компонентов нет.

Абстрагируя «чистую форму» от множества конкретных употреблений, мы отбрасываем, таким образом, нечто значительное, обеспечивающее ее modus vivendi. Лексико-семантические (точнее, семантико-грамматические) характеристики оказываются непременным условием существования модели. Право исследователя изолировать тот или иной участок или аспект системы для частичного описания не должно вступать в противоречие с условиями существования этого участка или аспекта. Взаимопроникновение, взаимообусловленность элементов языковой системы бывают таковы, что наличие одних элементов или их существенных признаков определяется наличием или существенными признаками других элементов [55].

Очевидно, что релевантная для синтаксической структуры абстракция не находится на уровне морфологических показателей членов предложения, что уровень синтаксической абстракции должен быть адекватен синтаксическим реалиям, что идентификация синтаксической формы, синтаксической структуры невозможна без учета выраженного языковыми средствами обобщенного содержания. «Семантическое наполнение» предложения, принадлежность его компонентов к определенным семантико-грамматическим подклассам является признаком синтаксической формы предложения. Аналогия с фонетическими формулами может прояснить и другую сторону дела: отношение между схемой и манифестирующим ее реальным предложением. Было бы странно считать, что слова появляются в результате «фонетического наполнения» схем типа ъъгг.

По-видимому, справедливым будет утверждение, что семантические факторы вступают в действие при органи-

---

[55] Исходя из неразрывной связи грамматической природы слова с его семантикой, Ю. Н. Караулов предполагает «существование в предложении непрерывного спектра перехода от семантики к синтаксису и от синтаксиса к семантике», что побуждает к «поискам общего знаменателя в представлении семантики и синтаксиса» (*Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981, с. 326—327).

зации (или при выборе) схемы, а не «при реализации» ее.

Остаются сомнения в том, целесообразен ли, экономен ли для грамматического описания отраженный в «структурных схемах» предложения уровень синтаксической абстракции, который недостаточно дифференцированно репрезентируется в языковом материале. Вопрос о категориально-семантической ступени абстракции, на которой должна быть установлена планка шкалы возможных абстракций для синтаксиса так, чтобы не вступали в противоречие критерии обобщенности и точности (см. Грамматика-80, § 1965), также требует дальнейшего изучения.

2.4. Грамматика-80 вводит и новую, по сравнению с Грамматикой-70, единицу описания, положенную в основу второго, параллельного плана анализа и классификации предложений — семантическую структуру предложения. Правда, статус этого понятия несколько сбивчив: семантическая структура предложения рассматривается то как одна из ступеней языкового значения предложения (§ 1897 и др.), то как языковая единица (?) (§ 1894).

Иерархия языковых значений предложения (и его структурной схемы) представлена в виде трех основных ступеней:

предикативность
↑
семантика структурной схемы
↑
семантическая структура предложения

Предикативность трактуется как грамматическое значение любого предложения (или структурной схемы), соотносящее сообщение с тем или иным временны́м планом действительности. Крен в грамматическую характеристику категорий времени и модальности приводит к тому, что образуется разрыв между так трактуемой предикативностью и употреблением понятий «предикативная основа», «предикативный признак и субъект — его носитель», «подлежащее и сказуемое». Остается недосказанным, возникает ли предикативность между предикативным признаком и его носителем, между подлежащим и сказуемым. Иначе — возникает ли предикативность между синтаксическими или семантическими субъектом и предикатом? Существуют ли в одном предложении одновременно разные виды предикативности?

Что касается двух других понятий, то они по замыслу соотнесены как более общая и более конкретная степени абстракции значения. Впрочем, в описании материала они

иногда как бы и меняются местами (ср., например, § 2372 и 2376). Это перемещение становится возможным и потому, что недостаточно четко сопоставлены и разграничены эти два понятия: семантика типа предложения и «более определенное значение» — семантическая структура предложения (§ 1714, 1897 и др.). Если первое среди прочих факторов формируется «правилами лексического наполнения», а второе — «лексическими значениями» слов, оба ставятся в зависимость от лексических значений. Но лексические значения конкретных слов участвуют в выражении конкретного значения данного предложения. Семантика же отвлеченного образца возникает в результате абстрагирования категориально-семантических значений слов от индивидуально-лексических во множестве подобных предложений. Поэтому само определение семантической структуры предложения («значение, образующееся взаимодействием семантики отвлеченного образца и лексических значений вошедших в предложение слов») оказывается либо тавтологичным, либо утрачивающим силу абстракции.

Распределение значений по этим ступеням, как представляется, допускает некоторые коррективы.

1) Грамматическое значение предложения можно видеть не просто в отнесенности сообщения к временно́му плану, а в отнесенности (отношении) предикативного признака к его носителю в том или ином временно́м плане (или в плане времени, модальности и лица,— подробнее о категории предикативности см. в следующей главе).

Желательность такого уточнения грамматического значения простого предложения становится еще более явственной при сравнении с тем, как определяются в Грамматике-80 значения других синтаксических единиц: для словосочетания это — о т н о ш е н и я между словами при присловной подчинительной связи (см. § 1881, 1884), для сложного предложения — о т н о ш е н и я внутри сложного предложения, выражающиеся средствами сочинительной или подчинительной связи (§ 2755). Но дело не только в возможности унифицировать определения однородных понятий, а в принципах разграничения грамматического и семантико-грамматического в структуре предложения. Категории предикативного признака и субъекта — его носителя являются категориями не только семантическими, но и категориями структурной, грамматической организации предложения. Только то, что является общим для

любого предложения, не зависимым от его формы и категориального содержания, можно считать собственно грамматическим, обусловленным существом организации данной единицы синтаксического уровня. Это общее — предикативное отношение признака к его носителю.

Типовые разновидности этого отношения определяются типами предложений, разным формально-содержательным составом их главных компонентов. Поскольку форма и содержание обоих компонентов взаимно обусловлены, производный от них характер отношений между ними представляет план семантико-грамматической структуры предложения.

Когда в семантике схемы или в семантической структуре предложений *Ночь; Засуха* обнаруживают семантические компоненты «субъект — его существование, наличие» (§ 2523), в предложениях *У нее цветов! У меня дел!* «субъект — его состояние владения, обладания чем-л. — множественный объект» (§ 2548), здесь не разграничиваются планы грамматический и семантико-грамматический: вторые из названных компонентов (существование, наличие, состояние) не представлены в структуре предложения, в ряд компонентов переводится значение самого предикативного, грамматического отношения. Можно его сформулировать как предикативное отношение названного признака (*Ночь; Засуха*) к носителю (среде, данному пространству и времени), предикативное отношение признака (объекта владения) к носителю (субъекту владения).

Трактовка самих понятий субъекта и предикативного признака в Грамматике-80 то и дело обнаруживает следы «досемантических» представлений, влияния схемы членов предложения.

«Семантика схемы» предложений, представленных примерами *Шопот; Неприятность; Тоска; Грипп* определяется как «субъект — его существование» (§ 2523). При распространении этой схемы субъектным детерминантом компонент со значением субъекта существования (*Грипп; Неприятность. . .*) «преобразуется» в компонент со значением чьего-л. действия, состояния, обладания, восприятия (*У ребенка грипп; У него неприятность*). Но предложение не может состоять из субъектного компонента, распространенного субъектным компонентом. Слова типа *грипп, тоска, шопот* и под. всегда, в любой синтаксической позиции (исключая, конечно, переносное, метафорическое употребление) обозначают действие, состояние, т. е. име-

ют признаковое значение, а не предметное. Здесь, как и во всех других случаях, происходит предикативное сопряжение субъектного компонента с признаковым (*У ребенка грипп; У него неприятность*), либо отнесение признака к субъекту, не названному, но имеющему значение определенно-личное, либо обобщенно-личное, либо неопределенно-личное (*Грипп; Тоска; Неприятность*). В обоих случаях перед нами варианты одной и той же модели, двухкомпонентной, нераспространенной, в полном или неполном составе, при одном и том же признаковом значении номинатива. Употребительность «бессубъектного» варианта связана с его коммуникативно-стилистической спецификой, прикрепляющей его к определенным коммуникативным типам речи, которые изображают восприятие названных признаков «здесь» и «сейчас», отсюда и избыточность субъектного компонента.

2) Помимо констатации предикативного отношения на долю семантики схемы остается информация слишком общая, основанная на «частеречном» составе компонентов. См., например, в § 1913: у предложения *Дети веселятся* оказывается та же семантика схемы «отношение между субъектом и его предикативным признаком — процессуальным состоянием», что и у предложений *Друзей не находится; Несчастья не случилось*. Разве в этих предложениях сообщается о состоянии друзей или о состоянии несчастья? Определения исходят лишь из того, что предикативный признак выражен глаголом. Вряд ли имеет познавательное значение уровень семантического обобщения, на котором под общее понятие состояния подводятся значения наличия и отсутствия, владения — невладения, обладания качеством, свойством, назначения, функции,—т. е. все неглагольные предикаты (§ 1967). Дублирование морфологических характеристик в «семантических» терминах проявляется, например, и в противопоставлении процессуального и непроцессуального состояния: последнее иллюстрируется безглагольными предложениями *Мороз; Морозно; Тишина; Больному плохо* (§ 1966), хотя с точки зрения семантики в этих предложениях сообщается о состоянии среды или лица, длящемся во времени, т. е. процессуально.

Таким образом, часть информации, заключенной в «семантике схемы», справедливее было бы отнести к грамматической характеристике предложения. Останутся ли у «семантики схемы» средства существования?

Какое же место занимает семантическая характеристика предложения по отношению к грамматической?

3) По ходу изложения системы простого предложения в Грамматике-80 можно наблюдать, как логика материала временами переиначивает замысел дать параллельный, дополнительный к грамматическому план семантической характеристики предложения, вплоть до слияния этих планов, например, в § 2372. Здесь грамматическая абстракция структурной схемы воспарила слишком высоко над морфологическими показателями: под одну формулу $N_1-N_2...$ (Adv.)$_i$ помещены предложения с предикатами, выраженными всеми косвенными падежами без предлогов, всеми предложно-падежными формами, наречиями, компаративами, деепричастиями. Однако в пунктах этого параграфа (под рубрикой «Грамматическая характеристика») каждая модель предложения квалифицируется одновременно с точки зрения формы и значения предиката (см. также § 2450 и некот. др.). Вместо двух структур — грамматической и семантической, перед нами — единая семантико-грамматическая структура каждой из моделей. Эта незапрограммированная, по-видимому, возможность делает очевидной неэкономность синтаксического описания, в котором каждый тип предложения характеризуется дважды: в одном разделе — с точки зрения «грамматической организации и лексического состава» предикативной основы и распространителей, в другом — с точки зрения семантики тех же главных и распространяющих компонентов.

Таким образом, вопрос о структуре языкового значения предложения и соотношении в нем грамматических и семантических характеристик не получает в Грамматике-80 окончательного решения.

5. Из обсуждаемых вопросов, объединившихся вокруг понятия единицы синтаксического описания, одни возникают как результат поставленных Грамматикой, но не до конца решенных задач, другие порождены самим комплексом дискуссионных проблем синтаксиса. Возможности совершенствования любого грамматического труда и в технике описания, и в концепционной его основе всегда остаются безграничными. Введение в синтаксис семантического анализа означает подъем синтаксической науки на ступень выше, откуда должны быть лучше видны новые связи явлений, новые перспективы развития.

Разделение грамматического и семантического описания предложения по разным главам не снимает вопросов об их взаимном отношении, о закономерностях взаимного устройства значений языковых средств и средств оформле-

ния значений [56], о тех выводах для грамматической теории, которые вытекают из семантического осмысления синтаксического строя, об организации полученной информации о русском синтаксисе для получения новой информации.

«Выведение из данных в опыте фактов «речи» („parole") общего, т. е. «языка как системы» („langue"), является, как всякое обобщение единичных фактов, одной из основных целей, к которым стремится каждая наука: вопрос о причинных связях явлений может с успехом ставиться лишь в той мере, в которой продвинут процесс обобщения частного» [57].

6. В данной работе за единицу описания структуры предложения принимается понятие м о д е л и предложения. Отчасти в повторение, отчасти в развитие некоторых положений «Очерка..» 1973 г. изложим ряд исходных представлений.

1) Модель предложения понимается как минимально достаточное предикативное сочетание взаимообусловленных компонентов, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением. Модель репрезентируется живым образцом предложения, готовым к употреблению, и наблюдаемым в употреблении, но взятым в существенном (в его предикативном минимуме) и в типическом, в ряду аналогичных моделей.

2) Компоненты предикативного минимума образуются, как правило, синтаксемами свободного или обусловленного типа. Синтаксемы, вступающие в присловную связь, в случае семантической недостаточности одного из главных компонентов входят в его состав. Проблема противопоставления грамматической и информативной достаточности модели при таком подходе не встает.

Роль главных компонентов модели определяется их необходимостью и достаточностью для существования са-

---

[56] Выше, в разделе о конститутивной единице (с. 63—65), говорилось о том, что граница между означающим и означаемым в синтаксической единице не соответствует границе между грамматикой и семантикой. И. П. Распопов, обсуждая вопрос о семантической структуре предложения, на том же основании делает вывод об абсурдности самой постановки вопроса о соотношении семантической и грамматической структур предложения, поскольку грамматика и ее категории обладают своей семантикой. Полемическая заостренность вывода — свидетельство актуальности проблемы (см.: *Распопов И. П.* Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения.— ВЯ, 1981, № 4, с. 32).

[57] *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения.— В кн.: *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 49.

мой модели, без опоры на контекстные поддержки. Первый из главных компонентов, носитель предикативного признака, отвечает совокупности синтаксических, морфологических и семантических требований, которые рассматриваются ниже в специальном разделе. Квалификация его как синтаксически независимого члена предложения опирается не на противопоставление именительного падежа косвенным, а на синтаксическое противопоставление свободных и обусловленных синтаксем, форма которых не зависит от другого слова, связанным синтаксемам, употребляющимся лишь в присловной позиции.

3) Модели предложения принадлежит определенная система языковых значений. Общеграмматическое значение всякого простого предложения — отношение предикативного признака к его носителю в плане времени, модальности и лица. Дифференцируются модели на основе семантико-грамматического типового значения, выражаемого категориальным содержанием и формой предикативно сопряженных компонентов. Типовые значения более общие могут иметь свои разновидности.

4) Модель предложения находится в центре синтаксического поля предложения — системы грамматических форм, семантико-грамматических и коммуникативно-экспрессивных модификаций, а также синонимических коррелятов. Отношения центра — периферии лежат в основе типологии моделей русского предложения.

5) Каждая из моделей имеет исходный, нейтральный порядок слов и тем самым представляет одну из возможностей композиционно-синтаксического включения в определенный тип текста. Вариации порядка слов и места логического ударения («актуального членения») связаны с участием предложения в контекстах разного типа, изучение их составляет проблематику структуры текста.

О СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИНТАКСИСА

1. С точки зрения системной организации синтаксиса модель предложения предстает в качестве единицы расчленения всей совокупности разнообразных предложений языковой реальности как целого. В составе моделей, в их внутреннем устройстве релевантны здесь не их общеграмматическое предикативное значение, которое объединяет

все модели, а различия в форме и значении главных компонентов. Этими семантико-грамматическими различиями, по которым модели сопоставляются и противопоставляются, определяются понятия типа предложения и — в аспекте взаимных связей между типами — системная упорядоченность, типология предложения.

Задаваясь вопросом о системной организации синтаксиса, принимаем за исходные следующие положения:

1) Система понимается в общенаучном смысле как известная иерархическая упорядоченность элементов в их существенных признаках и взаимных связях.

2) Синтаксис русского (как и всякого другого) языка представляет своим устройством некую систему. Этот пункт может быть принят как допущение.

3) В силу относительности человеческого познания система языка (и его синтаксиса) и система наших грамматических представлений о языковом устройстве не могут быть адекватными. Есть собственно организованность синтаксиса как данность и организация наших знаний о нем.

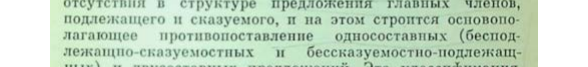
4) Условиями поступательного научного приближения к объекту должны быть осознание этой неадекватности и критический подход к тому относительному уровню знаний, которого достигает исследование объекта на каждом историческом этапе развития науки. Усилия человеческой мысли систематизировать существующие представления об объекте исследования принимают форму научных классификаций, которые являются результатом познавательной работы для данного этапа и вместе с тем орудием познания.

Эффективность научной классификации определяется тем, насколько существенны абстрагированные от предмета признаки, принятые за principium divisionis, и насколько последовательны, непротиворечивы предлагаемые этой классификацией рубрики. В меру существенности и последовательности выявленных признаков, представленных в их взаимных отношениях, полученная картина целого должна содержать новую информацию в соответствии с принципом: целое больше суммы его частей. С этой точки зрения следует оценить те классификации, на которые опирается система современных представлений о синтаксическом строе языка.

2. Имеющиеся опыты упорядочения синтаксических явлений русского языка, обобщенные в грамматиках и

учебных пособиях, предлагают разнообразные квалификации предложений на основе различных признаков, отражающих разные стороны устройства предложений. Так, среди простых предложений встречаем типы односоставных—двусоставных, глагольных—именных, активных—пассивных, агентивных—деагентивных, личных—безличных, определенно-личных—неопределенно-личных и т. д. Обычно не обсуждаются вопросы о том, соотносятся ли и как соотносятся между собой эти различные характеристики, составляют ли они иерархию как основные и производные, являются ли они совместимыми, дополняющими или взаимоисключающими друг друга, чем отличаются друг от друга противочлены оппозиций, какое место предложения с этими характеристиками занимают в общей системе синтаксиса данного языка.

Принятая в современной грамматике система классификации типов простого предложения восходит, как известно, к «Синтаксису русского языка» А. А. Шахматова. Принципом деления служит признак наличия—отсутствия в структуре предложения главных членов, подлежащего и сказуемого, и на этом строится основополагающее противопоставление односоставных (бесподлежащно-сказуемостных и бессказуемостно-подлежащных) и двусоставных предложений. Эта классификация, неоднократно подвергавшаяся критическому обсуждению в лингвистической литературе, с незначительными модификациями предстает в описательных грамматиках, исследованиях, учебниках[58]. Вот схема этой классификации, сложившаяся в грамматиках 50-х годов:

Обращает на себя внимание детализация односоставных типов и отсутствие ее по отношению к двусоставным[59].

---

[58] Ср. современные вузовские пособия: *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. М., 1978; *Бабайцева В. В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979; *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979; *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Синтаксис. Пунктуация. М., 1981.

[59] И. П. Распопов высказывал сомнения в связи с тем обстоятельством, что и в Грамматике-70 односоставные предложения, пред-

Разнообразие грамматико-семантических структур двусоставных предложений косвенно получает отражение в описании способов выражения сказуемого (глагольного, адъективного, субстантивного и др.), но разграничивать на этом основании типы предложения не принято.

Специалисты, как бы примиряясь с неизбежностью, констатируют отсутствие единого принципа классификации односоставных предложений. Так, В. А. Белошапкова пишет о «неопределенности и зыбкости границ традиционных типов односоставных предложений», о том, что «разные типы односоставных предложений выделяются на основе разных признаков». О. Б. Сиротинина отмечает, что «последовательного применения одного принципа деления ни в одной классификации односоставных предикативных единиц нет», признавая «невозможность классификации односоставных предложений по одному принципу»[60].

Как один из главных критериев дифференциации фигурирует признак «личности». Термин «личность» употребляется в лингвистике неоднозначно, но здесь он означает, что позицию подлежащего занимает имя в именительном падеже (или его перечисляемые субституты со значением опредмеченного понятия). Что отражает это грамматическое установление? Прежде всего признание действительной центральности в грамматической системе, частотности глагольно-именного (N_1—Vf) типа предложения. Вместе с тем нельзя не видеть здесь влияния логико-грамматических концепций и грамматик европейских языков. Отсюда — суженное, обедненное представление о действительном многообразии форм первого главного члена, носителя предикативного признака, неоправданность синтаксического противопоставления именительного падежа косвенным, нарушенное, смещенное соотношение синтаксических, морфологических и семантических признаков в представлении о подлежащем.

Адекватность принятой классификации действительной синтаксической системе могла бы быть гарантиро-

---

ставленные 23 схемами, оказываются по своему составу и строению сложнее и многообразнее двусоставных, представленных только 11 схемами (см.: *Распопов И. П.* Что же такое структурная схема предложения.— ВЯ, 1976, № 2, с. 66).

[60] См.: *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. с. 97—99; *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980, с. 74—75.

вана надежностью критериев выделения главных членов предложения. Но этой гарантии и не было. Многочисленные спорные случаи разграничения членов предложения остаются источником синтаксических дискуссий, свидетельствуя о недостаточности или противоречивости признаков, по которым они должны различаться.

В самом деле, вступают в противоречие два основных признака подлежащего: морфологический признак предписывает ему форму именительного падежа, а структурно-смысловой — роль субъекта, носителя предикативного признака. Между тем целый ряд предложений представляют нам носителя признака в иных формах, косвенных падежей, ср., например:

Он не работает	— *Ему* не работается
Он грустит	— *Ему* грустно
Деньги есть	— *Денег* нет
Вода прибывает	— *Воды* прибывает
Он бредит	— *У него* бред
Она в обмороке	— *С ней* обморок и т. д.

Нет иных причин, кроме чисто морфологического ограничения, считать подчеркнутые формы имени в правом столбце дополнениями или другими распространителями предикативной основы. В структурно-смысловом отношении все они служат выражением носителя предицируемого признака. С точки зрения собственно синтаксической существенно то, что данная их форма не задается словом-сказуемым, они не являются его подчиненным распространителем (ср. невозможность словосочетаний **работаться кому, *прибывать чего*). Выбор формы *вода/воды* не зависит от глагола *прибывает*, что не подтверждает трудно доказуемого тезиса об управлении личным глаголом формой именительного падежа подлежащего. Таким образом, все приведенные в правом столбце именные формы в косвенных падежах функционируют как главный член предложения, вступающий в предикативную связь с другим главным членом, обозначающим его признак.

С другой стороны, в ряде предложений имя в именительном падеже обозначает не носителя признака, а предикативный признак, приписываемый субъекту, выраженному другой именной формой, например: Малышу г о д; У больного р а д и к у л и т; С тетушкой о б м о р о к;

Во мне какая-то тревога; Книгу отличает поэтичность; На дворе дождь и холод.

Нельзя не заметить, что во всех этих примерах имена существительные в именительном падеже имеют не предметное, а отвлеченное, признаковое значение и при нейтральном порядке слов находятся в постпозиции по отношению к предметным именам носителя признака, что соответствует структурно-смысловому отношению между ними. Можно обратить внимание и на то, что в ряду синонимических конструкций (или в синонимических преобразованиях) сохраняется парадигматическая соотносительность словоформ с предметным значением носителя признака и соотносительность предикативных признаковых словоформ,— разнооформленных, таким образом, по одноименных:

Она в обморо-	— *У нее* обморок	— *С ней* обморок
ке		
Он тоскует	— *У него* тоска	— *Ему* тоскливо
На дворе дождь	— *На дворе* идет дождь	— *На дворе* дождливо

и т. п.

Таким образом, материал показывает, что, во-первых, подлежащее (или первый главный член предложения — носитель предикативного признака) может быть выражено не только именительным падежом, но и некоторыми другими формами имени, а во-вторых, не всякое имя в именительном падеже оказывается подлежащим.

Шаткость принципов выделения подлежащего ставит под сомнение и другие звенья классификационной системы.

3. Рассмотрим оппозицию личность — безличность. Предложения (1) *Светает*; (2) *Ему* (*не*) *работается* противопоставляют как безличные личному (3) *Он* (*не*) *работает* по признаку наличия — отсутствия подлежащего в именительном падеже. Исходя из изложенного выше, можно сгруппировать эти модели иначе: объединить как личные двусоставные модели (2) и (3) по признаку наличия имени субъекта — носителя предикативного признака и противопоставить им безличную односоставную модель (1), сообщающую о бессубъектном процессе. Тогда в рубрике «односоставные безличные» останется небольшое количество моделей предложений, сообщающих о состоянии природы: глагольных (*Светает; Морозит; Смеркается;*

Темнеет и под.) и предикативно-наречных (*Светло; Морозно; Темно* и под.); большая же часть безличных, сообщая о состоянии лица, оказываются личными (*Ему не спится; Ему хочется спать; Ему нездоровится; Ему холодно; Ему больно; Ему страшно* и под.) [61].

Те же основания позволяют пересмотреть представление о безличности инфинитивных предложений. Никакое действие не может произойти без деятеля (кроме вышеупомянутых собственно безличных процессов, они и не обозначают действий, но — состояния природы, среды), действие — это всегда функция действующего лица. В отличие от предикатов в личной форме, субъект которых обычно выражен именем в именительном падеже, субъект действия-инфинитива (потенциальный или реальный) выражается именем в дательном падеже (*Мне не заснуть сегодня; Не догнать тебе бешеной тройки; Всем собраться у проходной*); при отсутствии этого имени в конкретном предложении место его, позиция остается и может быть занята по смысловой надобности.

«Отнесение этих предложений к односоставным справедливо оспаривается на том основании, что введение личного местоимения в них всегда возможно, а значит, в системе языка соответствующий структурный образец предполагает позицию подлежащего. Регулярная незаполненность этой позиции в речи — явление узуса, нормы, а не системы языка» [62]. Приведенная аргументация, которая в цитируемом источнике относится к предложениям определенно-личным, может быть с полным правом отнесена к большей части предложений, называемых односоставными, с тем уточнением возможностей выражения подлежащего, о которых говорилось выше.

Представляя модели общего типового значения, с одноименным составом компонентов (субъект — его действие, субъект — его состояние), предложения с именительным субъекта и с дательным субъекта различаются специальны-

[61] Непоследовательность принятых характеристик безличных предложений получает отражение в таких, например, формулировках: «Личные и безличные конструкции противопоставлены прежде всего по отношению к лицу (первые) и не-лицу (вторые)... В безличных односоставных конструкциях отношение к лицу не выражено... они выражают отношение к не-лицу» (*Сиротинина О. Б.* Указ. соч., с. 77—79). Там же далее признается, что «есть безличные конструкции, передающие отношение к лицу путем использования детерминантов... *Меня знобит, Мне холодно, У меня нет денег*».

[62] *Белошапкова В. А.* Указ. соч., с. 97.

ми семантико-грамматическими значениями: они противопоставляются не по признаку личность—безличность (и те и другие являются личными и двусоставными), противопоставляются они по признаку зависимости—независимости действия от воли субъекта: при субъекте в именительном признак независимости от воли не маркирован, при субъекте в дательном — маркирован[63].

Безличные предложения типа *Ветром сорвало крышу; Грозой сломало дерево; Бурей унесло лодки* и т. п. тоже трудно назвать односоставными: название «деятеля», стихийного каузатора действия, является здесь одним из взаимообусловленных компонентов модели. В синонимических моделя *Ветер сорвал крышу; Гроза сломала дерево; Буря унесла лодки* тот же стихийный каузатор выражен формой именительного падежа; форма творительного падежа здесь, аналогично форме дательного выше, противопоставлена именительному как маркированное обозначение стихийного каузатора непроизвольного действия немаркированному[64]. Узкий, лексически ограниченный круг стихийных каузаторов и их проявлений позволяет опускать имя каузатора в силу избыточности (ср. *Вьюгой замело дороги — Замело дороги; Водой залило подвал — Залило подвал*): Чтобы не оставить своих следов и не погубить раненых, командир решил уйти на рассвете, пока *следы еще могло замести* (К. Симонов).

О предложениях типа *Зашуршало; Скребется* В. В. Виноградов пишет: «Здесь как бы ищется, хотя и не всегда находится производитель действия, «лицо». Здесь, по остроумному замечанию Овсянико-Куликовского, «не-

---

[63] Убедительная оппозиция субъектных значений в согласованных и несогласованных предложениях построена М. Гиро-Вебер: предложения с субъектом в именительном падеже относятся к предложениям с субъектом в косвенных падежах как немаркированное и маркированное выражение неактивности носителя признака (см.: VIII Congrès international des slavistes. Communications de la délégation française. *Giro-Weber M.* Классификация простого предложения и ее последствия для типологии языков. Paris, 1978; *Она же.* К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке.— ВЯ, 1979, № 6). Ср.: *Апресян Т. В.* Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений.— В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969. с. 28; *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса..., с. 166.

[64] Ср. точку зрения Т. В. Булыгиной в кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 342.

определенность не обобщения, а неведения»[65]. Говорящий не предполагает, что действие возникает само по себе, он пока не знает, кто его производитель. Позиция производителя действия до выяснения может быть синонимически обозначена неопределенным местоимением (*Что-то* зашуршало; *Кто-то* скребется) либо местоимением среднего рода *оно*[66]. В речевой ситуации «неведение» часто разрешается, и тогда имя деятеля занимает свое законное место в согласованном предикатном сочетании (*Это птица зашуршала. Это мышь скребется*), либо «неведение» остается поэтическим приемом (Прозвучало над ясной рекою, Прозвенело в померкшем лугу, Прокатилось над рощей немою, Засветилось на том берегу — Фет).

Из сказанного вытекает, что так называемые безличные предложения не представляют категорию односоставности. Не отсутствие личности и не односоставная структура служат различительными признаками и характеристиками этих предложений.

4. Обратимся к другим разновидностям «неличных односоставных» предложений. Категорию о п р е д е л е н н о-л и ч н ы х предложений (*Люблю тебя, Петра творенье; Выдь на Волгу*! и под.), представленную в грамматике 50-х годов, позже перестали выделять[67], поскольку эти предложения являют собой не структурный тип, а контекстный или стилистический вариант двусоставных: действие, о котором в них сообщается, производится определенным лицом, и лицо это указано — хотя и не отдельным словом, но личной флексией глагола, при этом позиция имени или местоимения в именительном падеже остается и может быть при надобности заполнена. Заметим, что этот вариант имеется не у всех двусоставных предложений, а лишь у глагольных, сообщающих о личном действии и распо-

[65] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 462.

[66] Ср. пример из «Кавказского пленника» Л. Толстого: «Напались на дорожку в лесу. Идут.— Стой!— *Затопало* копытами по дороге. Остановились, слушают. *Потопало*, как лошадь, и *остановилось*. Тронулись они — опять *затопало*. Они остановятся — и *оно остановится*. Подюла Жилин, смотрит на свет по дороге — *стоит что-то*: лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека непохоже. *Фыркнуло* — слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку,— как *шаркнет* с дороги в лес и *затрещало* по лесу, точно буря летит, сучья ломает. (...) А Жилин смеется, говорит: — Это олень. Слышишь — как рогами лес ломит?»

[67] Ср., впрочем: *Бабайцева В. В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация, с. 122.

лагающих, соответственно, личной парадигмой. Вместе с тем в грамматиках обычно не учитывается, что определенно-личное значение неназванного субъекта свойственно различным типам предложений, в том числе и тем, что именуются «безличными» и сообщают о состоянии лица. Ср.: *Не спится, няня* (Пушкин); *И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды* (Лермонтов); [Я ш а] Что, дедушка? [Ф и р с] *Нездоровится* (Чехов). В этих примерах говорящий сообщает о своем состоянии, следовательно, субъект имеет определенное значение 1-го лица и может быть вербализован формой дательного падежа личного местоимения (ср.: *Мне не спится; Мне скучно; Мне нездоровится*). При вопросительной форме предложения речь идет о состоянии собеседника, т. е. субъект получает определенное значение 2-го лица (ср.: *Не спится, няня? ≈ Тебе не спится?; Скучно? ≈ Тебе, вам скучно?*). Ср. так же ситуативно определенное значение неназванного лица, которое предикативно квалифицируется именем в именительном падеже (конструкция, относимая одними авторами к номинативным предложениям, другими — с большим основанием — к неполным с опущенным подлежащим):

Безумец! Как я смел это сказать!
Безумец! Как ты смел это сказать!
Безумец! Как он смел это сказать!

5. Неопределенно-личные предложения тоже сообщают о личном действии, но название деятеля опускается за ненадобностью или по неведению. Это всегда 3-е лицо, в единственном или множественном числе. По потребности оно может вербализоваться и занять свою позицию, ср.: *—Вам тетрадь передали. — Кто передал? — Студенты*; Нам опять *помешали. Вошел Андрей* и принес на подносе два стакана чая (Чехов). Таким образом, и неопределенно-личные предложения не представляют структурной разновидности односоставных, а являются коммуникативно-стилистическим вариантом двусоставных, сообщающих о действии личного субъекта 3-го лица (невозможно неопределенно-личное .значение субъекта 1—2-го лица.). Существенно заметить и то, что неопределенно-личное значение неназванного лица-агенса свойственно не только глагольным предложениям с неназванным подлежащим, но и предложениям различной структуры с неназванным по незнанию или по ненадобности агенсом в любой возможной позиции. Ср.:

Лошадей подали — Лошади поданы
Послали за отцом — Послано за отцом
Здесь продают дрова — Здесь производится продажа дров

Лица, действия которых переданы и личной формой глагола, и причастной формой, и отглагольным именем, не названы по одной и той же причине, что и придает всем этим предложениям неопределенно-личное значение. См. еще примеры: *Шум, хохот, беготня, поклоны* (Пушкин); Аксинья скомкала в пальцах завеску и села на лавку. По крыльцу *шаги*... *Шаги* в сенцах... *Шаги* у самой двери... (Шолохов); В сенях *затопали*. В сенях *забубнили голоса* — будто *заговор*. Дурашливо *хохотнул чей-то тенорок*. И медленно *отворилась дверь* (А. Рекемчук). И в этих предложениях не названы за ненадобностью или по небрежению те, кто производит шум, хохот, тот, кому принадлежат шаги, те, кому принадлежат забубнившие голоса, и те, кто отворяет дверь, потому что дверь сама не действует. Различными средствами — с помощью девербативов, возвратного залога, метонимического представления лица или действия — достигается необходимый коммуникативно-стилистический эффект неопределенно-личного значения. Можно, очевидно, сделать вывод о том, что неопределенно-личное значение создается не устранением подлежащего, а устранением субъекта действия, агенса в разных его позициях (в том числе и в подлежащной) [68].

6. Аналогично положение с «односоставными обобщенно-личными» предложениями. В них так же, как и в определенно-личных, позиция неназванного субъекта может быть занята вербализованным указанием на субъект, ср.: *Идешь вдоль опушки... — Ты идешь вдоль опушки;* [Осип:] Вот, не доедем, да и только, домой! *Что ты прикажешь делать?* (Гоголь) [69], но потребность в этом мень-

---

[68] Убедительно выделяет неопределенно-личное значение у девербативных оборотов А. А. Камынина (*Камынина А. А.* О структуре предложных оборотов с предикативным значением.— В кн.: Вопросы русского языкознания, вып. 2. М., МГУ, 1979, с. 58—59).

[69] Затрудненность или невозможность заполнения субъектной позиции в ряде обобщенно-личных предложений (*Тебя не переспоришь; С тобой не сговоришься; Вечно тебя ждешь*) вытекает из их «связанного», фразеологизированного характера, закрепленного определенным порядком слов, интонацией, некоторыми другими языковыми особенностями. Периферийное место этих

ше, поскольку возможный субъект — местоимение *ты, вы* — выражен личной формой глагола (это сближает обобщенно-личные предложения с определенно-личными). Однако ввиду того, что обобщенно-личное значение принадлежит не столько глагольной форме 2-го лица, сколько местоимению 2-го лица (это ведь форма «вовлечения» собеседника в сопереживание с рассказчиком: ты, так же, как и я и любой на моем месте), обобщенно-личное значение выражается не только предложениями с глаголом-сказуемым во 2-м лице, но и другими синтаксическими построениями. Ср. известный пример из Тургенева: *Вы* выходите на крыльцо... *Вам* холодно немножко... *Вам* дремлется... Вот наконец и *ваша* изба... *Над вами, кругом вас* — всюду туман; А в зимний день ходить по высоким сугробам за зайцами, дышать морозным острым воздухом, невольно щуриться от ослепительного мелкого сверкания мягкого снега, любоваться зеленым цветом неба над красноватым лесом!.. Очевидно, что поэтические картины «Леса и степи» Тургенева, написанные в обобщенно-личном ключе, и в инфинитивных предложениях ориентированы на то же обобщенное лицо агенса.

Ср. обобщенное значение неназванного и названного субъекта в предложениях иных типов: Как подумаешь про людей-то, так станет жалко всех (Горький); Спеша известности добиться, боимся мы с дороги сбиться и тропкой торною идем (Некрасов); Вот отчего хороший грибник не боится народа в лесу, он верит, что твой гриб от тебя никуда не уйдет и никто твоего гриба не заметит (Пришвин).

Подытожим сказанное. Предложения определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные не являются разновидностями односоставных предложений. В них реализуются три вариантных значения лица, три способа представления личного субъекта, деятеля (а для обобщенного значения — шире: лица-носителя признака), которое может быть и названным и не названным, при

предложений в синтаксической системе как экспрессивно-модальных модификаций основных моделей резко ограничивает их парадигматические возможности. См. о подобных предложениях: *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису разговорной речи. М., 1960; *Шмелев Д. Н.* О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке.— ВЯ, 1960, № 5; *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 210—211, 222—223.

этом неназванность остается синтаксически значимой, т. е. выражающей одно из трех указанных значений лица[70]. Те предложения, которые известны под этими названиями, представляют каждое лишь один из способов выражения данного значения лица, и только по признаку отсутствия в них формы именительного падежа, но вопреки структурному значению причислены к односоставным предложениям.

Как уже замечено выше, признаки безличности, неопределенно-личности, обобщенно-личности не противопоставлены друг другу, могут пересекаться и накладываться друг на друга. В предложении *Вам дремлется*, например, обнаруживаются обобщенно-личное значение, по характеру субъекта состояния, и безличное, по характеру отношения между субъектом и состоянием (независимости от воли). Ср.: *За окном разговор* (*разговаривают, слышен разговор*); *Кому-то не спится*. Первое предложение во всех синонимических вариантах (назовем ли его односоставным или двусоставным, номинативным, глагольным) сохраняет значение неопределенно-личное, потому что субъект, производящий действие, не назван по незнанию. Второе предложение квалифицируем как безличное по признаку независимости состояния от воли субъекта, но при этом также сохраняется неопределенно-личное значение этого субъекта. Таким образом, рубрики, которыми принято представлять типы односоставных предложений, не соотносительны, не рядоположны, значения этих рубрик выявляются на разных основаниях, в разных рядах противопоставлений. См. еще примеры пересечения безличных значений с обобщенно-личными и неопределенно-личными: Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе как барин (Гоголь); В жизни всегда говорят то, что нужно, что хочется сказать, ради какой-то цели, задачи, необходимости (Станиславский); Среди ночи графу Невзорову было предложено пойти дежурить на двор (А. Н. Толстой); Плохое дело не знать поутру, чем к вечеру сыт будешь (Тургенев); Когда стоишь на горе, так тебя и

[70] Ср.: «Преобразование личного предложения в «неопределенно-личное» или «обобщенно-личное» не изменяют его элементарных смысловых компонентов, поскольку... не устраняют представления о субъекте как отдельном понятии, соотнесенном с человеческим существом, а не с предметом или животным (*Мы решили, что — было решено, что...*)» — *Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971, с. 116.

тянет лететь (А. Островский); Я знаю чувство, когда хочется отдать жизнь потому, что слишком глубоко любишь (А. Н. Толстой).

7. Итак, в рубрике ‘односоставные предложения’ остаются собственно безличные (*Морозит; Светает; Морозно; Светло*) и номинативные (*Мороз; Рассвет; Дорога; Сосны*). Квалификация состава номинативных (или назывных) предложений всегда была дискуссионным вопросом. Одни лингвисты считали их подлежащным типом, другие – сказуемостным, третьи полагали, что в единственном члене этих предложений как бы соединено подлежащее со сказуемым. Отмечались необходимость дифференциации номинативных предложений, образованных отвлеченными и конкретными именами, а также свойственное номинативным и собственно безличным предложениям употребление их в текстах, воспроизводящих непосредственное восприятие говорящим окружающей его среды.

В последние годы рядом отечественных и зарубежных синтаксистов высказываются соображения в пользу того, что номинативные и собственно безличные предложения имеют признаковое значение и предикативно приписывают этот признак (состояние) его носителю – среде. Следует заметить, что в привычных формулировках об отнесенности к действительности всякого предложения, выражаемой в предикативных категориях модальности, времени, и лица, и о непосредственной отнесенности к действительности единственного понятия или представления, содержащегося в односоставном предложении, значение слов «отнесенность к действительности» различно: предикативность выражает соотнесенность содержания предложения с внеязыковой действительностью вообще, смысл же «односоставных» предложений – в отнесении предикативного признака к окружающей среде, воспринимаемой говорящим «здесь» и «сейчас», при том, что это предикативное содержание тоже, конечно, соотносится с «действительностью вообще» в категориях модальности, времени и лица. Формально носитель признака получает выражение, соответственно своему значению, в формах локативных: *На дворе* (*за окном, здесь*) *мороз* (*морозно, морозит*) – характеристика состояния среды – (ср. *В купе душно*); *В комнате стол и стул*; *В комнате двое*; *Кругом цветы* – пространственная среда предикативно характеризуется наличием названных предметов (ср.: *В купе много наро-*

ду; В купе два пассажира). В случае избыточности значения локатив в речи часто эллиптически опускается, хотя позиция его остается и может быть занята так же, как позиция именительного падежа субъекта в номинативно-глагольных предложениях. Ср. пары предложений: *Морозит; Темно; Ветер — На дворе морозит; За окном темно; На улице ветер.* Несмотря на лексические различия, локативы во втором ряду предложений имеют одно и то же реальное значение характеризуемого названным состоянием места, пространства, среды, а предложения первого ряда, без локативов, относят названное в них состояние к тому же пространству, среде. См. примеры «односоставных» предложений (из § 1034 Академической грамматики 1954 г.), в которых носитель признака выражен локативом (предложно-именным или наречным) либо в составе данного предложения, либо в контексте: Что *здесь* у вас за край? *То холодно, то очень жарко* (Крылов); Не спится, няня: *здесь* так *душно!* (Пушкин); *В небесах торжественно и чудно!* (Лермонтов); Но *на дворе было тихо* (Л. Толстой); *В старом саду было тихо, грустно* (Чехов). Показательно и то, что при неназванности среды — носителя признака в этих предложениях позиция этого компонента остается и может быть в каждом «собственно безличном» и номинативном предложении заполнена локативом.

Поскольку пространственное понятие в русском языке обозначается словами предметно-пространственного значения как в именительном, так и в предложном падежах, подтверждением изложенной трактовки может послужить и параллель между синонимичными предложениями: *На улицах пустынно — Улицы пустынны; В доме чисто и уютно — В доме чистота и уют — Дом чистый и уютный; В купе душно — В купе духота — Купе душное*[71].

Если признавать по отношению к рассмотренным выше типам 1) возможность выражения носителя признака не

[71] Имеются смысловые расхождения между формами именительного и предложного (творительного локативного) падежа некоторых имен. *На улице морозно* не значит *Улица морозная*, так же как *На дворе холод* не означает *Двор холодный* (но ср.: *Во дворе грязно* и *Двор грязный*). Формы *на дворе, на улице, за окном, в воздухе* употребляются в широком значении внешнего, за пределами дома, пространства, среды, атмосферы, природы. Возможно, в этом расхождении причина скептического отношения некоторых исследователей к использованию подобных параллелей.

только именительным, но и некоторыми косвенными падежами, и 2) синтаксическую значимость неназванного носителя признака в случае смысловой избыточности его названия или в других упомянутых случаях, что дает нам право считать рассмотренные выше типы предложений двусоставными, будет логичным признать двусоставными и модели «собственно безличных» и номинативных предложений, сообщающих о состоянии среды [72]. Заметим, что в отличие от других разновидностей моделей, причисляющихся к односоставным, здесь предикативно характеризуется не личный субъект, а предметный.

Следует оговорить отличие близкого по формальному составу (локатив + обозначение состояния) типа предложений: *В голове гудит; В ухе звенит; Под лопаткой колет; В костях ломота; В глазах темно.* Эти предложения сообщают о состоянии, обычно физическом, определенного лица, которое может быть названо в предложении формой *у кого,* либо не называется в силу очевидности. Предметное имя-локатив называет часть его тела, в которой локализуется названное ощущение. Можно считать эти предложения трехкомпонентными, но с точки зрения субъектно-предикатной расчленимости кажется более правильным говорить о комплексном (в комплексе целое и его часть) выражении субъектного компонента. Этот комплекс характеризует и некоторые другие типы предложений [73].

Номинативные предложения, утверждающие наличие конкретных предметов, тоже могут быть интерпретированы как двусоставные, в которых наличие данных предметов служит признаком, предикативной характеристикой места действия. Ср. соотносительные способы выражения не тождественного, но близкого содержания: *Комната. Диван, два кресла.— В комнате диван, два кресла; Купе. Два пассажира.— В купе два пассажира; Площадь. Толпы народу.— На площади толпы народу — На площади многолюдно — На площади многолюдье — Площадь многолюдна.*

[72] Можно напомнить, что еще в Грамматике 1954 г. В. В. Виноградов сочувственно цитировал «Курс современного украинского литературного языка» АН УССР, где говорилось, что «для современного языкового сознания безличные предложения являются особой, семантически и стилистически обусловленной (мотивированной) разновидностью выявления двусоставного в своей основе акта мышления» (Грамматика русского языка, т. II, ч. I, с. 73).

[73] См. о них: *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка, с. 306—312.

По-видимому, те безличные и номинативные предложения, которые принято считать утверждением состояния или наличия предметов самих по себе, справедливее считать характеристиками данного человеку «здесь» и «сейчас», воспринимаемого им, пространства и времени. Те же номинативные предложения, которые обозначают только место и время, служат конкретизацией, идентификацией общего понятия места и времени действия (ср.: *Осень. Полдень. Парк. Липовая аллея — Время действия — осень, полдень. Место действия — парк, липовая аллея*). Таким образом, если признать убедительной изложенную трактовку так называемых односоставных предложений и рассматривать их как конструкции с расчлененным выражением предикативного признака и его носителя, то придется констатировать, что односоставных предложений в русском синтаксисе не остается.

Так называемые «бессубъектные односоставные» предложения по своему реальному составу оказываются личными, субъектными, двусоставными конструкциями, отличаясь от «личных двусоставных» лишь формой выражения субъекта: не именительный падеж, а определенные формы косвенных падежей, противопоставленные именительному в оппозиции: субъект непроизвольного действия (состояния) — субъект произвольного действия как маркированное обозначение непроизвольного признака немаркированному [74].

Неназванность субъекта, принимаемая обычно за структурный признак, вызывается теми же условиями, что и неназванность разных членов предложения в так называемых неполных предложениях: различные именные компоненты предложения могут быть опущены в силу контекстной или ситуационной избыточности, ненадобности, ради

---

[74] Структурно-семантическая роль косвенного падежа субъектной словоформы при безличных глаголах в русском языке становится еще очевиднее в следующем сопоставлении: «Известно, что одно из объяснений утраты английским языком безличных конструкций, существовавших в древнеанглийском, сводится к тому, что существительное, стоявшее перед безличным глаголом и не имевшее морфологически выраженного косвенного падежа, воспринималось как подлежащее (то есть как прямой падеж)» (*Ярцева В. Н.* Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка.— В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 54, со ссылкой на: *Gaaf W. van der.* The transition from the impersonal to the personal construction in M. E.— Anglistische Forschungen, 1904, N 14).

коммуникативно-стилистических приемов «неведения» (отстранения) или обобщения.

Предложения с неназванным субъектом оказываются менее зависимыми от контекста по сравнению с «неполными», может быть, потому, что вариативные значения и способы выражения этого субъекта замкнуты в узком кругу. Конструктивная роль субъектного компонента в построении различных моделей предложения подтверждается тем, что позиция субъекта, соответствующим образом для каждой модели оформленного, при неназванности сохраняется и может быть по потребности заполнена.

Одним из подтверждений субъектности, двусоставности определенно-личных и неопределенно-личных предложений служит также наличие в их структуре определительных и деепричастных оборотов, относящихся к неназванному субъекту действия. Например: *Волнуемый мечтами*, по нивам, по лугам, уставленным скирдами, задумчиво *брожу* в прохладной полутьме (Некрасов); *Привезли* его домой и даже *не били, смущенные упрямым молчанием мальчика* (Горький) [75]. См. другие примеры: *Думая о бабушке, понимаешь* так ясно, почему родину представляют у нам всегда в образе женщины-матери... (Пришвин); Путешествие — один из видов бессмертия. *Путешествуя, живешь* временами до себя и временами после себя (Павленко); — То есть как? — *спросили* у Никанора Ивановича, *прищуриваясь* (Булгаков); В сырой утренней мгле блеснула зарница. Бухнуло. *Завыло, уходя*, и сейчас же по холмам, по берегу реки беспорядочно захлопали выстрелы (А. Н. Толстой); А оказывается — прежде чем начнет петься, долго *ходят, разомлев от брожения* (Маяковский) [76].

8. Признание рассмотренных типов предложений двусоставными требует определить их синтаксических ста-

[75] Примеры заимствованы из указ. соч. В. В. Бабайцевой (с. 122—123), где они интерпретируются иначе.

[76] Р. Ружичка приводит примеры деепричастных оборотов в безличном и неопределенно-личном предложении: *«... взрывной волной Зоины волосы кидало ему на лицо, удушая горячим запахом сгоравшего тола»* (Ю. Бондарев); *«Солдатами не рождаются, даже будучи сыновьями генерала»*, показывающие «тождество двух подлежащих» (*Ружичка Р.* Несколько соображений о теоретических понятиях «залог» и «диатеза».— В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 21—22). Там же отмечено еще одно свойство «подлежащего» неопределенно-личного предложения: оно «является антецедентом возвратного местоимения (*На детских фотографиях часто не узнают себя*)».

тус, их системное место среди других двусоставных. Ряд предложений с неназванным субъектом действия или состояния может рассматриваться как речевые реализации двусоставных моделей, поскольку структура их оставляет позицию для субъектного компонента в соответствующей форме. См., например: [Вьюгой] Занесло дороги; [Мне] Грустно; [В доме] Тихо; [Ему] Не работается; [Вам] Пора ехать; [Ты] Выдь на Волгу! Здесь нет грамматически значимой противопоставленности между предложением, воспроизводящим языковую модель, и предложением-реализацией.

В других предложениях, однако, надо отметить закрепленность грамматической формы предиката, которая может не соответствовать грамматической форме и значению реального субъекта действия. Например:

Нам опять *помешали*. *Вошел* Андрей. Ср.: *Кто-то помешал*.

Зашуршало. Мышь *зашуршала*. Ср.: *Что-то зашуршало*.

К тебе *не дозвонишься*. Ср.: *Никто не может* к тебе дозвониться.

В таких случаях встает вопрос о том грамматическом значении, которое сигнализируется именно этой формой предиката, как бы сужающей значение субъекта. Так называемая неопределенно-личная форма глагола фиксирует форму множественного числа, соответствующую значению субъекта «какие-то лица», хотя это может быть и одно лицо. Возможность этого несоответствия, по-видимому, и означает безразличие для говорящего и количественной характеристики агенса. «Обобщенно-личная» форма глагола фиксирует 2-е лицо, делая собеседника, адресата центром инклюзивно-обобщенного значения субъекта, через восприятие адресата интимизируя повествование. Вместе с тем, напротив, в экспрессивно-разговорных выражениях, особенно содержащих компонент со значением конкретного лица-собеседника (*К тебе не дозвонишься; Вас не убедишь; Тебя не узнаешь* и т. п.), 2-е лицо как бы исключается из круга обобщенно-мыслимого субъекта (отсюда и невозможность вербализации этого субъекта соответствующим предикату местоимением 2-го лица).

Что касается предложений типа *Зашуршало*, в их предикате фиксируется форма среднего рода, которая соответствует неопределенно-предметному значению субъекта «что-то», хотя и здесь реальный субъект может быть не

только среднего рода. Местоимение *что-то* (в отличие от *кто-то*) подчеркивает предметность, а не личность возможного субъекта. Есть ли основание считать этот глагол безличным? По-видимому, нет: безличный глагол стоит особняком от личной парадигмы (ср. невозможность **Я работаюсь, *Ты работаешься, *Он работается* при *Ему работается*, и неизменность безличной формы в реальной личной парадигме модели *Мне, тебе, ему работается*), но полноценность личной парадигмы сохраняется в рассматриваемом случае: *Я, ты, он зашуршал; Оно зашуршало.* Поскольку причина неназванности субъекта здесь та же, что и в неопределенно-личных предложениях, есть основания квалифицировать тип *Зашуршало* как предложения с неопределенно-предметным субъектом[77].

Рассмотренные предложения с фиксированной формой предиката в отличие от рассмотренных выше речевых реализаций двусоставных личных моделей представляют коммуникативно-стилистические варианты тех же двусоставных субъектных предложений, противопоставленные основным моделям своим специальным, частно-фиксированным значением.

9. Понимая субъект как компонент — носитель предикативного признака, выражаемый определенными падежными формами в определенных моделях, где он сопрягается с предикатом определенной формы и значения, констатируем, что бессубъектность не свойственна русскому предложению вообще. Таким образом, противопоставление субъектность—бессубъектность не может быть релевантным признаком для классификации предложений.

Однако понятие субъектности дает основания для дифференциации его: разграничиваются типы предложений лично-субъектные (с предицируемым именем лица) и предметно-субъектные (с предицируемым предметным именем)[78]. Они различаются следующими признаками:

---

[77] К близким результатам, хотя и несколько иным путем, приходит Е. А. Седельников: «в результате межмодельных трансформаций» противопоставлены модели *Мальчики звонят — Звонят* по признаку определенность—неопределенность одушевленного субъекта модели *Колокол звенит—Звенит* по признаку определенность—неопределенность неодушевленного субъекта (*Седельников Е. А.* Эволюция структуры и грамматических категорий инфинитивных предложений в русском языке. Автореф. докт. дис. М., 1980, с. 7).

[78] Ср.: «Если считать признаком наибольшей „грамматичности" категории степень обязательности сохранения соответствующего

1) Характером типового значения, выражаемого разными категориально-грамматическими формами субъекта и соответствующего ему предиката. Так, например, формы дательного и винительного имени носителя состояния свойственны только личным субъектам; форма творительного каузатора действия при безличном глаголе свойственна только предметным или событийным именам; локативные формы со значением среды, пространства, характеризуемого предикативным признаком, свойственны именам предметным; личные в этой позиции употребляются лишь в переносном, метафоризированном смысле.

2) Наличием—отсутствием личной парадигмы: в личных сохраняется регулярная соотносительность 1—2—3-го лица субъекта, предметные имеют только одно 3-е лицо. Только на базе лично-субъектных предложений возникают их коммуникативно-стилистические варианты с «определенно-личным», «неопределенно-личным» и «обобщенно-личным» значением. (Предметно-субъектные предложения могут давать только вариант с «неопределенно-предметным» значением). Одним из сигналов этих значений служит неназванность субъекта при одной из закрепленных парадигматических форм модели (1—2-е лицо для определенно-личного, 2-е лицо для обобщенно-личного, 3-е лицо мн. ч. для неопределенно-личного), однако эти значения, с одной стороны, не обязательны для данных форм, а с другой стороны, выражаются и рядом других средств.

Есть модели, для которых противопоставление личного и предметного субъектов не столь существенно (ср.: *Дом высокий и красивый — Мальчик высокий и красивый*), их различие выражается лишь противопоставленностью отсутствия—наличия личной парадигмы.

Модели, традиционно объединяемые в класс безличных, четко распадаются на лично- и предметно-субъектные.

10. Если безличность, определенно-личность, неопределенно-личность, обобщенно-личность не являются струк-

---

противопоставления, следует признать различие по одушевленности/неодушевленности (иногда перекрываемое различием: лицо/не-лицо) одним из „наиболее грамматичных" для русского языка разграничений» (*Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи.— В кн.: Аспекты семантических исследований. с. 338). См. противопоставление имен лица и имен вещи, объясняющее многие семантические и грамматические явления естественных языков. в концепции семиологической грамматики Ю. С. Степанова (*Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981).

турными характеристиками односоставных предложений, возникает вопрос, в чем заключается значение этих категорий?

Определенно-личность — значение личного субъекта определенного лица и числа, сигнализируемое либо флексией личного глагола, либо личным местоимением, либо контекстом или речевой ситуацией при других формах предиката.

Неопределенно-личность — значение личного субъекта действия, агенса, неучастника коммуникации, сигнализируемое либо устранением агенса за ненадобностью или по неведению, в разных его позициях (в том числе и в подлежащной), либо именованием агенса с помощью неопределенного местоимения.

Обобщенно-личность — значение личного субъекта, включающее говорящего и адресата и любое другое лицо на их месте, сигнализируемое глагольной флексией 2-го лица ед. и мн. ч., при вневременном значении глагола, либо личным или притяжательным местоимением 2-го лица с включающим значением в различных синтаксических конструкциях, реже местоимением 1-го лица мн. ч. с включающим значением.

Если определенно-личность, неопределенно-личность и обобщенно-личность — это способы представления субъекта, варианты ряда личного субъекта, то безличность — это характеристика отношения между предикативным признаком и его носителем с определенной точки зрения.

Безличность — это значение непроизвольности действия или состояния, независимости его от воли субъекта, сигнализируемое особой формой глагола-сказуемого, стоящей особняком от глагольной парадигмы 1—2—3-го лица [79], либо предикативным наречием (категорией состояния), либо устойчивыми оборотами со значением состояния — в сопряжении с соответствующими падежными формами имени субъекта, располагающими или не располагающими личной парадигмой соответственно принадлежности к личному или предметному подклассу субъектов [80].

---

[79] В случаях безличного употребления формы 3-го лица «отрицание или устранение лица является как бы грамматическим видоизменением личных форм того же слова» (*Виноградов В. В.* Русский язык, с. 464).

[80] «В понятие глагола непременно входит отношение к лицу, каково бы ни было это последнее: известное или неизвестное, действительное или фиктивное. Под безличностью глагола дав-

Так понимаемая безличность позволяет дифференцированно квалифицировать структурно разнородные модели, традиционно объединяемые под рубрикой «безличные» по общему признаку отсутствия (и невозможности) подлежащего.

11. Можно полагать, что полученный результат пересмотра классификационных оснований хотя и кажется несколько неожиданным, тем не менее является закономерным с точки зрения изложенного выше представления о реализации в структуре предложения двучленного по природе речемыслительного акта конкретно-типовыми способами выражения субстанциального и признакового компонентов, отражающих план связи предложения с внеязыковой действительностью.

Условия научной классификации требуют отграничения существенных, основных признаков объекта от признаков вторичных, производных, несущественных. Компонентный состав предложений, его предикативного минимума, выражает коренную природу предмета, обеспечивает его существование, выполнение коммуникативного назначения — следовательно, представляет собой существенный признак изучаемого объекта. По сравнению с ним наличие в предложении подлежащего в именительном падеже оказывается для многих моделей несущественным признаком, во всяком случае, не универсальным. Привычно мнение, что только опираясь на этот признак, мы чувствуем под ногами надежную формально-грамматическую почву. Между тем все другие способы выражения субъектного компонента предложения тоже имеют формально-грамматическую характеристику. Язык подсказывает нам более надежную грамматическую опору — категориальные значения частей речи и их соответствие основным типовым значениям предложений: ведь сообщение о действии предмета мы строим, используя в качестве предиката глагол; сообщение о признаке, качестве предмета строим с предикатом-прилагательным; сообщение о количестве предметов — с предикатом-числительным или другим квантитативом, о состоянии лица или предмета — с предикативным наречием (категорией состояния) и т. д.

но привыкли понимать не отсутствие грамматического лица, а известные его свойства» (*Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, I—II. М., 1958, с. 91).

СООТНОШЕНИЕ ЛЕКСИКИ, МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА В КАТЕГОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Разрабатываемая современной лингвистикой уровневая стратификация языковой системы представляет интерес как абстрагирующий конструкт. Вместе с тем разделение языковых явлений «по уровням» схематически упрощает действительную картину, оставляя за пределами статической схемы динамику «межуровневых» взаимодействий, осмысление которых открывает некоторые возможности систематизации синтаксических явлений.

Идея взаимодействия лексики и грамматики — одна из наиболее плодотворных идей в русской лингвистической традиции, для нынешнего поколения лингвистов связанная прежде всего с именем В. В. Виноградова, крупнейшего филолога нашего времени.

Современные научные представления позволяют увидеть стержневую роль этого взаимодействия в строе языка. Линии связи лексики, морфологии и синтаксиса фокусируются в понятии частей речи, в которых получают языковое выражение основные общественно осознанные категории явлений и отношений объективной действительности и — соответственно — категории человеческого мышления: предмета (предметности, субстанции), действия (процесса), качества (признака), количества и т. д.

Известно, что лексико-грамматические категории частей речи выделяются по совокупности признаков: семантических, морфологических (включая словообразовательные), синтаксических. Так, например, характеризуя имя существительное как часть речи, мы говорим о его категориальном значении предметности, о присущих ему морфологических категориях рода, числа, падежа, о типичных его словообразовательных моделях, о синтаксической функции. Последний признак раскрывается обычно менее определенно и менее информативно, чем другие. В Академической грамматике 1952 г., например, о существительном говорится, что оно выступает прежде всего в качестве подлежащего или дополнения, употребляется в составе именного сказуемого, а также может быть определением или обстоятельством — иначе говоря, существительное может употребляться в любой синтаксической функции (не перифраза ли это морфологического признака, наличия падежной парадигмы?).

В Грамматике-70 (§ 759) в числе признаков частей речи называется «тождественность синтаксических функций». Если сопоставить этот признак со способностью существительного употребляться в «любой функции», то остается непонятным, что чему тождественно. Вряд ли справедливо приписывать тождественность каких бы то ни было функций существительным как целому классу.

Если обратиться к материалу, то можно увидеть, что разные группы существительных по-разному проявляют себя в синтаксисе, и это зависит прежде всего от их значения.

Так, имена лиц (*студент, пахарь, каменщик, мать, друг, бегун, директор* и т. п.) преимущественно будут встречаться в позиции агенса, действующего субъекта или субъекта — носителя состояния, признака.

Имена предметов (*камень, книга, глина, цветы, нож, хлеб*) чаще всего будут и называть те предметы, которые становятся объектами человеческой деятельности. Если имя неодушевленного предмета в именительном падеже оказывается в позиции подлежащего, оно не обозначает деятеля, потому что предмет лишен способности действовать; в такой позиции имя предмета выступает как имя носителя признака (*Камень — мокрый; Книга — в кожаном переплете; Цветы душисты; Нож — охотничий*). В предложениях, где с этими именами сопрягается глагол-сказуемое, тоже нет сообщения о действии: глагол сообщает либо о наличии, существовании предмета (*Солнце светит; Ручей журчит; Трава зеленеет*), либо о предназначенном функционировании предмета (*Часы идут; Станок работает; Телефон звонит;* если *Часы не идут; Телефон не звонит* — значит, предмет неисправен или выключен, не функционирует).

Имя предмета в именительном падеже может обозначать орудие — каузатор действия (*Камень разбил окно; Нож пропорол ему куртку* — ср. с творительным орудийным: *Окно разбили камнем; Куртка прорпорота ножом*). Предложения *Камень разбил окно — Мальчик разбил окно* (*Бульдозер разравнивает дорогу — Рабочие разравнивают дорогу*) не представляют идентичной структуры, хотя способны и к похожим синонимическим преобразованиям: *Окно разбито камнем — Окно разбито мальчиком; Дорога разравнивается бульдозером — Дорога разравнивается рабочими*. Различия в составе компонентов этих предложений — имя субъекта и имя орудия — обнаружи-

ваются как в синтагматическом ряду (ср.: *Мальчик разбил окно камнем; Рабочие разравнивают дорогу бульдозером* — при невозможности иного соотношения именительного-творительного), так и в парадигматическом (творительный орудийный синонимичен другим — отличным стилистически — способам оформления орудийного компонента: *при помощи, с помощью, посредством бульдозера, мяча*).

Имена отвлеченного значения (*движение, строительство; реальность, волнение, крутизна, лень, доброта*) не могут обозначать деятеля, субъекта: называемые ими понятия не могут действовать, они сами обозначают действия, состояния, признаки. Чтобы синтаксически реализовать свои значения, эти слова должны сочетаться в тех или иных моделях либо с названием субъекта — носителя признака, состояния (*Он — в волнении; Он — сама доброта*, или *Его отличает доброта; Он отличается добротой; Его главное качество — доброта*), либо, в значении причины, каузирующей другое состояние, действие, качество,— с названием каузируемого явления (*красный от волнения, забыл от волнения, подозрителен от ревности, убил из ревности, не сделал из-за лени, равнодушный от лени* и т. п.).

Если отвлеченное имя в именительном падеже оказывается в позиции подлежащего, оно не становится названием деятеля: оно может быть каузатором другого явления (*Движение укрепляет сердце; Ревность рождает подозрительность; Лень мешает ему думать*). Действие, состояние, качество могут получать количественную, по степени интенсивности, характеристику (*Движение ускоряется; Ревность возрастает; Строительство становится интенсивнее; Волнение утихло*), фазисно-модальную характеристику (*Движение прекратилось; Движение должно прекратиться; Строительство закончено; Строительство необходимо; Началось волнение*), либо оценочную характеристику (*Движение — отличное; Ревность вредна; Строительство ведется образцово*).

Нельзя не провести параллель с признаками действий, состояний, качеств, выраженных другими частями речи. Ср. выражение каузативных отношений: *Двигаясь, мы укрепляем сердце; Ревнивый становится подозрительным; Ревнуя, он стал подозрительным; Добрый, он уступил; Он ленится думать* и т. д.; количественных отношений: *Он движется быстрее; Он ревнует сильнее; Мы строим интенсивнее; Он почти не волнуется;* модально-фазисных отношений: *Прекратим двигаться; Должны кончить стро-*

ить; *Могут разволноваться*; оценочных отношений: *Движутся отлично; Строите образцово; Ревновать — вредно* и т. п.

Вряд ли целесообразно, поддаваясь чисто морфологическому видению явлений, находить, как это иногда делают, в предложении, например, *Охота на тигров требует большого мужества*, в слове *охота* — предмет — производитель действия, а в слове *требует* — производимое им действие, распространяющееся на предмет *мужество*[81]. *Охота* остается названием действия, *мужество* — названием качества, глагол *требует* в подобной конструкции не обозначает действия, а выражает модально-условное отношение между действием и качеством. Ср. синонимические конструкции: *Для охоты на тигров необходимо мужество; Чтобы охотиться на тигров, надо быть мужественным; Если хочешь охотиться на тигров, ты должен быть мужественным; Только мужественный человек может охотиться на тигров* и под., где сохраняются одноименные, но разнооформленные компоненты: действие, качество (лица), вербализуется значение лица (*ты, человек*), имплицитно присутствующее в первом примере как носитель качества *мужество* и как субъект действия *охота*, и вербализуются модально-условные отношения между действием и качеством.

Не перечисляя всех возможных синтаксических позиций для тех или иных разрядов слов, отметим:

1) Синтаксические потенции слов разных разрядов реализуются в различных семантико-синтаксических конструкциях, что не позволяет говорить о единых синтаксических функциях всего класса существительных.

2) С точки зрения синтаксического функционирования существенны два имеющихся в языке основания для классификации слов, взаимодействующие и пересекающиеся:

а) классификация по частям речи, общеграмматическая: существительные, прилагательные, глаголы, наречия и т. д.;

б) классификация категориально-семантическая: названия предмета (*белок, дым, певец, мыло, умывальник*), свойства (*белый, белизна, дымный, дымность, мыльность, мылкий*), действия (*белить, мыть, мылить, петь, побелка, намыливание, мытье, пение*), названия признака признака

[81] Ср.: *Мигирин В. Н.* Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973, с. 97.

(*набело, добела, певуче, дымно*) и более частные: названия лица, орудия, отрезков времени, явлений природы и т. д.

Принадлежность слова к классам категориально-семантическим определяет его семантико-синтаксическое назначение, ролевые позиции, которое оно, облеченное в соответствующие грамматические формы, способно занять в тех или иных моделях предложения. Принадлежность слова к частям речи определяет морфологические формы, в которых получают выражение семантико-синтаксические отношения между словами в данном языке. В конечном счете различия в синтаксических потенциях слов предопределяются свойствами той категории предметов, явлений или признаков, которую они представляют в языке.

2. Наблюдая соотношение семантических, морфологических и синтаксических признаков в тех или иных категориях слов, замечаем, что это соотношение различно в разных подклассах частей речи. Например, в именах существительных конкретно-предметного значения (*книга, хлеб, ребенок*) эти дифференциальные признаки находятся между собой в согласии, в равновесии: предметному значению соответствуют и категории, и функции; в именах с отвлеченным значением (*доброта, резвость, внимание*) эти признаки вступают в противоречие, равновесие нарушается: значения действия, состояния, качества, выражаемые этими именами, не соответствуют общему категориальному значению предметности, но подчиняются ему, принимая морфологические формы предметного имени, становясь, «опредмеченным» наименованием — все же действия, состояния, качества. Отвлеченные имена являют собой образование гибридного характера.

То же расслоение подклассов наблюдаем в глаголах: большинство глаголов служит обозначением действия, процесса, и семантике их соответствуют морфологические и синтаксические признаки глаголов. Но существуют глаголы, которые обозначают не действие, не процесс, а различного рода отношения между предметами (ср. акциональные глаголы *рубить, писать, шить, стирать, бежать* — и неакциональные *соответствовать, характеризоваться, происходить, находиться, исходить из..., принадлежать* и др.). Отношения, обозначаемые неакциональными глаголами, могут быть в синтаксисе выражены и без помощи глагола, например: классификационные: *Волк относится к отряду хищников* (ср. *Волк — хищник*), локальные, пространст-

венные: *Театр находится на площади* (*Театр на площади*), компаративные: *Ростов превосходит Кострому по количеству жителей* (*Ростов больше Костромы*). Отсутствие семантики действия влечет за собой сдвиги в морфологических признаках этих глаголов (например, утрату видовой соотносительности) и в синтаксическом употреблении. Таким образом, в акциональных глаголах наблюдаем равновесие семантического, морфологического и синтаксического признаков, в неакциональных — смещение, нарушение этого равновесия.

Закрепим это наблюдение терминологически. По признаку соответствия/несоответствия семантики подкласса основной семантике данной части речи разграничим *изосемические* и *неизосемические* подклассы слов. Слова изосемических и неизосемических подклассов служат средствами соответственно прямой и косвенной номинации референтов.

Если отвлеченные имена, скажем, *пение* и *доброта* служат неизосемическим обозначением действия и качества, глаголы и прилагательные *петь* и *добрый* являются изосемическими обозначениями соответствующих явлений действительности.

Соотношение дифференциальных признаков частей речи оказывается тем самым различным для подклассов в пределах основных частей речи.

Таким образом, в пределах каждой из основных частей речи можно выделить центр — изосемические подклассы слов — и периферию — неизосемические подклассы слов. Эта дифференциация лексического состава порождает прямые следствия для синтаксиса.

3. Глубокое взаимодействие лексики и грамматики проявляется в том, что изосемические подклассы слов образуют и изосемические синтаксические модели. Под изосемией в синтаксисе понимается соответствие между категориальными значениями структурных компонентов предложения и категориальными значениями их денотатов в реальной действительности. Так, предложения *Спортсмен прыгает; Он ловок; Он двигается легко* представляют изосемические модели, их компоненты выражены словами изосемических подклассов. Предложения *Спортсмен делает прыжок; Он отличается ловкостью; Его движения легки* представляют неизосемические модели, их компоненты выражены неизосемическими средствами. (Термин «изо-

морфизм», употребляемый иногда в близком смысле, не кажется достаточно корректным, поскольку трудно говорить о подобии или соответствии языковых и внеязыковых форм, термин «изосемичность» точнее, потому что говорит о соответствии значений).

Так же, как изосемические и неизосемические подклассы слов, изосемические модели предложений характеризуются равновесием семантических, морфологических и синтаксических признаков, неизосемические — смещением, нарушением этого равновесия.

Очевидно, что изосемическая модель с ее нейтральным и экономичным строением возглавляет синонимический ряд ее неизосемических вариантов.

Смещение в равновесии семантических, морфологических и синтаксических признаков согласно закону грамматической компенсации влечет за собой появление избыточности в средствах (в *делает прыжок* — дублируется значение действия, в *отличается ловкостью* — дублируется значение признака, качества), что в свою очередь порождает дополнительные смысловые и стилистические оттенки (в *делает прыжок* — профессионально-терминологический оттенок, например, в спортивном репортаже; в *отличается ловкостью* — оттенок книжной речи; ср. также: *Спортсмен совершает прыжок; Движения исполнены легкости* — здесь появляется оттенок стилистической приподнятости).

Особенность неизосемических слов и в том, что они заключают в себе новые конструктивные возможности: сообщение о действии лица, номинализируясь, становится исходным компонентом нового сообщения, требующим предикативной информации, например:

Он прыгнул. Его прыжок { *великолепен* / *не удался* / *вызывает зависть* / *означает новый рекорд* } и т. д.

Неизосемические предложения, таким образом, становятся средством выражения концентрированной, неэлементарной информации, поэтому их предпочитает книжная, научно-деловая речь, стилистически они отмечены чертами книжности. Изосемические модели представляют нейтральную стилистически, литературно-разговорную речь. Противопоставление изосемических конструкций неизосемическим приобретает, следовательно, и стилистический характер. Изучение синтаксической синонимии, смысло-

вых и стилистических оттенков в синтаксических рядах должно быть ориентировано на соответствующую изосемическую конструкцию как на точку отсчета.

Поскольку слова изосемических подклассов частей речи (глаголы с акциональным значением, существительные с конкретно-предметным значением, прилагательные с качественным значением, числительные — с количественным, предикативные наречия со значением состояния) отражают в языковом опыте рубрикацию основных категорий внеязыковой действительности, то, сочетаясь предикативной связью как компоненты предложений, они образуют фонд синтаксических моделей для выражения основных категориальных значений.

Классификация предложений основывается на том же принципе семантико-морфолого-синтаксического равновесия. Разновидности и модификации синтаксических конструкций, организуемые неизосемическими подклассами частей речи, располагаются в системе языка на периферии вокруг ее синтаксического центра, по определенным линиям структурно-семантических и экспрессивно-стилистических отношений, демонстрируя тем самым разного рода изменения в балансе трех кардинальных признаков — морфологического, синтаксического, семантического, особые виды взаимодействия лексики и грамматики.

4. Выявляя таким образом схожесть устройства лексической и грамматической систем — с центром, содержащим средства обозначения основных понятий и основных типов отношений между ними, и окружающими его периферийными зонами,—нельзя не вспомнить слова Л. В. Щербы, представлявшего русский литературный язык «в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок»[82]. В развитие идеи Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, с учетом все большей объемности, многоаспектности обнаруживающихся связей, можно представить систему языка в виде сферы, ядро которой окружено периферическими слоями, содержащими средства выраже-

[82] *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык. М., 1939.

ния понятий и отношений с дополнительными смысловыми и экспрессивно-стилистическими оттенками.

Таким образом, в строе языка, от лексики до синтаксиса, может быть прослежен (и использован на разных этапах обучения языку) общий принцип отражения в языковых единицах внеязыкового содержания, а дифференциация языковых средств вытекает из различного соотношения в них лексических (семантических), морфологических и синтаксических признаков.

Очевидно также, что синтаксическая система не может изучаться изолированно: подсистема синтаксиса тесно и необходимо взаимодействует с подсистемами лексики и морфологии, вместе с ними участвует в организации системы языка.

Если рассмотреть изложенное с точки зрения интересов обучения русскому языку, можно добавить, что выявление в языковой системе лексико-грамматического центра и периферийных зон на представленных основаниях может способствовать решению ряда научно-педагогических задач:

а) целенаправленному установлению закономерных и взаимообусловленных связей в изучении лексики и грамматики;

б) научно обоснованному выделению единого лексико-грамматического минимума, обеспечивающего основы владения языком, независимо от дальнейших сроков обучения;

в) дифференцированному программированию последующих этапов работы в зависимости от целей и сроков обучения;

г) осуществлению общего дидактического принципа последовательного и ориентированного перехода от элементарных единиц и моделей к все более сложным;

д) преодолению разрыва между формальным и содержательным аспектом языка в концепционном плане и в практике обучения.

5. Хотя сама идея о сферическом устройстве языка высказывалась давно, она сейчас становится актуальной по двум причинам: 1) в силу накопленных за прошедшее время конкретных знаний, позволяющих облечь эту схему в материальную плоть; 2) в связи с активно разрабатывающимися вопросами многоаспектности, комплексности характеристик предложения. Эти вопросы привлекают внимание многих синтаксистов и действительно заслуживают серьезного внимания. Вспомним, к примеру, семь аспектов

предложения В. Г. Адмони, дополненные им позже тремя аспектами композиционного характера (логико-грамматический, модальный, полноты, роли предложения в развернутой речи, актуально-коммуникативный, коммуникативной задачи, эмоциональный, аспекты напряженности, длины и собранности предложения) [83]; четыре типологических признака у М. Грепля (односоставность—двусоставность, способ реализации нераспространенного сказуемого (связочность—несвязочность), место и значение агенса, количество обязательных элементов сказуемого) [84]; три основания для выведения структурных схем в Грамматике-70 (характер главных членов, тип парадигмы, система регулярных реализаций) и др.

Система аспектов предложения и наборы классификационных признаков сами по себе отражают важные реальные стороны объекта и устремлены к многостороннему охвату структурных особенностей такого сложного явления как простое предложение. Но возникает некоторое несоответствие между стремлением к объемности анализа и линейным, однопорядковым представлением этих аспектов, или признаков, тогда как между ними можно обнаружить иерархические, причинно-следственные отношения, иначе говоря, отношения существенных, первичных — и производных, вторичных признаков, либо отношения общего и частного, относящегося к предложению вообще или к отдельным сторонам устройства его разновидностей, т. е. реализацию признака на отдельных участках системы.

Например, из трех оснований, сформулированных в Грамматике-70, второе и третье (тип парадигмы и система регулярных реализаций) являются следствием из первого: характера главных членов, если под этим понимать структурно-семантический состав компонентов. Понятно, что можно проследить следующую закономерность: чем дальше данная структура отстоит от центра системы, тем уже ее парадигматические возможности. Так, предложения типа *Заснуть и забыться!; Вот так смех!; Зачем ждать?;*

[83] *Адмони В. Г.* Содержательные и композиционные аспекты предложения.— В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.— Идею В. Г. Адмони о партитурном строении речевой цепи развивает немецкий русист М. Гумс, разработавший многоступенчатую модель описания предложения (*Hums M.* Ein Sprachbeschreibungsmodell mit Partiturcharakter.— Zeitschrift für Slawistik. 1977, Bd. 22, H. 5).

[84] *Грепль М.* К сущности типов предложений в славянских языках.— ВЯ, 1967, № 5.

Ох и холодно! имеют неполную (двух- и четырехчленную парадигму), а такие, как *Молчать!; Довольно спорить!; Ай да жена!; Что такое любовь?*—не имеют парадигмы только потому, что они представляют не основные модели, а модальные или экспрессивные модификации их, т. е. сами располагаются на периферийных участках системы. Следовательно, нецелесообразно помещать подобные предложения в однопорядковом перечне структурных схем. Такие признаки, как место и значение агенса (М. Грепль), относятся не ко всем предложениям, а только к сообщениям о личном действии; аспект неполноты предложения относится не к структуре его, а к речевой, контекстной реализации, так же как и аспект роли предложения в развертывании речи. С другой стороны, не нашел еще своего системного места тот аспект конкретности—абстрактности содержания предложения, о котором писал А. В. Бондарко[85]. Например, *Лошадь ест сено* может иметь три значения соответственно трем разным уровням абстракции, от конкретно-единичного действия, наблюдаемого в данный момент, до сообщения о свойстве класса предметов.

Ведущаяся многими исследователями важная и необходимая работа по выявлению существенных признаков и аспектов предложения и определению их места и роли в системе ждет своего продолжения. Три разработанных в последние десятилетия принципа синтаксического исследования позволяют пересмотреть и уточнить классификационные основания:

1) Рассмотрение синтаксических явлений в парадигматических рядах.

2) Разграничение явлений, относящихся к языковой системе, и явлений, представляющих их речевые реализации.

3) Опора на совокупность и взаимодействие языковых признаков — семантических, синтаксических и морфологических.

---

[85] *Бондарко А. В.* Об актуализационных признаках предложения.— В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975; из последних работ см.: *Гулыга Е. В.* Реализация категории обобщения на синтаксическом уровне.— В кн.: Вопросы русского языкознания, вып. 2. М., 1979.

О СУБЪЕКТЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Ходом развития лингвистической теории понятие субъекта поставлено в положение одного из самых дискуссионных понятий. «Термином субъект обозначаются явления грамматические и внеграмматические, формальные и содержательные, общего значения и специального»,— констатирует К. Гаузенблас, перечисляя три философских и восемь языковедческих употреблений этого термина [86].

На теперешнем этапе грамматической науки наибольший интерес вопрос о субъекте представляет в аспекте соотношения синтаксиса и семантики.

Нередкое в русском предложении несовпадение подлежащего (единицы «синтаксической структуры») и субъекта (единицы «семантической структуры») дает повод для раздельного изучения «двух структур» предложения, что оправдывают обычно интересами анализа. Однако в процессе общения предложение функционирует как единая структура, и это ставит перед лингвистами задачу дать не только аналитическую, но и синтетическую характеристику роли его компонентов [87]. Представляется в связи с этим, что назрела постановка вопроса о возможности и необходимости выявить в единой структуре предложения категорию семантико-синтаксического субъекта. Определим понятие и его дифференциальные признаки.

2. Субъект предложения — синтаксически независимый субстанциальный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака. Это определение имеет в виду единство и взаимообуслов-

---

[86] *Hausenblas K.*— Subjekty v promluvě.— In: Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowańskich (w Krakowie, 1969).— WPAN, 1971, s. 217 и след. С. Е. Никитина ссылается на словарь: *Lewandowski Th.* Linguistisches Wörterbuch. Heidelberg, 1973, в котором представлено шесть разных значений термина 'субъект' (*Никитина С. Е.* Семантика термина «подлежащее» в отечественных и европейских словарях лингвистических терминов.— Изв. АН СССР, СЛЯ, 1979, № 4, с. 362).

[87] Ср.: «Для индоевропейских языков лингвисты были вынуждены выработать примирительную концепцию о двух уровнях организации высказывания, исказив тем самым подлинную грамматическую природу оформления сообщения в процессе языковой коммуникации» (*Колшанский Г. В.* Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категории субъекта и предиката.— Изв. АН СССР. СЛЯ, 1979, № 4, с. 322).

ленность семантического, синтаксического и морфологического признаков. Субстанциальность субъекта предполагает выражение его формами имени существительного предметного значения[88].

К этому следует добавить, что язык широко пользуется метафорическим и метонимическим способами замещения позиций, и субъектной — чаще других. Но это не угрожает размыванием границ предметного значения, поскольку эффект метафоры и метонимии основан на том, что они занимают «чужое место», в данном случае — место субъекта с предметным (в том числе с личным) значением.

Выразителями субъекта не могут быть любые именные словоформы, язык располагает определенным набором синтаксических форм слова (синтаксем) для выражения субъекта, а выбор той или иной формы зависит от разновидности субъектно-предикатных отношений, форма субъекта взаимообусловленно связана со значением и формой выражения предикативного признака.

Синтаксический признак независимости субъекта опирается не на противопоставление именительный падеж — косвенные падежи, оправданное лишь морфологической условностью и привычностью, а на противопоставление независимых (свободных и обусловленных) синтаксем зависимым от другого слова (связанным), выведенное из собственно синтаксического анализа. Свободные и обусловленные синтаксемы вступают в предложение в своей собственной форме, служащей в рассматриваемых случаях выражением их субъектной роли и предназначенной для вступления в предикативную связь с предикатной словоформой. Связанные синтаксемы с объектным значением формой своей обязаны управляющему глаголу, находятся в подчинении у него, поэтому быть выражением независимого субъекта не могут.

Связанные предикативным отношением компоненты со

[88] Дж. Лайонз, рассматривая возможные пути определения субъекта и предиката, полагает, что традиционное «понятийное» определение существительного как «названия предмета и человека», возможно, является «единственным способом определения и „субъекта" и „существительного" (независимо друг от друга), обладающим универсальной применимостью» (*Лайонз Д.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, с. 356). Еще А. А. Потебней отмечено: «Подлежащее и дополнение могут быть только именами вещей, существительными» (*Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, с. 58).

значением носителя признака и предикативного признака составляют структурную основу мысли-предложения, предикативные отношения между ними выражаются в частных значениях языковых категорий модальности, времени и лица. Согласование между субъектным и предикатным компонентом — факультативный вид оформления связи.

3. Общее значение субъекта предложения конкретизируется в частных его разновидностях, соответственно типу значения и формам выражения. Перечислим значения субъекта и формы их выражения.

1) Субъект действия (агентивный). Имя существительное личное в им. п. при акциональном глаголе в предикате: *Мастер работает*; *Мастер обрабатывает деталь*; *Партизаны атакуют противника.*

2) Субъект состояния (статуальный).

Имя сущ. личное как субъект физического и душевного состояния в следующих формах:

а) им. п. при статуальных глаголах и прилагательных в предикате: *Ребенок спит*; *Девушка грустит*; *Отец болеет*; *Отец нездоров*;

б) *у*+род. п.— при отвлеченных именах состояния в им. п. в предикате или статуальных глаголах с именем локализатора (части целого) состояния: *У сестры грипп*; *У нее головная боль*; *У нее болит голова*; *У нее радость*;

в) дат. п.— при безличных глаголах, инфинитивах, предикативных наречиях: *Отцу не спится, не работается*; *Вам не понять*; *Отцу пора идти*; *Всем весело*; *Ему холодно*;

г) вин. п.— при безличных глаголах физического состояния и модального значения (лексически ограниченных групп) в предикате, а также при метафорических, фразеологически связанных способах выражения состояния: *Больного знобит, тошнит, лихорадит*; *Его тянет уехать, подмывает уйти*; *Сестру охватила тревога* (*страх, предчувствие*);

д) тв. п.— при фразеологически связанном предикате из глагола *овладеть* и отвлеченного имени состояния: *Сестрой овладела тревога* (*ярость, страх*);

е) *с*+тв. п.— при немногих отвлеченных именах внезапного состояния в предикате: *С тетушкой обморок*; *С мальчиком несчастный случай*;

ж) *в*+предл. п.— при отвлеченных именах в предикате (стилистически и лексически ограниченная конструкция): *Во мне тревога, беспокойство.*

Имя сущ. предметное в им. п. как субъект физического состояния или изменения состояния: *Ржавеет золото и истлевает сталь, Крошится мрамор* (Ахматова); *Дерево растет; Розы цветут; Листья желтеют; Волосы выгорают; Скалы выветриваются; Вода замерзает; Белье сохнет.*

3) Субъект—носитель признака (квалитативный).

а) Имя сущ. личное и предметное в им. п.— при предикатах, выраженных прилагательными, а также именными формами признакового значения: *Отец добр; Он высокий; Он высокого роста; Дом — без крыши; Платье в горошек; Коробка — от печенья;*

б) им. п. при выражении признака деадъективом с вспомогательным глаголом: *Брат отличается молчаливостью; Поэма отличается метафоричностью;*

в) вин. п. в соотносительной конструкции: *Брата отличает молчаливость; Поэму отличает метафоричность;*

г) *для*+род. п. при деадъективе с вспомогательным прилагательным: *Для брата типична молчаливость; Для поэмы характерна метафоричность;*

д) дат. п. при деадъективе с вспомогательным прилагательным: *Брату свойственна молчаливость; Поэме присуща метафоричность;*

е) дат. п. при квантитативе возрастного признака: *Ребенку год; Старику под семьдесят; Заводу — пятьдесят лет;*

ж) *у*+род. п. при признаковом предикате в им. п.: *У сестры вздорный характер.* При отрицании деадъективного признака: *У тебя нет жалости; У нее мало женственности;*

з) *в*+предл. п. при отрицании деадъективного признака: *В ней нет женственности.*

4) Субъект определяемого количества (квантитативный).

Род. п. количественный:

а) при разных квантитативных предикатах: *Мальчиков четверо; Хлеба — буханка, Воды — по колено; Народу — толпы;*

б) при глагольных предикатах со значением появления, изменения количества: *Комаров налетело; Собак набежало; Народу съехалось; Воды прибывает.*

5) Субъект владения (посессивный).

а) им. п. при глаголах посессивного значения: *Он*

владеет садом; *Он располагает средствами*;

б) дат. п. при глаголе *принадлежать*: *Ему принадлежит сад, мотоцикл*;

в) *у*+род. п. при именительном посессивного объекта (с глаголом *есть* и без него): *У соседей сад, мотоцикл*; *У них есть средства*; *У нее сын*; *У него орден*.

6) Субъект наличествующий (экзистенциальный). Им. сущ. личное и предметное в следующих формах:

а) им. п. при экзистенциальных глаголах (*есть, имеется, существует, присутствует, отсутствует, наличествует*): *Вода есть*; *Ведьмы существуют*; *Иванов присутствует*; *Словарь имеется*;

б) род. п. при отрицательных формах экзистенциальных глаголов и слове *нет*: *Воды нет*; *Словаря не имеется*; *Ведьм не существует*;

в) им. п. при локативных формах в предикате: *Отец дома*; *Словарь на полке*; *Вода в графине*; *Деревня за лесом*.

7) Субъект тематический (ситуативный). Имя сущ. предметное и личное в форме с+тв. п., тематически называющее ситуацию, при предикативной оценке ситуации: *С билетами повезло*; *С учителем неудача*; *С рукописью волынка*; *С бумагой неблагополучно*.

8) Субъект сравнения (компаративный). Имя сущ. предметное и личное в им. п. в трехкомпонентных конструкциях: *Волга длиннее Дона*; *Мальчик смышленнее своих братьев*.

9) Субъект классификации (квалификативный). Имя сущ. предметное и личное в им. п. при именном предикате (без связки, со связкой или с вспомогательным глаголом), обозначающем класс предметов: *Брат моряк*; *Волк хищник*; *Кипарис — вечнозеленое растение*; *Брат в солдатах*; *Волк принадлежит к отряду хищников*; *Кипарис относится к вечнозеленым растениям*.

10) Субъект функционирующий (функтивный). Имя сущ. предметное в им. п. при глагольных предикатах, обозначающих функционирование или способность к функционированию предмета: *Часы идут*; *Станок работает*; *Лампа светит*; *Гармонь играет*.

11) Субъект восприятия (перцептивный). Имя сущ. личное в следующих формах:

а) им. п. при глаголах восприятия в предикате: *Охотник слышит шорох*; *Он видит белку*; *Он вдыхает запах леса*.

б) дат. п. при рефлективных глаголах в предикате: *Охотнику слышится шорох*; *Ему чудятся голоса*; *Ему снится сон.*

12) Субъект оценочного или эмоционального отношения (эмотивный). Имя сущ. личное в следующих формах:

а) им. п. при глаголах отношения: *Мы любим Родину*; *Он презирает угодничество*; *Дети гордятся отцом*;

б) дат. п. при глаголах *нравиться, надоесть, приесться, наскучить* и оценочных выражениях *по вкусу, по сердцу, в тягость, по нраву* и под. с им. п. объекта оценки: *Пете нравится Маша*; *Детям надоела школа.*

13) Субъект родственных или социальных отношений (социативный). Имя сущ. личное в им. п. в трехкомпонентных конструкциях: *Он мне отец*; *Я им сосед*; *Ивановы родня Васильевым*; *Она ему начальник.*

14) Субъект обстоятельственного состояния (локативный). Имя сущ. предметно-пространственного значения в одной из локативных форм — при признаковом имени в предикате, предикативном наречии и других характеристиках: *За окном метель*; *На дворе солнечно*; *В комнате много народу*; *В купе душно.*

Единство каждой рубрики подкрепляется возможностью синонимических взаимозамен входящих в нее моделей, при этом синонимичные модели, кроме семантических оттенков, различаются сферой употребления: одни широко используются во всех типах речи, другие имеют более узкое применение.

4. Перечень основных типов субъектных синтаксем русского предложения подтверждает:

а) возможность выделить в разнообразных моделях русских предложений субъектный компонент как один из двух реально организующих модель предикативно соотнесенных компонентов предложения, при различном морфологическом оформлении синтаксически характеризуемый конструктивной ролью носителя предикативного признака, неподчиненностью глаголу и препозицией в структуре предложения;

б) прямую зависимость конструктивной роли субъекта от субъектной роли его референта во внеязыковой действительности;

в) фиксированность грамматической формы субъекта с определенным типовым значением в условиях определенных синтаксических моделей;

При желании соотнести понятия с традиционными названиями членов предложения можно считать, что субъектный компонент в позиции предицируемого соответствует подлежащему предложения, и что это соответствие свидетельствует о необходимости расширить представления о морфологическом облике подлежащего. Становится более очевидной необоснованность традиционного противопоставления именительного падежа косвенным как носителя субъектного значения носителям объектных значений[89].

Различия между синтаксемами объектного значения и субъектного значения заключаются не в падежной форме, а в их семантике и синтаксической природе. Падежная форма синтаксем объектного значения выражает зависимость от определенного глагола, задается этим глаголом, сопровождает глагол во всех его формах (*Маше верили*; *Ребенка надо показать врачу*; *Диссертацию обсудили*). В синтаксемах субъектного значения падежная форма не задается глаголом, не встречается при других формах этого глагола, но выражает назначение субстанциальной словоформы вступить в предикативную связь с признаковой словоформой (*Маше не хочется есть*; *Ребенку пора сходить к врачу*; *С диссертацией не получилось*). Синтаксическими признаками этих синтаксем являются также нормальная препозиция для субъектных и нормальная постпозиция для объектных, нарушаемая лишь требованиями актуального членения, контекстных связей предложения.

Какие неоправданные трудности воздвигает перед исследователем принятая система понятий, можно видеть на примере из статьи А. А. Камышиной, посвященной вопросам аппозиции[90]. «Именной полупредикатив,— пишет

[89] Ю. С. Степанов отмечает, что «„классическое" определение подлежащего, даваемое на морфологической основе», не применимо ко всем типам предложений. «Поэтому в дальнейшем мы предпочитаем термин „субъект", который, следовательно, означает любое подлежащее,— всегда грамматическое, но не всегда морфологическое» (*Степанов Ю. С.* Иерархия имен и ранги субъектов.— Изв. АН СССР. СЛЯ, 1979, № 4, с. 337). Очевидно, автор отвергает морфологический номинативизм, что не исключает возможности морфологической характеристики так понимаемого субъекта, которое будет «и грамматическим и логическим одновременно» (там же).

[90] *Камышина А. А.* О двух функциях аппозиции в простом предложении современного русского языка.— В кн.: Проблемы теории и истории русского языка. М., 1980, с. 25.

автор,— в отличие от обособленного приложения, определяет имя существительное преимущественно и главным образом в роли подлежащего (разрядка моя.— *Г. З.*). Можно было бы даже сказать, что только в роли подлежащего, если бы некоторые его формы (преимущественно адъектные и причастные) не встречались при субъективном детерминанте (дательном падеже) и прямом дополнении в составе темы высказывания: *Привыкшую к нужде, ее бесило даже и самое крохотное благополучие* (Л. Леонов); *Избалованному вниманием публики, ему невыносимо было мириться с таким поражением.* Функционально полупредикатив при детерминанте и дополнении соотносителен с полупредикативом при подлежащем. Эта соотносительность и помогает выделить его в предложениях: *Привыкшая к нужде, она возмущалась всяким благополучием* и *Избалованный вниманием публики, он страдал от поражения».

Очевидно, что во всех трех случаях, называемых подлежащим, субъективным детерминантом и прямым дополнением, речь идет об одном и том же компоненте: структурно-смысловом субъекте состояния. Таким образом, закономерность, замеченная А. А. Камшиной, в языке проявляется проще и экономнее, чем в правиле с исключениями, формулируемом с ориентацией на принятую терминологию.

5. В дополнительных пояснениях нуждается форма вин. п., рассматриваемая как субъектная синтаксема (пункты 2г, 3в). Как известно, форма вин. п. обычно представляет тип связанных, сильно управляемых синтаксем, выражающих объект, подвергающийся действию, названному соответствующим переходным глаголом. Но конструкции с винительным объектным (*Учитель отличает сестру*; *Брат бьет сестру*) и с винительным субъектным (*Сестру отличает скромность*; *Сестру бьет дрожь*; *Сестру лихорадит*) различаются между собой рядом языковых признаков. Различен состав их структурно-смысловых компонентов: ‘агентивный субъект—его действие—объект’ в первом случае, ‘квалитативный субъект—его качество’ или ‘статуальный субъект—его состояние’ во втором. Если в предложении есть позиция им. п., ее занимают в обоих случаях существительные разных семантико-грамматических подклассов: личные (предметные) при винительном объекта, отвлеченные (признака, состояния) при винительном субъекта.

Форма винительного в исходной нейтральной конструкции постпозитивна в первом случае, препозитивна во втором. При отрицании винительный объекта соотносителен с родительным, винительный субъекта не соотносителен (ср.: *Учитель отличает сестру — Учитель не отличает сестры*; *Брат бьет сестру — Брат не бьет сестры*, но: *Сестру отличает скромность — Сестру не отличает скромность*; *Сестру бьет дрожь — Сестру не бьет дрожь*; *Сестру лихорадит — Сестру не лихорадит*).

Отсутствие субъектно-объектных отношений в предложениях с винительным субъекта лишает эти предложения соотносительности с пассивными оборотами, так же как и со страдательными причастиями (ср.: *Сестра, отличаемая учителем*, но не: **Сестра, отличаемая скромностью*; *Сестра, битая* (*побитая, избитая*) *братом*, но не: **Сестра, битая дрожью*, **Сестра лихорадимая*... и т. п.). Отсутствие субъектного значения у имени в им. п. и изменение характера связи между глаголом и именем в вин. п. лишает эти предложения и соотносительности с деепричастными оборотами (ср.: *Учитель, отличая сестру, был небеспристрастен*, но не: **Скромность, отличая сестру*...; *Брат, побив сестру, раскаялся*, но не: **Дрожь, побив сестру*..., **Лихорадя сестру*...). Перечисленные различия можно представить в виде таблицы (см. табл. 3).

Таблица 3

Примеры	Грамматические признаки			
	Нормальная постпозиция винительного	Соотносит. с род. п. при отрицании	Соотносит. со страд. оборотами	Соотносит. с деепричастиями
Учитель отличает сестру	+	+	+	+
Сестру отличает скромность	—	—	—	—
Брат бьет сестру	+	+	+	+
Сестру бьет дрожь	—	—	—	—

Таким образом, неакциональные глаголы, совпадающие по звучанию с акциональными, обнаруживают неполноту парадигмы и другие грамматические сдвиги. Все это дает основания видеть омонимы не только в парах созвучных глаголов (*отличает*$_1$ — акциональный, знаменательный и *отличает*$_2$ — неакциональный, вспомогательный; *бьет*$_1$ —

акциональный и *быть*$_2$ — вспомогательно-статуальный), но и в формах винительного падежа: объектная форма представляет связанную, зависимую синтаксему, субъектная — обусловленную конструкцией[91].

С точки зрения сторонников «поярусного» анализа эти конструкции могут быть интерпретированы как проявление асимметрического дуализма: в синтаксической структуре вин. п. проявляет себя как объект при глаголе-сказуемом, а в семантической структуре — как субъект. Однако такие констатации обладают слишком небольшой объяснительной силой. Для получения новой информации о языковых явлениях и процессах важнее убедиться в том, что всякие семантические различия получают структурное, формальное выражение.

6. Кроме позиции предицируемого компонента в исходных синтаксических моделях субъектный компонент встречается в конструкциях вторичных, которые могут рассматриваться как номинализации, пассивизации, усложнения и другие преобразования исходных моделей. Уходя с основной субъектно-предикатной оси, субъектный компонент сохраняет свое значение носителя признака по отношению к своему признаковому компоненту. В отношениях между субъектным и признаковым компонентом во вторичных позициях сохраняются в скрытом виде предикативные отношения, не актуализированные, не выявляемые в синтагматическом плане, но потенциальные, поддерживаемые планом парадигматическим. Ср., например, исходную конструкцию *Министры подписывают договор* и вторичную номинализованную конструкцию *Подписание договора министрами*. Связь между *подписание* и *договора*, компонентами со значением действия и его объекта, относится к уровню словосочетания, или синтаксиса слова, она остается такой и при глаголе и при девербативе. Связь между *подписание и министрами*, компонентами со значением действия и его субъекта, не укладывается в однолинейное словосочетание, поскольку сохраняется парадигматическое соотношение номинализо-

[91] Иную природу винительного личного имени в предложении *Больного рвало* по сравнению с той же формой объектного значения в предложении *Больного никто не мог успокоить* Ж. Веренк экспериментально доказывает несовместимостью этих форм в однородной позиции (* *Больного никто не мог успокоить и постоянно рвало*). См.: *Veyrenk J.* Minima syntaxiques et coprédicatifs (en syntaxe russe).— Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, 1980, t. 75, fasc. 1, p. 205.

ванной конструкции с конструкцией предикативной. Такие номинализованные конструкции с субъектным компонентом в присловной позиции называем не собственно словосочетанием, а аналогом словосочетания [92].

Набор вторичных конструкций для разных моделей различен. Так, модель с агентивным субъектом имеет несколько вторичных коррелятов с субъектным компонентом в формах тв. п. в страдательном обороте, род. п. (возможно относительное прилагательное) и тв. п. при девербативе, *со стороны*+род. п. в полисубъектном предложении (книжн.): *Деталь обрабатывается* (*обработана*) *мастером*; *Работа мастера*; *Обработка детали мастером*; *Противник атакован партизанами*; *Атака партизан*; *Партизанская атака*; *Атака противника партизанами*; *Атака со стороны партизан нанесла противнику большой урон*. Для большинства моделей имеются лишь номинализованные корреляты, аналоги словосочетаний: *Сон ребенка*; *Обморок тетушки*; *Выветривание скал*; *Молчаливость брата*; *Толпы народу*; *Неблагополучие с бумагой* и под. Ряд моделей, например со статуальным субъектом в дат. п., в вин. п., с компаративным, квалификативным субъектом и другие не имеют вторичных коррелятов. В конкретных случаях наличие коррелятов зависит от деривационных возможностей слова.

Синтаксическая квалификация вторичной позиции субъектного компонента определяется общей конфигурацией компонентов модели.

Естественно, возникает вопрос и о том компоненте, который во вторичных конструкциях занимает структурное место субъекта.

7. Имена существительные отвлеченные признакового или событийного значения, не имея предметного, субстанциального значения, не функционируют в роли предмета — носителя предикативного признака. В силу своей семантической специфики они участвуют в иных семантико-синтаксических типах конструкций, чем имена предметные, субстанциальные. В им. п. они обозначают либо предикативный признак субъекта (*У него бессонница*; *У нее радость*; *Его отличает принципиальность*), либо каузатор другого действия, признака, состояния субъекта (*Бессонница его изматывает*; *Радость делает ее еще краше*, *Его принципиальность вызывает уваже-*

[92] См. об этом в кн.: *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса..., с. 55.

ние), либо понятие, подлежащее логической квалификации или логическому соотнесению с другими понятиями (*Принципиальность — достойное качество*; *Бессонница — мучительное состояние*; *Бессонница — враг работоспособности* и т. д.).

Инфинитив в позиции первого компонента предложения также не означает предмета — носителя признака, он выступает как компонент со значением потенциального действия, предикативно оцениваемого с модальной, этической или прагматической точек зрения (*Молчать — невозможно*; *Сориться некрасиво*; *Курить вредно*).

Отвлеченные имена и инфинитив, занимающие в предложении позицию предикативно определяемого компонента, представляют собой, в свою очередь, свернутую предикативную единицу или — в другой терминологии — номинализованную пропозицию. Выраженный отвлеченным именем или инфинитивом предицируемый компонент в отличие от предметного, субстанциального субъекта назовем субъектом признаковым, или пропозициональным. Естественно, такому усложненному субъекту приписывается и предикативный признак более сложного, логически опосредованного характера[93]. Предложения с признаковым предицируемым компонентом представляют собой полипредикативную структуру, они относятся к рассмотренным выше типам предложений с предметным субъектным компонентом как усложненные структуры к первичным, элементарным моделям. Элементарные модели, компоненты которых характеризуются единством семантических, морфологических и синтаксических признаков, представляют изосемичные внеязыковой действительности конструкции; усложненные же предложения, с расхождением функционально-семантических и морфолого-синтаксических признаков, представляют конструкции неизосемичные, иного синтаксического ранга.

8. Дифференциация субъектных компонентов предложения позволяет сделать и другие наблюдения, касающиеся системной организации синтаксиса. Разграничивая субъект-агенс и субъект — носитель признака, сталкиваемся с тем, что в некоторых предложениях встречаются

[93] Ср. замечание Н. Д. Арутюновой: «...Семантическое согласование требует, чтобы предметные понятия выступали в качестве субъекта первичных суждений, а пропозитивные понятия характеризовались предикатами второго порядка» (*Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 147).

одновременно тот и другой, и вместе с тем как бы совмещение, наложение субъектных и объектных значений. Ср. примеры: (1) *Лошади были поданы* и (2) *Дом строится рабочими*. В форме им. п. здесь — объект действия (неопределенно-личного субъекта) в (1), объект действия субъекта, выраженного тв. п., в (2). В то же время эта форма может быть охарактеризована как носитель предикативного признака, состояния.

Однако в отличие от других конструкций с субъектом признака, состояния (*Крыша черепичная*; *Ему нездоровится*) в случаях (1), (2) сохраняется и объектное значение им. п., что сигнализируется страдательными формами предиката. Приходится констатировать двойственное значение данного компонента. Такое же двойственное значение — объекта каузативного воздействия и субъекта — носителя признака или состояния — обнаруживается в предметном компоненте каузативных конструкций (ср. выше: *Бессонница его измучывает*; *Радость делает ее еще краше*). Интересы систематизации моделей, так же как поиски объяснения приведенным явлениям, диктуют необходимость вывести предложения с двойственным значением одного из организующих компонентов в особый системный ряд, признав их неизосемичность и периферийность по отношению к ряду изосемичных моделей предложения с однозначными компонентами, отражающими в их структурной форме соответствующую роль их денотата во внеязыковой действительности.

Однозначность/неоднозначность компонентов служит одним из признаков разграничения моделей: а) основных, центральных в синтаксической системе; б) вариативных, периферийных, синонимичных первым, находящихся с ними в регулярных структурно-смысловых отношениях (актива — пассива и пр.).

9. Требуется определить отношение понятия субъектного компонента предложения и категории синтаксического лица.

Синтаксическая категория лица вместе с категориями модальности и времени стоит в ряду языковых средств выражения предикативности[94]. Содержание синтаксической категории лица определяется отношением субъекта

[94] В связи с различными решениями вопроса о том, входит ли лицо в круг предикативных категорий, уместно напомнить, что В. В. Виноградов называл категорию лица «фундаментом сказуемости» (*Виноградов В. В.* Русский язык, с. 360).

предложения к участникам речевого акта: соответствием его 1, 2 или 3-му лицу. Оппозиция личный—предметный субъект предложения проявляется в том, что предложения с личным субъектом имеют личную парадигму (*Я работаю, Ты работаешь... Они работают*; *Отец работает* — так же как *Он работает*; *Мне холодно, Тебе холодно, Детям холодно* — так же как *Им холодно* и т. п.). Предложения с предметным субъектом имеют лишь одну форму 3-го лица, с 1-м и 2-м лицом несоотносительны. Предложениям с личным субъектом также свойственно выражать своей структурой способ представления субъекта, даже неназванного, в одном из трех вариативных значений лица: как определенно-личный, неопределенно-личный или обобщенно-личный субъект.

Так называемые односоставные определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения представляют каждое лишь один из случаев неназванности субъекта — когда он соотносителен с названным субъектом в форме им. п. Однако неназванность субъекта действия, соотносительного с другими формами его обозначения, придает предложениям те же вариативно-субъектные значения. Ср. неопределенно-личное значение неназванного субъекта действия, выраженного как глаголом 3-го лица мн. ч., так и деепричастиями: — Помилуйте, у Типякова совсем нельзя останавливаться! *Шум, гвалт* всю ночь. *Стучат, кашляют*, детишки плачут... Невозможно! (Чехов); И тут со всех сторон *Тоска* и *оханье*, и *стон* (Грибоедов); Палатки. *Гвалт*. Платки девчат. *Хохочут*. Сдачею *стучат* (Вознесенский), Торгуют арбузами); В три дня все *сжали*. *Начали свозить* снопы на точок. *Пошла молотьба*. *Ночевали* тут же под скирдой (Шукшин); *Возобновились работы* на стройке. Уже *возвели* крышу... (Там же).

Очевидно, что неопределенно-личное значение создается не устранением подлежащего, а устранением субъекта действия, агенса, в разных его синтаксических позициях и возможных формах. Определенно-личность, неопределенно-личность и обобщенно-личность — это способы представления субъекта, варианты ряда личного субъекта.

10. Дискуссия последних лет вокруг категории субъекта, оставляющая достаточно спорных вопросов, побуждает соотнести изложенное с суждениями некоторых ее участников.

Накопление наблюдений, зафиксированных еще в XIX в., над функционированием некоторых словоформ

косвенных падежей с субъектным значением привело к более широкому, преодолевающему морфологический номинативизм, определению субъекта как носителя предикативного признака.

Идея о том, что обязательным компонентом модели предложения может быть в русском языке не только имя в именительном падеже — подлежащее, но и имя в косвенных падежах, выражающее носителя предицируемого признака, развивается в последнее время в ряде работ по синтаксису (В. А. Белошапкова, С. И. Кокорина, Д. Д. Воронина и др.) [95].

В работах С. И. Кокориной и Д. Д. Ворониной представлена наиболее радикальная позиция в оценке роли словоформ косвенных падежей в структуре предложения. Вводящие в научный обиход большой материал, рассматриваемый с новой, нетрадиционной точки зрения, работы эти характерны для современного этапа синтаксической теории как стимулирующими поисками в области синтаксической семантики, так и непреодоленными противоречиями этого этапа.

Понимая семантическую структуру предложения как субъектно-предикатные отношения (Д. Д. Воронина) или — более неопределенно — как отношения «определяемое—определяющее» (С. И. Кокорина), эти авторы видят семантический субъект предложения в компоненте со значением носителя предикативного признака, занимающем положение в начале предложения. Разновидности субъекта с денотативными значениями агенса, реципиенса (детермината), пациенса и другими иллюстрируются такими примерами, как *Мне сходить*; *В гостиной зажгли лампу*; *Двух убило молнией*; *Зверя ранили*; *Зверя ранили браконьеры*; *Расчеты делаются специалистами*; *О Вильгельме забыли*; *Вам дадут много денег*; *Над вами смеялись*; *С дороги сбились*; *За ней послали* и др. под. Очевидна неоднородность выделенных словоформ.

Предлагаемые критерии не лишены соблазнительной последовательности, упрощающей анализ. В самом деле, объектная форма, вынесенная из законной постглаголь-

---

[95] *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977; *Воронина Д. Д.* О функции и значении семантического субъекта в строе русского предложения. Канд. дис. М., 1976; *Кокорина С. И.* О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М., 1979.

ной позиции в начало предложения, приобретает часто некоторые признаки субъекта: она как бы становится наименованием предмета, о признаке которого сообщается в предложении. Ср.: — *Ну, и что же зверь, что с ним?* — *Зверь — убежал, Зверя — ранили браконьеры, Зверь — ранен браконьерами.*

Категория агенса, отграничиваемая от категории субъекта, оказывается то денотативной разновидностью субъекта, то частью, скрытой или явной, семантического предиката. При совпадении субъекта с подлежащим они разводятся по разным «уровням» предложения: подлежащее в именительном падеже на уровень грамматический, а субъект в косвенном падеже — на уровень семантический. При этом и подлежащее и семантический субъект, живя «на разных уровнях», реализуют свою сущность в предикативной связи. Не возникает ли в одном предложении две предикативных связи? С. И. Кокорина, по-видимому, допускает эту возможность, говоря об «особом типе информации», «особом типе мысли, с которым связано расчленение семантической структуры предложения», в отличие от его синтаксического расчленения [96]. Вопрос о взаимоотношении между семантическим и синтаксическим «уровнями» предложения не ставится.

Неясно, в каком ряду соотносительных единиц выделяется субъект, поскольку он не противопоставляется объекту. Денотативные значения субъектного и объектного компонентов не учитываются. Критерий качественного различия в характере их синтаксических связей с предикатным компонентом размывается неконкретизированными рассуждениями об «особым образом трансформированной подчинительной связи», «видоизменённой присловной связи» (с. 27, 32—33). С. И. Кокорина не признает релевантными для выявления субъекта формально-грамматические признаки. Из синтаксических признаков словоформы значимой остается лишь одна — местоположение ее в начале предложения. Но если по требованию контекста изменяется порядок слов в предложении, роль семантического субъекта либо исчезает, либо переходит к другим компонентам. Встают вопросы: может ли быть порядок слов ответствен за распределение ролей в предложении и является ли семантическая структура предложения его постоянной языковой характеристикой или переменной,

[96] *Кокорина С. И.* Указ. соч., с. 11, 71.

возникающей или исчезающей в зависимости от речевых условий словорасположения?

Очевидно, что семантический субъект здесь не разграничен с тематическим компонентом актуального членения предложения. Именно силой актуального членения выносятся в препозицию словоформы косвенных падежей с объектным и другими несубъектными значениями (ср. примеры Д. Д. Ворониной: *Книги он накупил во время командировок*; *Его поступку все удивляются*; *Здоровьем он отличается с детства*; *Город спасли саперы* и т. д.). С. И. Кокорина полагает, что ведет наблюдения над предложениями с нейтральным, контекстуально независимым словопорядком (с. 21, 24, 72), но сами примеры нередко свидетельствуют о том, что препозиция зависимой от глагола словоформы определяется ее ролью в актуальном членении — как данным, ранее именованным компонентом, либо как элементом контрапозитивным (— *Не люблю я Протопопова... Его не следует приглашать*; *Ольга Андреевна была еще там. Чуть светало, и ее трудно было разглядеть*; *Нет, Максим не бил его... Говорил, битьем не выучишь*; *Вам не доплатили, но мы-то тут при чем?* и др.).

Актуальное членение не меняет первичного характера конструктивной связи, оно лишь перестраивает компоненты предложения, нагружая их дополнительной нагрузкой данного—нового, темы—ремы. Делая начальный компонент предложения носителем темы, актуальное членение и добавляет ему значение предмета, о котором говорится в остальной части предложения. Этот тематический оттенок (*Зверя ранили браконьеры*) сближает различные в структурно-смысловом отношении компоненты и создает предпосылки для неразграничения словоформ со значением семантико-синтаксического субъекта предложения и «актуализированного» объекта действия. То, что исследователи, сталкиваясь с вопросами соотношения актуального членения и семантической структуры предложения, оставляют их в стороне,— методологически неоправданно, поскольку явление вырывается из тех связей и координат, в которых оно реализуется, и одностороннее рассмотрение его, а тем более попытка решения на такой основе дискуссионных теоретических вопросов, оказываются недостаточно объективными.

Рассмотренные работы, как представляется, не подтверждают преимуществ «уровневого», «расслаивающего»

подхода к структуре предложения. Отказ от грамматических критериев категории субъекта, попытка отделить семантическое содержание предложения от языковых средств его выражения обрекают исследователя на блуждания среди трех умозрительно установленных опор: «грамматическая семантика», «семантическая структура предложения» и «лексическая семантика», вплоть до признания безвыходности заданного таким образом положения. Ср. у С. И. Кокориной: «При описании семантической структуры двусоставных предложений, построенных по схеме N_1—Vf, мы фактически вынуждены отказаться от учета грамматической семантики конструкции, так как в большинстве случаев не можем совместить характеристики, связанные с грамматическим значением конструкции, и характеристики, идущие от ее лексического наполнения» (с. 44).

Поучительно сопоставить названные работы с еще одним опытом квалификации падежных форм имени, представленным О. А. Крыловой[97]. На первый взгляд, речь идет о другом предмете. Но статью О. А. Крыловой с работами Д. Д. Ворониной и С. И. Кокориной объединяют общий языковый материал (падежные и предложно-падежные формы имени в начале предложения), общие приемы анализа этих форм и одинаковые недосмотры.

В отличие от Н. Ю. Шведовой, заявившей, что дискуссия о детерминантах вступила в фазу выяснения методов отграничения их от присловных форм[98], т. е. от компонентов словосочетаний, О. А. Крылова предлагает идти не от словосочетания, а от предложения. Связь детерминанта с остальным составом предложения, по мнению О. А. Крыловой, «лежит в плоскости не структурного, а коммуникативного синтаксиса» (с. 45). Единственный конституирующий признак детерминантов О. А. Крылова находит в «их самостоятельной роли как компонентов актуального членения предложения» (с. 47), как бы отвлекаясь от того, что и детерминанты могут занимать несамостоятельную позицию в актуальном членении, и недетерминанты могут быть в самостоятельной роли. Соответственно этому признаку детерминантом оказывается любая предложно-падежная форма имени, стоящая в начале предложения в качестве «исходного пункта для сообщения самого собы-

[97] *Крылова О. А.* Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса.— ВЯ, 1976, № 2.

[98] НДВШ. Филол. науки, 1973, № 5, с. 66.

тия» (*В лесу раздавался топор дровосека*; *В лесу сыро*; *Тебе весело*; *Тебе не до смеха*; *К моей матери надо привыкнуть* и т. д.), либо — реже — в конце предложения, в качестве ремы (*Заметили волка только через час*; *Выбор пал на пастуха* и др.). От автора не скрыта разнородность приводимых примеров: отмечается, что «детерминант» называет условия, обстоятельства, а также объект или субъект (с. 51), что среди «детерминантов» встречаются как формы, которые никак не связаны с каким-либо членом предложения, так и формы, которые могут быть приглагольными, слабоуправляемыми и сильноуправляемыми (с. 48). Автору представляется, что все эти семантические и синтаксические различия исчезают, как только волею коммуникативного задания падежная форма выносится на первое или последнее место в предложении. Вспомним, что тот же критерий первого места в предложении использовался Д. Д. Ворониной и С. И. Кокориной для выделения семантического субъекта, при том же отсутствии интереса к семантическим и синтаксическим свойствам выделяемых словоформ.

О. А. Крылова формулирует «принципиальной важности вывод» о том, что коммуникативное задание может превращать в детерминанты любую предложно-падежную форму вплоть до сильноуправляемой (с. 48). Но дело в том, что глагольное управление остается глагольным управлением и при коммуникативном выносе управляемой формы объектного значения в начальную позицию (*Машу мы уже встретили*; *С соседом уже беседовали*; *К матери надо привыкнуть*), иной характер связи у конструктивно обусловленных форм субъектного значения, не зависимых от глагола (*С соседом несчастье*; *Тебе повезло*; *Мне не до смеха*). Коммуникативная препозиция, объединяющая эти формы, не снимает конструктивных различий, от которых и зависит их статус детерминанта или недетерминанта. Те словоформы, которые О. А. Крылова называет детерминантами, а Д. Д. Воронина и С. И. Кокорина — семантическими субъектами, оказываются всего лишь тематическим компонентом в актуальном членении приведенных предложений.

Если отвлечься от этой терминологической аберрации, то часть материала О. А. Крыловой подтверждает наблюдение Н. Ю. Шведовой о типичности начальной позиции для детерминантов. В заключении статьи констатируется, что падежные и предложно-падежные формы в предложе-

нии выступают либо в роли детерминантов, либо в роли присловного распространителя. Вопрос возвращается к исходной точке — к необходимости разграничить присловные и неприсловные связи, выявить конструктивные признаки детерминантов.

Попытка представить синтаксическую структуру предложения как производное от актуального членения неправомерна, поскольку семантико-синтаксическая структура предложения первична, а актуальное членение — вторично, оно не меняет характера конструктивных связей в предложении, а лишь перестраивает порядок компонентов по требованию контекста [99].

Что же касается проблемы детерминантов, то действительно, недостаточная четкость их конструктивных признаков порождает в синтаксической литературе неразграничение: а) распространителей модели предложения и компонентов, организующих модель; б) присловных и неприсловных компонентов. Представляется, что бо́льшая четкость может быть достигнута не на пути от слогосочетания или от предложения, а на пути от словоформы (синтаксемы) к словосочетанию и предложению. Изучение синтаксических потенций словоформ, возможности их употребления как компонентов тех или иных моделей предложения и словосочетания приводит к разграничению функциональных типов синтаксем, одни из которых — связанные, с объектным значением, функционируют только присловно, поэтому не могут быть детерминантами; для других — свободных, с обстоятельственными значениями, позиция детерминанта — одно из их основных упо-

[99] Ср. иное мнение: «Актуальное членение автор считает фактором, входящим в глубинную структуру предложения, ибо говорящий заранее решает, что будет в его сообщении темой, а что ремой» (*Zimek R.* Sémantická výstavba věty. Praha, 1980, s. 157). С точки зрения роли говорящего мы разграничиваем 1) семантико-синтаксическую структуру (модель) предложения, принадлежащую языковой системе и предоставляемую этой системой выбору говорящего в ряду с другими моделями, 2) те изменения (в частности, порядка компонентов, распределения темо-рематических ролей), которые в пределах данной модели волею говорящего производятся им в процессе речевой деятельности, в контексте речи. Ср. определение М. А. К. Хэллидеем функциональной перспективы предложения (resp. актуального членения) как текстового компонента в грамматике предложения (*Хэллидей М. А. К.* Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. М., 1978, с. 143).

треблений, при характерной для них сочетаемости с разными моделями; третьи — обусловленные, чаще с субъектным значением, иногда квалифицируемые как «детерминирующий объект» по традиционному представлению об объектном значении косвенных падежей, выступают главным образом как субъектные, организующие компоненты своих моделей предложения. Таким образом, в отношении детерминантной позиции возможности разных словоформ различны, по отношению к актуальному членению, к вынесению его волей в начало предложения — одинаковы.

Остановимся еще на традиционно-морфологической точке зрения в дискуссии о субъекте и подлежащем. Ее в последние годы активно отстаивает М. Кубик[100]. Ставя вопрос о возможностях применения новых результатов теоретической лингвистики в обучении русскому языку, М. Кубик высказывает опасение, что новое, отличное от традиционного, будет недоступно для обучающихся. Расширенное понимание подлежащего как предицируемого члена предложения создает, по мнению М. Кубика, трудности в определении роли субстантивов в неприямом падеже (*Мне не спится*; *Тебе весело*; *Его ранило осколком*; *С дисциплиной неважно*). М. Кубик допускает лишь одну, весьма непоследовательную, уступку семантике — признание родительного количественного и дательного субъекта состояния «косвенными субъектами». В случаях с другим оформлением субъекта М. Кубик не видит «опоры в формальных показателях». Критерий денотативного значения словоформы М. Кубиком в расчет не принимается. Семантические роли компонентов предложения определяются им также лишь на основе падежного показателя: в предложениях *Дед вспомнил молодость* и *Деду вспомнилась молодость* формы личного имени в именительном и дательном соотносятся, по М. Кубику, как агенс и перцинс, между тем как личный субстантив в обеих конструкциях обозначает не производителя действия, а субъект восприятия, и разница в оформлении сигнализирует не различия семантических ролей, а немаркированность—маркированность грамматического признака зависимости—независимости процесса от воли субъекта.

[100] *Kublk M.* K využívání nových poznatků teoretické linguistiky ve vyucování ruské skladbě na pedagogických fakultach.— Sb. ped. fak. UK, 1975. Filol. studie, 6; *Он же.* Модели двусоставных глагольных предложений русского языка в сопоставлении с чешским. Praha, 1977.

Универсальной опоры на единый формальный показатель не существует, потому что разнообразны синтаксические структуры и внеязыковые отношения, ими отображаемые. Изучение конструкций с другими формами субъекта ведет не к пренебрежению формальными показателями, а к пониманию формированной сущности субъекта, связанной в каждом случае с соответствующим способом выражения предиката. Что же касается дидактической стороны дела, то, как представляется, дидактика сильна не приверженностью к устаревающей традиции и неподвижной схеме, а степенью приближения теоретического осмысления явлений к самим явлениям.

Обеим рассмотренным, казалось бы, противоположным позициям в дискуссии о субъекте присуща общая черта — односторонность критериев (порядок слов в одном случае и падежная форма в другом), невнимание к совокупности признаков, характеризующих изучаемые факты.

Сказанное подтверждает необходимость комплексного подхода к изучаемому материалу: объективно исследовано может быть явление не в изолированном виде, не само по себе, а во многих его связях и отношениях с другими явлениями, которым оно противопоставляется и с которыми оно сопоставляется.

11. В заключение нельзя не коснуться еще одного вызывающего споры вопроса — о соотношении нескольких субъектов в предложении. Здесь следует разграничить разные случаи.

Во-первых, упомянем свойственный русскому языку способ комплексного или расчлененного обозначения субъекта типа *У него голова болит*; *У нее в уже звенит*; *Мне ногам холодно*. Субъект состояния выражается здесь комплексно: обозначением лица (целого) и места (части целого или его принадлежности), в котором локализуется состояние. В силу информативной избыточности компонент со значением лица в тексте часто опускается, что создает иллюзию выражения носителя признака предметным именем. На самом же деле носителем признака остается лицо, адресату речи оно всегда известно из контекста или ситуации, и место его в таком предложении всегда сохраняется.

Во-вторых, речь может идти о конструкциях более сложных, чем первичные модели предложения, например *У него ума палата*. Здесь можно обнаружить субъект количественный в родительном падеже с количественным

предикатом в именительном. В свою очередь это предикативное сочетание компонентов служит квалитативным предикатом к субъекту — носителю признака в форме «*у*+род. п.» Предложение оказывается полисубъектным, полипредикативным. Эти случаи отличаются от случаев комплексного выражения субъекта разнородностью предикатов в предложении, хотя в отношениях между субъектами и здесь наблюдается известная семантическая иерархия, которая может проявиться, например, в употреблении возвратно-притяжательного местоимения (*Своих князей у них довольно.* Пушкин).

Полисубъектностью характеризуются каузативные и авторизующие конструкции. Позиция авторизующего субъекта — *У тебя (для тебя, на твой взгляд, по-твоему, ты считаешь, что...) он всегда виноват* — включает в предложение иной субъектный план, о ее особом отношении к предикативному минимуму свидетельствует и неподчиненность другому слову падежной формы компонента, и сравнительно легкая взаимозаменимость форм из ряда возможных, и соотносительность в этом ряду падежных форм имени с так называемыми вводными словами и оборотами и «модусными» главными предложениями.

Явления авторизации граничат с проблемой соотношения субъекта предикативного признака и субъекта оценки, субъекта речи, взаимодействия планов персонажа и рассказчика, что находит многообразные способы выражения в разных типах речи. Ср.: Он *все-таки как бы* не решался, и *мне даже показалось*, что он в волнении (Достоевский) -У-у-у-у- — пела метель на чердаке, и что-то снаружи хлопало злобно, *должно быть*, вывеска на мелкой избе (Чехов); ...И все это опять с тем же невозмутимым, но *возмутительным* спокойствием (Лесков); «Так я ж вам объявляю,— произнес Иван Иванович,— что я знать вас не хочу». «Большая беда! ей богу не заплачу от этого!» — отвечал Иван Никифорович. *Лгал, лгал, ей богу лгал! ему очень было досадно это* (Гоголь).

Анализ подобного материала уводит за пределы синтаксиса предложения — в стилистику речи, в структуру текста.

О РОЛИ ГЛАГОЛА В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Центральная роль глагола в синтаксисе — признанный в большой литературе вопроса факт. За этим фактом, однако, стоит многообразие функций глагольного слова в предложении. В современных грамматических теориях существует тенденция выводить структуру предложения из глагольной сочетаемости, или валентности. При этом обычно недостаточно учитывается дифференцированность класса глаголов, различия в характере их значений, которыми обусловливаются и разная роль глаголов в структуре предложения, и особенности их связи с другими компонентами. Целесообразно также принимать во внимание соотношения глагольных и неглагольных предложений в синтаксической системе данного языка.

2. Различаются прежде всего полнозначные и неполнозначные глаголы. Неполнозначные (их называют еще связочными, вспомогательными) отличаются от полнозначных тем, что не образуют самостоятельных компонентов предложения. Связочная функция «в чистом виде» свойственна лишь слову *быть*. В. В. Виноградов писал о нем: «Связка *быть* не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия. Она мыслится вне категории вида и числа. Все остальные связки в русском языке (*стать, становиться, делаться* и т. п.) представляют собой гибридный тип слов, совмещающих функции глагола и связки»[101].

Глагольное слово с полным отсутствием глагольного значения процессуальности, *быть* — крайний полюс в глагольной систематике. Употребляется эта связка при именных предикативных формах, образуя с ними составное именное сказуемое. В безглагольных предложениях, где значение настоящего времени реальной модальности в исходной форме парадигмы предложения выражено конструктивно-синтаксическим способом, грамматические значения прошедшего и будущего времени и ирреальной (условно-сослагательной и повелительной) модальности выражаются соответствующими формами глагольной связки:

Он *терпелив* — Он *был, будет, был бы терпелив. Будь терпелив!*

Он *артист* — Он *был, будет, был бы артистом. Будь артистом!*

[101] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 475.

Им *тепло* — Им *было, будет, было бы тепло. Пусть* им *будет тепло!*

У него *дочь* — У него *была, будет, была бы дочь. Пусть* у него *будет дочь!*

Сады *в цвету* — Сады *были, будут, были бы в цвету, Пусть* сады *будут в цвету!*

Весна — Была весна, будет весна. Была бы весна. Пусть будет весна!

Естественно, используя лишь грамматические категории глагола и не нуждаясь в вещественном глагольном значении, неглагольные модели не становятся глагольными.

2.1. Глаголы с модальным (*хотеть, желать, мочь, стараться* и т.п.) и фазисным (*начинать, продолжать, прекращать*) значением тоже самостоятельных синтаксических функций не выполняют, они выступают в качестве модальных и фазисных модификаторов, осложнителей глагольных форм во всех их функциях, при этом модальный и фазисный глаголы принимают соответствующую грамматическую форму, а основной глагол принимает форму инфинитива:

Они *дружат* — Они *продолжают дружить.*

Они уже *говорят* — Они уже *начинают говорить.*

Он *тренируется* — Он *перестал тренироваться.*

Изучающие языки, *слушайте пластинки. — Начинающие изучать* язык, *старайтесь слушать* пластинки.

И модальные глаголы и инфинитив обладают общей семой потенциальности действия, поэтому отношения между ними имеют характер синсемичности. Потенциально-модальное значение сохраняется и в девербативах, образованных от модальных глаголов, ср.: *желать обнять* у вас колени (Пушкин) и *желание обнять* колени; *пытаться написать* и *попытка написать.*

В предложениях с именным предикатом модальные и фазисные глаголы выражают свои значения в сочетании с инфинитивной формой связочного глагола.

Он *сильный* — Он *хочет быть сильным;* Он *может стать сильным.*

Она *балерина* — Она *хочет стать балериной;* Она *может быть балериной.*

При более сложном фазисно-модальном значении сочетание включает в себя два — три фазисно-модальных глагола, но, кроме первого, все другие стоят в форме инфинитива:

Она *учится* — Она *хочет учиться;* Она *продолжает учиться;* Она *хочет продолжать учиться.*

Он *спокоен* — Он *старается быть спокойным;* Он *остается спокойным;* Он *старается оставаться спокойным.*

Если фазисные или модальные глаголы в свою очередь принимают форму инфинитива (при инфинитивной же форме глагола или инфинитиве связки с именной предикативной формой: *Начинать учиться* было поздно; *Стараться понять* — твоя задача; *Стать моряком* сделалось его мечтой; *Желание продолжать учиться* привело его в столицу), либо форму причастия или деепричастия (Он крепко держал за руку *пытавшегося вырваться* мальчишку; *Стараясь писать,* напишешь красиво; *Оставаясь нетщеславным,* он невысоко ценил эти почести), они сохраняют свою роль модификаторов, способствуя образованию различных составных компонентов предложения.

К модификаторам можно отнести и такие глаголы, которые осложняют значение действия значением модально-темповым (модальное отношение желательности—нежелательности действия для субъекта выражается в убыстренности—замедленности темпа действия) либо значением оценочно-темповым (темп действия оценивается с точки зрения результативности), ср.:

Он *входит* — Он *медлит входить;* Он *дописывает* письмо — Он *спешит дописать письмо;* Он *уезжает* — Он *торопится уехать;* Он *подготовился* — Он *успел подготовиться.*

2.2. Другую группу вспомогательных глаголов можно назвать компенсаторами. Так же, как и модификаторы, они не выполняют самостоятельной функции в предложении. Они участвуют в транспозиции средств прямой номинации в средство косвенной номинации, компенсируя недостающий категориально-синтаксический элемент значения: В колхозах *убирают урожай* — В колхозах *ведут уборку* урожая; Здесь *продают* картофель — Здесь *производится продажа* картофеля; Космонавты *летят* над землей — Космонавты *совершают полет* над землей; Аппаратура *надежна* — Аппаратура *отличается надежностью.*

Основное семантическое значение действия или качества передается во вторых парах примеров отвлеченным именем, вспомогательный глагол «подкрепляет» его категориальное значение действия или качества и выражает необходимые грамматические глагольные характеристики, способствуя приведению в предикативную связь имени предмета с именем признака. Сочетания отвлеченного имени с глаголами-компенсаторами выполняют роль одного компонента предложения и являются стилистическими

вариантами (более книжной окраски) соответствующего однословного компонента.

Итак, все вспомогательные, неполнозначные глаголы характеризуются неспособностью к самостоятельному употреблению в качестве компонента предложения. Конкретные случаи их «прямой» сочетаемости с распространителями (*Она стремится в актрисы; Он хочет домой*) опосредованы контекстным или ситуационным эллипсисом.

3. Основным критерием подразделения знаменательных глаголов служит значение акциональности/неакциональности: глаголы либо называют действие предмета, либо в виде действия представляют существование предметов, их отношения, их состояния и свойства.

3.1. Рассмотрим разновидности неакциональных глаголов. В силу того, что их значение не соответствует основному категориальному значению глагола — значению действия, неакциональные глаголы часто бывают в большей или меньшей степени лексически ослабленными. Не обозначая действия, они выражают разного рода отношения между предметами: пространственные, партитивные, посессивные и другие или сообщают о существовании или состоянии предмета.

3.1.1. Глаголы локализующего значения: Тетради *лежат* на столе; Булочная *находится* за углом; Музей *помещается* в бывшей церкви; Такси *стоит* у подъезда; Пальто *висит* на вешалке; *Стояла* серая скала на берегу морском (Лермонтов).

Сообщение о пространственном положении предмета, о его локализованном наличии строится в русском языке с помощью локализующего глагола и именной синтаксемы (предложно-падежной формы) с локативным значением. В этой паре более сильным элементом является локативная форма имени существительного. Свободное, независимое от синтаксического окружения значение этих форм и семантически, и синтаксически достаточно для того, чтобы они самостоятельно могли осуществить предикативную функцию (ср.: Тетради *на столе*; Булочная *за углом*; Такси *у подъезда* и т. п.). Что же касается глаголов, то одни из них неспособны вообще организовать осмысленное сообщение (*Булочная *находится;* *Музей *помещается*), в таком случае роль их приближается к вспомогательной, а локативная именная синтаксема входит в состав сказуемого; другие без локатива сообщают только о наличии или пространственном положении предмета (Такси *стоит;* Пальто

висит; Пальто *лежит*). Заметим, что горизонтальность — вертикальность и другие дополнительные признаки положения предметов выражаются и без помощи глагола предложно-падежными формами, выбор которых определяется значением реалий. Без глагола понятно, что пальто на полке, в чемодане — *лежит*, пальто на вешалке — *висит*, а машина у подъезда — *стоит* и т. д.

Другие глаголы, выражающие пространственное соотношение предметов: Тропинка *ведет* к реке; Окна *выходят* в сад; Сад *спускается* к реке; Рельсы *пересекают* площадь; Деревню *окружают* леса; За деревней *простираются* поля.

Отсутствие акциональности в этих глаголах позволяет выразить те же отношения без глагола, посредством соотнесения именных форм: Окна *в сад*; Сад *над рекой*; *Вокруг деревни* леса и т .п.

Сочетаясь с личным именем субъекта, те же глаголы могут выступать в акциональном значении: Дети *выходят* в сад, *спускаются* к реке.

Обнаруживая разную степень обязательности—факультативности в предложении, в зависимости от характера отношений между компонентами, локализующие глаголы объединены признаком семантической избыточности, что предопределено их неакциональным значением.

Неакциональность рассматриваемых глаголов, как отмечали многие исследователи, проявляется и грамматически: в утрате многими из них видовой соотносительности. Так, *выходить* не соотносительно с *выйти*, *находиться* — с *найтись*, *лежать* — с *лечь* и т. д. (ср.: Дети *выходили* в сад — Дети *вышли* в сад; Окна *выходили* в сад — *Окна *вышли* в сад; Потерянные вещи *находились* — Потерянные вещи *нашлись*; Булочная *находилась* на углу — *Булочная *нашлась* на углу; Он *лежал* в постели — Он *лег* в постель; Белье *лежало* в шкафу — *Белье *легло* в шкаф).

3.1.2. Ослабленным лексическим значением характеризуются также глаголы экзистенциального значения, они обычно семантически или лексически связаны: *есть* (*был*, *будет*), *имеется*, *присутствует* (о лице), *отсутствует*, *наличествует* (о предмете), *стоит*, *царит* (о погоде, о времени дня или года), *идет* (о снеге, дожде): *Есть* роза дивная (Пушкин); *Стояла* звездная августовская ночь; Кругом *стояла* (*царила*) тишина; *Бывают* тихие минуты (Блок); В доме *царил* беспорядок; Снег *идет*; *Существует* предание; Докладчик *отсутствует*.

Предложения с экзистенциальными глаголами синонимичны безглагольным предложениям: *Над невской башней тишина* (Блок); *На дворе дождь; На дворе осень; Звездная ночь.* В речи выражение экзистенциальных и локализующих отношений часто совмещается.

3.1.3. Ряд глаголов выражает в предложениях партитивные отношения, в двух разновидностях:

а) отношения классификационные (вида и рода, единичного предмета и класса): Кедр *относится к* хвойным деревьям; Золото *принадлежит к* благородным металлам; Золото *представляет* класс благородных металлов.

б) отношения целого и составной части: Молоко *содержит* воду — В молоке *содержится* вода; Молоко *состоит* из воды на 87% — Вода *составляет* часть молока; В книге *содержится* пять глав — Книга *состоит* из пяти глав; Симфония *делится* на четыре части — *состоит* из четырех частей; Предложение *образуется*, *состоит из* компонентов.

Предложения с партитивными глаголами синонимичны безглагольным предложениям: *Золото — благородный металл; В книге пять глав; В симфонии четыре части; Вода — составная часть молока* и т. п.

3.1.4. В предложениях, выражающих посессивные отношения (принадлежности) между субъектом и объектом владения, употребляются следующие глаголы: Соседи *имеют* сад; У соседей *есть* сад; У соседей *имеется* сад; Сад *принадлежит* соседям; Соседи *владеют* садом; Мы *располагаем* новыми моделями; *Есть* у меня твой силуэт (Лермонтов); *Не имей* сто рублей, а *имей* сто друзей.

Посессивные отношения выражаются также синонимичными безглагольными предложениями: *У соседей сад*; *У нас новые модели.*

3.1.5. Глаголы компаративного значения участвуют в построении предложений, содержащих сравнение двух предметов или явлений по определенным признакам, названным соответствующими синтаксемами: Тула *превосходит* Калугу по численности населения; Отделочники *уступают* монтажникам в мастерстве; Огородная бригада *отстает* от садовой по производительности труда; Сын *напоминает* отца своей застенчивостью. Глагольным компаративным предложениям синонимичны безглагольные адъективно-компаративные: *Тула больше Калуги; Монтажники мастеровитее, чем отделочники; Сын похож на отца.*

3.1.6. Глаголы сопоставительного значения участвуют в построении предложений, выражающих отношения иерархии и соответствия между предметами или явлениями: Одна плоскость *противостоит* другой; Композиция *подчиняется* замыслу; Работа *отвечает* требованиям; Результат *соответствует* ожидаемому. Ср.: *Одна плоскость параллельна, перпендикулярна другой* и т. п.

3.1.7. Глаголы статуальные обозначают состояние или изменение состояния:

а) предмета: Сирень *цветет*; Яблоки *зреют*; Огород *зарастает* сорняками: Снег *тает*: Небо *розовеет*.

б) лица: Дети *растут*; Сестра *выздоравливает*; Дежурный *бодрствует*; Он *скучает*; *Цепенею, и сплю, и грущу* (Блок).

3.1.8. Близки к статуальным глаголы функтивные, они обозначают не деятельность, а функционирование предмета или возможность функционировать как способ существования или осуществления назначения предмета: а) Солнце *светит*; Ветер *дует*; Костер *горит*; б) Фонарь *горит*; Карандаш *пишет*; Станок *работает*; Нож *режет*. К функтивным примыкают также глаголы, обозначающие звуковое, цветовое или световое, обонятельное проявление существования или функционирования предмета: а) *Мерцают* звезды; *Белеют* ромашки; *Синеют* горы: Сильно *пахнет* резеда; *Пахнет* резедой; б) Перья *скрипят*; Часы *тикают*; *Визжит* пила; *Звонит* колокол.

Предложения группы (а) приближаются к экзистенциальным, о чем свидетельствуют нормальная для них препозиция глагола, а также их синонимичность номинативным предложениям: *Солнце*; *Ветер*; *Белые* (*белеющие*) *ромашки* и т. п.

3.2. Глаголы акциональные обозначают физические или ментальные действия лица и в свою очередь подразделяются на группы по характеру действия. Характером действия обусловлено и сопровождение глагола именными компонентами в соответствующих (предложно-) падежных формах. Взаимодействие синтаксических и семантических свойств глагола, неоднократно подтверждавшееся исследователями, поддается системному упорядочению.

3.2.1. Глаголы речемыслительного действия сопровождаются именными синтаксемами со значением адресата и делиберата (содержания речемыслительного акта): *рассказывать друзьям о поездке, петь песни другу, сообщить новость собравшимся, выступить с*

речью перед избирателями, поздравить с праздником гостей.

3.2.2. Глаголы эмоционального действия сопровождаются указанием на объект: *любить, презирать кого-что; сердиться, злиться, гневаться на кого-что; нежничать, любезничать с кем, лицемерить с кем* или *перед кем, угодничать, усердствовать перед кем, подлизываться, подольститься к кому.*

3.2.3. Глаголы конкретного физического действия сопровождаются указанием на объект и — факультативно — на орудие, средство действия: *забивать гвоздь молотком, прокладывать дорогу бульдозером, вязать чулки на спицах, печатать отчет на машинке, поливать огород из лейки, рассматривать срезы в микроскоп, выравнивать вертикаль с помощью отвеса.*

3.2.4. Глаголы социативного или интерсубъектного действия сопровождаются компонентами со значением совместного субъекта и цели-основания либо деликата (при ментальном действии); *бороться с соперниками за кубок, подраться с приятелем из-за санок, дискутировать с коллегами о погоде, поспорить с друзьями по поводу фильма* и т. п.

3.2.5. Глаголы движения и сопровождаются указанием на предметные ориентиры (исходную и конечную точку движения, путь движения, а также средство или способ): *лететь из Москвы в Ленинград самолетом, ехать по тундре на оленях, перейти по мосту с одного берега на другой, пробираться сквозь заросли, через болота* и т. д.

3.3. В современных синтаксических концепциях компонент со значением субъекта действия часто рассматривают в одном ряду с распространителями глагола, под общим названием актантов или аргументов. Однако между субъектом и действием отношения качественно иные: в объективной действительности действие не существует, оно осуществляется как функция субъекта; предложение как коммуникативный акт возникает лишь в результате предикативного сопряжения между субъектом и предикатом, соотносящего высказывание с действительностью в плане модальности, времени и лица.

Связь знаменательных глаголов с именными распространителями основана на синсемичности, семантической координации значений, поэтому синтаксически обязательной она является лишь тогда, когда восполняет относительность значения, семантическую недостаточность глагола, задающего и смысл и форму восполняемого.

3.4. Условием проявления значения знаменательных глаголов, особенно в случаях полисемии и омонимии, служит синтаксическая модель определенного компонентного состава. Существенна при этом противопоставленность л и ч н о - с у б ъ е к т н о г о и п р е д м е т н о - с у б ъ е к т н о г о компонентов. Взаимная структурно-семантическая избирательность субъекта и предиката является одним из принципов построения модели предложения.

Можно отметить также, что оппозиция акциональное/неакциональное значение глагола, проявляющаяся при сочетании его с личным или предметным именем субъекта, обнаруживается и в содержании видовых корреляций. Ср.:

(1) Он *устилал* полы коврами — (1а) Он *устлал* полы коврами.

(2) Зерно *устилало* землю — (2) Зерно *устлало* землю.

(3) Он *стягивал* книжки ремешком — (3а) Он *стянул* книжки ремешком.

(4) Ремень *стягивал* его талию — (4) Ремень *стянул* его талию.

Несовершенный/совершенный вид в акциональных глаголах соотносятся как длительное или многократное действие (1), (3) / однократное действие (1а), (3а), а в неакциональных — как результативное состояние (2), $(4)_1$ / фазисный, начальный момент результативного состояния (2а), (4а).

4. Итак, мы рассмотрели не исчерпывающе, но в основных разрядах разновидности знаменательных глаголов: р е л я ц и о н н ы х (обозначающих отношения между предметами), э к з и с т е н ц и а л ь н ы х, с т а т у а л ь н ы х и а к ц и о н а л ь н ы х.

4.1. Знаменательные глаголы в спрягаемых формах служат предикатами предложений. Это положение имеет неполную силу в отношении реляционных и экзистенциальных глаголов. Их лексическая ослабленность при структурно-смысловой самостоятельности именных компонентов может приближать их функцию к вспомогательной.

Неспрягаемые формы глагола — инфинитив, причастие, деепричастие — располагают своими собственными синтаксическими функциями в предложении. По отношению к личным глаголам-предикатам они могут рассматриваться как его синтаксические дериваты, как способы вторичного, имплицитно-предикативного обозначения действия: и н ф и н и т и в и з а ц и я, а т р и б у т и з а ц и я и а д в е р б и а л и з а ц и я. Подобно номинализации эти спосо-

бы обозначения действия используются как синтаксические средства осложнения первичной, элементарной модели предложения, создающие его полипредикативность.

4.2. Незнаменательные глаголы, не выполняя роли самостоятельных компонентов предложения, придают предикатам (или их дериватам) регулярные дополнительные значения: либо чисто грамматические, либо семантико-грамматические, либо семантико-стилистические.

4.3. Не всегда с достаточной четкостью разграничивают (например, У. Чейф) структурно-семантические значения действия и состояния (акциональные и статуальные предикаты), определяемые семантикой глагольного слова, с одной стороны, и с другой стороны — значения состояния (результативного состояния, непроизвольного состояния), создаваемого грамматическим значением определенной неспрягаемой формы глагола, образованной в свою очередь от глагола как акционального, так и статуального. Ср.:

(1) *Я работаю* — (1а) *Мне работается* — (1б) *Мне работать.*

(2) *Я лежу* — (2а) *Мне (не) лежится* — (2б) *Мне лежать.*

(3) *Я срываю цветок* — (3а) *Цветок сорван* — (3б) *Цветок вянет.*

(4) *Я сушу сено* — (4а) *Сено высушено* — (4б) *Сено сохнет.*

Ряды предложений (1) и (2) противопоставлены по значению действие—состояние. Грамматические же различия внутри ряда между предложениями с личной формой предиката и именительным субъекта (1), (2) и предложениями с безличным и инфинитивным предикатом и дательным субъекта (1а), (1б), (2а), (2б) заключаются в немаркированности/маркированности по признаку независимости действия или состояния от воли его субъекта. Грамматическое значение конструкции с безличной неспрягаемой формой глагола (1а) взаимодействует с семантикой глагола, как бы лишая действие активного, произвольного начала, но тем не менее противопоставленность действия и состояния *работается/лежится* остается в силе. Очевидно, что граница между действием и состоянием определяется прежде всего разницей в глагольной семантике.

В рядах (3)—(4) противопоставление между действием и состоянием проходит внутри ряда. Вместе с тем су-

щественно различие между моделями со значением состояния. В предложениях (3б), (4б) это значение определяется семантикой статуального глагола. В предложениях (3а), (4а) оно создается грамматическим значением формы краткого страдательного причастия от акционального глагола. Это значение результативного состояния, каузированного активным воздействием на предмет. Отсюда разные парадигматические связи и разные места этих предложений в синтаксической системе.

5.1. Особая функциональная роль в предложении принадлежит каузативным глаголам. Каузативные глаголы означают воздействие на лицо или предмет, в результате которого лицо совершает действия, испытывает состояния, предмет изменяет свое состояние, качество, местоположение. Ср.: *напиться воды — напоить коня водой, проснуться — разбудить спящего, идти в зоопарк — вести детей в зоопарк, быть в ярости — привести брата в ярость*. В качестве каузаторов могут выступать как лица, так и отвлеченные понятия — явления, действия, качества (*Сын удивляет мать своим поведением — Поведение сына удивляет мать — Мать удивляется поведению сына*). Каузативные глаголы соотносительны с каузативными синтаксическими конструкциями, в которых эксплицируется, раскрывается состав компонентов каузативной ситуации (ср., например: *послать мальчика за газетой — попросить мальчика пойти принести газету, попросить мальчика, чтобы он пошел за газетой*). Для этих конструкций характерно двойственное значение именного компонента (*мальчика, мать*), который совмещает в себе значение объекта каузирующего воздействия и субъекта каузированного действия, состояния, качества. Каузативные конструкции служат средством полисубъектного и полипредикативного усложнения простого предложения во всех его основных типовых значениях [102].

В сочетаниях глаголов с инфинитивом или отглагольным именем могут выражаться различные каузативно-модальные и каузативно-фазисные значения (*уговаривать,*

[102] Глубокий семантический анализ каузативных глаголов см. в кн.: *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974. Объединение фазисных, модальных и каузативных глаголов в функции «включающих предикатов» (см.: *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977, с. 77 и след.; *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М., 1981, с. 30) размывает те структурно-семантические различия между ними, которые мы стремимся здесь показать.

убеждать, умолять пойти, требовать ответа, просить помочь, просить помощи, просить о помощи, обратиться за помощью, обратиться с вопросом, вдохновлять на поиски, толкать на неверный шаг, отговаривать от поездки, мешать работать, мешать работе, замедлить движение, ускорить сборы, затянуть ремонт, торопить с ответом и т. п.).

5.2. Глаголы, выражающие логические отношения причинно-следственные и обусловленности между двумя действиями, явлениями, признаками, также организуют предложения усложненной структуры: Значение слова *обусловливает* его употребление; Воспитание *определяет* поведение человека; Нагревание тел *ведет к* их расширению; Здоровый режим *обеспечивает* работоспособность; Цена товара *зависит от* его качества.

5.3. Глаголы авторизующего значения организуют полипредикативные предложения, в которых взаимодействуют элементы модели сообщаемого содержания с элементами модели речемыслительного действия личного субъекта («автора» оценки или восприятия). Ср.: *Кричат чайки — Я слышу крик чаек (Я слышу, что кричат чайки, как кричат чайки); Слышится* (кому?) *крик чаек (Слышен крик чаек); До меня доносится крик чаек* и т. п.; *Он талантлив — Преподаватель считает его талантливым (Считает, что он талантлив); Его считают* (кто?) *талантливым; Он считается талантливым; Друзья находят его талантливым* и т. п.

5.4. Глаголы, вводящие каузативные и авторизованные конструкции, а также глаголы, выражающие отношения обусловленности между явлениями, можно назвать компликаторами, усложнителями элементарных моделей предложения.

Подводя некоторые итоги, можно заметить, что полисемичный глагол *вести* в примерах этого раздела встретился в следующих своих значениях:

1) акциональное значение каузации движения: *вести детей в зоопарк;*

2) реляционное значение пространственных отношений между предметами: *Тропинка ведет к реке;*

3) компликаторное значение обусловленных отношений между явлениями: *Нагревание ведет к расширению тел;*

4) компенсаторное, вспомогательное значение: *Колхозы ведут уборку урожая.*

Надо полагать, таким образом, что определение семантико-синтаксической роли глагола в предложении способ-

ствует и более четкой систематизации его значений в лексикографическом описании. Например, значение, сформулированное в Словаре Ожегова под номером 3 как «прокладывать в известном направлении»: *вести шоссе на юг*, может рассматриваться как каузатив к значению 5 «иметь то или иное направление», ср.: *шоссе ведет на юг*.

6. Семантико-синтаксический принцип характеристики глагольной сочетаемости дифференцированно показывает роль различных разрядов глагола, в зависимости от их значения, в структуре предложения как элементарного, так и осложненного. Этот принцип представляется более эффективным в изучении и описании русского языка, чем валентностно-арифметический, исходящий из количества именных мест при глаголе, без учета типового значения организуемой им модели и степени ее сложности. Рассмотренный материал, можно полагать, подтверждает плодотворность анализа, опирающегося на совокупность семантических, морфологических и синтаксических признаков в их взаимодействии.

ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ И ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Правомерность постановки вопроса о соотносительности типов предикатов и типов предложений сомнений теперь, очевидно, не вызывает. Отображая категориальные связи между явлениями действительности, типовые значения предложений обнаруживаются прежде всего в категориально-грамматическом характере предиката.

Известно многообразие форм и значений предиката. С точки зрения морфологии в качестве предиката употребляются разные части речи и их формы, в морфологизованных и неморфологизованных способах выражения. С точки зрения семантики предикат сообщает о действии, состоянии, качестве и других признаках предмета, названного предицируемым именем. С точки зрения синтаксиса предикат есть предикат, сказуемое, по существенно то, что разные грамматические формы, выступающие в роли сказуемого, располагают разными синтаксическими возможностями: формы личного глагола, в отличие от других глагольных форм, функционируют только как предикаты, определенные формы имени существительного выступают в роли как предиката, так и атрибута, или в других соотносительных позициях.

Многообразие семантико-грамматических видов предиката не использовалось последовательно как основание для классификации типов предложений. В описании способов выражения сказуемого учитывалась обычно его морфологическая форма, но не обращалось внимания на соотношение морфологических, синтаксических, семантических его свойств.

Комплексное, «объемное» рассмотрение свойств глагольного предиката открывает возможности построения семантико-синтаксической классификации предложения, выявляющей единство формы и содержания в синтаксисе. Категориально-грамматические типы предикатов и взаимообусловленные типы и формы предицируемых, субъектных компонентов — объективный критерий, способный конструировать единую семантико-синтаксическую классификацию предложений. Устанавливая, какими формами в каких моделях, при каких предикатах могут быть выражены разного типа субъекты предложения, мы выявляем, в формировании какого грамматического значения они участвуют. Если с этой точки зрения рассмотреть, например, предложения (1) *Я не пишу* — (2) *Мне не пишется;* (3) *Буря сломала дерево* — (4) *Бурей сломало дерево.* обнаруживается, что в обеих парах структура предложения создается предикативным сочетанием двух составов, или двух компонентов: субъекта-носителя, производителя предикативного признака и предикативного признака. Противостоят они в синтаксической системе не как личные двусоставные — безличным, односоставным, но по форме компонентов: именительный падеж первого компонента в примерах (1) и (3) — косвенные падежи (дательный и творительный) в (2) и (4); личные глаголы в (1) и (3) — безличные в (2) и (4). Какое же грамматическое значение сигнализируется различиями в форме субъектов и в форме предикатов?

Во-первых, субъектные формы дательного и творительного в конструкциях, представленных примерами (2) и (4) в предикативном сочетании с безличными глаголами (для (2) также с инфинитивом или предикативным наречием *Мне работать; Мне весело*), выражают грамматическое значение независимости предикативного признака от воли субъекта, тогда как в примерах (1) и (3), с именительным падежом имени субъекта и личной формой глагола-предиката, это значение не выражено, не маркировано (ср.: *Я работаю — Я тоскую; Буря сломала дерево — Прохожий сломал дерево*).

Во-вторых, форма субъекта и предиката показывает их взаимную избирательность (оба предикативно сопрягаемых компонента своими семантико-синтаксическими потенциями, по выражению И. П. Распопова, «подготовлены к встрече друг с другом» [103]), распределенность между ними семантико-грамматического значения или, вернее, общность их усилий выразить это значение.

Отсюда следует, что структура предложения вопреки вербоцентрическим концепциям определяется не только предикатом и тем более не только глаголом, но взаимной соотнесенностью двух организующих модель компонентов, субъектного и предикатного. Неверно было бы недоучитывать сложность взаимных отношений субъекта и предиката предложения. С одной стороны, по замечанию Э. Бенвениста, «предикативный член достаточен сам по себе, так как он детерминирует «субъект» [104], субъект же сам по себе недостаточен для предложения. С другой стороны, предикат — функция субъекта и осуществляется лишь постольку, поскольку существует субъект [105].

Представление о достаточности предиката справедливо в разной степени по отношению к разным моделям предложения. Например, в ряду предикатов: *Узнаю. Едем. Напиши. Выиграли. Скучно. Жарища. Здоров. Хороша. Коротковата. Убавилось. Не пришло. Слышится. В руке. Синего цвета* и т. д. коммуникативно-информативная достаточность их, в порядке расположения, все больше обеспечивается контекстом, так что граница между «достаточным» предикатом и «недостаточным» любым другим компонентом предложения в реплике диалога в конце концов расплывается.

По-видимому, адекватнее определял положение еще Ф. И. Буслаев, констатируя, что «есть в языке предложе-

---

[103] *Распопов И. П.* К соотношению членов предложения с частями речи.— В кн.: Русский синтаксис. Воронеж, 1976.

[104] *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, с. 138. Ср. также: «То, что мы для удобства называем предложением, является или одним-единственным глаголом, или глаголом, сопровождаемым одним или более существительным...» (*Чейф У.* Значение и структура языка. М., 1975, с. 116).

[105] «Процесс (явление, действие, состояние, качество) не мыслится нами без субстанции, которая служит его местопребыванием. Это местопребывание процесса и является субъектом: нельзя мыслить движения, шум, цвет, жизнь, смерть, страдания и т. д. без субъекта»,— писал Ш. Балли (*Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 138).

чия, состоящие только из сказуемого... но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего»[106]. Справедливее, следовательно, говорить о возможности функционирования в языке предложений, состоящих только из сказуемого, но не о принципиальной достаточности предикативного члена или глагола. Литературные попытки построить текст из одних глагольных предикатов, без имен, осуществимы лишь в пределах известного жанра и тематики. См. пример с 16-й страницы «Литературной газеты» от 16 апреля 1980 г.:

В. Чудодеев. Глаголы женского рода.

Очнулась. Взглянула. Обомлела — проспала! Вскочила, стала будить. Буркнул, отвернулся. Растолкала, подняла. Кинулась разогревать, накрывать, накручиваться. Позвала. Молчит. Заглянула — накрылся, храпит... Выскочила, помчалась.

Отходит! Догнала, уцепилась, повисла. Доехала. Спрыгнула. Звенит! Побежала, ворвалась, отпихнула, проскочила. Отлегло!

Поднялась. Уселась. Вскочила, позвонила, напомнила погасить, выключить, причесать, застегнуть, обуть... Бросил. Разложилась, начала работать.

Шепчутся. Прислушалась...

2. Итак, общие категории субъекта и предиката мысли-предложения реализуются в различных моделях как частные значения лица и его действия, состояния, свойства, предмета и его качественной или количественной характеристики, выражаемые структурно-семантическими компонентами моделей в их конкретно-типовых формах. Соответствие основного категориального значения ведущих частей речи в составе предиката основным категориям внеязыковой действительности, структурированной национальным языковым сознанием, лежит в основе организации предложения и его типологии.

Вступая в роли субъекта и предиката предложения, синтаксические формы слова (синтаксемы) вступают в предикативные отношения. Это означает, что данный предикативный признак приписывается предмету-носителю в определенном плане времени, модальности и лица (значение вневременности, гномичности — одно из част-

---

[106] *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1959, с. 258.

ных значений временно́го плана). Тем самым сообщение, возникающее как результат предикативного сопряжения главных компонентов, оказывается отнесенным к внеязыковой действительности. В таком понимании предикативности получает разрешение мнимая, как представляется, оппозиция двух трактовок предикативности: как отношения содержания предложения к действительности и как отношения между субъектом и предикатом [107]. Фактически это две стороны одного и того же явления.

Односторонняя сосредоточенность в ряде работ на грамматическом выражении предикативности, ограничение предикативных отношений морфологическим выражением этих отношений, в отвлечении от их содержательного существа, и сделали возможным противопоставление понятий предикативного минимума и информативного минимума предложения. С этих позиций косвенные падежи с субъектным значением не допускаются в структурную схему на том основании, что только именительный падеж диктует сказуемому формы числа, рода и лица, носителем предикативности признается вспомогательный модальный глагол, и даже подлежащее в именительном падеже низводится на роль второстепенного члена в тех предложениях, где оно не является необходимым для выражения модальных и временны́х значений [108]. Но как не может быть предикативного признака, приписываемого ничему, так не может предикативный признак заключаться в отнесении ничего к временному и модальному плану. Что касается формальных средств выражения предикативной связи между предметным и

[107] Ср.: «Один ученые понимают предикативность как грамматическую категорию, соотносящую содержание предикативной единицы с действительностью, другие сводят предикативность к отношению между главными членами» (*Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису, с. 44). См. также раздел «Предикативность» в кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 133—182. Чехословацкие русисты закрепляют это противопоставление терминологически, различая понятия предикативности и предикации (Русская грамматика. Praha, Academia, 1979, т. 2, с. 681) и не ставя вопроса об их соотнесенности.

[108] См., например: *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис, с. 109 и др.; *Мизеева И. С.* Роль различных компонентов двусоставного предложения в формировании предикативных категорий.— В кн.: Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1978.

признаковым компонентами, известна их факультативность. Для русского синтаксиса характерно сосуществование морфологизованных и неморфологизованных средств выражения, моделям с согласованными (координированными) главными членами противостоят несогласованные, моделям с морфологически выраженными значениями времени, модальности и лица противостоят модели с теми же значениями, выраженными конструктивно-синтаксическими способами [109]. Условия научной квалификации явлений требуют опоры не на факультативные, переменные, а на обязательные, существенные их признаки.

В состав категорий, выражающих предикативность, вступая в предикативный союз, каждая из сторон вносит свой вклад. Временную и модальную характеристику получает признак, предикативно приписываемый носителю. Категория лица характеризует в этом союзе субъектный компонент, организуя противопоставление трех значений лица по отношению к участникам коммуникации, а также противопоставление личного и предметного субъектов с присущим каждому из них набором средств реализации.

В предикативном акте взаимопроникновение этих категорий осуществляется и в плане содержания (позицией говорящего лица определяются частные значения времени, модальности, лица), и в плане выражения (согласование в лице, числе и роде между охарактеризованными по этим категориям субъектным и предикатным компонентам, слияние в глагольных флексиях значений времени, модальности и лица).

Требует специального изучения вопрос о формально-содержательных показателях форм имени существительного, способных вступать в предикативную связь. Грамматика-80 широко раздвинула границы для предикативных падежных и предложно-падежных форм, что само по себе выражает реалистическую тенденцию по сравнению с концепциями вербоцентрического толка. Но утверждение, что «позиция сказуемого открыта для всех присловных значений» (§ 2727 и др.), и его иллюстрации вызывают сомнения.

Такие примеры, как *Решение — в последнее мгновение; Ссора — между друзьями; Беседа — с учениками;*

---

[109] См.: *Виноградов В. В.* Введение.— Грамматика русского языка, т. II, ч. 1. М., 1954, с. 82.

Погрузка — с механизмами; Рецензия — на статью; Игра — в карты; Большинство — в один голос; Строгость — без милосердия; Дело — по обвинению в растрате и др. под. не воспринимаются как независимые от контекста модели, предикативно сопрягающие субъектный и признаковый компоненты, даже если их существование может быть проиллюстрировано текстуально. Скорее это сочетания с определительным или объектным распространителем, актуализованным в условиях верификативного текста, когда говорящий уточняет или корректирует ранее сказанное в ответ на вопрос или реакцию собеседника. Возможен путь разграничения моделей предложений, функционирующих как нейтрально-информативные единицы, и предложений, функционирующих в тексте (чаще диалогическом) верификативного типа. Можно думать, однако, что это деление не дало бы ничего нового сравнительно с делением языковых моделей и их речевых реализаций, так или иначе зависимых от контекста.

Языковая модель предложения — вне влияния распространителей и контекста. Если такая зависимость обнаруживается, то либо перед нами речевая вариация модели, либо неверен принцип ее выделения.

Грамматико-семантическая структура предложения (в его предикативном минимуме) определяется его компонентным составом: значением и взаимообусловленным способом выражения субъектного и предикатного компонентов. И наоборот: сопряжение субъектного и предикатного компонентов в определенной форме и с определенным категориальным значением дает соответствующую грамматико-семантическую структуру, или модель предложения. Таким образом, пути анализа: от целого к компонентам или от компонентов к целому — взаимно детерминированы.

Дискуссионный вопрос о том, задаются ли компоненты моделью или сами создают модель представляется разрешимым только в смысле взаимной обусловленности модели и компонентов: без компонентов нет и моделей, а предикативное сочетание компонентов происходит в рамках одной из предназначенных для этого моделей.

3. Типологическое соотнесение моделей предполагает конвенциональное установление признаков, наличие (или отсутствие) которых характеризует основные, исходные, центральные модели, отличая их от моделей, представляющих грамматические, структурно-семантические,

экспрессивные модификации или речевые реализации первичных моделей. За исходное условие анализа примем, что основные модели простого предложения характеризуются следующими признаками:

1) По способу отражения действительности они представляют собой сообщения о существовании, функционировании или других признаках предметов и явлений действительности, выраженные наиболее экономным языковым способом, путем первичной номинации компонентов.

2) С точки зрения грамматической характеристики основные модели выражают предикативную соотнесенность предметного и признакового компонентов в категориях модальности, времени и лица. При этом в плане времени за исходную форму условно принимается настоящее время при парадигматической соотнесенности с формами прошедшего и будущего; в плане лица — одна из трех форм представления личного субъекта и форма 3-го лица для неличного (неодушевленного) субъекта; в плане модальности основная модель выражает одно из противопоставленных значений: реальности/ирреальности (потенциальности) отношения предикативного признака к действительности (I модальный план); другие модальные значения, выражающие то или иное отношение говорящего к высказываемому (II модальный план), или отношения волюнтативного характера между носителем признака и предикативным признаком (III модальный план), дают структурно-смысловое усложнение предложения, отодвигающее его по парадигматической оси модальности от центра.

3) Исходная модель отличается экспрессивной нейтральностью.

Задача типологии предложения — не только и не столько в номинации, обозначении типов, моделей предложения, сколько в том, чтобы на основе дифференциальных признаков соотнести их друг с другом, выявить сходства и различия в их структурно-смысловом устройстве, определить таким путем системное место каждой модели и получить в результате общую картину системной организации русского синтаксиса.

Всякая научная классификация — результат борьбы противодействующих стремлений: стремления к максимальной полноте и детализации фактов и стремления к ограничению и обобщению. Первое стремление побеждает

в классификациях экстенсивного типа, второе — в классификациях интенсивного типа.

Выбор классификационных подходов и решений должен быть целенаправленным. По-видимому, нельзя поддаваться желанию быть «просто объективным». «Просто объективная» информация об объекте похожа на разомкнутый кулак, описываемые таким образом признаки растекаются в разные стороны. Целеустремленная интенсивная классификация похожа на сомкнутый кулак, и это не означает какого-либо насилия над фактами, а предполагает взаимодействие выявленных признаков, дающее новую информацию об объекте. Организующим началом для такой классификации должно быть понимание того, какого рода информации мы ожидаем от нее [110].

Любая классификация, исходящая из объективных признаков изучаемого предмета, заключает в себе ответы даже на не сформулированные и не запрограммированные вопросы.

Представив классификацию структурных схем предложения по принципу множественности признаков (по числу компонентов, по спрягаемости—неспрягаемости глагольной формы, по наличию—отсутствию подлежащего и сказуемого, по наличию—отсутствию координации между ними, по наличию—отсутствию лексически ограниченных компонентов, по морфологической принадлежности главного члена (почему-то только для однокомпонентных), Грамматика-80 по существу дала отрицательные ответы на вопросы: 1) о возможности единого критерия классификации, 2) о семантической значимости формальных различий и 3) о грамматической значимости признаков, принятых в качестве оппозиционных. Закрепление представления об отсутствии единого принципа классификации русских предложений, о правомерности разного подхода к разным типам предложений влечет за собой необходимость теоретически осмыслить основы сходств и различий между теми и другими типами. Так, разделение предложений на подлежащно-сказуемостные и иные ставит ряд вопросов: какие синтаксические и семантические последствия вытекают из этой оппозиции? Чем отличается характер отношений между главными

[110] Своевременно прозвучал в теперешней синтаксической ситуации вопрос И. П. Распопова: с каких позиций и ради каких целей следует подходить к раскрытию или организации смысла предложения? (ВЯ, 1981, № 4, с. 24).

компонентами тех и других? Служит ли предикат сказуемым в не подлежащно-сказуемостных предложениях?

Если не-подлежащее квалифицируется как субъект — носитель предикативного признака, и вместе с тем как распространитель, детерминант, значит ли это, что предикативные отношения могут возникать между распространителем (в иной терминологии — второстепенным членом предложения) и предикатом? Всякий ли распространитель может вступать с предикатом в предикативные отношения?

Представляется, что следствием такого подхода может быть усложнение без надобности типологии простого предложения и квалификации его компонентов.

Такое же неоправданное, как представляется, усложнение синтаксического анализа можно наблюдать сейчас во многих работах по синтаксису. Выделяют четыре основных аспекта предложения: структурный, коммуникативный, семантический и логический. Система анализа расслаивается, но взаимосвязи между слоями, «уровнями» или аспектами не прослеживаются. Вот пример типичного рассуждения в одной из синтаксических диссертаций последнего времени: «Систематизация предложения на основе структурных схем является очень существенным дополнением к основной классификации, проводимой с учетом различия в грамматической форме... Систематизация на основе структурных схем является второй (конечной) ступенью структурно-синтаксической систематизации простых предложений... Описание структурных схем является неполным без опоры на семантические структуры предложений. При рассмотрении семантической структуры предложения в качестве первой ступени нами используется анализ синтаксической структуры предложения. После этого исследуется наполнение компонентов синтаксической структуры»...[111] и т. д. Среди этих разнообразных ступеней, не выстраивающихся в однонаправленную лестницу, теряется единство структуры предложения.

4. Чтобы общая картина моделей предложения отражала их существенные системные черты, классификация должна учитывать следующие характеристики предложения:

1) соотнесенность предложения с планом мышления и с планом действительности;

[111] *Калинин А. Ф.* Основные аспекты структурного типа обобщенно-личных предложений. Автореф. канд. дис. М., 1979, с. 15—16.

2) семантико-грамматические свойства его главных компонентов;

3) признаки, определяющие место модели в отношении к центру и периферии системы.

Итог всему сказанному может быть представлен графически (см. табл. 4). Примем, что таблица верхней частью обращена к плану мышления, правой стороной — к плану действительности. План мышления представлен сопряжением в речемыслительном акте субъектного и предикатного компонентов, организующих предикативный минимум предложения. Конкретно-языковые формы выражения субъектного и предикатного компонентов разделены по релевантным семантико-грамматическим признакам. Сопряжение этих компонентов, взаимообусловленное и избирательное с обеих сторон, дает своим результатом типовое значение, референтно соотнесенное с тем или иным типом отношений внеязыковой действительности. Предложения, расположившиеся в клетках по диагонали, в точках скрещивания грамматической горизонтали с семантической вертикалью, представляют центральные модели предложений русского синтаксиса. От прочих моделей их отличает единство синтаксического, морфологического и семантического в их структуре. Это означает, иными словами, что:

1) каждый из двух предикативно сопряженных компонентов, предметный и признаковый, выражен изосемическим способом, т. е. соответствующей частью речи в ее основном категориальном значении;

2) семантико-синтаксическая роль каждого из компонентов соответствует роли денотата в обобщенном модельном фрагменте действительности;

3) предложения не имеют дополнительных смысловых приращений из ряда регулярных грамматико-семантических, модально-экспрессивных и коммуникативных нагрузок.

Центральное место в русском синтаксисе тех моделей, которые манифестированы примерами в клетках по диагонали, подтверждается тем, что все прочие предложения — и поместившиеся в других клетках таблицы, и не представленные в таблице — занимают свои системные места по отношению к основным, центральным типам предложений на основе отсутствия одного из трех названных признаков или наличия иных признаков, которые могут быть детерминированы. Так, например, предложения

Основные семантико-грамматические модели предложений *Таблица 4*

Субъект		× Предикат					Типовое значение
Личный	Предметный	Глагольный	Наречный	Адъективный	Именной	Квантитативный	
Брат *У брата*	*Станок*	*работает* *работает*			*за работой* *на репетиции* *репетиция*		Действие субъекта
Брат *Брату* *Брата* *У брата* *С братом*	*Станок* *Сирень* *За окном*	*спит* *нездоровится* *лихорадит* *простаивает* *цветет* *темнеет*	*навеселе* *весело* *темно*	*весел*	*в тревоге* *кашель* *обморок* *на ремонте* *в цвету* *темнота*		Состояние субъекта
Брат *У брата* *Брату*	*Письмо* *Вода* *В комнате*	*ленится*	*поблизости*	*ленив(ый)* *иронично* *колодезная*	*с бородой* *борода* *год* *не без иронии* *от отца* *из колодца* *камин*		Свойство субъекта
Брат	*Волк* *Байкал*				*учитель* *хищник* *озеро*		Квалификация субъекта
Братьев	*Волки* *Волков* *Мест* *Воды*	*прибывает*	*наперечет*	*редки*	*дюжина* *с десяток* *десятки* *по колена*	*четверо* *много* *триста*	Квантификация субъекта

Брат за работой; *Брат ленится*; *Волки наперечет* представляют модели, не принадлежащие к центральным по признаку несоответствия между морфологическим способом выражения предиката и его семантикой, поскольку значения действия, признака, количества имеют собственные, изосемические средства выражения (глагол, прилагательное, числительное), а здесь выражены косвенным, неизосемическим способом.

Сам принцип диагонали, как кажется, снимает остроту дилеммы «от формы к значению» или «от значения к форме», предоставляя выбор одного из двух путей методическим задачам обучения либо конкретным целям того или иного исследования [112].

По отношению к основным, центральным моделям модели с несобственным способом выражения предиката в пределах одного типового значения, по горизонтали, составляют вариативный, синонимический ряд, возглавляемый основной моделью как инвариантной, или доминантной. Таблица, как и всякая схема, представляет суть дела в обобщенном, а следовательно, и упрощенном виде, в языковой действительности координаты и типового значения и грамматических характеристик устроены сложнее, по иерархическому принципу: каждая рубрика обобщает подтипы или разновидности и каждого из значений и — соответственно — способы их выражения. Так, например, в рубрике «Действие субъекта» могут быть выделены такие разновидности действия, как конкретное физическое действие (субъекта), переходящее на предмет, движение субъекта (предмета) в пространстве, познавательно-коммуникативные действия субъекта и некот. др. Дифференциальным признаком послужит прежде всего различный набор обязательных и возможных элементов, распространяющих и конкретизирующих глагольные предикаты: наименований предметов в соответствующих падежных и предложно-падежных формах как объекта и орудия конкретного действия, как ориентиров движения, как делибената и адресата мысли-речи и т. п. Подразделениями руб-

[112] Весьма своевременным представляется напоминание В. Н. Ярцевой суждения Г. Суита, который в конце XIX в. писал о том, что при наличии двух возможных путей рассмотрения языка «язык и грамматика имеют дело с формой и содержанием не по отдельности, а со взаимоотношениями между ними, именно это является подлинным феноменом языка» (ВЯ, 1976, № 2, с. 10).

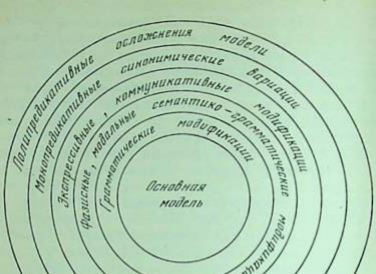
рики «Состояние субъекта» будут состояние физическое, психологическое, положение предмета в пространстве. В рубрике «Признак предмета» разновидности составят физические и духовные качества субъекта, характеристики предмета по материалу, по форме, по величине, по источнику или происхождению, по назначению и т. д.

Очевидно, что условием формирования предложений каждой разновидности является комплексное участие морфологических, синтаксических и семантических средств: подразделению типовых значений соответствует подразделение основных частей речи на семантико-грамматические подклассы, в пределах которых за каждым значением закреплены определенные синтаксические формы слов; чем детализированнее значение, тем уже круг форм, призванных выражать его. При этом закрепленность и ограниченность форм выражения возрастает от центра системы к периферии: если в основной модели разновидности значений дифференцируются главным образом с помощью лексико-семантических средств (*Он невысок*; *Он талантлив*; *Тусеок берестяной*; *Дом трехэтажный*; *Вода родниковая*; *Бутылка молочная*), то в синонимическом ряду усиливается роль грамматических ограничений и служебных элементов оформления (ср.: *Он невысокого роста*; *Он не без таланта*; *Тусеок из бересты*; *Вода из родника*; *Дом в три этажа*; *Бутылка из-под молока*).

Рубрикация разновидностей значения не растворяется в лексической субъективной бесконечности именно потому, что лексико-семантические разряды в основных моделях, кроме синтагматических характеристик, особенно выразительных для подтипов глагольных моделей, опираются на парадигматические ряды синонимических моделей, ограничивающие дробление реальным набором синтаксических форм, закрепленных за данным значением.

Основные модели предложения по отношению к их регулярным семантико-грамматическим модификациям и осложнениям можно представить как центр сферической системы, окруженный концентрическими слоями, постепенно отступающими от центра в ближнюю и дальнюю периферию поля.

Границы между слоями, обозначаемые окружностями, условны в том смысле, что в речевых предложениях встречаются одновременно грамматико-смысловые приращения, разделенные в схеме границами, но разделяют они явле-

ния разного характера, которые иллюстрируются следующими схематическими же примерами:

1) Грамматические модификации (по частным значениям категорий времени, модальности и лица): *Брат работал*, *Брат будет работать*, *Я работал бы... Ты работай* и т. д.

2) Семантико-грамматические модификации: модальные *Брат хочет работать*, *Брат должен работать*, *Брат старается работать...*, фазисные: *Брат начинает*, *продолжает*, *прекращает работать*.

3) Экспрессивно-коммуникативные модификации: *Как он работает!* *Ох, и работает же он!*, с интеррогацией и с негацией: *Разве брат работает?* *Неужели брат не работает?*

4) Монопредикативные синонимические вариации с неизосемическими компонентами: *Брат за работой*, *Брат на работе*, *Брат весь в работе*; *Брат выполняет работу*, *проводит работу*, *исполняет работу...* и т. д. К синонимическим вариантам относятся конверсивы, пассивные конструкции: *Работа проводится братом*, *выполнена братом.*

Коммуникативно-стилистические варианты той же модели дает синтаксически значимая неназванность субъекта: *Работаю, Работайте, Здесь работают, Не работаешь — не ешь.*

Среди синонимов той же основной модели занимают свое место инфинитивные и «безличные» предложения, осложненные модально-волюнтативным значением (независимости действия от воли его субъекта): *Работать! Брату еще работать, Брату не работается, Ему не хочется работать, Ему нужно работать, Пора работать* и т. д.

Как семантические варианты основной модели могут рассматриваться предложения с метафорическим или метонимическим замещением позиций субъекта или предиката: *Время работает на нас* и т. п.

5) Полипредикативные осложнения модели. Среди них различаются моносубъектные построения и полисубъектные. В моносубъектном предложении с одним и тем же именем субъекта сопрягаются одновременно два предикативных признака, глагольный и именной: *Брат работает учителем; В деревню брат вернулся учителем; Он вернулся весёлым; Он вернулся в растерянности* и т. п. В качестве вторичного именного предиката функционируют признаковые синтаксемы, способные быть предикатами простых моделей, ср.: Сваха — *в смятенье* — *В смятенье* сваха к ней *бежит* (Пушкин); Избушка — *без окон* — Избушка там на курьих ножках *Стоит без окон, без дверей* (Пушкин); Дед — *с сумой*. Дед *бос* — Дед *идет с сумой и бос* (Ин. Анненский).

С личными глаголами-предикатами соотносятся неспрягаемые формы глагола — инфинитив, причастие, деепричастие и девербатив. Они используются в системе предложения как способы вторичного, имплицитно-предикативного обозначения действия; таким образом, они могут быть рассматриваемы в качестве синтаксических дериватов глагола-предиката. Ср. предложение *Брат работает в деревне* и осложненные предложения с его дериватами: с номинализацией *Работа брата в деревне была непродолжительной*; с инфинитивизацией *Работать в деревне было его мечтой*; с адвербализацией *Работая в деревне, брат часто писал матери*; с атрибутивизацией *Брат, работавший в деревне, часто писал матери*. Синтаксические дериваты глагола-предиката, или обороты, построенные на их основе, включаясь в предложение, реализуют предикативные категории времени, модальности, лица лишь частично и относительно глагола-предика-

та, на этом основании им приписывается признак полупредикативности. Предложение, включающее в свой состав полупредикативные компоненты, становится полипредикативным, или предикативно конденсированным.

Полипредикативность часто сопровождается полисубъектностью. В нашем «Очерке...» 1973 г. подробно рассмотрены полипредикативные и полисубъектные конструкции каузативного и авторизующего типа. Ср.: *Брат работает в деревне — Отец советует брату поработать в деревне*; *Брат умеет работать — Отец считает брата умеющим работать*, *Брата считают умеющим работать* и т. п.

Инфинитивные и номинативные дериваты глагольного предиката часто служат предицируемым компонентом в полипредикативных предложениях с оценивающим предикатом. Оценка — модальная, этическая, прагматическая — всегда предполагает новый субъектный план: *Работать в деревне полезно, достойное занятие*; *Работа брата перспективна, заслуживает высокой оценки* и т. д.

Такова в общих чертах картина синтаксического поля предложения, упорядочивающая и систематизирующая вокруг исходной модели множество ее вариантов и модификаций. Каждая из исходных моделей со своим окружением может быть представлена в виде такого поля. Понятно, что совокупность основных моделей составит центр, ядро синтаксической системы, а все их регулярные модификации и варианты, соответственно размещенные, ее периферийные слои. Предлагаемый способ классификации моделей предложения заключает в себе утвердительный ответ на вопрос о возможности построения единой грамматико-семантической типологии предложения и выявляет структурно-смысловые признаки, по которым сопоставляются и противопоставляются предложения.

5. В заключение отметим еще одно существенное противопоставление, до сих пор не учитывавшееся в систематике предложений. Нет сомнения, что в синтаксической иерархии к разным рангам принадлежат классы предложений, различающиеся с точки зрения характера отображения явлений действительности, связи его с разными видами мыслительного процесса:

1. Предложения, вербализованно отображающие явления, факты, свойства и связи денотатов, наблюдаемых в действительности.

2. Предложения, содержащие вербализованный резуль-

тат мыслительной операции над сигнификатом: установление причинно-следственных связей между явлениями, сопоставление, логическая квалификация и оценка ситуаций и явлений.

В языковом выражении эти классы предложений различаются прежде всего составом главных компонентов [113]. От предложений первого ранга, элементарных, предложения второго ранга, усложненные, отличаются тем, что позицию предицируемого могут занимать в нем компоненты деривационного, пропозитивного значения (девербатив и деадъектив, инфинитив), имена предметные в этой позиции выступают не в конкретно-денотативном, а в понятийном, сигнификативном значении.

Ряд моделей предложения служит специально выражению мыслительных операций: инфинитивно-оценочные, каузативные и авторизирующие построения; адъективно-компаративные (*Хрен редьки не слаще*), адъективные и глагольные, сообщающие об отношениях соответствия, иерархии (*Форма соответствует содержанию; Отрезок СД равен отрезку ДЕ*); именные, содержащие эмоциональную или логическую оценку отношения между предметами (*Шинель ему не по росту; Программа мне по вкусу*); модели, оценивающие ситуацию (*С планом порядок; С алгеброй неудача*); модели, оценивающие количество (*Мест не хватает; Времени мало; Хлеба достаточно*).

Вопрос о разграничении названных двух классов предложений ставится здесь в самом общем и предварительном виде, но он безусловно нуждается в пристальном исследовании.

Идея иерархической организации системы простого предложения в последнее время все больше привлекает внимание синтаксистов. В. А. Белошапкова и Т. В. Шмелева, исходя из аналогии со словообразовательной парадигмой слова, рассматривают регулярные реализации и модификации как его деривационную парадигму [114]. Об-

---

[113] Ср. выдвинутую А. И. Островской гипотезу о гетерогенной уровневой системе речевых средств, предназначенных для выражения познавательной деятельности сознания: формы мышления эмпирического и теоретического уровней познания действительности имеют разное языковое выражение (*Островская А. И.* Сверхфразовые единства, выражающие доказательство и умозаключение, в научной и общественно-политической речи. Автореф. канд. дис. Л., 1981, с. 7).

[114] *Белошапкова В. А., Шмелева Т. Викт.* Деривационная парадигма предложения.— Вестник МГУ, сер. 9. Филология, 1981, № 2, с. 43—51.

суждение критерия отграничения исходной модели от ее модификаций как диктума (пропозиции) от модуса дает основания авторам сократить список минимальных образцов предложения. Однако оптимизм авторов в отношении этого списка («поиск основных образцов.., видимо, можно считать завершенным») кажется преждевременным. В поиске этом недостаточно учтены возможности, связанные с разграничением видов модальных значений (общепредикативного и частных) и с разграничением субъектных планов предложения.

Признав инфинитивные предложения дериватами, авторы ставят в один ряд такие предложения, как (1) *Ему хочется гулять*; (2) *Ему гулять нельзя*; (3) *Ему гулять полезно*. Авторами статьи не замечена существенная разница между ними, состоящая в том, что в (1) выражено модальное отношение субъекта к своему потенциальному действию, а в (2) и (3) — модально-волюнтативное или прагматически-оценочное отношение к действию со стороны другого субъекта. Новый субъектный план создает полипредикативное усложнение предложения, не сводимое к модификации (деривации) модели *Он гуляет*. Авторизация также не сводима к деривату, это субъектно-предикатное усложнение модели. Таким образом, идея иерархической организации требует разграничения модификаций (деривацій) предложения и полипредикативных его усложнений, иными словами — разграничения видов смысловых приращений по их роли в организации предложения. Отсюда вытекает необходимость вывести из списка минимальных образцов предложения, содержащие оценочный или логически-квалифицирующий предикативный компонент (*Замечание кстати/не к месту*; *Спорт — это здоровье*; *Так рассуждать — эгоизм*; *Опоздать — значит подвести его*; *Было бы ошибкой думать так*). Из сказанного ранее очевидна неубедительность отнесения к одной модели предложений *Замечание кстати* и *Он не в духе*; *Тишина* и *У него неприятности* и под. пар.

Вызывает сожаление, что для разных попыток усовершенствования списка структурных схем предложения оказывается непреступимым принцип приблизительного и условного морфологизма, положенный в основу этого списка. Так же и в другой работе[115], предлагающей, на-

[115] См.: *Кокорина С. И.* Еще раз о структурной схеме простого предложения.— В кн.: Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М., 1980, с. 217—234.

против, пополненный список из 46 структурных схем, под одну схему подводятся разные типы предложений, с компонентами различной грамматической и семантической природы: *Небо голубое — Курить вредно*; *Птицы улетели — Курить запрещается*; *Он ранен — Курить запрещено* и т. п. Схема с мифической формой N_5... представлена предложениями *Она в отчаянии*; *Чай с сахаром*; *Увиливать — это не для меня*. Здесь тоже не разграничены предложения элементарные, сообщающие о фактах, и предложения полипредикативные, сообщающие о логических связях между фактами, об оценке этих фактов.

Дело, следовательно, не только в том, что вызывает несогласия и может быть скорректирован список структурных схем, или минимальных образцов, предложения. Дело в некоторых принципах осмысления этого понятия, его роли как звена системы, в непреодоленных пока трудностях построения системы. Следует ожидать, что накопление наблюдений над грамматико-семантическим соотношением разных моделей позволит со временем придать этой системе больше точности и стройности.

ОПЫТЫ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Компонентный анализ как способ распознавания полноты—неполноты предложения

1. Неполные предложения — один из производных вопросов синтаксиса. Трактовка этой категории, ее существа, признаков, границ зависит во многом от решения основных проблем синтаксической теории. Сам принцип именования явления отрицательным термином предполагает оппозицию утвердительное/отрицательное, в данном случае — полное/неполное. Соответственно неполное предложение должно определяться как не обладающее какими-то признаками, наличием которых характеризуется полное предложение. Несмотря на обширную литературу, посвященную неполным предложениям, граница между полными и неполными предложениями не определена; следовательно, само противопоставление этих явлений не стало еще достаточно четким.

Проецируя неполное предложение на полное (понятие фона как положительного, утвердительного плана необходимо присутствует в отрицательно определяемом по-

нятии), их различия рассматривают с двух точек зрения. В одном случае статус неполного предложения определяется смысловой недостаточностью этого предложения, находящей свое выражение в отсутствии одного или нескольких членов предложения, конструктивное и лексическое значение которых восполняется контекстом или ситуацией (речевой конситуацией). В другом случае неполное (эллиптическое) предложение достаточно по смыслу, независимо от контекста, но подозревается в отсутствии необходимого структурного элемента — глагольного сказуемого, будучи сопоставляемо с близким по значению двусоставным глагольным предложением.

Разграничение двух разновидностей неполных предложений — собственно неполных, или контекстуально-неполных, и эллиптических — прочно вошло в лингвистическую и педагогическую литературу[116]. Тем не менее критерии их выделения кажутся недостаточно соотносящимися друг с другом, чтобы служить основанием для объединения этих двух явлений в общую категорию.

Основные признаки и положение собственно неполных предложений как конкретно-речевых реализаций тех или иных синтаксических моделей определены в литературе убедительно; что же касается так называемых эллиптических предложений, то вопрос о них требует еще обсуждения. Относя безглагольные «эллиптические» предложения к неполным, мы таким образом приписываем полным предложениям признак обязательной глагольности.

Возникают в связи с этим два вопроса. Во-первых, правомерна ли такая исходная позиция вообще? Во-вторых, имеются ли собственно синтаксические, функционально-структурные доказательства отсутствия, эллипсиса глагола в подобных предложениях?

2. Первый вопрос казался бы анахронизмом, ведь сто лет назад отечественными языковедами констатирован тот факт, что безглагольные предложения столь же характерны для синтаксического строя русского языка, как и глагольные. Однако современная лингвистика возвращает нас

---

[116] См. историю вопроса, начиная с известной статьи И. А. Поповой «Неполные предложения в современном русском языке» (Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1953, т. 2), вплоть до последнего вузовского учебника: *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М., 1981. См. обзор литературы в статье А. П. Сковородникова (ВЯ, 1973, № 3).

к обсуждению этого вопроса на очередном из витков научной спирали. Парадигматическая теория, роль которой в синтаксическом описании трудно переоценить, показала, что любая, и глагольная и безглагольная, модель предложения реализует свои системные возможности выражения синтаксического времени и наклонения с помощью глагольных форм: как *Лиса хитрит — Лиса хитрила — Лиса будет хитрить — Лиса хитрила бы...*, так и *Лиса хитра — Лиса была хитра — Лиса будет хитра — Лиса была бы хитра...* Действительно, категории времени и наклонения — монополия глагола, это укрепляет позиции сторонников универсальной глагольности. Но между глагольными формами в парадигме глагольного предложения и в парадигме безглагольного — существенные различия: в первом случае глагол выступает в единстве своего лексического (вещественного) и грамматического значения, участвуя в сообщении о действии предмета; во втором случае предложение, сообщающее о качественном признаке предмета, использует лишь грамматическое значение глагольного слова, в лексическом значении глагола оно не нуждается. Если сообщения о предмете и его действии или процессуальном состоянии выражаются моделью двусоставного глагольно-именного предложения, то сообщения о других типах отношений выражаются иными, безглагольными моделями, где тем или иным категориальным понятиям соответствуют свои языковые средства. Таковы, например, сообщения о предмете и его признаке: *Дорога длинна; Дуб могуч; Окна без стекол; Нос — в веснушках; Та девушка — с косой*; о субъекте и его состоянии: *Он болен; Он в бреду; У него кашель; Он без сознания; Ему холодно; С ней обморок*; о субъекте и объекте владения: *У них собака; У него машина; Он — владелец машины*; о количестве предметов: *Детей — пятеро; Цветов — видимо-невидимо; Птиц — тучи; Народу — множество* и т. п.

Значение предицируемого признака предмета может конкретизироваться как указание на источник, происхождение, материал: *Письмо — от бабушки; Шкатулка — из малахита; Яблоки — курские*; как указание на назначение, адресацию, направленность предмета: *Тропинка — вниз, к реке; Капли — от насморка; Пособие — для учителей; Пароход — сыну*; как указание на пространственное положение, местонахождение предмета: *Хлеб — в шкафу; Кухня — справа; Ведро — под забором; Школа — за углом*; как указание на временную приуроченность события, явления:

Практика — в июне; *Консультации — ежедневно*; *Сбор — после уроков* и т. д.

Имена существительные в единстве своего предложно-падежного оформления и категориально-семантического содержания выступают в ряду с прилагательными, числительными, наречиями как типизированные средства номинации разного рода признаков предмета. В этом значении они функционируют, соответственно синтаксической потребности, в предикативной, атрибутивной, полупредикативной позиции: *Блузка — в горошек*; *Купила блузку в горошек; Эта блузка, в горошек и с бантом, ей очень идет.*

Будучи средствами номинации признака, предложно-падежные формы существительного, так же, как и прилагательные, наречия определенных разрядов, количественные слова, способны без помощи глагола служить организующими компонентами предложений, сообщающих не о действии, а о других признаках предмета. Появление глагольной формы в грамматических модификациях безглагольной модели предложения не придает модели глагольности, поскольку роль глагола здесь остается вспомогательной.

3. За синтаксическое доказательство неполноты безглагольных предложений часто принимается распространенное мнение о том, что форма косвенного падежа имени существительного сама по себе служит показателем зависимости этого имени от другого слова; обычно — от глагола, которым и задается данная форма.

Разграничение функционально свободных, обусловленных и связанных синтаксических форм слова помогло установить, что из них только в связанных формах морфологический облик слова выражает его зависимость от другого слова и задается, управляется этим другим словом (*верить в справедливость*; *править, командовать, распоряжаться, руководить людьми*; *проектировать, строить, любить, белить, продавать, украшать дом* и т. п.). Участие в предложении связанных форм имени существительного обусловлено наличием (или отсутствием, контекстно восполняемым) управляющего слова, чаще глагола. В морфологической и синтаксической несамостоятельности, зависимости связанных форм имени претворяется специфика их семантического объектного значения: сама категория объекта действия в системе связей внеязыковой реальности производна от категории действия, направленного на тот или иной предмет.

В отличие от связанных, в свободных синтаксических формах слова косвенный падеж не сигнализирует зависимость от другого слова, но вместе с категориально-семантическим значением слова и предлогом, если он есть, составляет компоненты самостоятельного номинативного значения данной синтаксической формы слова. Реализуется свободное значение в различных синтаксических условиях. Свободная синтаксическая форма слова выступает и в изолированной позиции, например в качестве заголовка[117], и как один из конструктивных компонентов предложения, и в присловной позиции, часто при глаголе. Но существованием своим, ни формой, ни значением, она не обязана глаголу (таковы, например, формы с пространственным, локальным значением: *у реки, в доме, за лесом, под деревом, на столе, в ящике* и под.; формы с временным, темпоральным значением: *в январе, в субботу, с утра, вечерами, во время войны, через час, за день, после обеда* и под.; формы со значением направления: *в лес, за реку, через дорогу, сквозь заросли, на юг, к морю* и под.; формы со значением адресата: *отцу, детям, друзьям, любимой, директору, для школьников* и под.).

Обусловленные синтаксические формы слова, как и свободные, не заданы и не управляемы другим словом, но их значение реализуется в рамках определенных моделей предложения (ср.: *Ей семнадцать*; *Им весело*; *У детей каникулы*; *Сила — в разуме*; *Поле в ромашках*; *Больную знобит*; *С билетами трудно* и под.). Если извлечь любую из приведенных в примерах обусловленных форм косвенных падежей и поставить в изолированную позицию, она не сохранит то значение, которое присуще ей в составе «ее» модели предложения, обусловлено этой моделью.

---

[117] Ср. характерное рассуждение: «Предложения, которые в обычной речи считаются неполными, попадая в заголовок, получают большую самостоятельность, неполнота их ощущается слабее, и заголовок в своей структуре часто воспринимается как полное предложение, несмотря на формальное сходство с неполным, например: К русской революции (В. Брюсов)». (*Ронгинский В. М.* Синтаксические модели заголовков и их использование в различных стилях речи. Автореф. канд. дис. Киев, 1965, с. 8). Представляется, что при таком подходе следствие принимается за причину. Лингвистическим фактом можно считать то, что одни падежные и предложно-падежные формы, обладая свободным, не зависимым от синтаксического окружения значением, способны функционировать в качестве заголовка, другие, не обладая таким значением, не способны.

Уже приведенные выше примеры безглагольных предложений показывают, что многие из свободных и обусловленных форм, употребленных в качестве организующих предложение компонентов, даже экспериментально не возводимы к глагольному словосочетанию: такие модели, как *Нос — в веснушках*; *Та девушка — с косой*; *У него грипп*; *Ему холодно* и некоторые другие просто «не впускают» в свой состав полнозначного глагола.

Другие — впускают. Можно сказать: *Тропинка ведет к реке*; *Пособие предназначается для учителей*; *Прием производится по средам*; *Почта находится за углом*; *У нее есть дети*. Ср. параллельные варианты с формами тех же глаголов и без них в периферийных позициях: *С трудом нашли мы тропинку к реке — С трудом нашли мы тропинку, ведущую к реке*; *Мы поблагодарили девочку, показавшую нам тропинку к реке* (*тропинку, ведущую к реке*).

Но вопрос в следующем: правомерно ли возможность введения в модель глагола считать доказательством того, что форма косвенного падежа задается этим глаголом? Заметим, что, во-первых, во всех приведенных случаях глагол не внес в предложение никакой информации, не изменил ничего в характере смысловых отношений, он только вербально поддержал то, что выражено и без него, предикативным сочетанием двух именных словоформ: *ведет* — значение направленности предмета, *предназначается* — назначение предмета, *производится* — значение процессуальности, *находится* — значение локализованного наличия, *есть* — значение посессивного наличия. Во-вторых, предикативное сочетание двух именных форм без глагола (*Тропинка — к реке*; *Пособие — для учителей* и т. п.) достаточно для образования предикативного минимума, т. е. для сообщения о предмете и предицируемом признаке, выражающего отнесенность к действительности в одной из форм времени, модальности и лица. Сочетания первой именной формы с приведенными глаголами недостаточны для образования предикативного минимума: они не содержат сообщения о предицируемом признаке. Два изложенных наблюдения подтверждают, что глаголы в приведенных примерах неполнозначны, вспомогательны. Можно прибавить к этому, что, в-третьих, вторые именные формы, обозначающие предицируемый признак, располагают всеми соответствующими функциями свободных или обусловленных форм и не зависят в падежном оформлении от другого слова. Сказанное позволяет сделать два вывода:

1) Круг вспомогательных глаголов в русском языке значительно шире, чем тот, который учитывается традиционными грамматиками в разделах, посвященных составному сказуемому.

2) Очевидно, нет оснований безглагольные, независимые от контекста предложения типа *Пособие — для учителей* считать неполными или эллиптическими. Это самостоятельные двусоставные именные модели русских предложений, сообщающие о предмете и его признаке. С предложениями, включающими вспомогательный глагол типа *Пособие предназначается для учителей*, они соотносятся как синонимические построения, различающиеся стилистической окраской.

4. Сложнее вопрос о составе тех предложений, в которых сообщается о действии лица или предмета. Отсутствие глагола в таких случаях многими синтаксистами считается бесспорным признаком неполноты предложения. Однако судить об отсутствии глагола в сообщениях о действии — значит соотносить содержание и способ его выражения, т. е. подходить к явлению с семантической точки зрения. Признание же семантического признака неполноты предложения приходит в определенное противоречие с его смысловой достаточностью. Предложения типа *Казбич — к окну*; *Татьяна в лес, медведь за нею*; *Он — в залу*; *Сестра на работу* достаточно информативны, не нуждаясь в контексте, в каком бы то ни было «восполнении». Сравним смысловую недостаточность, неполноту таких предложений, как *Казбич — Азамата*; *Татьяна — письмо*; *Медведь — малину*; *Сестра на детей* и под. Объяснение этому различию находим, обратившись к собственно синтаксическим, функциональным критериям. Общим местом синтаксических работ, настаивающих на эллиптичности безглагольных предложений со значением движения, является указание на наличие в этих предложениях предложно-падежных форм, зависимых от «опущенного» (или «полнозначного нулевого») глагола.

Как отмечено выше, подобное недифференцированное понимание зависимости идет от тех времен, когда синтаксические связи изучались односторонне, в направлении только от глагола, без учета синтаксических свойств второго элемента, вступающего в эту связь, обычно — предложно-падежной формы слова. Функциональное разграничение синтаксических типов именных форм слова позволяет понять структурное различие вышеприведенных двух

рядов предложений: в первом ряду формы *к окну, в лес, за нею, на работу* и под. представляют тип свободных синтаксических форм слова с обобщенно-категориальным значением направления, способных употребляться в этом значении во всех синтаксических функциях, в том числе и в функции предицирующего компонента предложения. Частотность сочетания свободных именных форм, обозначающих направление, с глаголами движения не свидетельствует о наличии глагольного управления, заданности именной формы глаголом, она говорит лишь о взаимной семантической близости значений движения и направления. Связь между глаголом и именной формой, существующей и функционирующей «до» сочетания с глаголом, не является результатом грамматического подчинения, задающего форму подчиняемого. Свободное, не зависимое от глагола, значение именной формы и делает предложение без глагола структурно и семантически достаточным.

Иное дело — в предложениях, где вторая именная форма — *Азамата, письмо, малину, на детей* — представляет тип связанной формы имени, не способной функционировать как компонент предложения, вступающей в предложение только «по требованию» определенного глагола. Предложения, в которых участвуют связанные формы без «своего» глагола, составляют структурно-семантическую загадку, ключ к которой — в контексте, где должен быть назван соответствующий глагол. Эти предложения, конечно, являются неполными.

4.1. Менее зависимыми от контекста оказываются предложения, в которых связанная форма винительного объекта выступает в сопровождении более или менее постоянного набора других, свободных и связанных форм имени, обычно окружающих глаголы определенных семантических групп. Например: А я... долго не думая, схватил от дверей грязную метлу, да *ее метлою по талии* (Лесков); А станешь перебивать, так *я тебя костылем* (А. Н. Островский). Устойчивый комплекс именных форм определенной семантики (*кто кого чем по чему* или *во что*), в сочетании еще и с экспрессивной интонацией разговорной речи, и создает тот контекст, в котором «проявляется» значение глагольного действия. Наличие связанной падежной формы и здесь остается критерием неполноты предложения.

Устойчивость компонентного состава и модально-экспрессивной окраски, прикрепленность к постоянной общественно-речевой ситуации как бы компенсируют синтак-

ческую неполноту в таких предложениях-лозунгах, как: *Хлебу — зеленую улицу*; *Новостройкам — комсомольскую заботу*; *Целинникам — лучшие книги* или предложениях-требованиях *Карету! Чаю! Скальпель! Хлеба и зрелищ!* и т. п. Их коммуникативная достаточность не снимает вопроса, от чего зависят входящие в них связанные формы винительного или родительного объекта.

Прежде всего, это предложения, содержащие ярко-экспрессивное побуждение к действию. Для первой группы примеров — это значение лозунга-призыва или лозунга-обещания, клятвы (в зависимости от того, обращен ли лозунг к исполнителям или исходит от них, ср. соответственно два значения *Ни шагу назад*!), для второй группы — значение требования, просьбы.

Опущение переходного глагола, называющего нужное действие (*дать, предоставить, обеспечить... дадим, обеспечим...*; ср. обобщенно-личную форму призыва *Даешь пятилетку в четыре года*!, популярную в лозунгах 20—30-х годов),— одно из средств экспрессии, так же как акцентное усиление в постпозиции наиболее значимого компонента, составляющего рематическую часть призыва,— формы винительного падежа.

Таким образом, приведенные примеры представляют не самостоятельную модель предложения, а одну из грамматических модификаций двусоставной глагольной модели (с побудительной разновидностью ирреальной модальности, со значением 2-го (или 1-го) синтаксического лица) в неполной реализации, ситуативно или стилистически закрепленной; наличный компонентный состав ее — компонент со значением адресата, реализующий свободную синтаксему дательного падежа, и компонент со значением объекта, реализующий связанную синтаксему, зависящую от неназванного акционального глагола (либо только связанную: *Карету*!).

Поскольку перед нами случай не морфологизованного, а конструктивно-синтаксического выражения побудительной модальности, так же как и самого значения действия, возможно, по-видимому, отграничить от явлений контекстной неполноты явления экспрессивно-синтаксической неполноты.

Заметим, что позиция Грамматики-80 в отношении неполных предложений недостаточно последовательна. Предложения *Чаю*! *Врача*! представлены как самостоятельная структурная схема предложения в ряду именных

однокомпонентных моделей (§ 2550), в то время как предложения *От винта! Сюда! За доктором!* приводятся в качестве примеров неполной бессказуемной реализации двухкомпонентных глагольных структурных схем (§ 2257). Очевидно, что в первом случае предложения даже «более неполные», чем во втором: компоненты *от винта, сюда, за доктором* — представляют свободные синтаксемы со значением направления и цели движения, лишь на основе синсемичности вступающие в сочетание с глаголами движения, тогда как компоненты *чаю, врача* представляют связанные синтаксемы со значением объекта действия, выражающие своей надежной формой зависимость от акционального переходного глагола.

Таким образом, отсутствие глагола в предложении со значением действия не всегда свидетельствует о неполноте предложения. Внимание к функционально-синтаксическим свойствам именных синтаксем, анализ их компонентной роли позволяет разграничить два типа структур. По признаку наличия/отсутствия в их составе связанных именных синтаксем различаем: 1) неполные глагольные предложения и 2) полные безглагольные предложения, для объяснения состава которых достаточно наличных компонентов и нет надобности домысливать «отсутствующие».

Сказанное подтверждает, что призывом В. В. Виноградова изучать предложения «не с точки зрения их предполагаемой формальной недостаточности или неполноты, а со стороны их собственных, специфических для них структурных свойств и функций»[118] был открыт плодотворный путь исследования, возможности которого не исчерпаны до сих пор.

5. Отметим далее, что для структурных особенностей предложений со свободной именной формой, означающей направление, в предицирующем компоненте небезразличен категориально-семантический характер первого, предицируемого компонента. Релевантно здесь разграничение трех групп существительных:

а) существительные отвлеченные со значением движения или направления; существительные конкретные со значением предметов, функционально связанных с движением; существительные конкретные со значением предметов протяженных или ориентированных в пространстве

[118] Грамматика русского языка, т. II, ч. 1. М., 1954, с. 97.

(*Поход будет в горы*; *Курс на север*; *Самолет — на Прагу*; *Автобус — в Черемушки*; *Билет был до Брянска*; *Эта дверь будет в столовую*; *Окна в сад*; *Дорога — к городу* и т. п.);

б) существительные со значением одушевленных предметов, способных двигаться (*Мать — на работу*, *дети — во двор*; *А шмель — в окошко*; *Заяц — за куст* и т. п.);

в) существительные со значением предметов, не способных к самостоятельному движению, и отвлеченных понятий, не связанных с семантикой движения.

В предложениях с первой именной формой из группы (а) два именных компонента семантически соотносятся как названия предмета и его признака. Признак может быть предикативно приписываем предмету — и тогда мы получаем интересующие нас модели предложения; признак может принадлежать предмету как его атрибут, и тогда свободная форма со значением направления выполняет функцию присловного распространителя (*Поход в горы удался*; *Самолет взял курс на север*; *Дверь в столовую фанерована под дуб* и т. п.).

Предложения с первым компонентом из группы (а) образуют грамматическую парадигму по осям времени и модальности с помощью связочных глагольных форм *был*, *будет*, *был бы* и т. д.

Компоненты предложений с первой именной формой из группы (б) выражают иные смысловые отношения: это не предмет и признак, а движущийся предмет и направление его движения. Значение движущегося предмета, а не вообще предмета у формы именительного падежа обусловлено ее участием в данной модели (поэтому и не участвуют в ней названия предметов, не способных двигаться). Составом компонентов этих предложений определяется, таким образом, структурно-смысловая достаточность, независимость их от глагола [119].

---

[119] От рассматриваемого типа отличаются, естественно, те предложения, в которых у аналогичных морфологических форм имени иные компонентные значения. Например: *Тимирязевцы послали стройотряд на БАМ, а медики — в Казахстан*. Здесь форма им. п. *медики* обозначает не движущийся предмет, а каузатор перемещения другого предмета, объекта; соответственно форма «*в*+вин. п.» обозначает направление перемещения объекта и не может быть обозначением предицируемого признака предмета, названного в именительном падеже. Второе простое предложение в составе сложного представляет не самостоятельную структурную модель, а разновидность контекстно-неполных предложений. Ср. еще: [Таня (устанавливает все

Вместе с тем этому типу предложений присущи некоторые структурные особенности, побуждающие пристальнее всмотреться в характер отношений между его компонентами. Не обозначая признака предмета, форма со значением направления движения не может оказаться в атрибутивной роли при словах из группы (б). Предложения с первым компонентом из группы (б) отличаются, как констатировалось в лингвистической литературе, отсутствием временно́й и модальной парадигмы, они не принимают в свой состав связочных форм.

Предложения со значением движения с существительными группы (в), как правило, и не образуются, а случаи типа *Свечка — в печку*; *Утюги — за сапогами*, известные из детских стихов К. Чуковского, возможны лишь в сказочной ситуации, благодаря персонификации неодушевленных предметов, т. е. на основе транспозиции имен из группы (в) в группу (б). Практически остается разграничение групп (а) и (б), с которым оказывается связано по существу противопоставление двух структурных разновидностей предложения.

6. Отсутствие модальных и временны́х модификаций у предложений типа *Татьяна в лес*; *Мать на работу*, естественно, вызывает вопрос об их системном месте, о соотношении их с другими типами. Констатация неполной парадигмы сама по себе еще ничего не объясняет, но не может остаться без объяснения.

Известны попытки поставить рассматриваемую модель в ряд с близкими по значению глагольными предложениями [120].

Нельзя отрицать синонимичность глагольных и безглагольных предложений, выражающих значения направленного движения предмета, но установление подобной парадигмы не дает ответа на вопрос о грамматической характеристике безглагольной модели. В глагольном ее синониме формами глагола и выражены значения грамматических модификаций предложения: *Татьяна бежит в лес — Татья-*

с Федором Ивановичем)]. Так, что ли? *Сюда гитару, сюда чернильницу...* (Л. Толстой).

[120] Например: «Конструкции с нулевым глаголом-предикатом входят в парадигму с конструкциями, где глагол вербализован: *Татьяна пошла в лес — Татьяна бросилась в лес — Татьяна в в лесъ* (*Ширяев Е. Н.* Модели предложений с нулевыми полнозначными глаголами-предикатами.— Русский язык за рубежом, 1968, № 4, с. 71).

на (по)бежала в лес — Татьяна побежит в лес — Татьяна побежала бы в лес и т. д. Но какими основаниями располагаем мы для переноса любого из этих значений на безглагольную модель? Предложение *Татьяна в лес* может фигурировать и в контексте, соотносящем события с моментом речи, и в контексте, повествующем о событиях прошлого и будущего. Это, однако, не дает нам права полагать, что данному типу предложений присущи значения прошедшего и будущего времени. Не вправе мы считать эти предложения и контекстно-неполными, поскольку они не восполняемы элементами контекста, которые служили бы показателями времени. Очевидно, выразительная сила этих предложений тем и поддерживается, что даже в контексте, повествующем о прошедшем, они изображают действие как бы происходящим на глазах у наблюдателя. Ср. в рассказе Максима Максимыча: «Стали мы болтать о том, о сем: вдруг смотрю, Казбич *вздрогнул, переменился в лице — и к окну...* «Что с тобой?» — спросил я» (Лермонтов. Бэла).

Координаты рассматриваемого типа предложений в грамматической системе, по-видимому, станут более четкими, если включить их в другие соотносительные ряды. Сопоставим два столбца:

Татьяна — в лес	*Татьяна — в лесу*
Казбич — к окну	*Казбич — у окна*
Заяц — под куст	*Заяц — под кустом*

Противопоставлены левый и правый столбцы по признаку динамической—статической характеристики предмета. Однако содержание дифференциального признака может быть уточнено, если продолжить сопоставление. Сравним близкие по морфологическому составу пары предложений, где существительное в винительном и предложном падежах обозначают не место, а состояние:

Она — в слезы, в обморок, на бюллетень	*Она в слезах, в обмороке, на бюллетене*
Он — в отставку, на пенсию, на отдых	*Он в отставке, на пенсии, на отдыхе*

Соотносительные значения правого и левого столбцов можно точнее определить как пребывание в названном состоянии и «вхождение» в состояние, как наличие признака и становление, начало признака. *Быть в отставке, на пенсии, на отдыхе* — означает *быть отставником, отды-*

хающим; *выйти на пенсию, в отставку, отправиться на отдых* — значит *стать, становиться, начать быть пенсионером, отставником, отдыхающим*. *Она в слезах* — значит *она плачет, Она в слезы* — значит *она заплакала, начинает плакать*. Чтобы *быть на пенсии*, надо *выйти на пенсию*, чтобы *быть в обмороке*, надо *упасть в обморок*, чтобы оказаться *в лесу, у окна, под кустом*, надо направиться *в лес, к окну, под куст*.

Таким образом, модели левого столбца, и со значением локальной характеристики субъекта, и со значением характеристики его состояния, заключают в себе не только динамическое, но и фазисное, начинательное значение. Это позволяет определить их системное место в синтаксисе следующим образом. Предложения типа *Татьяна в лесу*; *Татьяна в слезах* со всей системой их грамматических модификаций принадлежат к первичным, исходным моделям простого предложения. Предложения типа *Татьяна в лес, Татьяна в слезы* располагаются на парадигматической оси регулярных структурно-семантических модификаций, с фазисным, начинательным значением, в синтаксическом поле соответствующей первичной модели.

Что касается синтаксической синонимии, то безглагольные предложения *Она в лес*; *Она в обморок*; *Он на пенсию* являются экспрессивными синонимами по отношению к предложениям, где фазисная, начинательная модификация направленного движения или перехода к какому-то состоянию выражена лексико-грамматическими, в том числе словообразовательными средствами, с помощью знаменательных или неполно-знаменательных глаголов (ср.: *Она отправляется в лес*; *Она пошла в лес*; *Она входит, вступает в лес*; *Она падает, упала в обморок*; *Он выходит, вышел на пенсию*; *Он становится, стал пенсионером* и т. п.). Факт синонимичности моделей и здесь не служит доказательством неполноты безглагольных, поскольку аналогичное значение в них тоже выражено, хотя и иным, структурно-синтаксическим способом, самой моделью, семантико-грамматическим составом ее компонентов.

Итак, предложения *Татьяна в лес*; *Татьяна в слезы* репрезентируют особую безглагольную модель русского синтаксиса, выражающую значение субъекта и его действия (перемещения или перехода в новое состояние) с дополнительными значениями фазисности и экспрессивности, с фиксированным значением настоящего времени и реальной модальности. Периферийное положение экспрес-

сивного синонима к номинативно-глагольным предложениям, сообщающим о действии (о начале действия), видимо, позволяет считать вторую именную форму в этих предложениях, свободную синтаксему типа *в лес, к окну*, транспонированным предикатом, включающим значение движения в именную форму со значением направления движения (директив).

Нельзя, однако, считать такой способ транспонированного предицирования типичным для русского синтаксиса.

Установив, что наличие связанной синтаксемы в предложении без задающего ее глагола служит признаком неполноты предложения (*Мать сына*; *Мать сыном*), мы не можем утверждать обратное: что статус свободной синтаксемы достаточен для предицирования без ограничения условий.

Ср. полноту предложений со свободной синтаксемой во втором компоненте: (1) *Мать — у сына* (сообщение о местонахождении лица), *Мать — к сыну*, *Мать — от сына* (сообщения о направлении движения лица) и неполноту следующих: (2) *Мать — о сыне* (думает, рассказывает, беспокоится?), *Мать — сыну* (говорит, дарит, посылает?). Примеры второго ряда неполны, нуждаются в контекстном или ситуационном восполнении. В них сообщается о действии субъекта, компоненты же со значением делиберата и адресата могут характеризовать действие, но не могут его обозначить, так же как не могут служить признаком деятеля. Ср. еще: (3) *Стихи — о сыне*, *Книги — сыну*, где те же формы со значением делиберата и адресата выступают как предицирующие признаки предмета, на основе синсемичности обоих соотносимых компонентов [121].

7. Изложенное подводит к тому, что применение понятия эллиптичности модели оказывается фактически неоправданным для синтаксиса простого предложения. Когда исследователь говорит об «эллипсисе, обусловленном самой языковой моделью» [122], возникают сомнения и в логической правомерности такой формулировки. Если языковая модель — это типизованное средство для выражения типизованного значения, то недостаточность, ущербность, неполнота не могут быть свойственны ей по самой природе явления.

---

[121] Условие синсемичности (синсемантичности) предикативно соотносимых компонентов безглагольных предложений сформулировано в нашей книге «Очерк функционального синтаксиса...», с. 82—83.

[122] См.: ВЯ, 1970, № 1, с. 166.

Эллипсис, эллиптичность остаются терминологическими синонимами контекстной неполноты предложения, с известными преимуществами интернационального термина, но противопоставление явлений эллипсиса и неполноты нерационально.

Неполнота предложений, как справедливо полагают многие авторы,— явление, лежащее целиком в плоскости речевой реализации языковых моделей [123]. Сама возможность неполноты обусловлена наличием в контексте или речевой ситуации «недостающих», восполняющих элементов. Как явление речевого синтаксиса неполнота предложений тесно связана с другим явлением того же «уровня», с так называемым актуальным членением предложения: в неполных предложениях, составляющих конструктивные компоненты сложного предложения или диалогического единства, обычно наличествуют элементы, выражающие новое, и отсутствуют, опускаются элементы, выражающие данное, названное ранее. См., например: Мне все послушно, *я же — ничему* (Пушкин); Как тебя зовут? — *Антипом*, батюшка.— А это кто? — *А сынок мой*, батюшка (Тургенев).

8. Целесообразно с функциональной точки зрения, соответственно роли в структуре предложения неназванных слов, восполняемых контекстом, различать несколько видов контекстной неполноты (или эллипсиса, если предпочесть этот термин для понятия контекстной неполноты):

1) Неполнота состава предложения — отсутствие одного из организующих модель предикативно сочетающихся компонентов (уровень модели предложения): Откуда дровишки? — *Из лесу*, вестимо (Некрасов); Занятий много? — *Не слишком* (Тургенев); *Четвертый год*. Глаза — как лед. Брови — уже роковые (М. Цветаева).

2) Неполнота словосочетания в составе предложения — отсутствие одного из компонентов словосочетания, распространяющего или распространяемого (уровень распространения слова в составе модели): Отец, слышишь, *рубит*, а я *отвожу* (Некрасов); — Не хотите ли подбавить рому? — сказал я моему собеседнику: — у меня есть *белый* из Тифлиса (Лермонтов) [124].

---

[123] См., например, четкое изложение подобной позиции в статье: *Чиркина И. П.* Проблема неполноты предложения и ее изучение в вузе.— В кн.: Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1969, с. 17—20.

[124] При всех оговорках о недостаточной ясности для авторов вопроса о разграничении структурных схем предложения и словосочетания остается невозможным мотивировать включение

3) Неполнота вспомогательного состава предложения — отсутствие (присутствие в контексте) показателей регулярных грамматических и структурно-семантических модификаций (уровень парадигматических модификаций модели предложения): Я был озлоблен, *он угрюм* (Пушкин); Они проводят барышню, а *сами в тот же день назад* (Гончаров); Локотки ее делались все острее, *пальцы — тоньше* (Федин).

В речи разные виды неполноты могут сочетаться в одном предложении. Так, в приведенном в первой рубрике примере из Тургенева кроме неполноты модели (неназванность первого, предицируемого компонента *занятий*) обнаруживается и неполнота словосочетания (ср. *не слишком много*), однако с точки зрения иерархии функций важно то, что второй, предицирующий компонент модели представлен, хотя бы и неполным составом, и акт сообщения, таким образом, совершен.

Вопрос о нормативности неполного предложения как конструктивного компонента сложного предложения или диалога связан с закономерностями построения синтаксических единиц более сложных, чем простое предложение, и требует специального рассмотрения.

Синонимические конструкции в свете компонентного анализа

1. Разработка проблемы идентификации синтаксических моделей и их синонимики во многом зависит от того, на какие единицы членения и организации предложений мы опираемся при сопоставлении конструкций. Наблюдения над синтаксическими синонимами русского языка, имеющиеся в лингвистической литературе, требуют дальнейших уточнений и систематизации.

Синонимичными считаем синтаксические конструкции, формирующиеся одинаковым набором одноименных,

---

в рубрику «Предложения с неполной реализацией структурной схемы словосочетания» ответных реплик в следующих примерах: (1) — *Ветер есть?* — *Нет*; (2) — *Тебе хорошо со мной?* — *Хорошо* (*Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Указ. соч., с. 140), поскольку в первых репликах вообще нет словосочетаний, они состоят из однословных компонентов, без присловных распространителей, а опущены в обоих неполных предложениях их субъектные, предицируемые компоненты, организующие вместе с экзистенциальным (1) и статуальным (2) предикатами их предикативный минимум.

по разнооформленных структурно-семантических компонентов. Роль каждого из компонентов предложения определяется комплексом признаков — семантических, синтаксических и морфологических, которые выявляются в синтагматических и парадигматических сопоставлениях и противопоставлениях.

Интерпретация предложения в традиционных терминах членов предложения не дает достаточных оснований для выявления синонимических отношений в синтаксисе. Помимо морфологических признаков (падежной формы имени существительного и личной—неличной формы глагола) — признаков, которыми главным образом руководствуются в распределении ролей членов предложения, для выявления структуры предложения необходимо учитывать: а) категориальную семантико-грамматическую характеристику компонентов и б) их взаимные и взаимообусловленные отношения в рамках синтаксической модели.

Для имени релевантны категориальные противопоставления подклассов конкретности — отвлеченности, одушевленности—неодушевленности, личности—неличности, в пределах отвлеченности — значений действия, качества, состояния и др. Для глагола основным служит противопоставление по признаку акциональность—неакциональность. Поскольку эти противопоставления, как показано выше, опираются не только на семантику, но также на словообразовательные, морфологические и синтаксические различия подклассов частей речи, т. е. закреплены в синтагматических и парадигматических координатах языка, то компонент предложения получает достаточно объективную и разноаспектную формально-содержательную квалификацию. Структурно-семантические компоненты предложения выступают как единицы одновременно содержательные и структурные, воплощая в себе двустороннее единство внеязыкового значения и языковой его формы. Преимущество такой системы представления структуры предложения, помимо прочего, и в том, что она избавляет от «двойной номенклатуры», от необходимости выяснения отношений между планом «членов предложения» и планом его семантических компонентов.

По инерции схемы «подлежащее—сказуемое—дополнение» имени в именительном падеже часто приписывают значение производителя действия, глаголу — значение действия, а имени в косвенном падеже — значение объекта действия вопреки природе явлений, ими обозначенных.

Компонентный анализ позволяет установить, обоснованы ли такие квалификации, и исходя из этого решать вопросы идентификации синтаксических структур.

2. Рассмотрим несколько групп соотносительных конструкций.

(1) *Дети шумят*	(а) —	(б) —
(2) *Лес шумит*	(а) *В лесу шум*	(б) —
(3) *Толпа шумит*	(а) *В толпе шум*	(б) *В толпе шумят*
(4) *Класс шумит*	(а) *В классе шум*	(б) *В классе шумят*

С точки зрения привычного анализа предложения (1)—(4) представляют одну и ту же структуру, которую принято записывать как N_1—Vf и в составе ее видеть подлежащее и сказуемое, или компоненты со значением производителя действия (субъект) и действия. Показательно, однако, что эти предложения располагают различными возможностями синонимических преобразований, что свидетельствует о различиях в их системных связях. Так, (2) синонимически соотносительно с (2а) *В лесу шум*, для (1) аналогичный синоним (**В детях шум*) невозможен.

Для объяснения подобных нерегулярностей прибегают обычно к понятию «лексических ограничений» в синтаксисе. Представляется, однако, что дело здесь не в отдельных лексических ограничениях, не подведомственных грамматике, а в регулярных грамматических закономерностях компонентного состава предложений.

Компоненты (1) — обозначения предмета-лица и его действия. Компоненты (2) — обозначения предмета-пространства и его состояния.

Предмету-лицу свойственно производить действие, быть агенсом. Неодушевленные предметы, в том числе предмет-пространство, не производят действий, неспособны быть агенсом, *лес* выступает здесь как носитель состояния, каузированного природной стихией, силой ветра. Модели (3) и (4) дают больше синонимов, и это объясняется тем, что их именные компоненты не имеют «чистого» типового значения, в них как бы совмещаются признаки субъектов (1) и (2), модели: *толпа* означает совокупность лиц, производящих действие (*шум*), а вместе с тем она обладает признаком пространства, занимаемого этой совокупностью лиц, *класс* означает помещение, пространство, а вместе с тем употребляется в смысле совокупности лиц, занимающих

это помещение, иными словами, субъекты (3) и (4) соединяют в себе агентивно-локативные значения. Соотношения этих значений варьируются затем в синонимических предложениях: в локативной форме моделей (3а) и (4а) еще ощущается значение совокупности лиц, среды — носителя шума, вместе с тем усиливается значение пространственное, которое затем «в чистом виде» реализуется в моделях (3б)$_1$ и (4б): в последних предложениях значения места и субъекта действия разъединились: субъект действия выступает в неопределенно-личном значении (но все-таки из тех, кто *в толпе*, кто *в классе*). Отсутствием значений действия и агенса объясняется невозможность неопределенно-личного варианта для предложения (2).

См. следующие ряды конструкций:

(5) *Мать волнуется*
(а) —
(б) *Мать в волнении*
(в) —
Публика волнуется
(7) (а) *В публике волнение*
(б) *Публика в волнении*
(в) (*В публике волнуются*)

(6) *Море волнуется*
(а) *В море (на море) волнение*
(б) —
(в) —
(8) *Зал волнуется*
(а) *В зале волнение*
(б) —
(в) *В зале волнуются*

Ту же противопоставленность личного и предметно-пространственного носителя предикативного признака наблюдаем в моделях (5) и (6), то же совмещение личного и пространственного значения в носителе признака моделей (7) и (8).

Глаголы здесь противопоставлены не по значению действие — состояние, а по значению психологическое состояние лица (5), (7), (8) — физическое состояние предмета (6). Пространственное значение субъекта реализуется затем в локативе (6а)$_1$, пространственное, совмещенное со значением совокупности лиц в (7а) и (8а). Естественно, что отсутствие пространственного значения в субъекте (5) не дает и соответствующей синонимической конструкции. Впрочем, при более или менее метафоризированном способе выражения, лицо — носитель состояния может приобретать своего рода пространственные признаки, значение некоего «вместилища», когда состояние представляется как нечто происходящее «внутри» человека, ср.: *Мать чувствовала, как в ней поднимается волнение, как в ней нарастает тревога* и т. п.

Чаще наблюдается обратное «пространственное» соотношение субъекта и его интенсивного состояния, когда субъект предстает охваченным, как бы окруженным этим состоянием, как точка «внутри» состояния: *Мать в волнении, в тревоге, в гневе, в ужасе, в оцепенении, в жару, в обмороке.*

Конструкция *Море в волнении* не употребительна, видимо, потому, что языковому сознанию не представляется пространство, окруженное состоянием (ср., впрочем: *В долине тишина — Долина в тишине*). Более свойственно русскому языку предикативно сочетать значения лица и его состояния в рамках модели принадлежности: лицо предстает здесь как посессивный субъект, а состояние, душевное или физическое,— как принадлежащий ему признак, ср.: *У матери волнения, тревога, радость, жар, обморок, ангина.*

Конструкции эти лексически не свободны (*Мать гневается — Мать в гневе*, но не: **У матери гнев; Мать болеет ангиной — У матери ангина*, но не: **Мать в ангине*, возможное, впрочем, еще в XIX в.[125], однако лексические нерегулярности не заслоняют семантико-грамматических, категориальных закономерностей в организации моделей.

Одинаковый набор одноименных, но разноформленных компонентов, в данном случае со значением одушевленного субъекта и его состояния, позволяет видеть в ряду моделей общее, инвариантное типовое значение и рассматривать этот ряд как синонимический. Члены этого ряда при наличии соответствующих структурно-семантических условий и ограничений сохраняют способность к взаимозамещению (или, в другой терминологической системе, к взаимному преобразованию), с соответствующими дополнительными оттенками общего значения. Ряд этот не исчерпывается приведенными конструкциями, он продолжается в таких моделях, как *Матери тревожно, радостно, больно, весело; Мать радостна, весела, больна. Мать встревожена, обрадована; Мать испытывает, чувствует, ощущает тревогу, боль* и т. д.[126] На тех же основаниях другие синонимические ряды видим в конструкциях, объединенных под од-

---

[125] См.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения. М., 1964, с. 172—173.

[126] См.: *Цейтлин С. Н.* Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика.— В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 161—181.

ним номером в горизонтальных рядах. Конструкции же, сопоставленные по вертикали — (1)—(2), (5) — (6), несмотря на внешнюю близость, не представляют идентичные модели. Их нельзя назвать и синтаксическими омонимами, поскольку компоненты их материально различны, организуются разными категориально-грамматическими классами слов.

Только признак о м о м о р ф н о с т и, подобия морфологических форм компонентов, объединяет эти модели.

3. Рассмотрим другие конструкции:

(9) *Иван открывает дверь*
(а) *Дверь открыта Иваном*
(б) *Иван открывает дверь (ключом)*

(10) *Ключ открывает дверь*
(а) *Дверь открыта ключом*
(б) —

(11) *Вошедший освещает комнату*
(а) *Комната освещена вошедшим*
(б) *Вошедший освещает комнату (фонарем)*

(12) *Фонарь освещает комнату*
(а) *Комната освещена фонарем*
(б) —

(13) *Музыкант играет*
(б) *Музыкант играет (на скрипке)*

(14) *Скрипка играет*
(б) —

(15) *Солдат стреляет*
(б) *Солдат стреляет (из пулемета)*

(16) *Пулемет стреляет*
(б) —

Традиционный анализ увидит в этих предложениях подлежащее—сказуемое—(прямое дополнение). С точки зрения компонентного состава нечетные конструкции представляют собой набор компонентов: агенс—действие—(объект действия), а четные: орудие—действие—(объект действия). Парадигматика агенсных и орудийных форм на первый взгляд недостаточна для обнаружения структурно-семантических различий между ними: и в именительном, и в творительном они омоморфны (ср. 9, 10, 11, 12 и 9а, 10а, 11а, 12а). Но если продолжить парадигматический ряд, увидим специфику средств оформления орудийного компонента (ср. конструкции с производными предлогами *с помощью, при помощи, посредством ключа*).

Синтагматика подкрепляет выявление этих различий: творительный орудия (и другие орудийные формы слова)

совместимы с именительным агенса (см. 9б, 11б, 13б, 15б), но не наоборот.

Следовательно, здесь нечетные примеры и четные представляют разные модели, соответствие между ними лишь омоморфное. Если же сопоставить конструкции под индексом (б) (*Иван открывает дверь ключом*) и соответствующие им модели под четными номерами (Ключ открывает *дверь*), между ними можно увидеть отношение неполной синонимии. Разницу в наборе компонентов составляет наличие—отсутствие агентивного имени. Конструкции с отсутствующим агентивным именем по составу компонентов так же относятся к конструкциям с наличным агентивным именем, как неопределенно-личные предложения с устраненным за ненадобностью агентивным именем относятся к личным с названным агенсом.

Ср. неопределенно-личные параллели: (9в) *Дверь открывают (ключом)*; (11в) *Комнату освещают (фонарем)*; (13в) *Играют (на скрипке)*; (15в) *Стреляют (из пулемета)*, возможные как неполные синонимы для предложений с агентивным компонентом. Можно выразить это соотношение формулой:

Иван открывает дверь ключом: Ключ открывает дверь =
Иван открывает дверь ключом: Дверь открывают ключом.

Следует обратить внимание на неоднозначность четных примеров. В синонимические отношения с нечетными (а) они вступают только в случае совпадения значений в плане временной локализованности: если обозначают актуальное действие, прикрепленное к определенному моменту времени. Но в тех же примерах может сообщаться не об осуществляющемся действии, а лишь о свойстве предмета по его назначению или пригодности для функционирования, в таком случае синонимические их связи иные (ср.: *Этот ключ открывает дверь, а этот — шкаф =Этот ключ от двери, этот — от шкафа; Один фонарь освещает комнату, а другой — запасной=Один фонарь — для комнаты, другой — про запас; Скрипка — играет, пулемет — стреляет= Скрипка для игры, пулемет — для стрельбы; Скрипка не играет, Пулемет не стреляет=неисправны*).

4. В грамматиках и пособиях постоянно отмечается синонимический параллелизм безличных и личных предложений: *Намело сугробы метелью — Метель намела сугробы; Его обдало волной — Его обдала волна; Ветром снесло крышу — Ветер снес крышу* и т. п.

Сопоставление выявляет обычно наличие имени в именительном падеже (подлежащего) в одном предложении и отсутствие его в другом. Этот признак принято считать основанием для главной оппозиции в системе типов русских предложений: односоставные—двусоставные.

Представляется небезынтересным рассмотрение подобных оппозиций с точки зрения компонентного состава предложений:

(17) *Волны принесли лодку* — (17а) *Лодку принесло волнами.*

(18) *Дети принесли кошку* — * (18а) *Кошку принесло детьми.*

(19) *Буря разбила корабль* — (19а) *Корабль разбило бурей.*

(20) *Сестра разбила стакан* — * (20а) *Стакан разбило сестрой.*

Наличие безличных вариантов для нечетных примеров и невозможность — для их омоморфных четных пар вытекает из различий в их компонентном составе. Общие их компоненты — действие и объект действия. Различные — агентивное имя (*дети, сестра*) и имя стихийного каузатора действия (*волны, буря*). С характером «деятеля» связан и характер действия. Стихийное действие всегда непроизвольно, действие одушевленного предмета может быть и произвольным, намеренным, целенаправленным (18), но может быть и ненамеренным, непроизвольным (20). Можно сформулировать противопоставленность нечетных моделей четным по признаку «маркированная — немаркированная непроизвольность действия». Если же парадигматически соотнести способы выражения действия в нечетных примерах по горизонтали, то и здесь можно увидеть немаркированную произвольность, стихийность в личной форме и маркированную — в безличной. Понятно, что компоненты со значением стихийного действия и стихийного каузатора синтагматически совместимы (17а, 19а), а стихийного действия и одушевленного деятеля синтагматически несовместимы (18а), (20а). Той же разницей в компонентном составе объясняется наличие неполных синонимов к четным примерам, ср.: (18б) *Принесли кошку*; (20б) *Разбили стакан* и невозможность подобных параллелей к нечетным примерам.

В литературе известны попытки возвести различие между параллельными личной и безличной моделями либо к валентностным различиям личного и безличного глаголов,

либо к различиям в падежных значениях именных форм. По-видимому, каждое из этих объяснений остается односторонним, если не учитывать взаимную обусловленность значений структурно-семантических компонентов моделей.

Компонентный анализ показывает, что по структурно-семантическому составу «личные» и «безличные» модели в горизонтальных парах, разносимые традиционной классификацией по противоположным рубрикам, гораздо ближе друг к другу (синтаксически синонимичны), чем омоморфные личные в парах по вертикали.

5. При изучении синонимических моделей встает вопрос об их системном месте. Синонимический ряд обычно возглавляется какой-то из моделей, которая считается основной, первичной конструкцией, принадлежащей к центру синтаксической системы, а остальные — вторичными, вариативными, «периферийными». Основная модель должна отображать соответствующие отношения внеязыковой действительности наиболее «прямыми», экономичными языковыми средствами, без дополнительных смысловых наслоений и модификаций. Если по способу отражения действительности, или, точнее, по признаку соответствия—несоответствия семантики компонентов модели значению ее внеязыковых референтов, разграничить изосемические и неизосемические модели, то очевидно, что основная модель синонимического ряда должна быть именно изосемической.

Сопоставим с этой точки зрения ряд моделей.

(21) *Враги разрушили деревню*	(22) *Ураган разрушил деревню*
(а) —	(а) *Ураганом разрушило деревню*
(б) *Врагами разрушена деревня*	(б) *Ураганом разрушена деревня*

Исходя из компонентного состава, находим здесь два синонимических ряда моделей. Среди моделей, сообщающих о действиях врагов, изосемической является первая, (21) с личным именем агенса, личной формой акционального глагола и винительным падежом объекта действия. В синонимической модели (21б) способ оформления компонентов привносит дополнительные смысловые наслоения: действие представлено в его результате как результативное состояние предмета, а предмет, объект действия выступает как субъект — носитель предикативного состояния.

Среди моделей, сообщающих о воздействии урагана, основным, изосемическим является не личное, а безличное предложение (22а): в составе его компонентов в наиболее «чистом», однозначном виде отображен стихийный характер события. В модели (22) форма именительного падежа имени и личная форма глагола создают впечатление якобы произвольного действия активного деятеля, хотя это впечатление не соответствует действительности. В модели (22б), так же как и в модели (21б), причастная форма глагола и падежная форма имени объекта получают дополнительные значения состояния и его носителя.

То же и в прежних примерах: модели типа *Иван открывает дверь ключом* изосемичны, а *Ключ открывает дверь* — вторичны, неизосемичны, потому что *ключ* (*фонарь, скрипка* и т. д.) предстает здесь как якобы производитель действия, будучи в действительности лишь инструментом в руках лица-деятеля. Не позволяет считать конструкции изосемичными наличие в них таких компонентов, как *класс, зал*, принимающих вид деятеля, отвлеченных имен *шум, волнение*, представляющих действие, процесс в виде предметного понятия и т. д.

Анализ подтверждает, таким образом, изложенный выше тезис о том, что основные, изосемичные модели, возглавляющие синонимические ряды, характеризуются сбалансированным равновесием морфологических, синтаксических и семантических признаков, вариативные же, неизосемичные модели — тем или иным смещением, нарушением этого равновесия.

Конечно, синтаксическая синонимия и возникает из потребности обогащения смыслов, соотнесения значений, игры всевозможными «якобы» и «будто бы», смысловыми оттенками и переходами. Возможности и средства выражения этих потребностей язык отрабатывает на протяжении столетий, и говорящие пользуются этими возможностями в различных смысловых, стилистических, эстетических целях. Лингвистический анализ, направленный на постижение языкового устройства, с точки зрения теоретического его осмысления или с точки зрения обучающей практики, заинтересован в умении снять эти «якобы», выделить «чистые», основные структурно-смысловые элементы и модели, и на их фоне оценить переходные случаи и усложнения.

О структуре некоторых типов предложения со значением восприятия

1. Компонентный анализ предложения выявляет сам собы репрезентации смысловых единиц и особенности структурно-семантического состава близких по значению групп синтаксических моделей.

Материалом для данного раздела служат некоторые разновидности предложений, объединенных общим значением восприятия (I — обонятельного, II — звукового, III — зрительного). Вот ряд литературных примеров, представляющих названные группы значений:

I. Анна Сергеевна уже молчала и нюхала цветы, поглядя на Гурова (Чехов); Я хочу обонять запах скошенного сена и запах дегтя (Ануфрий); Кузьмин поцеловал ее и почувствовал... слабый запах духов (Паустовский); И слышишь свежий запах сада И теплый запах талых крыш (Бунин); Слышался запах моря (Арсеньев); Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся запахом ночи (Тургенев); Меня охватил запах гостиницы (Л. Толстой); Прокурору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду (Булгаков); Свежо и остро пахли морем На блюде устрицы во льду (Ахматова); Увяли розы и припахивают полынью (Тынянов); В раскрытые окна пахло хвоей (А. Н. Толстой); В окно дуло запахом водорослей (Паустовский); Из чащи леса несло запахом свежескошенной травы (Вересаев); От лип душистым медом тянет (Фет); От тебя и так уж несет розовой помадой (Лермонтов); В детстве его мамка ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою (Гоголь); Из-за Волги с лугов цветами пахнет (А. Островский); С поля, где опять разгорался бой, гнало пыль и пороховую вонь (А. Н. Толстой).

В лингвистической литературе эти предложения рассматриваются обычно в оппозиции личность—безличность, что отражает признак наличия/отсутствия в предложении подлежащего, т. е. имени в форме именительного падежа и — в случае наличия — согласования с ним сказуемого-глагола в лице и числе (в настоящем времени), в роде и числе (в прошедшем времени). Между тем структурно-семантическая роль этого именительного различна в разных конструкциях, и прикрепление к нему этикетки «подлежащее» дает нам информацию скорее о морфологическом облике части компонентов, чем об их структурных и смысловых взаимоотношениях в целом.

В анализе исходим из того представления о предложении, согласно которому субъекту и предикату мысли-суждения в предложении соответствуют, как правило, два его структурных центра. Для русского синтаксиса в сравнении с другими характерно разнообразие конкретно-типовых форм выражения структурных центров, далеко не всегда совпадающих с подлежащим и сказуемым номинативно-глагольной модели.

В структуре всех приведенных предложений с общим значением восприятия запаха содержатся в той или иной комбинации общие компоненты, обозначающие:

лицо, воспринимающее запах,— символизируем его знаком Pers;

предмет — источник запаха — Ob;

квалификация, опознание запаха — Q;

процесс восприятия или движения запаха — V;

исходный и конечный пункты движения запаха — LD_1 и LD_2;

среду или место распространения запаха — L.

Факультативными компонентами могут быть различные определители при любом из основных компонентов. В различных комбинациях и вариациях основных компонентов выявляется определенная упорядоченность.

Субъектно-предикатной структурой мысли-предложения предопределяется порядок компонентов — препозиция субъекта и постпозиция предиката в экспрессивно-стилистически нейтральном предложении, независимо от того, совпадают ли они с «подлежащим» и «сказуемым». Субъект и предикат в нейтральном предложении соответствуют теме и реме в актуальном членении (функциональной перспективе) высказывания. В предложениях со значением восприятия предикатом всегда служит компонент Q — квалификация распознаваемого содержания (обонятельного, слухового, зрительного и др. под.) независимо от конкретного его оформления. Этот компонент составляет новое, искомое в высказываемой мысли. Порядок компонентов меняется только по требованию контекста, когда ремой становится другой, не предикатный компонент. Ср., например: *Запах гари идет* (*гарью тянет, горелым пахнет*) *с соседнего двора* — только в ответе на вопрос: *Откуда идет запах?*, где Q (квалификация запаха) — тема, известное, а источник запаха, исходный пункт его движения LD_1 — искомое, рема.

Итак, на основании конкретно-типового значения субъекта — предиката (S—P) и компонентного состава предложений выделяется несколько моделей. Символы компонентов дополняем морфологическими индексами[127], знак ≠ сигнализирует согласование между глаголом и именем в именительном падеже.

A. (1) $Pers/N_1 \neq V_{tr} + Ob/N_4$ — *Он нюхает цветы*

(2) $Pers/N_1 \neq V_{tr} + Q/N_4$ — *Он вдыхает запах жасмина*
Он чувствует запах жасмина

(3) $Pers/N_3 + V_{intr} \neq Q/N_1$ — *Ему слышится запах жасмина*
Ему чудится запах жасмина

(4) $Pers/до\ N_2 + V_{Infr} \neq Q/N_1$ — *До него доносится запах жасмина*
До него долетает запах жасмина

(5) $Pers/N_4 + V_{tr} + Q/N_5$ — *Его обдало запахом жасмина*
Его охватило запахом жасмина

(6) $Pers/N_4 + V_{tr} \neq Q/N_1$ — *Его охватил запах жасмина*

Общее значение SP моделей группы A: субъект — и его восприятие запаха. Последовательность моделей отражает снижение активности воспринимающего Pers и усиление активности воспринимаемого Q: активное, целенаправленное действие лица выражает лишь модель (1), компонент Q эту модель не входит, он еще неизвестен, если только в лексическом значении компонента не соединяются элементы Ob и Q (ср.: *Он нюхает цветы — Он нюхает жасмин*); в модели (2) глагол *вдыхает* сохраняет двузначность: это действие может быть и намеренным и непроизвольным, *чувствует* — пассивное восприятие распознанного запаха; в модели (3) Pers — в маркированной форме субъекта состояния, к значению пассивного восприятия добавляется оттенок неуверенности в реальности запаха (*слышится*) и несоответствия реальности (*чудится*); в модели (4) Pers предстает как конечный пункт

[127] В порядке эксперимента в настоящем разделе используется формализованная запись синтаксических структур. Морфологические индексы: $N_{1,2,3,4,5,6}$ — имя в именительном, родительном, дательном, винительном, творительном и предложном падежах: V_{tr}, V_{intr}, V_{impers} — глагол переходный, непереходный, в безличной форме.

движения запаха, активность запаха возрастает: он движется к воспринимающему; наконец, в модели (5) и (6) Pers становится объектом сильного воздействия интенсивного запаха.

B. (1) $Ob/N_1 \neq V_{tr} + Q/N_4$	*Платок издает запах жасмина*
(2) $Ob/N_1 \neq V_{intr} + Q/N_5$	*Платок пахнет жасмином*
(3) $(L+)V_{impers} + Q/N_5$	*Пахнет жасмином*
(4) $Ob/от\ N_2 + V_{impers} + Q/N_5$	*От платка пахнет жасмином*
C. (1) LD_1 (и/или LD_2) $+ V_{impers} + Q/N_5$	*Из сада пахнет жасмином*
	Из сада дохнуло жасмином
	От сада повеяло запахом жасмина
	Из сада в дом тянет запахом жасмина
	В окно тянет запахом жасмина
	В лицо пахнуло жасмином
(2) LD_1 (и/или LD_2) $+ V_{impers} + Q/N_4$	*Из сада доносит запах жасмина*
(3) LD_1 (и/или LD_2) $+ V_{intr} \neq Q/N_1$	*Из сада доносится запах жасмина*
	Из сада идет запах жасмина
	В комнату льется запах жасмина

Перечисленные модели можно дополнить еще одной, где появляется новый компонент — каузатор движения (Caus) обычно в персонифицированном образе ветра: $Caus/N_1 + V_{tr} + LD_1 + Q/N_4$ — *Ветер несет с полей запах меда.*

В группах B и C общее значение восприятия модифицируется: в B оно предстает в соотношении компонентов 'предмет (среда) и его состояние, свойство, постоянное или временное, издавать, содержать запах'. Субъект восприятия в B и C имплицирован: в моделях (1) и (2) нет места для его обозначения, существование его скрывается лишь в лексическом значении глагола: если *пахнет*, значит кто-то это воспринимает; в модели (3) локатив, обозначение среды служит косвенным обозначением воспринимающего субъекта: он — в этой среде, здесь присутствует; вариант модели (3) с неназванным локативом не должен внушать иллюзию односоставности, неназванность имеет определен-

ное значение: здесь, вокруг воспринимающего субъекта; локатив часто отсутствует в подобных предложениях вследствие смысловой избыточности, как речевой или контекстный эллипсис[128]; в модели (4) наблюдаем совмещение в компоненте Ob значений предмета-источника и исходного пункта движения запаха. И в предложениях группы С место характеризуется запахом, но запах движется, а место обозначено как исходная или как конечная точка движения. Название исходной точки предполагает существование и конечной как местонахождения субъекта; в конечной точке движения находится неназванный субъект: это он в доме, в той комнате, где открыто окно, куда идет запах[129]. Конечная точка *в лицо* называет целое по части, это уже экспликация позиции воспринимающего Pers. Смена форм компонента Q — N_2, N_1, N_1 — отражает некоторое усиление активности Q: он — содержимое, наполнение движущегося воздуха, он — перемещаемая субстанция, он — сама движущаяся субстанция.

Преобладание в рассмотренных моделях безличных форм глагола обусловлено семантикой высказываний: это не «деятельность, оторванная от своего деятеля», как определял значение безличных глаголов А. М. Пешковский[130]; здесь нет собственно действия, деятельности (кроме модели (1) *Он нюхает цветы*), во всех случаях в-общем речь идет о состоянии или свойстве среды или предмета и о восприятии, чаще пассивном, непроизвольном, этого свойства лицом. Таким образом, семантике компонента Pers — не деятеля, не агенса, а только субъекта неактивного восприятия — соответствуют и формы его выражения.

Важно подчеркнуть, что и в случаях речевой невыраженности позиции воспринимающего субъекта она синтак-

[128] Рассматривая модель (1) *В комнате пахнет яблоками* в соотношении с моделями (2) *Крышу сорвало ветром* и (3) *В лесу темнеет*, М. Гиро-Вебер убедительно показывает общность типового значения компонентного состава (1) и (3) как предложений, содержащих предикативную характеристику названного пространства, в отличие от предложения (2), выражающего стихийное или случайное переходящее на объект действие невольного каузатора (*Гиро-Вебер М.* О синтаксической природе конструкций типа *В комнате пахнет яблоками* — Russian Linguistics, 1980, 4, p. 291—301).

[129] Ср. текст: Они сидели в гостиной у окна. Были сумерки. Из окна пахло цветами (Л. Толстой). Если бы перед нами была только последняя фраза, было бы понятно, что воспринимающий субъект находится в комнате, окно которой названо.

[130] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956, с. 342.

чески значима. В конкретной фразе, в тексте всегда понятно, идет ли речь о восприятии определенно-личного субъекта (рассказчика или персонажа) или о восприятии обобщенно-личного субъекта. Синтаксическая позиция и неназванного субъекта в большинстве моделей сохраняется, и может быть заполнена по смысловой надобности. Ср.: *Слышался запах жасмина* (кому?); *Из сада доносит* (до кого?) *запах жасмина*; (для кого?) *Этот дом пахнет детством*[131] и т. д. Перефразируя известный берклианский афоризм Esse est percipi 'Существовать — значит быть воспринимаемым', можно сказать не об объекте, а о субъекте восприятия: Воспринимать — значит существовать. Если предложение сообщает о восприятии, существует субъект этого восприятия, и язык находит различные способы указания на него.

По поводу лексического состава моделей можно заметить, что лишь один глагол *пахнуть* является спецификатором, он включает в себя и сему запаха и сему его распространения и, следовательно, восприятия. К нему близок по комбинаторным свойствам глагол *вонять* ограниченного употребления — только о дурном, неприятном запахе[132]. Остальные глаголы заключают в себе лишь сему движения, поэтому компонент Q при них обычно становится комплексным, состоящим из параметрического, категориального слова *запах* (ср. другие подобные слова со значением параметра: *цвет, форма, вкус* и т. п.) и конкретизатора, именующего запах. Глаголы *несет, тянет, отдает* (часто о неприятном запахе), *веет* (о легком, приятном запахе) употребляются только безлично с Q в форме творительного, *доносит* с творительным (реже) и с винительным объекта.

---

[131] Ср. употребление дательного воспринимающего лица в индивидуально-поэтических построениях: *В тенях траурной ольхи Сладко дышат мне духи* (Блок); Что буря жизни, если розы твои цветут *мне* и горят! (Блок); *Кому* горит мои георгины? (Вознесенский); Им не понять, как ты красива *мне* (Евтушенко).

[132] Ср. расхождения в объеме значений соответствующих русских и чешских глаголов: в чешском vonět 'пахнуть приятно', zapáchat 'пахнуть дурно'; vůně 'приятный запах', zápach 'дурной', отсюда возможность речевой интерференции. Сопоставительный анализ славянских конструкций со значением восприятия см.: *Mrázek R.* Конструкции с семантикой 'sentire, percipere' в современных славянских языках.— Slavia, 1976, ř. XLV, č. 1; Он же. Наблюдения над синтаксическим оформлением семантики чувственного восприятия в русском и чешском языках.— Slovanské studie, Brno, 1979.

1глаголы *идет* и *доносится* согласуются с Q именительным. Глагол *обонять* как обобщенно-книжное название процесса восприятия или способности к восприятию в речи менее употребителен. Ср.: Свойства запаха... нельзя объяснить человеку, который никогда его не обонял (Салтыков-Щедрин); С удивлением и с радостью, какими-то новыми глазами смотрю кругом, остро вижу, слышу, обоняю (Бунин.)

В тех же моделях может передаваться восприятие сложных обонятельно-осязательных ощущений (Из хаты повеяло сыростью — Лермонтов; Ветер обдал Артамонова душистым теплом — Горький), переносимых и в психологический план (Меня обдало холодом и унынием — Вяземский; Минувшим на меня повеяло нежданно — А. К. Толстой; Так нежно столетьем прошлым пахнет сад — Ахмадулина).

2. Не рассматривая столь же подробно конструкции со значением слухового и зрительного восприятия, остановимся на некоторых чертах общности. Примеры:

II. По ночам слушал, сидя на крылечке, филинов (Бунин); Нынче первый мы слышали гром (Фет); В голосах родных мне слышится Темный голос твой чужой (М. Цветаева); Дверь скрипнула, легкий шорох платья и шагов послышался за мной (Лермонтов); То чей-то шорох, то шептанье, То крики чудятся ему (Пушкин); Наде, когда она разделась и легла в постель, долго еще было слышно, как внизу убирала прислуга (Чехов); Голоса подъячих доходили до него (Пушкин); Ко мне летят сквозь снег обильный последние трамвайные звонки (Евтушенко); Куча невысоких кряжистых дубов помахивала крепкими ветвями, и от них несся глухой шум (Короленко); Не доносятся жизни проклятья В этот сад, обнесенный стеной (Блок); Пошел по лесу треск и стук. И слышно за версту проказу (Крылов); Слов не было слышно (Тынянов); Из залы были слышны голоса и смех (Бунин); В это время шагах в двухстах из парка, со стороны пруда, раздался свисток (Достоевский); Ветер несет им печальный ответ (Некрасов).

III. Помню, она рассматривала меня с каким-то особенно пристальным вниманием (Достоевский); Гляжу тревожными глазами На этот блеск, на этот свет... (Тютчев); Долго спустя равнодушным взором он различил белую звезду низко над морем (А. Н. Толстой); В гостях, на улице и дома Я вижу тонкий профиль твой (Блок); Вот идет он к синему морю, Видит, на море черная буря (Пушкин); Кучер говорил, что он видит лес, следователю же не было

видно ничего, кроме пристяжной (Чехов); Только сквозь малые щелочки было видно, как внутри дома огонек блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают (Лесков); С платформы вокзала виднелось море одиноких сигналов (Платонов); В желтом просвете окна виднелась статная фигура Аксиньи (Шолохов); Сквозь решетки видна радостная зелень кустов (Бунин); На далеком мысу посверкивал маяк, его хорошо было видно (Казаков); Еще утром, на вокзале, ему бросилась в глаза афиша с очень крупными буквами (Чехов). Ср. еще: Из большой залы в Скворешниках...пожар был как на ладони (Достоевский).

Модель L—V—Ob (*С платформы виднелось море...*) семантически осложняется, когда позицию V занимают глаголы, образованные от прилагательных цветового обозначения (*белеется, белеет, алеет, синеет, желтеет* и т. д.): Смотри, как роща зеленеет (Тютчев); Налево в мглистосолнечном тумане голубели берега Сицилии (А. Н. Толстой); По золотистым полосам скирды желтелись (Языков); Что белеется на горе зеленой? Снег ли то, али лебеди белы? (Пушкин).

В этих моделях взаимодействуют значения цветовой характеристики предмета и восприятия предмета благодаря его цвету, через цвет. Последнее перевешивает, о чем свидетельствует актуальное членение (рема — воспринимаемый объект) и локативная позиция, обнаруживающая направление взгляда воспринимающего субъекта.

В конечном счете всякая констатация наличия предмета и его видимых зрению свойств, всякое описание возникают как результат зрительного восприятия. Здесь, однако, мы ограничиваем наблюдения кругом тех моделей, где позиция воспринимающего выражена, где стержнем конструкции служит «линия связи» между субъектом и воспринимаемым объектом.

В составе приведенных предложений класса II и класса III обнаруживаются те же компоненты, что и в классе I: Pers — субъект восприятия; V — процесс восприятия (глагол переходный или непереходный, краткие прилагательные *слышен, виден* или предикативные наречия *слышно, видно*); L — локативы, статический, либо — чаще — динамический: среда или путь распространения звука, исходная или конечная точка движения звука, света; Q — воспринимаемые звуки и зрительные образы; Q может быть выражен и словоформой и предложением; Ob — предмет—источ-

ник звука или зрительного образа (преимущественно в в форме родительного субъекта: пение *птиц*, гудки *парового*, шум *реки*, зелень *кустов*): Q и Ob часто соединяются в одном компоненте. Противопоставленность активного, целенаправленного восприятия и пассивного, непроизвольного выражается и в соотношении глагольных пар (*Он нюхает, Он смотрит, Он слушает — Он чувствует запах, слышит, видит...*) и в формах представления Pers, с преобладанием конструкций, где Pers принимает форму субъекта состояния (*Ему видно, Ему слышно...*), либо выражается имплицитно, обнаруживая свое присутствие через локативы (*За стеной..*; не доносятся *в этот сад..*; Слышны *из залы..*; видна *сквозь решетку; с платформы вокзала*). Восприятие зрительное и слуховое, так же как и обонятельное, чаще всего передается в моделях движения.

Предикатами высказываний, занимающими рематическую позицию, и здесь служит компонент Q, называющий распознанные субъектом звуки и зрительные образы. Только в негативных предложениях, где отрицается видимость, слышимость, наличие запаха, ремой становится компонент neg V, экспрессивно выносимый в препозицию или нерасчленимо сливающийся с Q, обозначающим явление, как утверждение не-явления, отсутствия названного явления, или его противоположности (*Не слышно звуков≈Тишина; Ничего не видно≈Темно*). Неназванный субъект восприятия, сохраняя в большинстве моделей свою позицию, также получает определенно-личное или обобщенно-личное значение.

3. На фоне основных конструкций могут быть оценены и квалифицированы индивидуально-поэтические способы представления тех же внешних явлений как объектов чувственного восприятия, их анализ может составить задачу специального исследования. Приведем лишь отдельные примеры, в которых можно наблюдать и опредмечивание ощущения, и «перемену мест» воспринимающего и воспринимаемого, различные приемы гиперболизации, метафоризации ощущения, персонификации силы, каузирующей воздействие его на субъект. Из стихотворений А. Блока: С той поры, что ни ночь, что ни день Надо мной твоя легкая тень, Запах белых цветов средь садов, Шелест легких шагов у прудов; Ширятся звуки, движение, свет; Из ничего — фонтаном синим Вдруг брызнул свет; Неведомая сила серебристым звоном оглушила; Обрушивалась музыки лавина; И вступившая в пенье тревога Рокот волн до меня

донесла; Сквозь цветы, и листы, и колючие ветки, я знаю, Старый дом глянет в сердце мое. Ср. также: И везде в комнаты праздничпо глядели приблизившиеся к дому разнообразно зеленые, то светлые, то темные, деревья с яркой синевой между ветвями (Бунин); Как будто рыба из воды, Сервиз выглядывал из стекол (Ахмадулина); Дом дышал глухими коноплями, свежестью, сводящею с ума (Асеев); Чуткий ветер во всеуслышание разносил голоса соседей и отпирал все тайные запахи дворов (Платонов); Так вслушиваются (в исток Вслушивается — устье). Так внюхиваются в цветок: Вглубь — до потери чувства! (М. Цветаева).

4. Изложенное позволяет сделать некоторые выводы.

1) В рассмотренных предложениях можно увидеть структуры, организованные определенным комплексом семантико-синтаксических компонентов. Общность этого комплекса для всех разновидностей предопределена их общим значением чувственного восприятия субъектом внешних явлений.

2) Выделенные структурно-семантические компоненты в нераздельном единстве их категориальной семантики, морфологического облика и комбинаторной функции являются единицами выражаемого смысла и вместе с тем единицами синтаксического построения.

3) Постоянство варьируемого взаимообусловлено набора структурно-семантических компонентов — одноименных, но разнооформленных — обнаруживает принадлежность рассмотренных предложений к определенной микросистеме синтаксической синонимии.

4) Для осмысления различий в оформлении компонентов не представляется существенной группировка моделей по признаку наличия/отсутствия имени в именительном падеже, поскольку, во-первых, компоненты, оформляемые именительным падежом,— обозначения воспринимающего или воспринимаемого,— не исчезают, но модифицируют свои формы, и, во-вторых, подведение воспринимающего и воспринимаемого в случае их оформления именительным падежом под одну категорию подлежащего нивелирует различия в значении названных компонентов, в их расположении, в значении всей модели.

5) Различия в оформлении компонентов рассмотренных предложений показывают, что процесс восприятия, выражаемый преимущественно в моделях движения или направленного действия, предстает языковому сознанию в двух основных разновидностях: в направлении от воспринимаю-

щего к воспринимаемому и в направлении от воспринимаемого к воспринимающему. Вариации этих основных разновидностей представляют гамму средств для передачи различных оттенков активности и пассивности восприятия, интенсивности ощущения, силы воздействия, состояния или реакции субъекта. При этом оппозиция именительный падеж/косвенные падежи в оформлении воспринимающего не совпадает с оппозицией активность/пассивность воспринимающего. Именительным падежом может быть выражен субъект и целенаправленного и непроизвольного восприятия, формами косвенных падежей — всегда субъект непроизвольного, пассивного восприятия. Явное преобладание моделей со значением пассивного восприятия соответствует природе явления.

6) Выявление позиции воспринимающего субъекта и средств ее эксплицитного и имплицитного выражения в рассмотренных моделях может представлять интерес не только в плане структурно-семантических проблем, но и для исследования текста, для наблюдений над «образом автора», точкой зрения рассказчика или третьего лица, через восприятие которого изображается мир. Анализ воплощенного в небольшом фрагменте синтаксической системы отношения человека к окружающей его действительности помогает осмыслить роль человека как говорящего лица и как главного персонажа мира, о котором он говорит, в аспекте антропоцентрической концепции языка.

Деадъектив в синтаксисе предложения

1. В следующих разделах книги исследуются неполнозначные категории — деадъектив, инфинитив и оценочные слова, синтаксические функции которых связаны с усложнением, полипредикативизацией простого предложения.

В настоящем разделе рассматривается одна из категорий существительных — подкласс отвлеченных имен со значением качества (деадъективы), — с точки зрения синтаксических, семантических и стилистических свойств в их взаимосвязи.

Семантико-грамматическая специфика имен качества определяется в значительной мере тем, что в языке они служат не прямым, а косвенным средством обозначения качества: для прямого средства обозначения качества — категории прилагательных — характерно соответствие категориальной семантики (значения признака, качества) обо-

значаемой реалии; несоответствие категориальной семантики существительных (значение предметности) реалии, обозначаемой подклассом имен качества, дает основания относить этот подкласс к средствам непрямого, косвенного обозначения. Подкласс имен качества отличается, таким образом, двойственной семантико-грамматической природой; двойственность эта — результат взаимодействия в этих именах категориальных значений предметности и качества.

Каким же из этих взаимодействующих факторов направляется синтаксическое функционирование имен качества? Как ни парадоксально, на этот вопрос возможны противоположные ответы.

Если показать, что синтаксические функции имен качества не отличаются от функций всех прочих существительных, это подтвердит положение о доминирующей роли грамматической категории части речи без различий в семантике подкласса имен.

Если возможно показать отличия в синтаксических функциях подкласса имен качества в сравнении с другими семантическими подклассами (имен собственно предметных, имен личных, имен действия, состояния и др.), это приведет к необходимости пересмотреть некоторые привычные представления. Наши наблюдения ведут именно к этому. С точки зрения логико-синтаксической, отождествив синтаксические функции с традиционными понятиями членов предложения, можно доказать, что имена качества, как и все существительные, способны в разных своих формах употребляться в роли любого члена предложения. С точки зрения морфолого-синтаксической можно доказать, что имена качества, как и все остальные существительные, встречаются во всех падежных формах. И те, и другие выводы будут справедливы, но в них окажется слишком мало собственно синтаксической информации: мы ничего не узнаем о том, в каких типах синтаксических конструкций участвуют имена качества, какие типы моделей они организуют. Поэтому будем наблюдать их функционирование, опираясь на совокупность признаков, определяющих синтаксическое поведение имен изучаемого подкласса: семантику качества, находящую свое выражение в определенных словообразовательных моделях (отадъективных деривациях на *-ость, -ина, -ота* и некот. др.), падежную и предложно-падежную форму и реальную конструктивную роль в построении тех или иных моделей предложения (собственно синтаксическую функцию).

Материал показывает, что закономерности функционирования не могут быть выявлены без дальнейшего уточнения семантики изучаемых имен. Значение «отвлеченного признака», которым, как заголовком, объединяется обычно эта группа имен, в известной степени условно. Грамматика-70 отмечает, например, что среди отадъективных существительных некоторые слова обладают вторичным значением «носитель признака», конкретизирующимся применительно к человеку (*личность, индивидуальность*) месту, вместилищу, пространству (*окрестность, полость, окружность*), собирательному понятию (*растительность, юность, живность*), веществу, продукту (*жидкость, конченость*), вообще вещи, явлению (*редкость, новость*).

У многих слов этого словообразовательного типа отмечено значение подвижного количественного признака, поддающегося измерению (*скорость, влажность, засоренность, этажность* и т. п.). Существительные на *-ость*, образованные от отглагольных прилагательных, обозначают склонность или способность к действию, названному в основе прилагательного (*терпимость, возбудимость, членимость*).

Все эти семантические различия, как свидетельствуют языковые факты, обнаруживаются и в синтаксическом функционировании соответствующих групп деадъективов.

Прежде всего рассмотрим отадъективные имена со значением собственно качества, свойства предмета.

В какой системе связей проявляется онтологическая сущность качества, свойства? Оно присуще предмету, оно есть признак, характеристика предмета, и поэтому является категорией относительно несамостоятельной по сравнению с категорией предмета: название предмета может фигурировать в речи-мысли вне связи с названием качества, название качества вне связи с названием предмета, как правило, не может (субстантивированное прилагательное обозначает уже не признак предмета, а сам предмет).

Качество в речи-мысли выступает как данное или как приписываемое субъектом речи-мысли предмету, что соответствует, при обозначении качества прямым средством — именем прилагательным, атрибутивной и предикативной связи, ср.: *Над нами синее небо; Небо над нами — синее.* Качество не может действовать, выступать как субъект или объект действия, но может обнаруживаться в количественных изменениях, что выражается в языке через категорию степеней сравнения, а также с помощью связок фазисного значения и наречий меры и степени: *Небо стало синим —*

стало синёе — стало совсем синим и т. п. Мера качества может стать основанием для сопоставления предметов, поэтому прилагательному в сравнительной степени свойственно также организовывать трехкомпонентные модели с компаративным значением: *Москва больше Киева; Москва больше, чем Киев; Лиса хитрее вороны* и т. п.

Обозначение качества косвенным средством номинации — отадъективным именем существительным — не меняет ни природы называемого словом явления, ни смыслового назначения самого слова — служить названием качества, хотя и подводимого языковым сознанием под категорию опредмеченных явлений.

2. Естественно, что прежде всего отадъективное имя качества должно сочетаться с именем предмета — носителя качества [133]. Языковая система предоставляет для этого определенный набор моделей.

2.1. Атрибутивному словосочетанию имени предмета с прилагательным соответствует сочетание отадъективного имени с именем предмета (ср.: *белый снег — белизна снега, яркие краски — яркость красок*). Впрочем, то же сочетание с отадъективным именем соответствует и предикативной модели, как бы нейтрализуя в себе атрибутивные и предикативные отношения между именем предмета и именем признака.

Ср.:

белый снег
снег — белый } *белизна снега*

яркие краски
краски ярки } *яркость красок*

Обращает на себя внимание асимметричность грамматических и смысловых отношений в сочетании имени признака с именем предмета.

В этой асимметричности поэзия нашла прием «художественного видения» мира. См., например: И миллионом черных глаз Смотрела *ночи темнота* Сквозь ветви каждого куста (Лермонтов); И сквозь лес Холодно как-то глядит *Ясность* прозрачных *небес* (Майков); Я узнаю *Суровость рек*, всегда готовых С грозою выдержать войну... И *деревье-*

[133] Ср.: «Чтобы слово sumienność „добросовестность“ имело жизненный смысл, надо, чтобы было кому приписывать добросовестность, так же как слово białość «белизна» имеет смысл постольку, поскольку существуют белые предметы» (*Дорошевский В.* Элементы лексики и семиотики. М., 1973, с. 267).

лек тишину (Некрасов); Над водами, стихнувшими *в безмятежности вечера*... (З. Гиппиус); Хорошо бы, как ветками ива, Опрокинуться *в розовость вод* (Есенин); *Перегородок тонкоребрость* Пройду насквозь, пройду, как свет (Пастернак); Помню я *Лестниц скрипучесть* И электричества тленье (Мартынов); И женщины кутались *в ласковость шуб* (Солоухин); Он пробивается сквозь *щуплость* худого, жидкого *леска* (Евтушенко); Я видал и *алость флагов* и копыт степной каскад (Щипачев); Под ногами звенит подорожник, осыпая *лиловость пыльцы* (Боков).

Ср. также: *В пасмурность осеннюю*, в слякоть и усталость, после воскресения все это писалось (Кирсанов).

В тексте деадъективы часто служат не первичным, а повторным наименованием признака, ранее названного именем прилагательным в атрибутивной или предикативной позиции [134]. Например: Как?! Та минута *хрупкая* жива? И *хрупкостью* пробила срок столетний? (Н. Матвеева); *Невероятная*, Тебя (я знаю) В *невероятности* люблю (А. Белый); Он перебил *уклончивую* речь возницы и стал задавать другие вопросы, но и здесь услышал ту же неувязку, недоговорку, *уклончивость* в ответах (Фурманов).

В деадъективных сочетаниях с родительным процессуальной семантики нейтрализуются различия между их адъективно-именным и адвербиально-глагольным коррелятами, ср.: *безобидно шутить, безобидная шутка — безобидность шутки; искренне уверять, искренние уверения — искренность уверений; убедительно доказать, убедительное доказательство — убедительность доказательства.*

Явления нейтрализации в структуре деадъективно-именных сочетаний — одно из оснований видеть в них имплицитную, или свернутую, предикативность [135].

Следует отметить также, что в обозначении предмета — носителя признака часто наблюдается известная ступенчатость, иерархичность: признак относится не к предмету как к целому, а к какой-то его части, стороне или к како-

[134] См.: *Гак В. Г.* Повторная номинация и ее стилистическое использование.— В кн.: Вопросы французской филологии. М., 1972.

[135] Ссылаясь на работу В. Порцига, Е. Курилович отмечал, что существительные-деадъективы образованы не от прилагательных-определений, а от прилагательных в роли сказуемого: таким образом, абстрактные существительные, как бы резюмирующие целое предложение, «основаны на синтаксической субстантивации сказуемого, которое может быть выражено глаголом или прилагательным» (*Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 64).

му-то его параметру, проявлению, например: *угловатость его движений, прямолинейность характера героя, задумчивость его взгляда, профессионализм игры пианиста, усложненность сюжета пьесы* и т. п. Эта ступенчатость обозначения предмета в структуре предложения часто оборачивается большей сложностью связей, долженствующих передать отношения посессивности или части и целого, поскольку на ступенях этой иерархии оказываются обычно слова релятивной, несамодостаточной семантики.

Ср. поэтические осложнения признаковых компонентов: *тяжесть вечной духоты* (Брюсов), *в красоте музыкальности* (Бальмонт), *алая яркость его парусов* (Вс. Азаров), *нежности моей закаменелость* (Ахмадулина) и т. д.

Деадъективно-именные сочетания могут быть компонентами предложений разных типов, но само наличие их свидетельствует о полипредикативной усложненности структуры предложения.

2. 2. Отадъективное имя качества не вступает в непосредственную предикативную связь с названием предмета (*Материал эластичен*, но не: **Материал эластичность*)[136], оно нуждается для этого в посредстве вспомогательных слов. Вспомогательными словами служат прежде всего глаголы *отличаться, характеризоваться* (*отличать, характеризовать*), формирующие предложение как глагольное с именем предицируемого предмета соответственно в именительном или винительном падеже (*Материал отличается эластичностью; Материал характеризует эластичность*); прилагательные *присущ, свойствен, типичен, характерен*, формирующие предложение адъективно-именного типа с именем предицируемого предмета в дательном или родительном с предлогом *для* (*Материалу присуща, свойственна эластичность; Для материала типична, характерна эластичность*); существительные *свойство, черта, отличие, особенность*, формирующие двусоставное именное предложение (*Особенность, свойство материала — эластичность*). Примеры: Он всегда *отличался* утонченной *вежливостью* (Тургенев); Новый агрегат *отличается* высокой *проходимостью* и малым радиусом разворота (Соц. индустрия,

[136] Ср. «Сахар — не белизна. Он лишь обладает белизной» (*Уемов А. И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 97). Деадъектив в родительном падеже может сочетаться предикативно с именем предмета без вспомогательных слов при наличии обязательного определения, например: *Сестра у него — редкостной красоты; Белье — ослепительной свежести* и т. п.

1969, 31 июля); Новые нетканые ворсовые ковры *отличаются* большой *износоустойчивостью* и малой *теплопроводимостью* (Веч. Москва, 1968, 12 июня); Эти обороты *характеризуются* относительной смысловой *автономностью* и синтаксической *изолированностью* (ВЯ, 1974, № 4); *Точность, сжатость* при большой образности *отличают* художественную манеру большей части рассказов «Повести временных лет» (Рассказы начальной русской летописи. М., 1966).

Вспомогательные слова в подобных предложениях и в информативном и в конструктивном отношении несамостоятельны, они служат своего рода связками между названиями предмета и предикативно приписываемого ему признака, лишь эксплицируя вербально значения отличительного признака, характеристики, свойства, заложенные в самой структуре отадъективного имени. Смысловой объем предложений остается равным синонимичным предложениям с адъективным выражением признака. Различия между ними — стилистического характера: если адъективно-именные предложения, как правило, представляют нейтрально-разговорную литературную речь, то синонимичные им предложения с отадъективными именами и вспомогательными словами отмечены печатью книжности. При этом, когда прилагательное и его дериват находятся в отношениях свободной заменимости, перед говорящим — возможность выбора из синонимического ряда конструкции с соответствующим стилистическим оттенком (*Он вежлив — Он отличается вежливостью* и т. д.); когда же отадъективное имя получает характер терминологически закрепленного (ср.: *теплопроводность, износоустойчивость, проходимость, автономность* и под.), закрепляется и его связь с книжной конструкцией, вариативность ее с нейтрально-разговорной адъективной конструкцией зачастую остается лишь потенциальной, нереализуемой (ср., например: **агрегат высоко проходим(ый)*).

2.3. Другого типа связочные глаголы, помогающие предикативному отнесению деадъективного имени качества к имени предмета,— *иметь* и *обладать* — эксплицируют посессивное значение принадлежности признака его носителю: Вода в заливе имеет чрезвычайную *соленость* и *плотность* (Паустовский); В обычных условиях чистая дождевая вода *обладает* лишь незначительной *кислотностью* (За рубежом, 1974, № 31); Структура стали малоуглеродистой марки *обладает* очень высокой *плотностью* (Кавк.

здравница, 1973, 13 ноября); Новый агрегат прост по устройству и *обладает* высокой *производительностью* (Правда, 1968, 18 июля); Какой *зрелостью* должен был *обладать* сравнительно молодой по возрасту автор... (Вопросы литературы, 1974, № 3); Впрочем, *дерзостью* и *отвагой* Валериан *обладал* редкостными (Трифонов).

По-видимому, с этими глаголами употребляются преимущественно названия количественного признака, поддающегося измерению или градуальному представлению, что подтверждается и наличием соответствующих определений при отадъективных именах.

2.4. Количественные оттенки другого рода — экспрессивное желание говорящего—пишущего подчеркнуть полноту, интенсивность признака — призван передавать ряд глаголов (глагольных и адъективных форм), употребляющихся вместо связочных для предикативного соединения имени качества с именем предмета при соответствующих изменениях в формах сочетающихся имен. При этом одни из них уже утратили экспрессивность, стерлись от заштампованного употребления в определенных жанрово-тематических условиях, в других в большей или меньшей степени ощущается свежесть, индивидуальность способа выражения: *Искренность*, романтическая *приподнятость пронизывают* лучшие полотна талантливых воспитанников Куинджи (Веч. Москва, 1973, 26 ноября); Любовь Катерины к мастеру Даниле *полна* женской *самоотверженности* (Лит. газета, 1974, 12 июня); Движения стрелков *исполнены силы, изящества*, спокойной *грации* (Сов. спорт, 1970, 27 мая), Рисунок его отличался правильностью и смелостью, а кисть его *блистала* яркой *колоритностью* (Лесков); Спокойной и уверенной *жизнерадостностью дохнуло* от этого письма (Вс. Иванов); Он *награжден* каким-то вечным детством, Той *щедростью* и *зоркостью* светил... (Ахматова).

2.5. Идея полноты, интенсивности признака лежит в основе своеобразного приема синтаксического переноса: модель, представляющая соотнесенность содержащего и содержимого (формы и содержания), ср.: *В стакане вино*; *В корзине — еловые шишки*, становится одним из способов соотнесения признака (главным образом — из области психологических, эмоциональных характеристик) с его носителем. Предмет — носитель признака оформляется как вместилище, обычно предложным падежом с предлогом *в* или *на*, признак (эмоциональное состояние) — как содер-

жимое, именительным падежом, их сопряжение может быть непосредственным, безглагольным, может подкрепляться глаголами наличия, проявления, объективного или субъективно-авторизованного (указывающего на восприятие «автором», говорящим лицом или наблюдателем). См. примеры из рассказов Ю. Казакова: *Во взгляде ее нежность* («Голубое и зеленое», ср.: *Взгляд ее нежен*); *В его пожатии уверенность* (Там же); *Дремучесть, затаенность чувствуется в ее молчании, в* неопределенной *улыбке, в* опущенных зеленоватых *глазах* («Манька»); Во всем проглядывали *заброшенность*, запустение («На охоте»). Другие примеры: *На лице* ее появилась *неподвижность* и *важность* (Тургенев); Даже *грусти*, даже *задумчивости* не проявлялось *в нем*: он по-прежнему был тих, но вечно весел душою (Тургенев); *В манерах* его замечалась прежняя юношеская *застенчивость* и как бы *угловатость* (Салтыков-Щедрин); *В* умных *глазах* столько *доброты* и *живости* (Правда, 1974, 23 июня); *На уме* у этого поэта мрачная *ожесточенность* (Лит. газета, 1974, 12 июля); *В душе — бездумность* и *беспечность* (Блок); *В* легком *сердце* — страсть и *беспечность* (Блок); Есть *в русской природе* усталая *нежность*, Безмолвная боль затаенной печали, *Безвыходность* горя, *безгласность*, *безбрежность*, Холодная *высь*, уходящие *дали*! (Бальмонт). Ср. структурно-смысловые вариации отношений предмета и признака в стихах Б. Ахмадулиной: В тот месяц май, в тот месяц мой *Во мне* была такая *легкость*; А в *публике — доверье* и *смущенье* («День поэзии»); И было *сумрачно* и *горько В его* оранжевых *глазах* («Барс»); *Во мне*, как в мертвом теле круга, *законченность* и *пустота* («Болезнь»).

Сам характер структурно-смысловых отношений в этой модели включает элемент метафоричности, гиперболизации, чем и предопределяется преимущественное функционирование рассматриваемой модели в поэтической, художественной речи.

Ср. вмещение отношений предмета и признака в модель посессивного наличия, где признак выступает на месте объекта принадлежности: *У капель — тяжесть* запонок (Пастернак); *У* скольких *поэтов легкость* руки! (Маяковский); У ночи — мрак, у листьев — шум, у ветра — свист, *у капли — дробность*... (Мартынов).

Все эти приемы от общепринятых до индивидуально-поэтических синтаксических находок могут быть осмысле-

ны на фоне структурно-смысловых отношений компонентов предложения.

2.6. Отадъективные имена со значением внутреннего состояния субъекта сопрягаются с именами лица — носителя признака при помощи глаголов: а) *чувствовать, ощущать, переживать, испытывать*. Ср.: Он *чувствует (ощущает, испытывает) усталость, робость, бодрость, растерянность* и — *Он устал(ый), робкий, бодр(ый), растерян(ный)*; Вы не можете не *чувствовать* некоторой *недоверчивости* ко мне (Тургенев); Он шел очень быстро, *чувствуя* необыкновенную *легкость* (Изв., 1973, 7 ноября); После сделанной поездки он *чувствовал* сильную *усталость* (Гоголь).

С помощью глаголов *выражать, выказывать, отражать, выдавать* и под. сочетаются названия внутренних состояний и качеств субъекта с названиями частей его тела, жестов, движений, по которым говорящий (наблюдатель) определяет эти признаки: Черты лица его по-прежнему *выражали искренность* чувств и *твердость* (Тургенев); И лицо его беспрестанно менялось, играло тоже: оно *выражало*, почти в одно и то же время,— *насмешливость, задумчивость* и *страстность* (Тургенев); Я извинилась, *выражая Печаль* наклоном головы (Блок). Ср. также: Игра Маргариты Федоровой *свидетельствует* не только *о* высокой *артистичности*, но и *о* глубоком *интеллектуализме* (Изв., 1972, 20 мая).

Таким образом, средства предикативного соотнесения имени предмета и отадъективного имени признака, группирующиеся вокруг нескольких моделей предложения, разнообразны и по структурным свойствам, и по своим смысловым и стилистическим возможностям.

3. Особый круг моделей связан с деадъективами количественного значения.

Количественный признак предмета измеряется или оценивается, что находит свое выражение: 1) в двусоставной именной модели, условием построения которой является синсемичность параметра и единиц измерения: *Мощность* двигателя — *сто лошадиных сил; Глубина* котлована — *шестнадцать метров*; 2) в модели с вспомогательным глаголом: *Точность* прибора *достигает* сотой доли градуса (Правда, 1974, 25 сент.); 3) в адъективно-именной оценочной модели: *Продуктивность* выведенных ими сортов и гибридов *высока* (Правда, 1975, 29 янв.); *Тяжесть* жертв *безмерна* (Правда, 1975, 10 мая).

Очевидны смысловые преимущества количественных деадъективов, особенно в деловой, научной речи, перед возможностями соответствующих прилагательных (ср.: *многочисленны, малочисленны, высокопродуктивный, более точный, предельно точный* и т. п.).

Деадъектив со значением измеряемого признака в сочетании с прилагательным, определяющим его меру, может предикативно приписываться имени предмета-носителя, стоящему в предложно-падежной форме, в рамках модели констатации наличия: Считается, что *у изделия повышенная надежность* и *долговечность* (Неделя, 1973, № 47); *На Кубе самая низкая* во всей Латинской Америке детская *смертность* (Кавк. здравница, 1973, 13 ноября).

Глагольный предикат при количественном деадъективе-подлежащем сообщает об изменении степени признака: Первичная *заболеваемость* ревматизмом в СССР *снизилась* в 2–3 раза, значительно *уменьшилась смертность* от этой болезни (Труд, 1974, 25 апр.); *Поднялась грамотность*, крестьяне стали жить лучше (Комс. правда, 1967, 29 июня); Может *упасть яйценоскость* кур (Комс. правда, 1974, 19 мая).

Особый интерес представляют средства выражения усиления и ослабления неколичественного признака как в общелитературном языке (ср.: *Синева небес сгущается; Напряженность нарастает; Тревога рассеивается; Скорость снижается; Сплоченность укрепляется*), так и в индивидуально-художественных текстах: Слежу, как *ширится тревога* В сиянье глаз и в дрожи плеч (Блок); Уже *померкла ясность взора* И скрипка под смычок легла (Блок); *Усталость разрасталась* В вечерней мгле, *Усталость распласталась По всей земле* (Мартынов); Солнце полало все выше, *голубизна миняла* (Трифонов).

3.1. Наличие или степень признака могут служить основанием для сравнения, сопоставления предметов. Деадъективное имя, обычно в форме творительного падежа или дательного с предлогом *по*, обозначает критерий сравнения в предложениях с компаративным значением. Схематически возможны следующие модели:

1) Свойства предмета А аналогичны свойствам предмета В (*подобны, похожи на, не отличаются от* и т. д.).

2) По своим свойствам предметы А и В аналогичны (*подобны, различны, сравниваются, сопоставляются* и т. д.).

3) Своими свойствами А отличается от В (*превосходит, уступает, выделяется среди других* и т. д.).

Примеры: Она и *по скупости* вышла в бабку (Тургенев). Ср.: *Скупостью* она похожа на бабку; *По кислотности* такую воду можно сравнить с картофелем (За рубежом, 1974, № 31); Наверно, редко что на Земле может сравниться *величественностью* с этой картиной (Наука и жизнь, 1973, № 5); Пьеса «Любовь Яровая» резко выделялась среди всех других, шедших одновременно с нею, кристальной *правдивостью* и *простотой* (Павленко); Для Италии такие преступления не редкость, однако последнее *по* своим масштабам и *наглости*, с которой оно было совершено, превосходит все предыдущие (Правда, 1974, 16 июля); Его лошаденка тоже бела и неподвижна. Своею *неподвижностью, угловатостью* и палкообразной *прямизною* ног она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку (Чехов).

См. также количественное сопоставление признаков в рамках модели «в ком — что»: В вас меньше *дерзости*, чем *кривизны* души (Грибоедов).

4. Как и адъективно-именные модели, предложения с отадъективными дериватами обладают способностью к регулярным структурно-семантическим модификациям: отрицательным, фазисным, модальным и др. Отрицание признака, помимо конструкции с частицей *не*, выражается с помощью более или менее устойчивого набора лексико-грамматических средств, характеризующихся разной степенью стандартизованности и экспрессивности. См., например: События современной международной жизни *не отличаются ни простотой, ни прямолинейностью* (Правда, 1974, 11 авг.); Характеры героев *лишены* какой-либо *загадочности, многозначности* (Труд, 1974, 28 авг.); И вдруг все заметили: *от угрюмости* Михаила Ильича и *следа не осталось* — весел, шутит (Правда, 1974, 25 июля); В стихах его изредка проявляется юмор, но *веселости нет и следа* (М. Бекетова); Ни малейшего шаржа, *ни намека на карикатурность* нигде *не вкралось* в картину (Репин); Бедный старик *не мог похвалиться опрятностью* (Тургенев).

Рассматриваемые модели располагают и своим набором вспомогательных глаголов для выражения значений фазисного развития признака[137]. Ср.: *Его речь уверенна — Его*

---

[137] Фазисные значения вспомогательных глаголов при деадъективных именах отмечены Пр. Адамцем (см.: *Adamec Př.* Deverbativní a deadjektivní substantiva jako součást povrchové reprezentace predikátů ruských vět.— Bulletin Ustavu ruského jazyka a literatury, 1971, XV, s. 58—59).

речь становится уверенной, остается уверенной, перестает быть уверенной; Его речь отличается уверенностью — Его речь приобретает, утрачивает уверенность. См. примеры: Прижатая сукном к барабану ткань пропаривается и *приобретает гладкость, эластичность и блеск* (БСЭ); Если вы решили *обрести стройность, подтянутость, легкость* движений, то обязательно надо выкроить время для систематических тренировок (Здоровье, 1974, № 8); В начале второго полустишья звуки *теряют* свою *выразительность* (С. Бонди); Главная его перемена заключалась в том, что он враз *утратил* всякую *осторожность* (И. Ефимов); Вот и *утихли* во мне *озорство* и *бедовость* (Боков).

Регулярные структурно-семантические модификации, выражающие модальные отношения между носителем признака и отадъективным признаком, передаются специальными конструкциями с модальными словами *нужно, необходимо*, но также и другими средствами: Ищущим правильный фарватер *нужна* особая *зоркость* (Комс. правда, 1974, 12 мая); В наши дни *скромность*, уважительное отношение к людям особенно *нужны* руководителю коллектива (Правда, 1974, 1 авг.); Постоянная *бдительность* народов теперь особенно *необходима* (Правда, 1974, 1 авг.); Наука *не терпит косности, узости* (Звезда, 1973, № 10). Ср.: *ищущие должны быть зоркими; руководители должны быть скромными; народы должны быть бдительными; наука не должна, не может быть косной.*

См. еще способ выражения модального отношения между субъектом и качеством: *О, мне б* его *уверенность* на миг *И фамильярность* с тайною простою! (Ахмадулина).

5. До сих пор мы рассматривали модели, семантический объем которых сводится к соприкосновению признака с предметом, его носителем, в принципе не выходя за пределы простого, неосложненного предложения. Имя признака и имя предмета остаются двумя основными константами, организующими эти предложения. При перемене мест, при изменениях форм, связанных с изменением глагольного залога, с композиционно-синтаксическими требованиями контекста (ср.: *Певец отличается требовательностью к себе — Требовательность к себе отличает певца*), остаются постоянными как взаимообусловленные структурно-смысловые отношения между константами, так и взаимообусловленные их падежные формы.

Существенно усложняет структуру предложения «присутствие» говорящего или воспринимающего лица, вводя новый компонент и новый субъектный план.

Переход от простого предложения к осложненному совершается плавно и как бы незаметно. Ср.: *Редиска отличалась свежестью, Редиска выделялась свежестью, Редиска привлекала* (*радовала, поражала, удивляла, изумляла*) *свежестью*. В третьем предложении глагол уже не только соединяет имена качества и предмета, но содержит информацию об эмоциональном воздействии этого качества на какой-то субъект восприятия. (Он может быть названным и неназванным, сам глагол вызывает вопрос *кого* (*радовала, удивляла*, и др.) ?; неназванность субъекта, как обычно, синтаксически значима, она может иметь определенно-личное, неопределенно-личное и обобщенно-личное значение).

О переходности, некоторой диффузности на границе между простым и осложненным предложением позволяет говорить здесь известная ослабленность индивидуальных лексических значений названных глаголов. От частого употребления они становятся не столько обозначениями конкретной эмоции, сколько попыткой выразить экспрессивное отношение говорящего к самому признаку или его интенсивности. Ослабление информативной роли слова сближает его со связочными глаголами. См. примеры: На «Седове» прежде всего *поражают совершенство* и *стройность* его форм (Неделя, 1968, № 38); Планы его *поражают насыщенностью*, стремлением и дальше осваивать огромный мир музыки (Изв., 1972, 14 февр.); В поле зрения возникали все новые картины, *радуя* редкостной *чистотой* и *сочностью* тонов, их переходов и игры (Правда, 1974, 25 сент.); Очарование горного словенского леса, *искренность, непосредственность* юных актеров — вот что сперва *привлекает* вас (Комс. правда, 1974, 19 мая).

То же наблюдаем и в адъективно-именных моделях: различное соотношение экспрессивности и информативности создает переходную гамму оттенков от экспрессивной констатации качества до сообщения об эмоциональном воздействии качества на другое лицо: *Замечательна* при всей простоте и поэтичности стихотворения необыкновенная *краткость, лаконичность* выражения (С. Бонди); *Поразительна* при этом *скупость* — отнюдь не за счет емкости народного языка (Л. Леонов); Как *ошушительна* эта земная *медовость* (Боков); Китти чувствовала, что после того, что произошло, *любезность* отца была *тяжела Левину* (Л. Толстой); [Князь] *Несносна* ее *заботливость* (Пушкин); *Мне* ваша *искренность мила* (Пушкин).

5.1. Признак, названный отадъективным именем, так же, как и признак, названный прилагательным, не способен производить действие, не способен быть субъектом или агенсом действия. Но своим существованием он может оказывать то или иное воздействие на другие предметы, каузировать реакцию лица, те или иные изменения в другом предмете. Находясь в позиции подлежащего, отадъективное имя обычно и выполняет роль не субъекта, а к а у з а т о р а. Имена лица или предмета, испытывающего воздействие, занимают объектную позицию, но вместе с тем они обозначают субъекта, носителя каузируемого состояния или признака. Эта двойная синтактико-семантическая функция имен в предложении — свидетельство усложнения его структуры, введения второго субъектного плана.

Признак, выраженый деадъективом, к а у з и р у е т:

д е й с т в и е: *Организованность* и *стойкость* индейцев вынудили официальный Вашингтон пойти на уступки (Труд, 1974, 21 сент.);

п р и з н а к п р е д м е т а: *Опасность* близкая и *злоба* даруют силу королю (Пушкин); Минувшая *опасность* наполняет сладостью и смягчает дух человека (Тургенев); Их *целеустремленность* придает глубины переживаниям (Труд, 1974, 28 авг.);

к о л и ч е с т в е н н ы е и з м е н е н и я: *Ограниченность* в средствах и колониальные порядки сократили возможности выбора дальнейшего пути (За рубежом, 1973, № 13);

э м о ц и о н а л ь н у ю р е а к ц и ю л и ц а: Пылких душ *неосторожность* Самолюбивую шутливость Иль оскорбляет иль смешит (Пушкин); Меня особенно поразила *чистота* и *глубина* неба, сияющая *прозрачность* воздуха (Тургенев); Меня тревожит встреч *напрасность*, что и ни сердцу, ни уму, и та не *праздничность*, а *праздность*, в моем гостящая дому (Евтушенко); Любителей музыки покоряет *живость* его артистического темперамента (Изв., 1972, 16 окт.).

В синонимическом варианте этой конструкции деадъектив-каузатор выступает в форме творительного орудийного: Он лег на землю и на крыши, всех *белизною* поразив (Евтушенко); Искренний, увлекающийся паренек своей *человечностью*, *невыдуманностью* полюбился зрителям (Мос. кинонеделя, 1974, 18 авг.); Когда его раздражали *глупостью* или *подлостью*, он только насмешливо прищуривал серые глаза (Горький); *Болтливостью* небрежной И ветреной, и нежной Их сердце утепляй (Пушкин).

Деадъектив-каузатор принимает иные падежные формы при определенных глаголах с семантикой эмоциональной реакции:— Я всегда *удиляюсь ясности* и *точности* выражений вашего мужа,— сказала она (Л. Толстой); Троеверов совершенно *изнемогал от* их *заботливости* (И. Ефимов); Она *пугалась* его *раздражения* и *отчужденности*, начинала суетиться (Там же); Нельзя сказать, что Пинчук *раздражался на* чужую *прыткость* и оживление (Там же).

5.2. В другой разновидности предложений, осложненных способом каузации, деадъектив обозначает не каузатор, а каузируемый признак предмета, каузируемую эмоциональную реакцию. Каузатором служит другой предмет, его качества, его действия: Прогулка в лесу *зарядила бодростью* (Правда, 1974, 23 июня); Каждая встреча с Людмилой Зыкиной доставляет огромную *радость* слушателям (Изв., 1970, 2 марта); Видно, что волнение и страх за своего оратора *наполнили бледностью* все лица (Вс. Иванов); Или мой вид *внушает жалость*? (Блок); Фонари, сверкавшие в листве лип, были зажжены, очевидно, только для того, чтобы *придать нарядность* концерту (Паустовский). Деадъективы обозначают каузатора или каузируемый признак во многих предложениях, содержанием которых является утверждение причинно-следственных отношений между двумя явлениями. Деадъектив-каузатор выступает в формах именительного, творительного, в одной из «причинных» предложно-падежных форм, предложение может быть построено также с помощью глагольных оборотов *ведет к чему, вызывает что, оборачивается чем, происходит от чего, из-за чего, зависит от чего, стоит за чем*: Если языковые просчеты многих поэтов *от чрезмерной упрощенности* словаря, то здесь налицо языковый просчет *от чрезмерной усложненности* (Лит. газета, 1971, 20 окт.); и теперь уверяет, что все наши тяготы быта *от серости* (Комс. правда, 1967, 6 июня); И у меня тоже все столкновения с Бабелем — правда, довольно редкие — происходили *из-за* его глумления над собой и награнного *цинизма* (Паустовский); *Необязательность* ведет к серьезным изъянам в руководстве доверенным участком (Изв., 1968, 16 марта); А непланируемая *текучесть* кадров, как известно, оборачивается огромными материальными потерями (Изв., 1970, 2 марта); *Безопасность* народов во многом зависит от успехов в борьбе за прекращение гонки вооружений, за

разоружение (Правда, 1969, 20 сент.); За кажущейся *легкостью* стояли опыт и знания летчиков (Правда, 1974, 27 июля); *От пламенности* дня в глазах веселый мрак (Н. Матвеева).

Построенные способом каузации предложения в свою очередь способны усложняться модально-фазисными значениями: После мягчения и каландирования ткани декатируются, что *позволяет сообщить* тканям *мягкость* и *устранить* излишний *блеск* (БСЭ); Долгосрочная и взаимовыгодная сделка *позволила гарантировать занятость* 40 тысячам крестьян (Труд, 1974, 25 авг.); Стих сконцентрирован, поэт словно бы *старается вычеркнуть* из него возможную *расплывчатость* и *неточность* (Лит. газета, 1974, 12 июня); Мне кажется, благодаря этому *можно будет сократить текучесть* молодых кадров (Изв., 1970, 2 марта).

5.3. Другим способом осложнения моделей предложения, введения второго субъектно-предикатного плана служит авторизация сообщения. В предложение, соотносящее имя предмета с деадъективным именем признака, включаются глагол восприятия или квалификации и указание на «автора» этого восприятия, определенный, неопределенный или обобщенный субъект. Среди моделей с деадъективом способом авторизации чаще других усложняются модели, построенные по типу «содержащее — содержимое» (*в ком, в чем — что*, см. выше, пункт 2.5). Примеры: Однако и *в этом характере*, покоряющем своей силой и целеустремленностью, Василь Быков обнаруживает неистребимую *человечность* (Труд, 1974, 25 авг.); *В каждом слове* чувствовалась *узость, косность* (Фурманов); *В поступках* лоцманов чувствовалась какая-то *нервозность* (Правда, 1967, 5 янв.); *В построении* предложений наблюдается *простота* и *краткость* (Я. Мансикка); Одновременно наблюдается *активность* комаров (Труд, 1974, 28 сент.).

Как авторизующие могут рассматриваться также модели с предикативным прилагательным, обозначающим оценочную квалификацию деадъективного признака в сочетании с именем предмета: *Доброта Качалова* была широко известна (Веч. Москва, 1975, 10 февр.); Однако *абсурдность обвинения* была настолько очевидной, что смутила даже американскую Фемиду (Труд, 1974, 21 сент.); Противны *затхлость* их понятий, Шумиха фразы на лету (А. М. Жемчужников).

Приемы каузации и авторизации могут сочетаться в одном предложении, иногда осложняясь еще и модальными модификациями. Так, глагольные обороты *объяснить что чем, отнести что за счет чего* вводят в каузативные причинно-следственные конструкции позицию авторизующего субъекта, хотя и скрывающегося часто за безличной или неопределенно-личной формой оборота: Но дело главным образом объясняется *слабостью* конструкторской базы, *рассредоточенностью* ее (Политич. самообразование, 1962, № 12); вступительную речь держал Ханшин, не старый еще ученый, *малоизвестность* которого объяснялась пока не столько отсутствием таланта, сколько соседством яркой славы Скутаревского (Л. Леонов); Поражение ее в борьбе за Олю можно объяснить *неопытностью* молодой учительницы и *непривычностью* задачи (Веч. Москва, 1961, 31 марта); Некоторые срывы можно отнести за счет излишней *нервозности* (Сов. музыкант, 1966, 31 марта).

Если сравнить синтаксические возможности имени прилагательного и деадъективного имени как соотносительных средств называния качества, следует заметить, что в семантически более емких полипредикативных конструкциях, уплотненных посредством каузации и авторизации, способны участвовать деадъективы. Прилагательным же свойственнее участвовать в полипредикативных построениях, организованных по моделям сложноподчиненного предложения. Ср.: *Меня поразила глубина неба — Меня поразило, что небо так глубоко*; *Она пугалась его настойчивости — Она пугалась того, что он настойчив*; *В их поведении чувствовалась нервозность — Чувствовалось, что их поведение нервозно*. Ср. также: *Известно было (всем), что Качалов добр*; *Очевидно (для всех), что обвинение было абсурдным*.

6. Обратимся к деадъективам в приглагольной позиции. Наблюдения над нейтрализацией атрибутивности/предикативности в именах качества, а также над приглагольным их употреблением в каузативных и авторизованных конструкциях подготавливают мысль о том, что деадъектив при глаголе — не просто присловное распространение, реализующее словосочетательные связи. Эта мысль подтверждается и тем, что круг глаголов, вступающих в сочетания с деадъективами, оказывается весьма ограниченным. Эти глаголы представляют область речи, мысли и чувства, восприятия и эмоционального отноше-

ния. Примеры: Своим творчеством Галина Уланова *утверждает правду* и *красоту* человеческих чувств (Комс. правда, 1974, 19 мая); Это *о* ее *преданности* и *озаренности* пишет поэт самые сокровенные строки (Лит. газета, 1974, 12 июня); *Неуязвимость* хавроний довольно быстро *заметили* (Комс. правда, 1974, 19 мая); Восторгаться постоянно природой — это значит *показывать скудость* своего воображения (Чехов); Меж горцев пленник наблюдал Их *веру*, нравы, воспитанье, *Любил* их жизни *простоту*, Гостеприимство, жажду брани, Движений вольных *быстроту*, И *легкость* ног, и *силу* длани (Пушкин); Он *любовался красотой* Одежды бранной и простой (Там же); *Помните* вы эту *чистоту*, эту *доброту* и *доверчивость* помыслов, это молчание полноты? (Тургенев); Я *помню нежность* ваших плеч (Блок); Неряха никогда не *простит* вам *опрятности*, низкопоклонник — благородной *гордости*, негодяй — *честности* (Белинский); Легко, конечно, *упрекнуть* их *в несознательности*, *беспечности* (Юность, 1974, № 2); Она впервые *пожаловалась* матери *на суровость* мужа (Горький); Нет, я *ценю единственность* предмета (Ахмадулина).

Перед «количественными» деадъективами обычны глаголы *измерить*, *определить*, *проверить* и под.: Новейшие приборы *измеряют* температуру, *соленость* и *глубину* океанических вод (Наука и жизнь, 1973, № 5); Ученые считают, что перепись позволит более точно *определить уровень рождаемости* и *смертности* животных (Труд, 1974, 25 авг.); Важно было *проверить надежность* упаковки (Правда, 1974, 25 июля).

Если сравнить приглагольное употребление деадъективов и синонимические конструкции с прилагательными, оказывается, что глагольным сочетаниям и здесь соответствуют модели сложноподчиненных предложений: *утверждать красоту чувств — утверждать, что чувства красивы*; *показывать скудость воображения — показывать, что воображение скудно*; *любоваться красотой одежды — любоваться, как красива одежда*; *упрекнуть их в беспечности — упрекнуть их в том, что они беспечны*; *проверить надежность упаковки — проверить, надежна ли упаковка*; *измерить глубину вод — измерить, насколько глубоки воды* и т. п.

Сопоставление рассматриваемых глагольных сочетаний с морфологически подобными сочетаниями (допустим, переходного глагола конкретного действия со связанной формой винительного прямого объекта) обнаруживает

между ними не только семантические, но и собственно синтаксические различия. Большинство глаголов интеллектуального и эмоционального действия сочетается лишь с отвлеченными именами, но и тогда, когда они допускают при себе и отвлеченное и конкретное имя (с соответствующим изменением значения самого глагола), например (1) *показывать скудость воображения* и (2) *показывать картинки, кулак, язык, обновки*, они различаются следующими синтаксическими признаками:

а) в конструкции (2) позиция объекта занята одним именем в винительном падеже, в конструкции (1) в позиции объекта — сочетание имени признака с именем предмета, функционально неделимое в силу асимметричности грамматико-синтаксических отношений между элементами [138].

б) объектная функция именной формы в (2) однозначна, функции именных форм в (1) неоднозначны: имя в винительном совмещает в себе значение объекта по отношению к глаголу (поскольку падежная форма его задана глаголом) и признака по отношению к имени в родительном; имя в родительном совмещает в себе значения объекта (поскольку оно выражает предметную часть объектного сочетания) и субъекта — носителя признака;

в) двойная функциональная нагрузка именных форм свидетельствует об имплицитной, потенциальной предикативности именного сочетания в (1), подтверждаемой синонимическим соответствием в сложноподчиненном предложении с реализованной предикативностью; подобными свойствами не обладает именная форма в (2).

Можно заключить, по-видимому, что деадъективы в приглагольной позиции — не элементы словосочетания, а средства осуществления полупредикативных отношений, усложняющих структуру предложения.

---

[138] Признак асимметричности грамматико-семантических отношений — одно из оснований квалификации как синтаксически неделимых количественно-именных сочетаний у Шахматова (см.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М.— Л., 1941, с. 59).

Функциональная неделимость деадъективно-именных сочетаний позволяет употреблять их как соотносительные с адъективно-именными обозначениями понятий, ср., например: *Корявый язык* критика прекрасным образом сочетается с *языковой серостью* цитаты, приводящей критика в восторг (Лит. газета, 1975, 20 окт.); Иногда *плохая осанка* сочетается с *вялой, шаркающей походкой, неуклюжестью движений, жестов* (Здоровье, 1974, № 8).

7. Мы рассмотрели типичные конструкции, в которых одним из организующих компонентов выступает отадъективное имя со значением качества, признака предмета. Это основное значение данного подкласса имен существительных. Что касается вторичного значения отадъективных имен, значения «носитель признака» (см. выше, с. 225), то в нем логично видеть результат транспозиции или, конкретнее, субстантивации признака. Явление субстантивации определяется семантическим сдвигом, повлекшим за собой перестройку синтаксических свойств слова, при сохранении его морфологических свойств (с возможным сокращением парадигмы по линии рода и числа) [139].

Субстантивация признака, названного именем прилагательным, означает переход слова из одной части речи в другую.

Субстантивация признака, названного отадъективным именем, представляющим подкласс в пределах части речи, знаменует «возвращение» деадъектива в основной подкласс существительных со значением предмета. Термин «субстантивация» может звучать в таком применении парадоксально: существительное становится существительным! Но суть явления обнаруживает разительную аналогию с субстантивацией прилагательного, так что сохраним и термин, лишь заключив его в кавычки. Тот же семантический сдвиг влечет за собой синтаксическую перестройку — «отказ» от всей синтаксической специфики имен качества, которая связана с необходимостью предикативно или атрибутивно сочетаться с именем предмета. «Субстантивированному» деадъективу возвращается синтаксическая самостоятельность, он сам обозначает не признак, а предмет, а точнее, предмет по признаку, так что в значении его можно видеть известную синкретичность. Кроме того, это значение сохраняет характер отвлеченности, поэтому обычно «субстантивированные» деадъективы называют не конкретные предметы, а понятия, явления, категории. Не случайно и употребление их в тексте соотносительно с употреблением субстантивированных прилагательных, но не тех, которые закреплены за конкретными предметами, а тех, которые субстантивируются окказионально, обозначая отвлеченные понятия по признаку. Ср.: Да, в этом мире еще много *невежества*, *косности*, *предубеждения*,

[139] См.: *Лопатин В. В.* Способы именного словообразования в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1966, с. 13.

халатности и *слепоты*... Но есть и другое — есть *хорошее* и *прекрасное*, ради чего стоит жить (Наука и жизнь, 1973, № 6). Ср. также: И *невозможное* возможно... (Блок); Сколько *возможностей* вы унесли и *невозможностей* тоже (М. Цветаева).

Семантикой «субстантивированных» деадъективов определяется их участие в предложениях, содержащих раскрытие, определение, осмысление понятия или сообщение о наличии, проявлении соответствующей категории: Чу! Дальний звон... Сверхтайное творится: Сейчас *неповторимость* — повторится (Н. Матвеева); *Перенаселенность*, как видим, не простое явление (Лит. газета, 1973, 7 ноября); Ну, хорошо, *чуткость*, внимание — категории тонкие (Труд, 1974, 27 авг.); Он утверждал, что *мужество* — черта ежедневная, что оно главным образом состоит в преодолении самого себя (Комс. правда, 1975, 30 янв.); О *пошлость*, ты не *подлость*, ты лишь уют ума (Ахмадулина).

Соотнесение объемов понятий дает и предикативно-оценочное употребление «субстантивированных» деадъективов, и различные конструкции, выражающие отождествление, замещение, совмещение соответствующих категорий и качеств: Вам была *не новость* смиренной девочки любовь (Пушкин); Я — *изысканность* русской медлительной речи (Бальмонт); Три дня гостил, весь — *кротость, доброта* (Ахмадулина); Ты вновь меня опровергала, вся *непредвиденность* сама! (Евтушенко); Алхимик сделался всесветной *знаменитостью* (Трифонов).

Отвлеченное от предмета-носителя значение признака, названного «субстантивированным» деадъективом, не всегда строгой гранью отделено от значения качества или состояния обобщенно-личного или неопределенно-личного субъекта. Предыдущие два примера дополним в этом смысле еще поэтическими: Ты понял, что *праздность* — проклятье, И счастья без подвига нет (Пастернак); *Посредственность* одна Нам по плечу и не странна (Пушкин); *Глупость* ветрена и зла (Там же).

Рассмотренная разновидность «субстантивации» деадъективов, которую можно было бы назвать категоризацией, обнаруживается, как свидетельствует материал, в разных сферах речи, но преимущественно в ее интеллектуализированных типах, в анализе, рассуждении.

Употребление деадъективов в конкретно-предметном значении в общелитературной речи сравнительно редко,

оно связано главным образом с поэтическим приемом олицетворения, метафоризации, так что о конкретной предметности здесь можно говорить очень условно. Художественной речи, поэтической в особенности, свойственны другие две разновидности «субстантивации» деадъективов: а) персонализация и б) локализация. См. примеры:

а) Так, своеволием пылая, Роптала *юность* удалая... Но *старость* ходит осторожно И подозрительно глядит (Пушкин); И внемля им, вздохнет о славе *младость*, Утешится безмолвная *печаль* И резвая задумается *радость* (Пушкин); Не рассуждай, не хлопочи! *Безумство* ищет, *глупость* судит (Тютчев); Я вижу положения их трудность, я вижу обреченность их забот, когда, усердно сплачиваясь, *трусость* на *смелость* справедливую идет (Евтушенко).

Персонализация деадъективов — один из поэтических приемов А. Блока (Поздно. В окошке закрытое Горькая *мудрость* стучит; Пускай *невинность* из угла Протяжно молит о пощаде!; И *вечность* сама загляделась в погасшие очи; Ты, как младенец, спишь, Равенна, *У сонной вечности* в руках).

Персонализацией деадъективов пользуется и газетная публицистика: *Молодость* интересует жизнь вокруг, *старость* — жизнь в самом человеке, внутри (Комс. правда, 1974, 10 янв.).

б) Пускай, приняв неправильный полет И вспять стези не обретая, Звезда небес *в бездонность* утечет (Баратынский); Над бездонным провалом *в вечность*, Задыхаясь летит рысак (Блок); *В* надышанную *сырость* чайной Картуз засаленный бредет (М. Цветаева); Вышли *в* снеговую *черноту* (Трифонов); Однажды, став зрелей, *из* спешной *повседневности* мы входим в Мавзолей как в кабинет рентгеновский (Вознесенский); Вдруг дети, к нам неумолимы, *от* наших *сложностей* вдали, припомнят то, что не смогли мы, забыв о том, что мы смогли?! (Евтушенко); О, сколько силы в вере той, Что не слабеет *средь сомнений И недоверчивости* злой! (К. С. Аксаков); Но не тесно *в этой тесноте*, И не душно *в сырости* и в зное (Ахматова); Все б — *в крайностях* бродить уму, И середина золотая Все не давалася ему! (Блок); *Над будничностью* плыли облака (В. Коркия).

Персонализованный и локализованный деадъектив употребляется, таким образом, подобно именам существи-

тельным с семантикой лица или места-направления, в соответствующих формах и функциях:

а) им. п. субъекта действия; *у*+род. п. посессивного субъекта; вин. п. субъекта восприятия;

б) *из*+род п. *в*+вин. п. направления движения; *над*+тв. п.; *в*+предл. п. места и т. д.

8. Ряд падежно-предложных форм деадъективов выполняет в предложении обстоятельственные функции четко выраженного полупредикативного характера. Полупредикативность их, подтверждаемая синонимической соотносительностью с придаточными предложениями, но, как правило, не с наречием,— в самой природе отадъективных имен, в отнесенности их признакового значения к имени предмета и одновременно — их обстоятельственного значения к предикату. Примеры: *В первой молодости* моей я был мечтателем (Лермонтов); В это же время был выгнан из училища *за глупость* или другую вину бедный учитель (Гоголь); Мне казалось, что она говорит со мной только *из жалости* (Л. Толстой); Александр Иванович все напутал *по дряхлости* своей и *занятости* (Панова); Иногда вне языка оказываются произведения поэтов вовсе не *по причине малой одаренности* (Лит. газета, 1971, 20 окт.); *Несмотря на ее холодность*, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями (Пушкин).

Другие предложно-падежные формы деадъективов специализируются на выражении признака действия, вступая в синонимические отношения с однокоренными наречиями. Функцию приглагольного определения исполняет прежде всего деадъектив в форме «*с*+тв. п.», его антоним «*без*+род. п.» и экспрессивно-стилистический синоним «*не без*+род. п.», ср.: *отвечал с уверенностью, не без уверенности, без уверенности — отвечал уверенно, неуверенно.* Примеры: На прелести ее степные с ревнивой *робостью* гляжу (Пушкин); Довольно! — И скрипку пунцовым платком *С* веселою *нежностью* кутает гном (Багрицкий); — Вы не можете знать, работаю ли я дома,— возразил я ему *не без надменности*, но и не без замешательства (Тургенев); *Без торопливости* и зряшной горячки тщательно подготовили все 25 комбайнов (Комс. правда, 1974, 22 июня).

Деадъектив в этих формах сохраняет двойную отнесенность: к субъекту действия как имя его качества, его признака и к глаголу как обозначение образа и способа действия. Включение в состав формы «*с*+тв. п.» категориальных слов *присущий, свойственный* усиливает линию

именной связи и ослабляет линию глагольной: Отец мой сидел возле нее во время обеда и *со свойственной ему изящной и спокойной вежливостью* занимал свою соседку (Тургенев); Рассказывал он об этом *со свойственной старым солдатам особой картинностью* изображения (Симонов); Тысячи ребят *с присущей им любознательностью* постигают законы природы (Труд, 1974, 30 мая). Двойная отнесенность формы «*с*+тв. п.» — иного рода, чем двойная отнесенность некоторых других форм деадъективов. См., например: Бедный старик еще стоял на том же месте *в глубокой задумчивости* (Лермонтов); Она долго стояла над ним *в растерянности*, шевеля губами (И. Ефимов). Различие в том, что деадъектив в форме «*в*+предл. п.», лексически замкнутый в небольшом кругу имен со значением состояния лица (*в задумчивости, в рассеянности, в неподвижности, в нерешительности* и некот. др.), располагает способностью употребляться предикативно, сопрягаясь непосредственно с именем — носителем состояния. Этой предикативной роли форма «*в*+предл. п.» не утрачивает и входя в рассматриваемые предложения в качестве вторичного предиката, сочетающегося на одной и той же предикативной оси с носителем предикативного признака.

Форма «*с*+тв. п.», хотя лексически и значительно более широкая, функционирует лишь как приглагольный определитель [140], отвечая «растущей потребности качественной дифференциации оттенков действия» [141], других функций у нее нет. Приглагольная специализация формы, а также нейтрализация в ней различия между ее адъективным и адвербиальным коррелятами дают основания видеть в этой группе форм явления адвербиализации [142]. Подобно тому, как, по наблюдению В. В. Виноградова, «в категории наречия как бы снимается, преодолевается то противопоставление категорий качества и предмета, которое нашло выражение в своеобразиях грамматической структуры имен существительных и имен прилагательных» [143], в категории адвербиализующихся деадъективов

[140] Употребление деадъективов в тв. п. с предлогом *с* в приименной позиции, очевидно, должно отвечать дополнительным условиям соотношения части и целого и под. Ср. пример: Есть *женщины* в русских селеньях *С спокойною важностью лиц*... (Некрасов).

[141] *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1947, с. 345.

[142] «Специализация падежа, осложнение его обстоятельственными значениями ведет к адвербиализации соответствующих форм» (*Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 357).

[143] Там же, с. 352—353.

получает специфическое разрешение противопоставленность качественных и предметных значений отадъективных имен.

Особого внимания требует изучение лексических и грамматических ограничений в предложно-падежных парадигмах деадъективов (ср. невозможность «причинных» форм * *по бодрости, из бодрости, с бодрости, по успеваемости, по решительности, из глупости, от отзывчивости, из делимости, из-за угрожаемости* и др. под.).

9. Предложенный обзор не может быть исчерпывающим, но отражает все наиболее характерные модели и функции, в которых употребляются отадъективные имена существительные, и позволяет сделать следующие выводы:

1) Представляется возможным уточнить семантическую характеристику отадъективных имен. Различаются: а) общее, основное значение предмета, обозначенного признака и б) вторичные, транспонированные значения (точнее — употребления) предмета по признаку, отвлеченного понятия и адвербализованного признака.

2) Семантикой деадъективов определяются их синтаксические свойства. Деадъективы с основным значением признака, качества отличаются активным синтаксическим поведением. Они участвуют в формировании специальных моделей для реализации их семантико-синтаксических потенций: для соотнесения их с именем предмета, для количественной характеристики признака, для оценки признака, для сообщения об их каузативной роли, для сообщения о причинно-следственной соотнесенности разных признаков между собой.

Значение признака, отнесенного тем или иным способом к предмету, предопределяет бо́льшую структурно-смысловую емкость деадъективов по сравнению с существительными предметного значения и способствует созданию усложненных связей полупредикативного характера.

Деадъективам с транспонированным («субстантивированным», адвербализованным) значением синтаксическая активность не присуща. Они участвуют в разнообразных моделях предложения, занимая позиции в соответствии со значением той части речи (или той семантической группы в пределах части речи), для которой эта позиция первична [144].

[144] В. В. Виноградов писал: «Семантика имен на *-ость* во многом зависит от того, употребляются ли они «абсолютивно» или в

Отсюда следует и то, что представления о «только субстанциональной» функции отвлеченных имен существительных идут от недостаточной изученности действительных функций имен существительных разных подклассов. Можно полагать, что непредвзятое функциональное исследование семантико-синтаксических свойств имен действия и других подклассов выявит также и их специфику.

3) Поскольку деадъективы по отношению к именам прилагательным представляют способ косвенного, не прямого наименования признака, модели предложений, в которых имена качества предикативно сопрягаются с именами предмета, соотносятся с синонимичными адъективно-именными моделями как вариативные с инвариантными, объединяемые тождеством типового значения, но противопоставляемые по стилистическим признакам: стилистическая нейтральность инварианта и большая или меньшая прикрепленность вариантов к письменно-книжным стилям речи. Более частные стилистические характеристики тех или иных построений зависят как от собственно конструктивных их свойств, так и от лексико-семантических особенностей имен качества.

Инфинитив в синтаксисе предложения

1. Еще А. М. Пешковский назвал инфинитив «загадочной по своему значению категорией глагола»[115].

В современной научной и педагогической литературе находим подтверждения этой «загадочности».

«Не вполне ясен статус инфинитива (подлежащее или дополнение) в предложениях типа *Невозможно решить эту задачу*»,— признают авторы фундаментального труда «Общее языкознание»[116].

«Предложения с субстантивными предикативными словами и инфинитивом обнаруживают высокую степень синтаксической неопределенности... Грамматическая структура подобных предложений (включающих предикативный компонент и инфинитив) представляется недиффе-

сочетании с род. падежом существительного, качество или внутреннее свойство которого они выражают (например: *решительность* и *решительность отказа; сухость* и *сухость почвы* и т. п.)» (указ. соч., с. 128). Очевидно, что «обратный» ход анализа лишь подтверждает неразделимую взаимосвязанность семантики и синтаксиса деадъективов.

[115] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 141.

[116] Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 173.

ренцированной, в какой-то мере парализованной»,— подытоживает свои наблюдения известный синтаксист А. С. Попов [147].

«Наличие в предложении инфинитивов в любой функции затрудняет обнаружение главных членов, так как учащиеся почти всегда принимают его за сказуемое»,— констатирует педагог-методист В. П. Озерская [148].

Эти свидетельства, хотя исходят с разных «уровней» науки и практики, показывают, что мысль исследователей и педагогов идет одним путем: предпринимаются попытки уподобить функции инфинитива функциям членов предложения номинативно-глагольной (N_1—Vf) структуры, в зависимости от признания инфинитива подлежащим, дополнением (иногда несогласованным определением) решается вопрос о принадлежности предложения к двусоставным или односоставным, личным или безличным, а то и к «лично-безличным» [149]. Затруднения в проведении этих операций делают очевидным, что языковой материал сопротивляется им.

Сложилась прочная традиция рассматривать инфинитив как субститут имени существительного и приписывать ему синтаксические функции имени. Но такой подход оставляет нерешенным целый ряд вопросов, не менее традиционно сопровождающих инфинитивные конструкции (*Кататься весело; Невозможно поверить* — односоставные или двусоставные?; *учусь рисовать* — составное сказуемое или сказуемое с дополнением?; *охота странствовать* — словосочетание с зависимым определением или нет?; *Курить запрещается* и *Запрещается курить* — варианты одного типа предложений или разные типы?; *Нет надобности ехать* — инфинитив в роли подлежащего, дополнения, определения, в составе сказуемого? и т. д.).

За основание для субституции принимается обычно возможность постановки «именного» вопроса в косвенном падеже от предшествующего слова и наличие паралле-

[147] *Попов А. С.* Проблема принадлежности инфинитива к подлежащему или безлично-зависимому компоненту в некоторых типах предложений современного русского языка.— В кн.: Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка, вып. 2. Ульяновск, 1976, с. 33, 38.

[148] *Озерская В. П.* Анализ ошибок учащихся в изучении членов предложения.— Русский язык в школе, 1967, № 4.

[149] *Попов А. С.* Указ. соч. с. 35 и др. Ср. там же: «Обнаружение личного смысла не исключает одновременного присутствия в том же предложении и безличного смысла» (с. 27).

лизма в конструкциях с инфинитивом и отглагольным именем. Ср.: *учусь чему? — рисовать, рисованию; охота к чему? — странствовать, к странствиям; кататься, катание — весело; курить, курение — запрещается.*

Для того, чтобы установить, насколько достаточно и правомерно такое основание, необходимо сопоставить инфинитив и имя существительное, выявить сходства и различия между ними по их морфологическим, синтаксическим и семантическим признакам.

2. А. М. Пешковский, предлагая свое решение «загадки» инфинитива, определяет современный инфинитив как «существительное, не дошедшее на один шаг до глагола»[150]. Но такая интерпретация противоречит наблюдениям самого Пешковского о том, что «неопределенная» форма глагола обозначает действие в отличие от отглагольного существительного, «обозначающего предмет»[151].

С категориальной семантикой класса слов нельзя не считаться, это один из важных признаков, определяющих их природу и системное место в языке, но противопоставляя значения инфинитива и девербатива как действия и предмета, А. М. Пешковский опирается не столько на семантику, сколько на морфологию. Семантически инфинитив и девербатив родственны, категориальная семантика того и другого — значение действия. Но девербатив, в отличие от инфинитива, означает опредмеченное действие, что получает выражение в морфологических категориях имени. Несоответствием семантического и морфологических признаков определяется двойственная, гибридная природа отглагольного имени. Отсутствие какого бы то ни было оттенка предметности, опредмеченности при наличии глагольных морфологических признаков составляет специфику современного инфинитива и никак не дает повода подозревать в нем существительное. Не случайно ока-

[150] *Пешковский А. М.* Указ. соч., с. 143. Показательно, что Л. В. Щерба, ближе подошедший к живым языковым связям, примерно в то же время писал: «... Попытка некоторых русских грамматистов последнего времени представить инфинитив как особую от глагола „часть речи", конечно, абсолютно неудачна, противоречива естественному языковому чутью, для которого *идти* и *иду* являются формами одного и того же слова. Эта странная аберрация научного мышления... возможна была лишь потому, что люди на минуту забыли, что форма и значение неразрывно связаны друг с другом: нельзя говорить о знаке, не констатируя, что он что-то значит; нет больше языка, как только мы отрываем форму от ее значения» (*Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 76—77).

[151] *Пешковский А. М.* Указ. соч.

зывается невозможной сочинительная связь между существительным и инфинитивом, к чему привлекал внимание в специальной работе Д. Н. Шмелев[152]: разнородная природа этих категорий, отражающая разнородность явлений, ими обозначаемых, не может дать однородных отношений.

В редких и бесспорно разговорных случаях, где инфинитив выступает в сочинительной связи с именем существительным (Он тебе *есть* принесет *и водки* — Горький; *дайте поесть и чаю, купили закуску и выпить, принеси веник и чем вытереть* — ср. многочисленные примеры местоименно-инфинитивных конструкций из разговорной речи: Купи *ручку и на чем записывать*; Не забудь *мыло и чем выпираться* и др.)[153], важно, что не происходит невозможное сочинение понятий предмета и действия: инфинитив выступает здесь в переносном, транспозитивном значении, он именует предмет (обычно орудие или средство) по его функциональному назначению. В примере Д. Н. Шмелева (*Главное — выдержка и забыть обо всем, кроме работы* — В. Конецкий) сочинительной связью объединяет имя и инфинитив не предметное значение, а значение действия-состояния (ср. *Главное — выдержать, проявить выдержку, оставаться выдержанным*).

Сопоставление синтаксических функций инфинитива и имени существительного должно ответить на вопрос, взаимозаменимы ли их позиции в тех моделях и конструкциях, которые характерны для этих категорий. Возьмем за отправную точку сопоставления основные случаи функционирования инфинитива.

1) Так называемое зависимое употребление инфинитива:

а) субъектный инфинитив: *мог увидеть, умел говорить, пытались украсть*;

б) объектный инфинитив: *велел ему приехать, приказывает одеваться, просил согласиться*.

2) Инфинитив как компонент предложения: *Молчать показалось преступлением*; *Обманывать было стыдно*; *Стыдно обманывать*.

---

[152] *Шмелев Д. Н.* О синтаксической членимости предложения.— Русский язык в школе, 1965, № 2, с. 10.

[153] Русская разговорная речь. М., 1973, с. 227 и след. Ср. в записи уличного разговора: [Таксист] У вас не будет закурить? [Прохожий] А у вас не будет меня подвезти? — где несоответствием значений предметности (*не будет закурить* ≈ *не найдется сигареты*) и действия (*подвезти*) при внешнем параллелизме конструкций создается пародийность ответной реплики.

3) Инфинитивные предложения: *Вам стрелять*; *Когда приехать?*; *Где тебе знать?*; *Ему не сдобровать*; *Не дойти мне до города*; *Молчать!*; *Только бы выиграть*; *Век бы их не видать*; *Не простудиться бы вам*; *Где бы тут напиться?*; *Было с кем познакомить*; *Есть чем угостить*.

Во всех приведенных конструкциях невозможно замещение инфинитива предметным именем, лишь в некоторых параллелью инфинитиву может быть девербатив (*просил — согласиться, согласия*; *Молчать, молчание — преступление*; *Вам стрелять — Ваш выстрел*; *Молчать! — Молчание*! См. также случай параллелизма инфинитива и девербатива в сопоставительной конструкции: *Нет, лучше смерть, чем жить рабами*.— П. А. Катенин). Только в последних примерах сочетание местоимения с инфинитивом соотносительно с предметным именем, потому что значение этих предложений — в утверждении наличия предметов названного инфинитивом назначения (ср.: *Были люди, достойные знакомства*; *Есть еда, закуска для угощения*). Здесь снова вспоминаем функциональную транспозицию инфинитива в разговорной речи (*Дай мел и чем стирать с доски*).

Отрицательный результат эксперимента по замещению инфинитива предметными именами подтверждает качественные различия в их природе.

3. Что же объединяет и что разделяет функции инфинитива и личных форм в рамках категории глагола?

Современные морфологические теории рассматривают инфинитив как одну из форм в системе глагола. Но принятый синтаксический подход как раз игнорирует глагольность инфинитива, его значение действия.

То общее, что предопределяет параллелизм синтаксического употребления инфинитива и отглагольного имени, так же как инфинитива и личных форм глагола, состоит не в предметности, а в глагольной основе, в семантике действия.

Семантикой инфинитива, как и всякой другой лексико-грамматической категории, обусловлена вся его синтаксическая синтагматика. Это проявляется в том, что название действия может вступать только в те синтаксические связи, в какие действие вступает с другими явлениями внеязыкового мира [154].

[154] «Неопределенное наклонение как глагол всегда относится к категории сказуемого в обширном смысле, т. е. не может быть ни настоящим подлежащим, ни настоящим дополнением...

Связь действия с деятелем, субъектом является условием самого осуществления действия: предмет существует, действие не существует, а осуществляется лишь как функция действующего субъекта. Действие может быть обращено на предмет, и названия действия вступают в объектные связи с названиями предметов. Действие может иметь качественно-обстоятельственные признаки, соответственно название действия сопровождается определителями адвербиального и предложно-именного характера.

Из трех линий связи лишь одна — субъектная — имеет конструктивную силу в том смысле, что на этой линии возникают предикативные отношения, формирующие предложение. Ни объектная, ни качественно-обстоятельственная линии не дают предикативных отношений. Еще одно отличие глагола от существительного в том, что имя с названием признака может вступать в предикативную связь (иногда даже отглагольное имя, ср.: *Работать на износ*; *Работа была на износ*), а глагол не может (**Работать было на износ*).

Поскольку действие, как акт, как событие своим возникновением обязано реализации его связи с субъектом, постольку и предложение возникает из сочетания имени субъекта с именем действия. Привычным заблуждением является приписывание инфинитивным предложениям признака безличности или односоставности.

А. М. Пешковский, признавая, что «логически нельзя себе представить деятельность без всякого отношения к деятелю», полагал, что в силу «иррациональности языка» в нем «создалась специальная категория (инфинитив) с этим именно значением» [155]. Вряд ли стоит преувеличивать иррациональность языка, поскольку невыраженность личного значения в морфологической форме инфинитива преодолевается языком синтаксически.

Отличие инфинитива от личных форм заключается в отсутствии морфологического форманта личности и в падежной форме синтаксического выражения личности: при

И там, где неопределенное наклонение, как говорят, есть подлежащее, точнее говоря, оно только выдвинуто на место подлежащего (подобно тому, как выдвигается так и предложение с личным глаголом), но имеет все-таки глагольное, а не именное значение, так как относится к неизвестному 3-му лицу (*man*) и соответствует развитому предложению» (*Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, с. 342).

[155] *Пешковский А. М.* Указ. соч., с. 142.

инфинитиве деятель назван именем не в именительном, а в дательном падеже [156]. Отличие инфинитивного предложения от словарного инфинитива в том, что субъект действия в первом случае всегда известен. В предложении, содержащем сообщение о действии, субъект действия, потенциальный или реальный, в принципе всегда находит выражение в одной из трех ипостасей лица: определенно-личном значении, неопределенно-личном или обобщенном.

По существу, это отмечал А. М. Пешковский, сопоставляя параллельное употребление инфинитива и отглагольного существительного: «*Я люблю читать* указывает на то, что я сам читаю или, по крайней мере, стремлюсь к этому; *я люблю чтение* может означать, что я люблю слушать, как другие читают, или даже просто только покровительствую чтению, люблю, чтобы вокруг меня читали» [157].

Неназванность субъекта, отсутствие в конкретном инфинитивном предложении формы дательного объясняется теми же причинами, что и неназванность субъекта при действии, выраженном личной формой глагола. Это либо контекстная известность определенного лица, либо обобщенно-личное значение субъекта [158]. Ср.: Многое вижу теперь по-другому... Многих волнений былых *не понять* (Луговской); В хлебах по пояс, плечи в перелесках, Уходит лето, *не остановить* (С. Орлов); Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку, Ну, *как не порадеть* родному человечку? (Грибоедов). Преимущественно бессубъектное употребление инфинитивов в императивном значении

[156] Ср. мнение А. А. Шахматова, что «представление об инфинитиве вызывает представление о производителе соответствующего действия-состояния; это подобно тому, как имя прилагательное вызывает представление о носителе соответствующего качества-свойства» (*Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М.— Л., 1941, с. 461). «Нельзя... безоговорочно противопоставлять инфинитив всем другим „предикативным формам“ глагола,— писал В. В. Виноградов (Русский язык, с. 430).

[157] *Пешковский А. М.* Указ. соч., с. 142.

[158] Сопоставляя именительный и дательный субъекта, А. Вежбицка строит пропорцию: $\frac{Он\ хочет\ погулять}{Ему\ хочется\ погулять} = \frac{Он\ весел}{Ему\ весело}$, из которой выводит, что существительные в дательном падеже, противопоставленные существительным в именительном, так же как и последние, служат в предложении подлежащим, а при отсутствии дательного в подобных предложениях сохраняется позиция этого подлежащего с обобщенным, потенциальным значением (*Wierzbicka A.* Славянский dativus cum infinitivo.— International journal of Slavic linguistics and Poetics, 1966, X, p. 84—88).

(*Молчать*!; *Просить, позвать, сказать*, что дома!) соответствует преимущественно бессубъектному употреблению императива: чем экспрессивнее категоричность требования, достигающая высшего выражения в инфинитивном императиве по сравнению с личным императивом, тем определеннее речевая ситуация, в которой требование адресуется конкретному исполнителю [159]. См. примеры: [Фауст] *Все утонуть*. [Мефистофель] Сейчас (Пушкин); — *Позвать Прасковью*,— велела бабушка Марфе (Достоевский); А теперь — *обедать*,— распорядилась мать (Н. Студеникин). Возможно и неопределенно-личное значение исполнителя, когда ситуация предполагает определенный круг лиц для этой роли, а для говорящего безразличен персональный выбор из этого круга. Ср.: — *Унять старую ведьму*! — сказал Пугачев (Пушкин); [Хлестаков (в окно)] *Пропустить ее* (Гоголь) [160].

Существенно, что позиция дательного субъекта и при незаинтересованности в инфинитивном предложении сохраняется. Она может быть занята при смысловой потребности в этом даже в инфинитивно-императивном предложении, в случае, например, избирательной адресации приказания: *Тебе — оставаться здесь, а вам — следовать за мной*.

4. В синтагматике глагола находят выражение еще две особенности действия: фазисный характер процесса (языковая констатация моментов начала и окончания, прекращения действия и — между ними — продолжения его), а также «внутрисинтаксическое» модальное отношение субъекта к действию (в плане возможности, желательности, долженствования). Их объединяет способ выражения — посредством несамостоятельных, вспомогательных слов, чаще глаголов. При этом само действие получает выражение в форме инфинитива, а вспомогательное слово, если это глагол, как бы замещает его ме-

[159] Ср.: «Отсутствие специального выражения субъекта-адресата при инфинитивных императивных предложениях... вовсе не означает их безличность. Субъект-адресат не устранен в мысли; он определяется контекстом, обстановкой речи, интонацией, а иногда и наличествующей при инфинитиве звательной формой» (*Тимофеев К. А.* Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 283).

[160] Развивая мысль А. А. Шахматова, различает в русском языке определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные инфинитивные предложения Жак Верейк (см.: *Veyrenc J.* Les propositions infinitives en russe. Paris, 1979, p. 14—18).

сто, принимая личные формы. Если вспомогательное слово выступает в именной форме, то при модальном имени название действия сохраняет форму инфинитива (*может прийти — возможность прийти, стремится узнать — стремление узнать*), но при фазисном имени название действия принимает только форму девербатива (*начать работать — начало работы, продолжать читать — продолжение чтения, кончить воевать — конец, окончание войны*). Таким образом, применение употребление инфинитива возможно только при именах существительных с модальным значением (либо называющим само опредмеченное модальное отношение: *желание нравиться, попытка вырваться*, либо называющим лицо по его склонности, способности к действию, выраженному инфинитивом: *любитель поесть, мастерица вышивать*), а также при именах прилагательных, называющих модальное отношение субъекта к действию как признак, приписываемый этому субъекту (*способен увлекаться, склонен фантазировать, должен уехать*) и соответствующих деадъективах (*способность увлекаться, склонность фантазировать* и т. д.). В трактовке отношений между элементами подобных сочетаний много неясностей. С точки зрения членов предложения твердо принято фазисные и модальные глаголы квалифицировать как вспомогательные слова в рамках одного члена — составного глагольного сказуемого. Эта квалификация почему-то не распространяется на фазисные и модальные имена, соотносительные с глаголами, хотя их корневое значение и характер выражаемого отношения к действию остаются теми же.

С другой стороны, употребление инфинитива при модальных и фазисных словах принято считать зависимым, что отражается в основополагающем делении инфинитивов на зависимые и независимые, а также в теории словосочетания. Эта квалификация вступает в противоречие с признанием «господствующего» слова модального значения несамостоятельным: словосочетанием считается сочетание «двух знаменательных слов», а самостоятельное вряд ли может зависеть от несамостоятельного, тем более, что выражается эта связь лишь соположением.

Дело осложняется тем, что, по-видимому, степень несамостоятельности, вспомогательности производных имен модального значения может изменяться, ср. *потребность любить, охота странствовать — потребность в любви, охота к странствиям — материальные потребности, делать*

что-н. с охотой, без охоты: самостоятельность слов возрастает пропорционально уменьшению модального значения, при предложно-именном восполнении и особенно при абсолютивном употреблении. Ср. также разницу в значениях: *страсть рыться в книгах — бурная страсть, желание уйти — разнообразные желания* и т. п.

Не без оснований Л. В. Щерба писал: «Все глаголы при инфинитиве становятся более отвлеченными, приближаются к формальным словам. Ср.: *он собирается охотиться* и *он собирается на охоту*. По существу действие не может распространяться действием, и только при потере глаголом его активного и конкретного характера такое распространение возможно. В этих сочетаниях, в сущности, не инфинитив распространяет глагол, а наоборот, инфинитив распространяется глаголом»[161].

Как ни расценивать подобные сочетания, очевидно, что в них нет ни отношения действия к предметному объекту, ни отношения признака к предмету, ни отношения действия к обстоятельствам, ни отношения действия к действию, ни даже собственно подчинительной связи, так что подведение инфинитива под этикетки дополнения, определения или обстоятельства при модальных словах не соответствует значениям этих членов предложения и скорее затемняет, чем проясняет действительный смысл синтаксической связи[162].

8.5.5. Нельзя не заметить, что выражение модального отношения к действию-инфинитиву составляет основное содержание разнообразных конструкций, формирующихся с участием инфинитива.

Сочетание субъектного инфинитива с модальными глаголами (так же как и с модальными именами) выражает положительное модально-волюнтативное отношение субъекта к своему потенциальному действию (*хочет, стремится, старается, пытается, силится, умеет, любит, привык, предполагает, склонен, намерен, мастер, любитель* + инфи-

---

[161] См.: *Бархударов С. Г.* Л. В. Щерба о русском синтаксисе.— В кн.: Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. М., 1956, с. 66 (разрядка моя.— *Г. З.*).

[162] Ср. квалификацию Грамматикой-70 (§ 1199 и др.) отношений между глаголом и подчиненным ему примыкающим инфинитивом как объектные, комплетивные и обстоятельственно-характеризующие, т. е. через привычные понятия членов предложения.

нитив) или отрицательное модально-волюнтативное отношение субъекта к потенциальному действию (*боится, опасается, страшится, стыдится, отказывается* + инфинитив).

Сочетание объектного инфинитива с личными глаголами выражает модально-волюнтативное отношение к действию-инфинитиву со стороны другого субъекта, воздействующего на волю потенциального субъекта действия-инфинитива. В зависимости от того, желательно или нежелательно действие-инфинитив для каузирующего субъекта, его отношение принимает характер положительного воздействия (*просит, уговаривает, убеждает, заставляет* + + *кого* + *инфинитив*; *разрешает, приказывает, велит, советует, помогает* + *кому* + инфинитив) или отрицательного воздействия (*запрещает, мешает, препятствует* + *кому* + + *инфинитив*; *отговаривает* + *кого* + *инфинитив*). Двусубъектность конструкции с объектным инфинитивом делает более сложным и модальное содержание ее: действие-инфинитив желательно (нежелательно) для каузирующего субъекта, с его же точки зрения это действие необходимо или целесообразно (ненужно или нецелесообразно) для каузируемого субъекта.

Показательно, что те же модальные отношения выражаются инфинитивными предложениями, организованными так называемым независимым инфинитивом. В них обнаруживается либо желательность—нежелательность действия для его потенциального субъекта (выраженного формой дательного или ясного из контекста): *Мне бы вздохнуть, отдохнуть*; *Еще одну минуту видеть ее, проститься!*; *Ворон, где б нам отобедать?*; *Век бы тебя не видать!* — при совпадении говорящего субъекта и субъекта действия-инфинитива, либо модальная двуплановость — при различии субъектов речи и потенциального действия: говорящий субъект самим актом речи побуждает к действию его потенциального субъекта: *Молчать!*; *Вязать злодея!*; *Вам стрелять* (действие желательно для говорящего и, с его точки зрения, обязательно для исполнителя); говорящий выражает желательность—нежелательность для него действия, возможного или необходимого для потенциального субъекта: *Не простудиться бы вам!*; *Тебе еще коня поить*. Ср. в примере из А. Н. Толстого («Мишука Налымов»): «Мерзавцы, никому дела нет до барина... *Только бы воровать. Только деньги с барина тащить*,— подумал Мишука»: говорящий констатирует желательность действия для неопределенно-личного потенциального субъ-

екта и выражает нежелательность этого действия для себя, экспрессию осуждения.

Общим, инвариантным модальным значением инфинитивных предложений, по-видимому, правильнее считать не значение долженствования или необходимости между действием и его субъектом [163], а значение потенциальности действия и независимости его от воли его потенциального субъекта (действие может остаться лишь потенциальным, даже несмотря на активное волевое усилие субъекта: *старается понравиться, стремление понять* и под.).

Существенна соотносительность модальных значений инфинитива в конструкциях, где эти значения именованы лексическими средствами и где они выражены без помощи специальной лексики. Означает ли это, что инфинитиву как словоформе, как глагольной категории свойственно модальное значение? Очевидно, на этот вопрос можно ответить, лишь дифференцируя, как и в вопросе о личном значении инфинитива, словарную форму инфинитива и речевое его употребление. Словарная форма называет действие безотносительно к его субъектному и модальному значению. В речи же, с помощью лексико-синтаксических средств или с помощью конструктивно-синтаксических средств, при поддержке интонации, инфинитив всегда означает модально-окрашенное действие.

6. Уже в инфинитивных предложениях выявляется еще один важный план их значения: о ц е н о ч н ы й. Потенциальность значения действия создает предпосылку для этого плана: называется не само действие, а как бы только его возможность, эта возможность взвешивается и получает оценку. Желательность—нежелательность этой возможности для говорящего смыкается с прагматической, этической или экспрессивной оценкой, экстраполирующей значения плюс—минус, хорошо—плохо. Когда инфинитив не просто сопровождается «распространяющим его», по Щербе, вспомогательным словом, обычно препозитивным, с модальным значением, когда модальное слово предикативно оценивает возможность действия, названного инфинитивом, предложение оказывается расчлененным и представляет более сложную структуру [164]. Се-

[163] См.: *Тимофеев К. А.* Указ. соч. с. 265.

[164] Оценочный смысл, выражающий отношение говорящего к пропозитивному содержанию, считает главным признаком инфинитивных предложений Т. Викт. Шмелева (см.: *Шмеле-*

мантическую основу этих предложений составляет своего рода волюнтативное столкновение воли субъекта с противодействием или содействием объективных обстоятельств (часто таким обстоятельством оказывается ход времени, отсюда предикаты *пора, досуг—недосуг, некогда, время — не время, рано—поздно* и др. под.) или воли одного субъекта с каузативной волей другого (других); в последнем случае можно говорить о двусубъектности (или полисубъектности) предложения.

В односубъектных предложениях инфинитивный компонент занимает позицию предицируемого компонента, а в позиции предиката соединяются два компонента — потенциального субъекта (названного или неназванного) и модально-оценочный, утверждающий реальность—нереальность осуществления, осуществимость—неосуществимость названного инфинитивом действия: *Погубить себя?* — не хочется! *Разойтиться* — нету волюшки! (Кольцов); *Признать бродягу государем* был я не в состоянии (Пушкин); Жаль братца, да *лететь* охота велика (Крылов); Досуг мне *разбирать вины твои*, щенок (Крылов); *Увидеть барский дом* нельзя ли? (Пушкин); Жаль, *разъезжать* нет мочи мне (Там же); *Ее тряхнуть* он силы не имеет (Крылов); У него не было сил *заступиться за Хлебникова* (Куприн); Я потихоньку на лавке свернулся калачом, уснул, а *перебивать тебя* не решился (Шолохов); Старший лейтенант понял, что может хоть стрелять в этого человека, но *заставить его встать* не в силах (Симонов); *Научиться живописи только по книгам* пока никому не удавалось (Книжное обозрение, 1977, март).

В двусубъектных предложениях неназванный субъект, каузирующий потенциальное действие-инфинитив, часто имеет неопределенно-личное значение: Ходить по аллеям *запрещено*; Но по степям, войной сожженным, идти *завещано* друзьям (Симонов); Гулять меня *не пускали* (Горький).

Особенности всех этих предложений — в лексико-грамматическом разнообразии средств выражения модальной оценки действия. И субъект действия, и субъект оценки может быть выраженным (именительным, дательным и др.) или невыраженным (и при том определенно-личным). Модальный компонент выражается всеми сущест-

---

ва Т. Викт. О семантике структурной схемы предложения.— Изв. АН СССР. СЛЯ, 1978, № 4, с. 360).

вующими для этого средствами, с отрицанием и без (глаголами *мочь, хотеть* и др.; предикативами-прилагательными *должен, способен* и др.; предикативными наречиями, или словами категории состояния, *можно, нельзя, невозможно, досуг, время, пора*; именами модального значения *долг, обязанность*; оборотами (*не*) *в состоянии, в силах, под силу, нет сил, нет мочи* и др.). Традиционный синтаксический анализ обнаружит здесь двусоставные и односоставные предложения, личные и безличные, определенно-личные и т. д. Существенно, однако, то, что ни одно из этих предложений не может быть собственно безличным, бессубъектным, место для обозначения лица, даже при его неназванности, сохраняется в позиции именительного, дательного или другого падежа — определенного для каждого способа выражения модальности. При этом различие между именительным и дательным субъекта в этих конструкциях чисто условное, традиционное, обычной семантической противопоставленности между ними по признаку активности—неактивности субъекта здесь нет, обе формы участвуют в выражении независимости действия от воли его потенциального субъекта [165].

Более того, грамматический способ выражения взаимообусловленных компонентов модального и субъектного оказывается нерелевантным для общего смысла конструкций. Выбор из существующего ряда возможностей шпрок и почти не влечет за собой смысловых изменений, разве лишь стилистические, ср.: Признать бродягу государем — *была я не в состоянии, не в силах, не мог, мне было не под силу, невозможно, было противно долгу, было бы нарушением долга* и т. д.; Разъезжать *нет мочи мне* (*у меня*), *я не могу, не в состоянии, не в силах, мне не под силу, у меня нет сил* и т. д.; Гулять *меня не пускали, мне не*

---

[165] Может быть, отсутствие смыслового различия между этими способами оформления субъекта и приводит к их смешению — ошибкам, нередко встречающимся в печати. См., например: Потом открыли другую створку шкафа, зная, что надо взять и белье, но *сделать это оказалось не в силах* (Симонов); Лодка затонула, и он чудом держался в ней, по пояс погруженный в клокочущую воду. *Сделать что-нибудь было не в силах* (Изв, 1962, ноябрь); Журнал призывает не пренебрегать негритянской проблемой. Да ею и не пренебрегают. *Ее просто не в состоянии решить*, вот в чем дело (Правда, 1978, 13 мая). Последний пример показывает, что неопределенно-личное значение потенциального субъекта действия-инфинитива невозможно для этой конструкции.

позволяли, мне было не позволено, мне было запрещено, мне не разрешалось, мне было нельзя и т. д.

Расчлененные инфинитивные предложения с модально-оценивающим предикатом в рематической позиции отличаются большей экспрессивностью, чем нерасчлененные. Они как бы соответствуют внутреннему диалогу: в предицируемом компоненте говорящий ставит перед собой вопрос о возможности, целесообразности того или иного действия, предицирующим компонентом отвечает на этот вопрос, обычно признавая невозможность названного действия или приводя причины этой невозможности. Этот внутренний диалог обнаруживается еще очевиднее, когда он не заключен в рамки предложения, а получает выражение в текстовом фрагменте. См., например: Жеданья!... что пользы напрасно и вечно желать?.. *Любить*... но кого же?... На время — не стоит труда, А вечно любить невозможно (Лермонтов); *Убить*... так жаль сердечную. *Стерпеть* — так силы нет! (Некрасов); Что было делать? *Ночевать на станции*? Но станцию на ночь запирают... *Нанять в поселке возле станции какого-нибудь другого мужика*? Но это теперь стало делом почти невозможным (Бунин);... И лишь в пути задумался — куда? *Пойти в театр* — уже, пожалуй, поздно. *Домой* — домой не поздно никогда (Евтушенко).

Вопрос о синтаксической квалификации, о составе модально-оценочных предложений может быть решен двумя путями. Либо, относя данный порядок компонентов на счет актуального членения, восстанавливаем «нормальное словорасположение» (например: *Я не в состоянии был назвать бродягу государем* (Пушкин); *Меня не пускали гулять*; *Мне (у меня) нет мочи разъезжать*) и определяем подобные конструкции как модально-волюнтативные грамматико-семантические модификации соответствующих личных, безличных, неопределенно-личных предложений, разнося их по разным рубрикам системы. Это влечет за собой известные утраты: теряется представление об общности этих конструкций, об общей их семантической основе, о едином наборе структурно-смысловых компонентов, об обязательности компонента со значением потенциального субъекта действия-инфинитива.

Можно, как это сделают сторонники концепции независимых «уровней» в предложении, отнести все последующие признаки конструкций к семантической компетенции, отделив ее от синтаксической. Но этот облегченный путь не решает проблемы структуры предложения, поскольку ком-

поненты (инфинитивный, модальный субъектный, один субъектный — для части конструкций и два субъектных — для других) — это не просто значения, а те самые материальные, грамматически оформленные структурные компоненты, из которых и конструируются данные предложения как тип, как модель. Мы видели выше, что даже речевые ошибки не могут получить объяснения без учета этого компонентного состава. Представление о том, что различия в порядке компонентов принадлежат целиком сфере актуального членения, кажется упрощенным. Актуальное членение чаще совпадает с предикативным, когда предикат равен реме, но может и не совпадать, когда движение мысли в контексте, соотношение соседних предложений логически акцентирует не предикат, а другие компоненты. См. примеры с подчеркнутой ремой: Болтает, шутит, мне забавно; Делить *со всяким* можно смех (Грибоедов); Однако же речь о крестьянке Затеяли мы, чтоб сказать, Что тип величавой славянки Возможно и *ныне* сыскать (Некрасов); Нужно нового человека *по-новому* делать (Макаренко); Надо перестраивать *всю жизнь* (А. Н. Толстой).

7. Средства выражения прагматической, этической или экспрессивной оценки действия расширяются, выходя за пределы слов и оборотов модального значения. Среди них оценочные существительные, прилагательные, предикативные наречия: Скрытничать перед ней — *это было бы грех* (Тургенев); *Хорошо бы* поехать в Ярославль (Чехов); Бросить такую добычу *было бы совершенно непростительно* (Тургенев); Красавицы-сестрицы! *Не худо бы* нам это перенять (Крылов); С ним говорить *опасно* (Грибоедов); Разумеется, пойти без спросу на Ближние мельницы *являлось ужасным поступком. Это было*, конечно, *гораздо хуже*, чем полезть в буфет за вареньем или даже принести домой за пазухой дохлую крысу. Это *было настоящим преступлением* (Катаев); Увидеть Атэ, поговорить с ним было для всех, не только для авторов, но и для сотрудников журнала *делом редким и непростым* (Трифонов); *Очень вредно* не ездить на балы, когда ты этого заслуживаешь (Е. Шварц).

Оценка всегда связана с полисубъектностью. Либо один субъект действует, другой оценивает: Колоть беспрестанно мне глаза цыганской жизнью *или глупо, или безжалостно* (А. Островский). Либо субъект оценивает свое потенциальное действие, но самооценка — это все равно сопоставление с каким-то общественным критерием, оценивающий

выступает как часть какого-то коллектива, среды: Да и все равно, *было бы бестактно* войти в дом и смутить (Чехов); Таким образом, субъект оценки может включать субъект действия или противостоять ему.

Существенно, что в отличие от модальных оценочных предложений прагматико-этические оценочные не обладают свойством обратимости. В препозиции они сохраняют свое предикативно-оценочное значение, расчлененность предложения также не исчезает с переходом оценочного слова в эмфатическую препозицию.

Разнообразятся способы экспрессивной оценки. В оценочной позиции может быть целое предложение: Собрать собранное, искать найденное, глотать проглоченное — *не придурь ли это*? (Тендряков); Зажрался ты, дорогой! Над людьми смеяться — *это как называется?* (Н. Студеникин); ...Вас, идолов, клясть — *слов не хватит*! (Там же); *Да и радости-то* — в кузове болтаться! (Там же); *Это уж я не знаю, что такое*,— за добро так отплатить людям (Панова); Сделаться женой — *о нет, простите*! (Чехов);

Перенесение инфинитивно-оценочных предложений в план прошедшего (ср.: *Ходить по переулку опасно — Ходить по переулку становилось опасно* (Паустовский); *Дойти до леса не просто — Дойти до леса было не просто*) придает им повествовательно-объяснительный характер, снимая экспрессивно-модальные оттенки предостережения говорящим потенциального субъекта действия, либо оправдания потенциального субъекта действия или самого себя.

8. Тонко замеченное Н. Ю. Шведовой[166] различие двух разновидностей инфинитивно-именных предложений: *Его цель — сделаться героем романа*, схема N_1—Inf, и *Сломать дерево — не шалость*, схема Inf—N_1 (не сводящееся, разумеется, к порядку компонентов) не находит выражения в противопоставленных признаках и размывается квалификацией заключительного примера: *Рассказывали, будто он сказал какому-то дипломату, что дело попов — молиться, но не их дело править* (Лесков). Вывод автора, полагающего, что (1) *Дело попов — молиться* и (2) (*Не*) *дело попов — править* представляют соответственно две разные структурные схемы: (1) N_1—Inf, (2) Inf—N_1 (актуализированный вариант), опровергается структурной и смысловой идентичностью предложений. Различие между ними лишь в акцентно-интонационной структуре, кото-

[166] *Шведова Н. Ю.* Об идентификации предложений на основе их стационарных характеристик.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1978, с. 59—68.

рая вызвана контрапозицией их и выделением во втором предложении того, что составляет их разность. Совместимость этих предложений (*Дело попов — молиться, а не править, молиться и править*) также подтверждает их структурную однородность. Неубедительность итогового примера, однако, не аннулирует самого наблюдения.

Дело, очевидно, в том, что определение «семантики структурной схемы» как «отношения между предметно представленным явлением (действием, состоянием) и его признаком — отвлеченно представленным действием или состоянием» (с. 63) и — соответственно — наоборот для другого типа, слишком общо. Можно сказать, что действие *учиться* — признак явления *задача*, можно сказать, что явление *ее мечта* — признак действия *работать в школе*, но этого недостаточно для разграничения двух типов. Если вникнуть в семантический характер предикативно соотнесенных компонентов, можно заметить, что в типе, обозначенном формулой N_i—Inf, первый, именной компонент служит средством выражения модального отношения между действием — инфинитивом и его производителем, определенным или неопределенным, обобщенным, названным или не названным [167]. Все существительные (*задача, цель, назначение, дело, обязанность, забота, способ, средство, долг, решение, судьба* и т. п.), а также субстантивированные формы *главное, лучшее, самое важное* и т. п. соотносительны по выражаемой модальности с определенными глаголами, и, соответственно, образуемые этими именами и инфинитивами предложения синонимичны глагольным предложениям с составным сказуемым, образованным тем же инфинитивом и вспомогательным модальным словом, с именем субъекта в именительном или дательном падеже (названным или бронирующим свою позицию). Ср.:

Наша задача — учиться	*Мы должны* учиться *Нам предстоит, следует* учиться.
Его цель — сделаться героем романа	*Он стремится, хочет, желает* сделаться героем... *Ему необходимо* сделаться героем...

[167] Анализ модальных значений подобных конструкций см.: *Золотова Г. А.* Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке.— В сб.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 286—288.

Единственное средство — отказать от квартиры	*(Мы) должны будем, вынуждены, нам придется, надо* отказать от квартиры
Твое дело не спорить	*Ты не должен, не в праве, тебе не следует* спорить
Мой жребий — корпеть над бумагами	*Я принужден, вынужден, обречен* корпеть над бумагами
Дело попов — молиться	*Попы должны, могут* молиться

Разумеется, речь идет не о полном совпадении значений сопоставляемых модальных имен и глаголов, но об определенной близости, которая ставит их в ряд, предоставляющий говорящему возможности выбора.

В предложениях, обозначенных формулой Inf—N_1, Н. Ю. Шведовой справедливо отмечено оценочно-квалифицирующее значение именного предиката по отношению к отвлеченно представленному инфинитивом действию или состоянию. Надо добавить к этому, что с точки зрения идентификации и классификации предложений существенным критерием является характер отношений между организующими предикативный минимум компонентами. Отношение предикативного признака к его носителю — это общеграмматическое значение каждого предложения, это содержание категории предикативности.

Но есть признаки, которые в реальной действительности связаны с существованием предметов или осуществлением явлений, процессов. *Трава зеленая, пыльная, сухая; Дом — пятиэтажный; Дети — с мячом; Дети играют в мяч; Небо темнеет; Летит самолет; Тикают часы; Лает собака* — эти и подобные признаки референтно связаны со своими носителями, это качества, свойства, функции материальных или идеальных денотатов.

Сигнификативным понятиям о явлениях, событиях, процессах, состояниях предикативно приписываются признаки иного характера. Обычно это квалификативные оценки логического, прагматического, эмоционального, этического плана: *Возвращаться — нелогично; Кататься — весело; Дальнейшие поиски — бесполезны; Поездка на юг — это расходы* и т. п.

Естественно, примеры второго типа отражают и более сложные мыслительные процессы, чем примеры первой группы. Сложнее и их языковая организация: инфинитивные и девербативные компоненты могут рассматриваться

как номинации пропозитивные, предложения в целом являют собой конструкции полипредикативные и/или полисубъектные. Понятно, что в системе типов предложения первые примеры займут свои места среди основных, центральных синтаксических моделей, вторые представят осложненные модели синтаксической периферии.

Так обстоит дело с инфинитивно-именными предложениями с оценочным предикатом.

Но каково место в синтаксической системе предложений типа *Наша задача — учиться*? Соотносясь с нейтральными предложениями типа *Мы должны учиться*, инфинитивно-модальные предложения представляют их экспрессивный синоним. Предикативное расчленение между модальным именным компонентом и действием—инфинитивом означает сдвиг в структуре по сравнению с нейтральным предложением, акцентирующий именно модальный аспект смысловых отношений. В результате предложения с предикативно-модальным значением реальности сближаются с конструкциями, выражающими потенциальную, побудительную модальность, встают в синонимический ряд средств выражения непрямого побуждения.

9. От оценочно-инфинитивных предложений отличаются предложения, значение которых — состояние субъекта, каузированное действием-инфинитивом, сопровождающее это действие[168]: Как мне любо слушать вьюжную свирель (Блок); Приятно думать у лежанки (Пушкин); Как весело, обув железом острым ноги, Скользить по зеркалу стоячих ровных рек! (Пушкин).

Речь идет о действии происходящем. Значение потенциального действия и воображаемого состояния как его следствия выражается только сослагательным наклонением связки *было бы*: *Кататься было бы весело*. Оттенок потенциальности действия сохраняется и при вневременном значении предложения: *Кататься весело* (вообще, всегда,

---

[168] В ряде работ разграничиваются в инфинитивных предложениях значения оценочно-характеризующее и сопровождающего состояния. См.: *Озаровский О. В.* Безлично-предикативные слова в русском литературном языке I половины XIX в. Автореф. канд. дис. Л., 1967, с. 11 и след.; *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974, с. 95—96. Показатель состояния видит в слове *легко* (*Мне легко было работать*) и А. Вежбицка (см. указ. соч., с. 95), но квалификация ею инфинитива в этой конструкции как «объекта состояния» не вытекает, на наш взгляд, ни из семантических, ни из формальных взаимоотношений компонентов.

когда возможно это действие осуществить). В предложениях, относящих это действие в план настоящего, прошедшего или будущего: *Кататься (нам) весело; Кататься было весело; Кататься будет весело; Не жить как ты мне стало больно* (Лермонтов); *Тяжело было ей слышать суровые слова отказа* (Чернышевский) сообщается о состоянии, сопровождающем реальное действие.

Реализация действия-инфинитива может каузировать не только состояние субъекта, но и качества, другие действия: Я думаю, что наказывать, не давая сласти, *только развивает жадность* (Л. Толстой); В камень стрелять — *стрелы терять;* Назвать его в глаза обманщиком — *было подвергнуть себя гибели* (Пушкин).

Если сравнить инфинитивно-каузативные предложения с теми, где действие выражено личной формой глагола (*Мы катаемся, и нам весело, и это делает нас веселыми; Мы катались, и нам было весело; Ему не дают сласти, и это развивает жадность* и т. п.), заметим, что инфинитивные, во-первых, сохраняют значение отвлеченности от конкретного протекания действия, неотнесенности названия действия к моменту его осуществления [169], и, во-вторых, они представляют собой способ «сгущения», конденсирования предикативности, в предложении с личной формой глагола, выражаемой двумя предикативными единицами.

10. Способность инфинитива «свертывать», имплицировать предикативную единицу, создавать полипредикативные предложения ярко проявляется в построениях, которые можно назвать вторичными, или именными, инфинитивами, или результатом инфинитивизации. Они состоят из инфинитива связочного или вспомогательного глагола и имени существительного или прилагательного в форме творительного предикативного. Эти построения, представляющие собой «инфинитивизацию» именного сказуемого [170], употребляются во всех позициях инфинитива: *Быть знаменитым* некрасиво (Пастернак); Но *быть* все только *посредником, наперсником,* даже *другом* — такое тяжелое, неблагодарное ремесло! (Тургенев); *Быть энтузиасткой* сделалось ее общественным положением (Л. Толстой); Намерения *стать Ротшильдом* у них не было (Достоевский); И в своей

[169] Ср.: *Лекант П. А.* Указ. соч., с. 36.

[170] «Если *будет читать* можно *признать*... аналитической формой речи, то *будет учителем* и *будет хорошо* обнаруживают аналитизм только члена предложения» (*Мигирин В. Н.* Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973, с. 68).

практике я научился *быть строгим* при очень ласковом тоне (Макаренко).

Другие подобные построения — результат инфинитивизации глагольного сказуемого[171]. *Продолжать жить* в деревне мне невозможно (Чехов); *Стараться же заглушить* в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно (Там же).

Иной интерпретации с точки зрения членов предложения или словосочетания подобные построения не поддаются[172]. Полипредикативность предложения усиливается, когда инфинитивизации подвергаются сами по себе полипредикативные авторизующие и каузативные конструкции, например: *Назвать бродягу государем* был я не в состоянии (Пушкин); Святая наивность *считать автопутешественников счастливцами* (Неделя, 1963); Неужели не счастье ходить по земле босиком, *Видеть белой ромашку, А солнышко на небе красным* (Солоухин). Ср.: *Я хожу босиком, я вижу ромашку белой, а солнышко красным* — все это счастье; *Попросить его сделать радио потише* представлялось мне бестактностью (Трифонов). Ср.: *Я попросил бы его, чтобы он сделал так, чтобы радио было потише* — все это было бы бестактностью.

Следующие примеры[173] иллюстрируют употребление инфинитива для повторной номинации события, которая в свою очередь требует присоединения нового предикативного смысла: Ему хотелось вновь, но уже одному *поехать* в эти места. *Но ехать было нельзя* (Паустовский); *Звала*, будила Демушку, *Да поздно было звать* (Некрасов).

---

[171] Р. Мразек в критическом выступлении по поводу Грамматики-70 приводит примеры «автономного существования» «минимальных построений с предикативным детерминантом»: *Работать гидом* — это неплохая профессия; Мне было совестно *прийти последним*; *Прийти последним* — очень неприятно (Československá rusistika, 1967, № 2, s. 90).

[172] Попытка автора (Русский язык в школе, 1958, № 1), показав разные позиции в предложении подобных сочетаний, квалифицировать их как составные члены предложения, не отвечала на вопрос о природе их внутренней структуры.

[173] Из статьи: *Павлина Л. Д.* Изучение грамматического состава предложения в аспекте его коммуникативного функционирования (на материале предложений с предикатом и инфинитивом). — В кн.: Проблемы теории членов предложения. Кишинев, 1973, с. 72; автор приводит эти примеры для демонстрации разного порядка компонентов, исходя из представления об однородности всех инфинитивных предложений.

11. Когда некоторые исследователи вслед за А. М. Пешковским предлагают «при определении инфинитива как подлежащего... обратить внимание на грамматическую природу слова на *-о*, на его возможность быть сказуемым в типовом двусоставном предложении (т. е. с подлежащим-существительным)»[174], они идут путем подравнивания конструкций разной природы. У существительного как названия предмета и у инфинитива как названия действия — различные возможности определяться как атрибутивно, так и предикативно. Справедливо утверждение, что порядок слов в русском языке не создает грамматической природы слова: он способствует выражению грамматической природы слова, которая — с этим нельзя не считаться — зависит от его семантической природы. Поэтому квалификация предложения *Говорить об этом стыдно* как безличного односоставного, а *Бесполезно плакать и молиться* как личного двусоставного на том основании, что слово *стыдно* никогда не может быть сказуемым двусоставного предложения, а слово *бесполезно* невозможно в безличном предложении **Мне стало бесполезно*, дается без учета категориальных значений компонентов. *Стыдно* представляет категорию слов, обозначающих нравственное состояние лица, или — через состояние — нравственную оценку какого-либо действия. Слова типа *бесполезно* не означают состояния, а только прагматическую оценку действия или предмета в его функционировании. Этими значениями определяются их синтаксические возможности. Ср.:

(1а) Стыдно *говорить* об этом (было)
(1б) Говорить об этом *стыдно* »
(2а) *Говорить* об этом стыдно (было бы)
(2б) *Стыдно* говорить об этом »

В (1а) содержится оценка потенциального действия, заключающая в себе предостережение потенциальному субъекту. Варианты (б) представляют эмфатические модификации, не меняющие отношений между компонентами (подчеркнуты рематические слова, несущие на себе логическое ударение). Различие между предложениями (1) и (2) поддерживается противопоставленностью изъявительного и сослагательного значений связки. *Бесполезно* и в препози-

[174] *Ермакова О. П.* О некоторых синтаксических функциях инфинитива.— Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1963, т. XXII, вып. 5, с. 416; см. также: *Попов А. С.* Указ. соч.

ции и в постпозиции будет предикативной оценкой действия-инфинитива (*Бесполезно* говорить об этом; Говорить об этом *бесполезно*). Определяя предметное имя, слова типа *бесполезно* обозначают не признак, свойственный предмету, а прагматическую оценку его возможного действия: Он человек *невредный* (не делает вреда никому); Лекарство *бесполезное* (не приносит пользы никому; принимать его — бесполезно).

Отличие слов типа *стыдно* и *бесполезно* от наречий и кратких прилагательных, а с другой стороны, различия между ними в семантике и синтаксических свойствах, показывают, что заслуживает обоснования мысль о существовании в языке наряду с категорией состояния и категории оценочных слов, но это предмет специального исследования.

12. Изложенное можно подытожить некоторыми выводами относительно места инфинитива и инфинитивных конструкций в грамматической системе современного русского языка.

Следует различать две формы существования инфинитива. Как словарный представитель всех остальных глагольных форм инфинитив выступает в чисто номинативной функции как «голое» наименование действия, и только в этом употреблении можно констатировать в инфинитиве «момент отвлечения действия от деятеля»[175]. В речевом употреблении инфинитива, в противовес словарному, над номинативной функцией господствует предикативная: скрытая, имплицитная предикативность инфинитива, заключающаяся в специфике его личного, модального и временнóго значений, эксплицируется в синтаксических связях.

Различно соотношение инфинитивной и спрягаемых глагольных форм в морфологии и синтаксисе. Если в морфологии инфинитив принимается за исходную форму (правила образования ряда форм формулируются «от основ инфинитива»), что и получило закрепление в лексикографической практике, то в синтаксисе инфинитив представляет вторичную, «производную» форму и стоит в ряду конструктивных форм периферической сферы: модальная и экспрессивная окрашенность инфинитивных предложений выводит их за пределы основных моделей синтаксического «центра»: «Инфинитив не центр глагольной систе-

---

[175] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис..., с. 143.

мы, а ее окраина»,— писал В. В. Виноградов [176]. Вместе с тем синтаксическая «окраина» инфинитивных конструкций сама по себе довольно обширна и непросто устроена.

Морфологическая невыраженность предикативных категорий лица, времени, модальности в инфинитиве преодолевается языком синтаксически. Инфинитивное значение потенциального действия реализуется в связях, присущих действию, в наборе постоянных компонентов, сопровождающих инфинитив и вместе с ним образующих определенные типы инфинитивных конструкций.

Морфологически не выраженное, но обнаруживающееся в синтаксических связях потенциальное значение лица и модальности, а также специфика временно́го значения делают инфинитив более емким, более концентрированным обозначением ситуации. И если спрягаемая форма исчерпывает свое конструктивное назначение построением сообщения о событии (в индикативной или императивной модальности), то инфинитив, «в свернутом виде» содержа в себе обозначение той же ситуации, способен либо 1) строить предложение, в котором предикативность получает выражение в сочетании названия действия и его субъекта (вербализованного или невербализованного, что все равно синтаксически значимо); в этом случае перед нами экспрессивно-модальная структурно-семантическая модификация номинативно-глагольной модели действия, либо 2) предикативно сочетаться с новыми (определенными) словами, создавая построения более сложного синтаксического ранга.

Несомненно, инфинитив — категория с особым синтаксическим поведением, со своими функциями и конструктивными возможностями, обусловленными его семантической спецификой [177]. Тенденция рассматривать инфинитив как синтаксический субститут существительного не соответствует его природе. Плодотворным представляется дальнейшее синтаксическое изучение инфинитива в системе средств, обозначающих действия: в сопоставлениях и противопоставлениях с личными формами глагола, с отглагольными именами, с придаточными предложениями (фразовой номинацией).

[176] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 652.

[177] Нельзя не согласиться с мнением Д. Н. Шмелева об «особом синтаксическом значении двусоставных предложений с инфинитивом в роли одного из их главных членов» *(Шмелев Д. Н.* О синтаксической членимости предложения.— Русский язык в школе, 1965, № 2, с. 10).

О категории оценки в русском языке

Обоснование академиками Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым категории состояния как особой части речи [178] обогатило лингвистику не только тем, что был осмыслен и выделен новый лексико-грамматический класс слов в русском языке, но и разработкой самих принципов анализа и разграничения частей речи.

Именно эти принципы, опирающиеся на совокупность семантических, морфологических и синтаксических признаков, позволяют более дифференцированно рассмотреть весьма разнородный состав категории состояния.

1. Основной корпус этой категории представлен прежде всего разрядами безлично-предикативных слов на *-о* со значением состояния а) лица, б) окружающей среды, природы. В. В. Виноградов отмечал, что слова этих разрядов (у него более дробное деление на четыре разряда) соотносительны с краткими прилагательными и находят «полный параллелизм в группах безличных глаголов» [179]. В отличие от кратких прилагательных, создающих предикативную модель с именем субъекта — носителя предикативного признака в именительном падеже (*Небо ясно; Старуха хитра; Дети веселы*), слова категории состояния создают модели двух типов, предикативно сочетаясь:

а) с именем лица (живого существа) — субъекта состояния в дательном падеже: *Детям весело; Больному душно; Птицам голодно;*

б) с именем предмета (места, среды) — носителя состояния в одной из предложно-падежных форм с пространственным значением (либо названного пространственным наречием): *За окном светло; В комнате сыро; Здесь тихо.*

Имена носителя состояния в моделях а) и б) в конкретном тексте часто опускаются в силу смысловой избыточности (носитель предикативного состояния ясен из контекста или ситуации: это одно из трех лиц — участников/неучастников речевого акта, либо среда, окружающая говорящего или воспринимающего персонажа). В том и другом случае незанятая позиция носителя предикативного признака в предложении остается и может быть занята

[178] *Щерба Л. В.* О частях речи в современном русском языке.— В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957; *Виноградов В. В.* Русский язык, гл. VI. Категория состояния, с. 399—421.

[179] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 406.

по смысловой надобности соответствующей формой имени.

Параллелизм слов категории состояния на *-о* с безличными глаголами проявляется как в формах субъекта — носителя предикативного признака (соответственно в дательном и в одной из пространственных форм), так и в общем значении модели: непроизвольного состояния субъекта или среды.

2. Иными свойствами характеризуются включаемые обычно в категорию состояния слова с модальным значением. Морфологически они неоднородны: часть из них, слова на *-о*, не соотносительны ни с наречиями, ни с краткими прилагательными (*можно, надо, должно*, сюда же *нельзя*); другие совпадают по форме с краткими прилагательными, либо имеющими соответствующие полные формы (*склонен, волен, способен, готов, привычен, согласен*), либо не имеющими полных форм или утратившими смысловую соотносительность с ними (*рад, горазд, должен, намерен*).

В отличие от прилагательных и наречий, а также от рассмотренных выше слов категории состояния, модальные слова не служат самостоятельным названием признака или состояния, они выражают только модальное (волюнтативное) отношение между субъектом и действием. Поэтому и синтаксически они не самостоятельны, не служат предикатом, а входят в состав предиката или в составное глагольное сказуемое, в котором само действие выражено инфинитивной формой глагола либо отглагольным именем существительным (ср. *согласен поехать — согласен на поездку, волен решать — волен в решениях, рад встретиться — рад встрече, готов ответить — готов к ответу*). С категорией состояния сближает модальные слова на *-о* то, что субъект действия при них выступает в форме дательного падежа; при других модальных словах субъект действия стоит в именительном и своим значением рода и числа определяет соответствующие формы модального слова: *Мне нельзя уходить; Вам нужно приехать; Она склонна увлекаться; Он здоров врать; Мы рады помочь* и т. д.). И по значению и по синтаксическому употреблению группа модальных слов ближе всего к модальным глаголам (ср. *не могу уйти, хочу приехать, стараюсь понять, привык бездельничать* и т. п.).

3. Инфинитивные конструкции типа (1) *Кататься весело* и (2) *Надежде верить безрассудно* считают обычной сферой функционирования слов категории состояния.

С этими конструкциями, с одной стороны, связан дискуссионный комплекс вопросов об односоставности или двусоставности таких предложений, о квалификации их главных членов, вытекающий из сопоставления этих моделей с двусоставной номинативно-глагольной. С другой стороны, приинфинитивное употребление модальных слов и употребление слов на *-о* в данных конструкциях воспринимают как их общий синтаксический признак.

Существенным представляются здесь не поиски внешнего подобия между моделями, а осознание их структурных различий. Инфинитивным конструкциям с модальными словами данные конструкции противопоставлены по признаку семантико-синтаксической несамостоятельности/самостоятельности слов на *-о*. Уподобление компонентов данных инфинитивных моделей подлежащему и сказуемому номинативно-глагольной модели всегда останется натяжкой вследствие морфологических, семантических и синтаксических различий в составе моделей. Не менее важно и различие между разновидностями инфинитивных конструкций, представленными в двух данных примерах.

Слова на *-о* в этих примерах, квалифицируемые обычно как представители категории состояния, не принадлежат тем не менее к одной и той же категории. Модель (1) организуется компонентами со значением действия (инфинитив) и сопровождающего его состояния (категории состояния) действующего лица (реального или потенциального, конкретного или обобщенного, выраженного или могущего быть выраженным в форме дательного падежа). Слова на *-о*, употребляющиеся в этой модели, могут, сочетаясь предикативно с дательным субъекта, сообщать о его состоянии и без инфинитива (ср. употребление слов на *-о* в разных конструкциях: *Кататься (всем) весело — Всем весело; Вспоминать об этом (мне) страшно — Мне страшно; Просить (ему) неловко — Ему неловко; Ждать (нам) холодно — Нам холодно* и т. п.).

Слова на *-о*, которые могут быть употреблены в модели (2) — *безрассудно, бесполезно, полезно, опасно, вредно, непорядочно, низко, честно, подло, дурно, грешно, примично, глупо, бессовестно* и т. п. не обозначают состояния лица и поэтому не могут организовать модель с дательным субъекта (ср. **Мне глупо*; **Ему безрассудно*; **Тебе стало честно* и т. п.). Их значение — оценка, нравственная, прагматическая или экспрессивная, действия, реального или потенциального, названного инфинитивом.

Оценка всегда принадлежит какому-то лицу, субъекту, индивидуальному или коллективному. Субъект оценки может обнаружиться во вводных оборотах *на наш взгляд, по-моему, по его мнению* и т. п. и другими языковыми способами, может быть неназванным, но ясным из ситуации. Это дает основание видеть в подобных предложениях более сложную, полисубъектную структуру. Даже когда говорящий подвергает оценке не чужое, а свое собственное действие, он судит о действии с точки зрения общественного мнения, критериев, принятых в данном коллективе, среде. Субъект оценки, таким образом, либо включает субъекта действия, либо противостоит ему.

Однако слова того же круга, с оценочным значением, сочетаются не только с инфинитивом. Они могут проявить себя и как краткие прилагательные, согласуясь с предицируемым именем (ср. *Бравировать глупо — Бравада глупа; Спорить бесполезно — Спор бесполезен*), и как полные прилагательные, согласующиеся с определяемым именем (*глупая бравада, бесполезный спор*), и как наречия, примыкающие к глаголу (*безрезультатно спорили, глупо отвечал* и т. п.). Нельзя не заметить при этом, что, обнаруживая некоторые свойства прилагательного или наречия, эти слова отличаются от прилагательных и наречий по значению. Они во всех случаях обозначают не признаки, присущие предмету или действию, а оценку действия (названного глаголом или отглагольным именем), исходящую извне, со стороны оценивающего субъекта.

Характерно, что, относясь к предметному имени, эти прилагательные тоже обозначают не признак, свойственный предмету, а прагматическую оценку его возможного действия, применения: Витамины *полезны* (приносят пользу, оказывают полезное воздействие); Табак *вреден* (курить его вредно, его воздействие вредно); Острые орудия *опасны* (можно порезаться) и т. п.

Семантические различия, естественно, реализуются в различиях конструктивных: обычные наречия, не оценочные, не вступают в предикативную связь с названием действия, Ср.:

подло обманывал — Обманывать — подло,
*часто обманывал — *Обманывать — часто,*
бесполезно спорили — Спорить — бесполезно,
*громко спорили — *Спорить — громко.*

С другой стороны, не все оценочные слова способны

примыкать к глаголу, ср.:

*Обманывать грешно — *грешно обманывал,*

*Гулять полезно — *полезно гуляя.*

Грамматика-70 квалифицирует подобные слова на *-о* как наречия (и даже не допускает возможности предположения, что форма на *-о* при подлежащем-инфинитиве «имеет какое-то иное значение, кроме адвербального» — Грамматика-70, § 1307), но такая квалификация не подтверждается значением и употреблением этих слов. Первым признаком наречий является употребление их при глаголах как определителей признака действия, но те же «наречия» при тех же глаголах как определители оказываются невозможными, ср.: **Он интересно учился; *Он затруднительно разобрался; *Он грешно жаловался; *Он заманчиво поехал; *Он предосудительно обманывал; *С ним мудрено уживаются* и т. п.[180]

Оценочные слова на *-о* словообразовательно, семантически и синтаксически соотносительны с определенным кругом имен существительных (ср. *грешно — грех, глупо — глупость, подло — подлость, низко — низость* и т. п.). Синтаксическая функция подобных существительных, не свойственная другим разрядам имен,— предикативная оценка действия (либо предмета как результата действия или по его функции): *Спорить глупо, Спорить — глупость, Все эти письма — глупость; Обманывать грешно, Обманывать — грех; Угодничать подло, Угодничать — подлость*).

Те же существительные в других синтаксических функциях оказываются не теми же: они обозначают не оценочное отвлеченное понятие, а конкретный акт действия, поступок или качество: *Посмеялись над его глупостью; Посудачили о твоем грехе; Возмутились его подлостью.* Таким образом, оценочно-предикативные имена и среди существительных занимают совершенно особое место. А поскольку предикативно-оценочное значение они реализуют лишь в форме именительного предикативного (позиционно чередующегося с творительным предикативным — *Спорить было бы глупостью*), это дает основание говорить об обособлении имени в данном значении от именной парадигмы, практически о фиксации его в неизменяемой форме.

Предикативная субъективно-оценочная функция рассматриваемой категории слов реализуется также в особой

[180] «Грамматические различия между категорией состояния и разрядами качественных наречий на *-о* очевидны» (*Виноградов В. В.* Русский язык, с. 416).

модели сложноподчиненных предложений, где они в препозиции осуществляют роль оценочного сказуемого по отношению к придаточному предложению. При этом сохраняется соотносительность двух способов обозначения оцениваемого действия: оно может быть названо инфинитивом или развернуто в предикативную конструкцию, реализующую личные, временные и модальные потенции глагола. Ср.: *Спорить — глупо — Глупо, что они поспорили; Поступать так — непорядочно — Непорядочно, что он так поступает.*

Позиция субъекта оценки может быть эксплицирована, авторизована, ср.: Спорить, *по-моему, глупо; Я думаю, что* спорить *глупо; Я нахожу глупым, что* они поспорили; Поступать так, *на наш взгляд, непорядочно; Мы считаем, что* поступать так *непорядочно; Мы считаем непорядочным, что* он так поступает и т. п.

Изложенное, как представляется, дает основания для следующих выводов:

1) Рассмотренные разряды слов, причисляемых к категории состояния, различаются между собой своими семантическими, морфологическими и синтаксическими свойствами настолько, что не позволяют считать их принадлежащими к одному и тому же лексико-грамматическому классу слов.

2) Категорию состояния представляют слова на *-о* со значением состояния лица или среды.

3) От категории состояния четко отграничиваются неполнозначные модальные слова. Сохраняя (неполностью) морфологические признаки прилагательных, существительных или глаголов, они в то же время своим значением и употреблением обособляются от этих частей речи и сближаются друг с другом.

4. Приведенный выше материал позволяет констатировать наличие в русском языке особого лексико-грамматического класса слов со статусом категории оценки.

«На почве сложного грамматического переплетения свойств и функций имени, глагола и наречия складывается и развивается категория состояния»,— писал В. В. Виноградов [181], объединяя на том этапе то, что теперь представляется возможным различать. Сохраняя материально, как и слова категории состояния, связи с другими частями речи, располагая в разной степени их морфологическими при-

[181] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 120.

знаками, слова категории оценки противопоставляются как этим частям речи, так и категории состояния, и объединяются в один класс на основании следующих признаков:

а) Семантически они обособляются от основного категориального значения соответствующих частей речи: они не обозначают ни предмета, ни свойства, присущего предмету, ни признака действия, но выражают субъективную оценку действия, ситуации, либо — реже — предмета как результата действия или его функциональной потенции.

б) Синтаксическим критерием является их предикативно-оценочная функция в конструкциях с инфинитивом в качестве предицируемого, либо в синонимических конструкциях, где предицируемое может принять форму отглагольного существительного или придаточного предложения.

в) Предложения, организуемые с участием предикативно-оценочных слов, характеризуются свойством полисубъектности: оценочные слова создают в предложении потенциальную позицию субъекта оценки, которая может быть по смысловой надобности заполнена соответствующим лексико-синтаксическим способом.

Выявление позиции оценивающего субъекта и средств ее выражения может представлять интерес не только в грамматическом плане, но и с точки зрения структуры текста, прагматики и стилистики.

Разграничив категориальные значения слов на *-о*, следует заметить, что некоторые из этих слов в силу семантической сложности способны соединять в себе названные значения. Одни из них могут синтезировать значение состояния и модального отношения к действию, что проявляется в употреблении их с инфинитивом (например: *Мне тошно говорить об этом; Мне стыдно, неловко, совестно, трудно говорить об этом* — ср. *Мне не хочется, я не могу говорить об этом*), при том, что они выражают просто состояние лица в конструкции без инфинитива. Отдельные слова обнаруживают еще более разнообразные возможности употребления. Ср. примеры:

(1) *Мне стыдно (за эти слова)*
(2) *Мне стыдно говорить об этом*

Я испытываю чувство стыда (вследствие сказанного мной или другим)
а) *Я испытываю чувство стыда, говоря об этом*
б) *Я не хочу, не могу говорить об этом*

(3) *Говорить об этом — стыдно*

а) *Не говорите об этом, это было бы постыдно, недостойно*

б) *Вы говорили об этом, и ваши действия оцениваются как постыдные*

Слова на *-о* в приведенных примерах выражают категориальные значения (1) состояния субъекта, (2а) состояния, сопровождающего действие субъекта, (2б) состояния и модального отношения субъекта к действию, (3) оценки действия, потенциального или реального. Пример (3) представляет полисубъектную конструкцию, выражающую оценку действия с точки зрения другого лица, оценочное значение слово *стыдно* в (3) включает его в ряд слов *недостойно, неприлично, грешно, дурно, непорядочно, бессовестно* и под., не способных участвовать в конструкциях (1) и (2).

Соединяющиеся в одних и тех же лексемах указанные значения являются конструктивно-обусловленными: каждое из них реализуется в определенной синтаксической конструкции. Взаимодействие этих значений обнаруживается именно на фоне их противопоставленности.

Вопрос о связях между категорией оценки и другими лексико-грамматическими категориями нуждается в специальном исследовании.

Понятно, что категория оценки, представляемая здесь семантико-грамматическим классом слов на *-о*, образует лишь часть обширной системы средств выражения оценки в русском языке и лишь одно из звеньев проблематики оценки[182].

---

[182] Из литературы вопроса см.: *Арутюнова Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения.— В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 215, 230 и др.; *Телия В. Н.* Семантика связанных значений слов и их сочетаемости.— Там же, с. 308 и след.; *Вольф Е. М.* Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978; *Она же.* Варьирование в оценочных структурах.— В кн.: Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СТРУКТУРА ТЕКСТА И КОММУНИКАТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕЧИ

О РОЛИ СЕМАНТИКИ В АКТУАЛЬНОМ ЧЛЕНЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Разработка проблематики актуального членения предложения в последние два десятилетия значительно продвинулась, и у нас, и в зарубежной лингвистике. Однако эта область лингвистики остается пока еще столь же дискуссионной, сколь актуальной и притягательной. А вместе с тем именно в ней ключи к структуре текста, к типологии текста, к выявлению стилей — общеязыковых и индивидуально-художественных, а также к решению некоторых собственно синтаксических проблем, связанных со структурой и семантикой предложения.

Дискуссионность проблематики актуального членения обнаруживается даже в самой терминологии: то, что одними именуется актуальным членением предложения (или высказывания), другие называют функциональной перспективой предложения (есть попытки и дифференцировать эти понятия), коммуникативной перспективой или коммуникативным членением, информационно-несущей структурой (в американской лингвистике), смысловым, логико-смысловым, коммуникативно-смысловым членением. Конечно, дело не в словах, а в том, что за разными названиями скрываются различия в понимании и границ и природы самого явления. «Актуальное членение» остается пока названием самым популярным, хотя и не самым удачным.

Сам термин «актуальный», «актуализация» имеет в нашей лингвистике не меньше трех разных значений, слово «членение» тоже возбуждает сомнения. Наличие членения, возможность членения противопоставляется отсутствию членения, нечленимости. А нечленимые предложения подлежат ли ведению «актуального членения» или, иными словами, всякому ли предложению свойственно то, что называется актуальным членением? Здесь широкий диа-

пазон точек зрения: от узкого понимания актуального членения в ряду текстовых категорий выделения[1] до широкого понимания как композиционно-синтаксической функции, свойственной каждому предложению в речи[2].

Остается спорным и вопрос о том, принадлежит ли явление актуального членения языку или речи. Очевидно, острота разногласий здесь сгладится, если понимать положение так, что в языковой системе в каждом типе предложения заложена возможность определенных вариаций словорасположения (то, что теперь называют парадигмой коммуникативных форм предложения), одна из которых является исходной, нейтральной, а в речи — в контексте, в конситуации,— в соответствии с коммуникативным заданием используется, реализуется одна из этих возможностей. Тогда, казалось бы, разница только в отправной точке исследования: идти ли от языка к речи или от речи к языковой системе. Вновь возникает проблема тождества языкового факта. До каких пределов варьирование словорасположения сохраняет инвариантное структурно-смысловое единство предложения как целого? В «Общем языкознании», например, парадигма предложения определяется как совокупность «форм предложения, которые относятся к одной грамматической категории и употребляются в одинаковой позиции»[3]. Примеры членов коммуникативной парадигмы на следующей странице (*Андрей пришел* и *Пришел Андрей*) вызывают вопрос, действительно ли они употребляются в одинаковой позиции? Или различием позиций, положения в контексте того или иного типа и обусловлены различия в порядке слов и в месте ударений? Когда говорят о том, что некоторое количество членов коммуникативной парадигмы образуется «в пределах данной синтаксической структуры»[4], возникает два вопроса: 1) всегда ли структура, принимаемая за исходную, действительно представляет собой один тип предложения? и 2) до каких пределов при изменении порядка слов и места ударения сохраняется единая синтаксическая

---

[1] См.: *Николаева Т. М.* Актуальное членение — категория грамматики текста.— ВЯ, 1972, № 2, с. 53.

[2] См.: *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 331 и след.

[3] Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 334.

[4] См.: *Ковтунова И. И.* Актуальное членение и система языка.— В кн.: Papers on functional sentence perspective. Prague, 1974, p. 151.

структура, предложение остается равным самому себе? Ведь это не такая структура, в которой от перемены мест слагаемых сумма не изменяется.

Когда почти полтораста лет назад И. Калайдович подсчитал возможности перестановки слов в русском предложении — «без возвышения голоса и с возвышением онаго на каждом слове порознь», он еще не подозревал, что открыл «коммуникативную парадигму» из 24 членов для трехсловного предложения *Дай мне хлеба*, и из 120 членов для четырехсловного *Мой брат был здесь*. Но он понимал, что не все исчисленные им варианты стоят в одном ряду: в трех словах 24 способами («различными образами») могут быть на русском языке выражены четыре мысли (Калайдович сопоставлял их с различными французскими соответствиями: *дай мне хлеба* — donnez moi du pain, *дай мне хлеба* — donnez donc du pain, *мне дай хлеба* — c'est à moi qu'il faut donner du pain, *хлеба мне дай* — c'est du pain qu'il faut donner à moi; а в четырех словах 120 «образами» могут быть выражены пять мыслей! [5].

Выражаясь современным языком, перед нами стоит проблема соотношения синтаксической структуры, семантической структуры и актуальной, или коммуникативной, структуры предложения. Поскольку в реальной действительности предложение представляет собой не три разные структуры, а одну единую, мы предпочитаем говорить о соотношении трех аспектов структуры предложения или трех точек зрения на нее. Очевидно, что вопрос о соотношении этих трех аспектов не может быть решен для предложения вообще, для предложения любого типа одинаково.

2. Рассмотрим несколько случаев, которые продемонстрируют различные подступы к этому вопросу.

1) Упомянутый выше случай *Андрей пришел — Пришел Андрей*, двусоставное глагольное предложение, в котором от перемены мест слагаемых общее значение (сообщение о действии субъекта) и характер предикативной связи не изменяется [6].

---

[5] Московский вестник, 1830, ч. 2, № VII, с. 289.

[6] П. Адамец еще в 1962 г. обратил внимание на то, что в зависимости от порядка компонентов в предложении проявляются семантические различия между глаголами действия и наличия. Ср. русские эквиваленты его примеров: *Люди прогуливались по парку — По парку прогуливались люди*; *Отец вошел в комнату — В комнату вошел отец* (см.: *Adamec P.* Kúloze semantiky ve slovosledu — Slavica pragensia, IV. Praha, 1962, s. 298). Значение и границы этого явления еще должны быть уточнены.

2) Иначе обстоит дело в двусоставных предложениях, содержащих квалификативную или квантитативную характеристику предмета: *Ночь — холодная; Голос — суровый; Место — удобное; Звезд — бездна; Цветов — море; Задач + две.* При перемене мест «слагаемых» эта конструкция заменяется качественно иной — номинативным предложением или именным словосочетанием.

Полагаю, что трактовка квантитативных двусоставных предложений как инверсированных количественно-именных словосочетаний или как инверсированных односоставных именных предложений[7] не адекватна языковому явлению. Аргументы могут быть предложены следующие:

а) Структурные различия односоставного предложения *Море цветов* и двусоставного *Цветов море* подтверждаются различным содержательным характером предикации: в первом случае утверждается наличие квантифицированного предмета, во втором сообщается о количестве как о признаке предицируемого предмета. Ср. предикативное приписывание количественного признака его носителю в следующих примерах: Котят *было пять* (Л. Толстой); Рыбы в Мсте *бездна* (Тургенев); Богатств *было пропасть* (Л. Толстой); Да вы припарядитесь: народу ведь *гибель будет* (Сухово-Кобылин); Дела *непочатый край* (Луначарский); А народу на ярмарке — *труба неголченая* (А. Н. Толстой); Запахов, шумов и красок настоящего моря *великое множество* (Паустовский); Лет пятнадцать назад во всем районе дорог с твердым покрытием *были считанные километры* (Правда, 1975, 7 ноября); Легкий майский ветер развевает флаги стран-участниц, их в этом году — *96* (Комс. правда, 1976, 20 мая).

б) Автономность количественного предиката подтверждается параллелизмом в построениях с квалитативным и квантитативным предикативным признаком. Об этом хорошо пишет чешский русист Р. Мразек. Вслед за Фр. Копечным и Пр. Адамцем—В. Грабе он приводит смысловые параллели: *Подобные случаи многочисленны, редки — Подобных случаев много, мало, пять, два* — и устанавливает такую пропорцию, как:

надежные монтеры : Монтеры — надежные = четыре монтера : Монтеров — четыре[8].

---

[7] См.: Грамматика-70, с. 561, 601.

[8] *Mrázek R.* Количественный предикат и его связь с двухбазисными структурами.— Ceskoslovenská rusistika, 1973, N 3. См. также: *Kopečny Fr.* Základy české skladby. Praha, 1962; *Hrabě V.*,

Ср. пример: *Работы пропасть, денег мало, зима скверная, здоровье негодное* (Чехов).

в) По-видимому, трудно отрицать, что для обозначения предицируемого предмета, носителя признака в квантитативных двусоставных предложениях сложилась особая форма родительного падежа, которая отличается у определенных групп существительных от родительного в составе количественно-именного словосочетания, ср.: *три котенка,* но *Котят было три; четыре мальчика,* но *Мальчиков было четыре; две задачи,* но *Задач было две.*

В свое время А. А. Шахматов писал, что вообще «с точки зрения современного языка форма родительного падежа не может зависеть от числительного»[9], но для нас важно расхождение форм в разных синтаксических функциях. Возможно, что закрепление в позиции предицируемого компонента формы родительного множественного для считаемых предметов в отличие от формы родительного единственного в словосочетании служит одним из средств преодоления «ограничительного барьера на количественную предикацию», о котором писала Н. Д. Арутюнова[10]. Напомню, что затруднения логического порядка побуждают Н. Д. Арутюнову исключить количественные значения из семантической сферы предикатов, поскольку нельзя признать референт имени субъекта вычленением из предметного мира, если к предпосылкам сообщения не относятся сведения о численности предметов. Факты языка не должны вступать в противоречие с логическими тезисами; допустимо, однако, следующее предположение: не может ли стать предпосылкой сообщения вычленение некоторого множества, количества предметов, которое затем предикативно конкретизируется или оценивается.

г) Известная автономность родительного количественного, обусловленность его собственной функцией в данной модели, а не присловной связью подтверждается также примерами, где позицию количественного предиката занимает сравнительный оборот: *Янтаря — что песку там морского* (Пушкин), либо экспрессивно-оценочные слова и выражения (*раз-два и обчелся, видимо-невидимо, досыта, по горло, сверх головы, по колено, с гулькин нос, кот наплакал, куры не клюют, хоть пруд пруди* и др.). Подобные

Adamec P. Transformační syntax současné ruštiny, I. Praha, 1969.

[9] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, с. 59.

[10] *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы), М., 1976, с. 226.

слова и выражения выступают, как правило, в предикативной позиции расчлененного двусоставного предложения, но не в количественно-именном сочетании, трудно было бы вывести форму родительного падежа из «слово-сочетания» с ними. Ср. другой способ подчеркивания двусоставности количественного предложения с помощью экспрессивно-оценочных средств, или, как их называют, средств субъективной модальности: Но когда свет зажегся, зрителей в зале, *представьте себе*, оказалось маловато (Лит. газета, 1975, 26 фев.).

Эта обусловленная форма родительного количественного сама как бы задает двусоставную расчлененность предложения, «заряжая» экзистенциальный предикат количественным значением. Ср.: *Крови — еще будет* (Булгаков; пример из работы Н. Ю. Шведовой).

д) Даже пример, где на первом месте количественное слово, а форма родительного, казалось бы, занимает препозитивную позицию, представляет скорее инверсию двусоставного предложения, чем словосочетание: *Мало слов, и горя реченька, Горя реченька бездонная!* (Некрасов). Инверсия в первом предложении контрастивно подчеркивает выразительность количественного предиката во втором. По-видимому, мало вероятно или невозможно противопоставление определений, качественного или количественного, в двух сочиненных номинативных предложениях.

Трактовка предложений с количественным компонентом остается дискуссионным вопросом[11]. Приведенные аргументы показывают, что структурно-семантический тип предложений с количественным предикатом, так же как и тип предложений с адъективным, квалитативным предикатом, в отношении возможностей перестановки слов и ударений занимает иное положение, чем двусоставное предложение с глаголом действия в предикате. Возможности перестановки их компонентов в экспрессивных целях не исключены, но они должны быть поддержаны конструктивными и контекстными условиями. Сведение же всех конструкций с количественным предикатом к ва-

[11] Из последней литературы вопроса см. статьи: *Иванова В. Ф.* Спорные вопросы грамматики и стилистики количественных предложений.— В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976; *Попов А. С.* Грамматическое и стилистическое своеобразие современных русских предложений с количественными подлежащими.— Там же; *Guiraud-Weber M.* La proposition quantitative en russe moderne.— L'Enseignement du russe, 1980, № 27.

рианту актуального членения номинативного предложения явно не удовлетворяет.

3) С интерпретацией квалитативных и квантитативных предложений связан вопрос о более сложных синтаксических конструкциях. Возьмем пример из Паустовского: *Черный хлеб из пекарни приносили с прилипшими к нему мокрыми листьями* — и несколько вариаций на его тему:

(1) *Приносили еще горячий хлеб*	(2) *Хлеб приносили еще горячий/еще горячим*
Приносили хлеб с прилипшими листьями	*Хлеб приносили с прилипшими листьями*
Приносили полную корзинку хлеба	*Хлеба приносили полную корзинку*

Обычно рассматривают подобные парные конструкции с присловной позицией качественного или количественного определителя имени и с дистантной постпозицией как варианты актуального членения. Вероятнее, что различия в порядке слов и месте ударения и здесь сигнализируют разные синтаксические построения. Во втором случае можно видеть усложненное предложение с двойным предикатом, глагольным и именным, аналогично тому, что мы видим в предложениях *Он пришел усталым; Он спит одетый*. Порядок слов оказывается средством полипредикативизации предложения. Важна здесь не только констатация двубазисности (см. трансформационный подход Мразека, Адамца—Грабе) или контаминации, взаимодействия моделей. П. Адамец удачно иллюстрирует наблюдения над этим типом синтаксических отношений возможностью/невозможностью перифразирования, подтверждая предикативный характер прилагательного в (2). Ср.: *Принесенный хлеб был еще горячим* — эквивалентно только для (2). Не менее важно то, что возможность перифразирования опирается на состав словоформ: в качестве второго предиката употребляются те же признаковые формы слов, которые способны быть первым, единственным предикатом: *Хлеб был горячий/горячим* (неслучайно чередование им. и тв. предикативного); *Хлеб был с прилипшими листьями; Хлеба была полная корзина* (*целая буханка, два кило* и т. п.). Включение количественных характеристик в этот круг вторичных предикатов подтверждается и здесь различием форм родительного падежа в разных синтаксических функциях.

См. пример: *Своих стихотворений я включил в сборник только три* (Н. Чуковский) [12], где взаимодействуют значения квантитативной предикации (ср.: *Моих стихотворений (в сборнике) было три*) и значение личного действия (может быть, справедливее даже видеть здесь каузацию квантитативного наличия). Существенно различие присловного родительного *три стихотворения* и родительного предицируемого количества *(стихотворений — три)*, который сохраняется и в осложненной структуре предложения.

Попытки объяснить изменения в форме родительного экспрессивностью построения не удовлетворяют, поскольку экспрессивность не имеет обыкновения выражаться регулярным изменением падежных форм, а также и потому, что в предложениях приведенного типа нет даже особой экспрессивности, расположение компонентов определяется в них не экспрессией, а композиционно-смысловыми потребностями. Особая форма родительного падежа и ее препозиция сигнализируют здесь, очевидно, двойную функцию компонента: функцию приглагольного объектного распространителя и функцию первого, предицируемого компонента предложения с количественным предикатом. Прав А. С. Попов в том, что роль глагола в подобных случаях не сводима к связочной, глагол в большей или меньшей степени сохраняет свое лексическое значение. Вместе с тем нельзя не заметить, что глагол при наличии второго, количественного предиката оказывается в слабой структурно-семантической позиции, как бы включаясь в рамку количественного предложения, почти поглощаясь ею. А. С. Попов приводит выразительные примеры для доказательства того, что отвлеченный «нумерал вовсе не всегда ставится контрастно на последнем месте»: *Снегу мало выпало* (Федин) и *В этот год навалило снегу необыкновенно много* (Куприн) [13]. Но эти примеры убедительно демонстрируют и другое: при различном положении глагола и независимо от его препозиции или постпозиции ремой предложений, новым, несущим логическое ударение компонентом в обоих случаях остается количественный, а не глагольный предикат, ударение на глаголе просто невозможно. Возможности актуального членения в рассмотренных конструкциях, таким образом, ограничены и предопределены — семантико-синтаксическим строением пред-

[12] Пример А. С. Попова (указ. соч.), интерпретируемый им иначе.

[13] Там же, с. 198.

ложения, а условия вариативной перестройки должны быть обследованы особо.

Из сказанного вытекает, что отношения между грамматической структурой предложения и актуальным членением многообразны, что при определении исходной структуры коммуникативных парадигм большего внимания заслуживают категориальная семантика перемещаемых компонентов, способы их выражения и характер синтаксических связей между ними.

3. Другая сторона вопроса о единстве исходной синтаксической структуры связана с установлением релевантного для синтаксической системы уровня грамматической абстракции.

В тезисах Ленинградской конференции, посвященной категории залога, находим интересное наблюдение, связанное с соотношением синтаксиса и семантики. Оказывается, не только обстоятельства, но и остальные члены предложения могут подразделяться на семантические подтипы (места, времени, причины и под.), например, определение места (*комнатное растение, морская прогулка*), определение времени (*утренняя заря, зимние каникулы*), подлежащее места (*море поглотило утлое суденышко*), подлежащее времени (*прошел год*) и т. д. [14]. Целесообразно поставить вопрос: представляют ли одну и ту же структуру предложения с «подлежащим времени» (*Прошел год*) и, допустим, с «подлежащим субъекта» (*Прошел моряк*)? Сколько разнообразных подлежащих мы ни сочетали бы с глаголом *прошел* (*прошла, прошло...*), полученные предложения четко выстроятся в две группы:

1) предложения со значением движения (результата движения) лица, живого существа (или движущегося предмета — разновидность): *человек, слон прошел, кошка, старушка прошла...; поезд, трамвай, грузовик прошел, такси прошло...;*

2) предложения со значением отрезка времени (или закончившегося процесса — разновидность): *прошел год, месяц, час, прошла зима, прошли каникулы; прошел урок, прошел дождь* и т. д.

Предложения 1-й и 2-й групп отличаются друг от друга прежде всего семантикой компонентов: (1) — имя лица

---

[14] *Сильницкий Г. Г.* Синтаксические типы припредикатных позиций.— В кн.: Диатезы и залоги. Тезисы конференции. Л., 1975, с. 52.

или движущегося конкретного предмета и глагол движения, (2) — имя отвлеченное ограниченного круга со значением отрезка времени или процесса; глагол — неполнозначный с фазисным значением.

Обе группы, таким образом, формируются словами разных лексико-грамматических категорий.

Из различия в структурно-семантической организации вытекают структурно-коммуникативные особенности. Для (1) норма порядка слов: имя — глагол, членимость свободная, полная парадигма. Для (2) норма — обратный порядок слов: глагол — имя. Предложения склонны к нерасчлененному употреблению в речи, как отмечали не раз исследователи. Это естественно, поскольку предложения не приписывают предмету признака, а констатируют явление в одной из его фазисных точек. Само значение явления, события и процессуальное значение заключены в отвлеченном имени. В определенном контексте предложения (2) способны к инверсии и расчленению. Например: *А дождь-то, оказывается, был. На улице стояли большие лужи.* (И. Грекова). Ср.: *А дождь-то, оказывается, прошел.* Гораздо меньше вероятность контекстной расчленности этой разновидности при ее обычном порядке слов: *Прошел|дождь.*

Таким образом, достаточно отчетливо разграничиваются два типа (или две разновидности, иерархическая терминология может быть уточнена), в которых различия в коммуникативных возможностях (актуального членения) целиком зависят от структурно-семантического состава предложения.[15]

Еще один пример соотношения аспектов. Строка из Беллы Ахмадулиной: Весь сад в дожде! Весь дождь в саду! («Дождь и сад»). На первый взгляд однотипные структуры, даже с одинаковыми лексическими компонентами, лишь поменявшимися местами. На каком-то уровне абстракции можно определить и общее значение как локализованное наличие предметов одного внутри другого. И все-таки структуры разные. Локализованное наличие — значение второго предложения. В первом сообщается о признаке предицируемого предмета, его качестве или состоянии. Лексические возможности второй модели не ограничены,

[15] Ср. наблюдения в статье: *Gladrow W.* Взаимодействие лексических и грамматических средств в процессе речевой реализации простого предложения русского языка.— В кн.: Otázky slovanské syntaxe IV/1, Brno, 1976, s. 90).

для первой характерны лексические ограничения. См. ряд аналогичных построений: *Весь луг в ромашках; Вся трава в росе; Нос в веснушках; Руки в царапинах.* Ср. также: А вся река — в деревьях тонущих, То ль забрела она в черемушник, То ли черемушник в нее! (Евтушенко). Попробуем «перевернуть» соотношение предметов — меняется и синтаксическая форма предикативного слова: *Вся роса на траве; Все веснушки — на носу; Царапины — на руках.* Это тоже подтверждает структурно-смысловые различия. Предложения из стиха Ахмадулиной оказываются не однотипными, а омонимичными, чем и достигается поэтический эффект. Различными окажутся и возможности актуального членения для каждой из этих структур.

4. Выводы. Актуальное членение — производное от двух величин: семантико-синтаксической структуры предложения и конкретного текста (или речевой ситуации). При этом само понятие семантико-синтаксической структуры не предполагает семантики в виде надстройки над синтаксической схемой или в виде последующего наполнения, семантические категории — это элемент структуры предложения. В этом смысле семантико-синтаксической структурой предопределяются потенции актуального членения или коммуникативного использования предложения. Такое понимание поможет уточнить ответ на вопрос о тождестве исходной модели коммуникативной парадигмы.

Второй вопрос, поставленный в начале раздела, о том, насколько сохраняется единство предложения в актуальном варьировании его, может решаться только как производный от структуры контекста.

В. В. Виноградов писал о синтагматическом членении (отношение между понятиями синтагматического и актуального членения — вопрос специального изучения, но несомненно, что это явления принципиально одного, речевого плана): «Выделение синтагм, или, вернее, членение на синтагмы всегда связано с точным и полным осмыслением целого сообщения или целого высказывания»[16].

По-видимому, полное осмысление сообщения предполагает внимание как к обобщенной семантике, типовому значению самого предложения, так и к характеру его контекстного (конситуационного) окружения.

---

[16] *Виноградов В. В.* Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка. М., 1950, с. 248.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СИНТАГМАТИЧЕСКИМ ЧЛЕНЕНИЕМ ТЕКСТА

1. Темо-рематическое членение предполагает двучленную структуру предложения, поэтому демонстрируется обычно на примерах простых, не слишком распространенных и неосложненных предложений. Членение же пространных предложений более сложного состава на тему и рему, на данное и новое вызывает затруднения.

Ближе к сути явления те исследователи, которые видят многостепенность темо-рематического членения (Фирбас и др.). Деля предложение на отрезки, звенья и соотнося их значимость с точки зрения выражения темы и ремы, с точки зрения выраженности в этом предложении связей с окружающим его контекстом, мы и возвращаемся к синтагматическому членению, идея которого разработана В. В. Виноградовым вслед за Л. В. Щербой.

Особенностью многих типов книжно-письменной речи является движение мысли не путем сопоставления слова-темы и слова-ремы, но постепенная, порционная подача информации, создающая информационно насыщенную структуру, единицами которой и оказываются сегменты, или синтагмы.

Синтагмы а) создают иерархическую с точки зрения информативной значимости структуру в рамках распространенного предложения; б) соотносятся с разными частями окружающего текста за рамками предложения; в) часто не содержат рематического слова, выделяемого логическим ударением, а распределяют новую информацию между составляющими синтагму словами.

Ударение логическое уступает акцентные каденции фразовому, завершающему синтагму или — более сильно — предложение.

Если схема акцентной структуры простого предложения, содержащего противопоставление T—R напоминает домик с двускатной крышей, то схемы предложений более сложной информативной структуры похожи на многоэтажное здание с крышами-террасами на разных уровнях.

Рассмотрим в качестве обозримого примера текст газетной заметки (Изв., 1977, 16 февр.).

От конки до метро

Необычный музей | *создается* в крупном промышленном и культурном центре Чехословакии | — городе Брно. | В его экспозиции | *будут представлены* средства общест-

венного городского транспорта | — от первых конок прошлого века | до последних моделей поездов метрополитена. | В настоящее время в коллекции будущего музея | уже *насчитывается* 30 экспонатов, | причем все они действующие. | *Предполагается*, | что после завершения работ по строительству музейного здания, | площадь которого *составит* около 3 тысяч кв. метров, | число экспонатов | достигнет 100. |

Брно **не случайно** стал местом размещения музея. | Дело в том, что ровно сто лет назад | на улицах этого города | появился первый в стране общественный транспорт. | Сначала это были конки, | а в 1889 году | прошли испытания паровые локомотивы. |

Перед нами текст, построенный по правилам информативного жанра, I абзац: 1) информативно-повествовательный, 2) информативно-описательный. II абзац: 3) информативно-повествовательный, выполняющий по отношению к I абзацу причинно-поясни тельную функцию.

Воспользуемся экспериментальным приемом варьирования порядка компонентов[17]. Первое предложение, несущее событийную информацию, при любом порядке членится на три (или четыре) синтагмы постоянного состава. Ср. возможные варианты:

(2) В городе Брно, / крупном... центре Чехословакии, // создается необычный музей.

(3) В крупном... центре Чехословакии / — городе Брно // создается необычный музей.

(4) Необычный музей // создается в городе Брно, / крупном... центре Чехословакии.

Эксперимент показывает:

а) Единицами членения и варьирования словопорядка оказываются в большинстве случаев не отдельные слова, а их объединения, блоки, представляющие собой распространенные наименования понятий. Квалификация их отражает две ступени синтаксической системы: на докоммуникативной ступени они квалифицируются как однословная глагольная номинация события (*создается*) и распространенные именные номинации предметов (*необычный музей, город Брно, крупный промышленный и культурный центр Чехословакии*); на коммуникативной ступени их номинативные значения реализуются во взаимной

[17] Ср. эксперимент в кн.: *Ковтунова И. И.* Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969, с. 3—9.

предикативной соотнесенности: первая номинация служит обозначением темы события, вторая — места события, третья — полупредикативной характеристикой места.

б) Состав блоков-синтагм и их взаимные отношения остаются неизменными при изменениях порядка синтагм. Возможность вычленения более дробных языковых моделей в пределах распространенных синтагм (например, *крупный центр, культурный центр, центр Чехословакии*) оказывается нерелевантной.

в) Выявляются разные степени подвижности и информативной значимости синтагм. Обозначение темы события (*необычный музей*), тем более, что оно снабжено эмоционально-оценочным определением, служит ремой высказывания. В менее экспрессивном по тону высказывании (ср. 2,3) рематическая синтагма займет последнее место, а локативная — первое. При этом сохраняется взаимная связанность в пределах двух синтагматических пар: наименование места и его характеристики, с одной стороны, наименование события и его темы, с другой, могут меняться местами в пределах каждой из пар, но не отрываясь друг от друга. Вместе с тем каждая из именных синтагм может занять последнее место в предложении, приняв на себя рематическое или фразовое ударение, но глагольная синтагма *создается* не способна к этому. Назовем ее позицию информативно с л а б о й в отличие от с и л ь н ы х позиций именных синтагм. Слабость глагольной позиции в этом тексте проявляется и в том, что и акцентно-паузальное вычленение ее остается лишь потенциальным, чаще в потоке речи она сливается с последующей синтагмой: отсюда неоднозначность утверждения о количестве в предложении синтагм (3 или 4) и особый значок $^{\vee}$, сигнализирующий потенциальное членение. Дальнейший анализ должен иметь в виду ответ на вопрос, от чего зависит сила одних и слабость других синтагм.

г) Интонационная структура высказывания с ремой на первом месте в схематически упрощенном виде (необходимо, конечно, акустическое исследование с помощью аппаратуры, но это особая задача) представляется как ряд террас-синтагм или ступеней, ведущих сверху вниз, а с ремой на последнем месте — как ряд ступеней вверх и с более резким понижением в последней синтагме, когда в ней соединяются рематическое и фразовое ударения.

Второе, третье и четвертое предложения первого абзаца содержат информацию описательно-пояснительную:

они поясняют, что за музей, какой именно, какого характера. В отличие от первого предложения, у второго нет вариантов расположения синтагм, порядок их задан темой события и информационной интонацией сообщения. Здесь пять синтагм: (1) и (2) развивают как данное тему события лексическими средствами того же тематического круга (создается *музей* — в его *экспозиции* будут *представлены*), при этом (2) — слабая синтагма, (3) — новое, рема предложения, выраженная сочетанием слов, (4) и (5) — в целом составляют пояснение к реме, между собой противопоставлены контрастивно, но поскольку противопоставление не параллельное, а перекрещивающееся (не только *первые — последние*, но и *первые* конки *прошлого века — последние модели*, и *конки — поезда метрополитена*), каждая из этих синтагм представляет собой далее нечленимое речевое звено. Предложение в целом являет образец иерархически неоднородной синтагматической структуры, однако граница между тематическим и рематическим комплексами (1, 2—3, 4, 5) выражена отчетливо.

Третье предложение членится на четыре синтагмы. Первые две составляют тематический комплекс: (1) — данное этого предложения, (2) — ранее данное; второе — рематический: (3) — рема, новое, (4) — дополнительное новое о реме. Темпоративная (1) и локативная (2) синтагма располагают возможностью поменяться местами, но композиция текста требует именно данного размещения: локативная как лексический вариант ранее данной темы занимает менее значимую позицию внутри предложения, темпоративная выводит временную линию информации, намеченную грамматическими средствами в слабых синтагмах (*создается, будут представлены,*), на композиционно значительное место начала предложения, задавая тем самым продолжающую ее и противопоставленную ей темпоративную тему следующего, четвертого предложения.

Что касается (3) рематической синтагмы третьего предложения, квантитативного содержания, то ее глагольно-именной характер предполагает возможность внутреннего членения, которая могла бы быть усилена перемещением частицы *уже* из препозиции в глагольную постпозицию, но поскольку слово *насчитывается* семантически слабое, вспомогательно-квантитативного характера, потенциальная членимость здесь не реализуется.

Следующее, четвертое, предложение усложнено иерархически. Казалось бы, информация третьего и четвертого

Предложений организована параллельно:

в настоящем — 30 экспонатов,

в будущем — 100 экспонатов.

Эта параллель дает возможность интерпретировать вторую, распространенную темпоративную синтагму как ему, а последнюю, квантитативного содержания, как ему. Но квантитативная синтагма сама организована асчленению (введением еще одного вспомогательного лова *число*, изменением словопорядка; очевидно, играет ополнительную информационную роль и значение будуего времени по сравнению с настоящим в квантитатив-ой синтагме предшествующего предложения), и в рас-ленности этой просматриваются отношения темы—ремы предмет, названный ранее,— новое сообщение о его ко-ичестве). Если принять такую границу основного членения, то темпоративная синтагма останется ранее данным, отнесенным с темпоративным данным предшествующего предложения. Эта темпоративная синтагма осложнена обеих сторон: первой синтагмой, вводящей в текст элемент модально-авторизующий, с неопределенно-личным значением неназванного «автора» предложения, и синтагмой в виде придаточного предложения, несущей дополнительное новое и сохраняющей потенциальную членимость, которая, видимо, не реализуется в силу грамматически подчиненного характера этой синтагмы.

В первом абзаце, таким образом, исчерпаны взаимно переплетенные характеризующая, квантитативная и темпоративная линии информации о событии, которому посвящена первая фраза текста.

Второй абзац подхватывает локативную тему, снабжая ее причинно-пояснительной информацией. Содержание начальной фразы текста варьируется в теме первой фразы второго абзаца, открывая в реме *не случайно* позицию для пояснения (с которой коррелируется союзное сочетание «дело в том, что...», делающее второе предложение как бы ответом на вопрос «почему же?»). Здесь встает вопрос о соотношении собственно синтаксического и актуального членения. По отношению к реме-новому *не случайно* весь остальной состав предложения представляет тему, данное, известное (ср., например: То, что Брно стал местом размещения музея, *не случайно*). Однако отчетливая двучленная субъектно-предикатная структура этой темы не позволяет ее считать одной синтагмой. Может быть, эта двучленность и вызывает интерпозицию ремы как бы внутри темы

при наличии вариативной возможности поместить ее в конце или — для большей экспрессии — в начале предложения. Во всяком случае, этот пример особенно ясно показывает, что реальное синтагматическое членение не происходит на независимых друг от друга уровнях членения: коммуникативного, выражающего темо-рематические отношения, и грамматического, выражающего субъектно-предикатные отношения; в речевой действительности эти «уровни» взаимодействуют. Это и не должно быть иначе: субъектно-предикатные и все прочие синтаксические отношения в предложении возникают ради коммуникации.

Следующее предложение второго абзаца по отношению к первому содержит информацию о событии, послужившем причиной выбора места для музея. Построение его стандартно: темпоративная, локативная и событийная синтагмы, внутри событийной глагол в слабой, нерематичной позиции. Последнее предложение характеризующего содержания («какой именно транспорт?») организовано параллельным сопоставлением названий темпорально приуроченных видов транспорта, при этом глагольное сочетание *прошли испытания* в слабой потенциальной синтагме утрачивает событийное значение почти до бытийного.

Анализ текста показывает, таким образом, более сложную картину темо-рематических отношений, в которой тема и рема выражаются преимущественно не отдельными словами, а синтагмами — сегментами распространенного предложения, которые поступательным движением развивают информацию, соотнося тему и рему, а также соотнося сегменты данного предложения с другими сегментами текста, обнаруживая и осуществляя разной глубины текстовые связи.

2. Иные приемы выражения темо-рематических отношений обнаруживает текст логико-информативного типа, с публицистической убеждающей установкой. Ни говорящий субъект, ни читатель могут быть вербально не обозначены, тем не менее именно линия говорящий—воспринимающий становится здесь организующим фактором. Текст строится на разного рода логико-риторических ходах, ориентированных либо на мысленную полемику с тем или иным оппонентом, либо на мыслимую, воображаемую, предполагаемую реакцию читателя-собеседника, вовлекаемого автором в обсуждение вопроса. См. пример из статьи известного ученого-медика и популяризатора научных знаний Н. Амосова (Изв., 1977. 29 июля).

После вступительных абзацев, посвящённых успехам ящей медицины, автор озадачивает читателя парадок-: «Количество заболевающих растет одновременно с спехами медицины». Это своего рода кульминация завяз-. Отталкиваясь от нее, автор целенаправленно ведет зложение, внушая идею своей статьи. Подходы к вопросу разных сторон готовят читателя к восприятию этой идеи, бежденно и настойчиво, логически аргументированно тверждаемой автором. Рема выделяет везде полемичекое содержание мысли. Автор акцентирует ее средствами нтонимии конструктивного противопоставления, выделительными частицами и подчеркивающими эпитетами:

Видимо, *невозможно оздоровить* людей, развивая *только науку о болезнях*. Нет организаторов медицинских служб, которые могли бы сказать: «Если *увеличить* денежные вложения, число больниц, персонала, то смертность от таких-то болезней заметно *снизится*». Потому что дело сейчас уже не *только* (*не столько*) *в дальнейшем совершенствовании лечения*. Проблема *в другом*: в кардинальной переориентировке всей службы *на конечный результат – на здоровье*.

Уже стало *ясно*, что человека надо рассматривать *не* как потенциального *больного*, а как потенциального *здорового*. Это означает *не игру слов*, но необходимость *сконцентрировать усилия на важнейшей проблеме – резистентности* – устойчивости человека. Следовательно: уточнить *«резервы мощности»* (клеток, органов, всей системы), узнать пути *повышения прочности*, возможность *довести ее до оптимума*.

Интуитивно люди хотят знать *именно резервы и ресурсы* своей живой машины. Тучные шутят: «Пока толстый сохнет, худой сдохнет». Тощие с большим основанием говорят о двужильности... Однако шутки в сторону – это *действительно актуальный запрос к медицинской науке*: надо выразить *здоровье здоровых в цифрах* – аналогично с оценками, которые есть для *любого рукотворного механизма* (опять-таки *резервы мощности, ресурс работы, надежность*)...

В отличие от информативно-повествовательных текстов с их спокойным ступенчатым ритмом нарастающей информации здесь, в риторически убеждающем тексте, контрастивно соотнесены и внутри фраз и между фразами основные опорные точки смысла. В рематической синтагме рема-новое часто фокусирует свое значение в одном слове,

акцентируя его и соотнося с ремами (или рематическими фокусами) соседних предложений. См. схематическое представление: Развивая только науку *о болезнях* — невозможно *оздоровить*...; Не только совершенствование *лечения* — переориентировка на *здоровье*; Не потенциальный *больной* — а потенциальный *здоровый*...: Не *игра слов* — но необходимость *сконцентрировать усилия*...

РОЛЬ РЕМЫ В ОРГАНИЗАЦИИ И ТИПОЛОГИИ ТЕКСТА

1. Энергично развивающаяся текстлингвистика подошла к необходимости ответить на вопрос о взаимоотношении между синтаксисом текста и синтаксисом предложения — вопрос, по которому при современном состоянии этой области науки высказываются противоположные суждения. Одни исследователи не считают правомерной связь между двумя синтаксисами (или двумя уровнями синтаксиса), подчеркивая качественное отличие синтаксических отношений в тексте от синтаксических отношений в предложении. Другие высказывают неудовлетворенность тем, что описание текста в существующих работах не имеет прямой связи с типологией предложения — единицы предыдущего уровня. Следствием подобной неудовлетворенности становятся упования на следующий этап лингвистики текста, на котором она найдет опору в общелингвистических идеях и проблемах и в свою очередь обогатит эти идеи.

Возможно, что дальнейшее движение в этой области зависит от того, на какие лингвистические идеи сумеет опереться теория текста, какие синтаксические классификации использовать. Задаваясь вопросом, связан ли синтаксический состав предложения с окружением этого предложения в тексте, часто отвечают на него отрицательно. Аргументация при этом может быть следующей. Берется цепочка номинативных предложений: *Зимняя ночь. Дорога, идущая вдоль леса. Тишина.* Данную цепочку трансформируют, полагая, что, нарушив параллелизм типов предложения, не нарушают ее текстового единства: *Зимняя ночь. Вдоль леса идет дорога. Стоит полная тишина.* Отсюда делается вывод, что структура предложения не является конструктивным признаком межфразовой связи[18].

[18] См., например: *Linguistica*, 7. Tartu, 1976.

Представляется, что на поставленный вопрос возможен иной, утвердительный ответ. Отправившись от того же примера, попытаемся увидеть в нем основания для этого.

Предполагается, что трансформация изменила структуру предложений, переведя 2-е и 3-е из класса именных в класс глагольных (обозначим их 2а и 3а). Продолжим эксперимент, допустив в цепочке некоторые лексические замены: *Зимняя ночь.* (2б) *Вдоль леса идет охотник.* (3б) *Стоит полная женщина.* Результат получается обратный: если считать, что лексические изменения безразличны для синтаксической структуры, то параллелизм (2а) – (2б), (3а) – (3б) сохранен, но единство цепочки нарушилось: между (2б) и (3б) ощущается нехватка звена, которое указывало бы на восприятие первым персонажем второго и/или на локализацию положения второго (допустим: *...и видит у дороги...* и т. п.). Лексические (а точнее – категориально-семантические) изменения оказываются не безразличными, они приводят к изменению самого типа текста: описательная «цепочка» со второго предложения переключается в повествовательную, что диктует, в свою очередь, иные способы связи между звеньями целого. Но чем вызвано это переключение, что произошло внутри предложений, изменился ли их состав? Замена классов именных лексем – самый очевидный слой изменений, но вместе с тем произошла и замена глаголов их омонимами. Глагол *идет* в (2а) не обозначает передвижения, как в (2б), глагол *стоит* в (3а) не обозначает положения в пространстве, как в (3б). И здесь семантические различия влекут за собой различия структурные. Ср. коммуникативно-смысловые модификации моделей, представленных примерами (2б) и (3б), и невозможность подобных модификаций для моделей, представленных примерами (2а) и (3а):

(2б) *Охотник идет или стоит?*	(2а) * *Дорога идет или стоит?*
Охотник (?—) *идет*[19]	*Дорога* (?—) *идет*
(3б) *Женщина стоит или сидит?*	(3а) * *Тишина стоит или сидит?*
Женщина (?—) *стоит*	*Тишина* (?—) *стоит*

[19] Знаком (?—) условно обозначаем предрематическую паузу в ответной реплике диалога.

Вряд ли возможны и нерасчленённые предложения *Дорога идет, Тишина стоит* без локализующих компонентов и — второе из них — без контекстно обусловленного экспрессивного ударения на первом слове. Трудно представить также в этих предложениях дистантное положение имени и глагола с какими-то компонентами между ними.

Таким образом, из полнозначности глаголов в примерах (2б), (3б) вытекают следующие их свойства, чрезвычайно существенные с точки зрения синтаксиса текста: контрастоспособность[20], способность выражать отчленяемый компонент в условиях контрапозиции[21], способность служить ремой предложения (рематичность)[22]. Этими свойствами не располагают глаголы в предложениях (2а), (3а), не способных к расчленению, ограниченных в возможностях словорасположения,— глаголы неполнозначные, служащие лишь для вербального «подкрепления» семантики протяженности, заключенной в слове «дорога», и семантики состояния, заключенной в слове «тишина». Если эти финитные глаголы не приписывают существительному в именительном падеже никакого признака, кроме того, который заключен в самом понятии, названном этим существительным, и не способны нести на себе логическое ударение, то сомнительна и их предикативная роль в предложении. При явной их семантической и синтаксической ослабленности очевидной остается лишь их морфологическая функция — показателя частных модально-временных характеристик, в которых выражается отнесенность данного сообщения к действительности (ср. разные способы выражения этих характеристик в парадигматических рядах *Тишина — Была тишина — Будет тишина...* и *Стоит тишина — Стояла тишина — Будет стоять тишина*). Подобные случаи дают

---

[20] О контрастоспособности/неконтрастоспособности как способности слов выражать в тексте семантику противопоставления см.: *Николаева Т. М.* Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики.— Изв. АН СССР. СЛЯ, 1977, № 4, с. 310 (со ссылками на Х. Вейнриха, Р. Харвега и Е. А. Брызгунову).

[21] Понятие контрапозиции использует автор вслед за Н. С. Поповым в кн.: *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка, с. 335.

[22] Понятием рематичные — нерематичные глаголы пользуется В. А. Матвеенко, но, по-видимому, в несколько ином значении (см.: *Матвеенко В. А.* Рема предложения — производное от его семантики.— В кн.: Проблемы синтаксической семантики. М., 1976, с. 152—154).

снование говорить о «квазидвусоставности» и о неакциональности предложений [23].

Подытожим сопоставление экспериментальных вариантов:

(1) *Зимняя ночь*	(2) *Дорога, идущая вдоль леса*	(3) *Тишина*
(1) *Зимняя ночь*	(2а) *Вдоль леса идет дорога*	(3а) *Стоит полная тишина*
(1) *Зимняя ночь*	(2б) *Вдоль леса идет охотник*	(3б) *Стоит полная женщина.*

Как видим, имеется, достаточно оснований считать, что предложения (2а) и (3а) остаются по существу однокомпонентными, структурно-семантически близкими к (2) и (3) как предложения, констатирующие наличие предмета и состояния в описательном типе речи, в отличие от (2б) и (3б) – двухкомпонентных сообщений о предмете и его предикативном признаке, представляющих повествовательный тип речи. Признаки, по которым они сопоставлены, и выводят на путь соотнесения структуры предложения и структуры текста.

Выявляется, таким образом, возможность двух подходов к синтаксическому анализу и синтаксической классификации. Первый – сближение (2а) и (2б), (3а) и (3б), в противопоставлении (2), (3) и (1), – на формально-традиционных основаниях; второй – сближение (2а) и (2), (3а) и (3), а также (1), в противопоставлении (2б) и (3б) на основании структурно-семантического компонентного анализа.

---

[23] О квазидвусоставности и мнимой глагольности предложений см.: *Золотова Г. А.* Указ. соч., с. 215, 126–129. Поскольку справедливы упреки критиков в терминологической непоследовательности (мнимо-глагольными или неглагольными были названы предложения, формально включающие глагол,– см. об этом, например: Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970–1973 гг. Синтаксис. М., 1976, с. 48), предлагается соответственно различать предложения по признаку акциональность / неакциональность.

Употребление при подобном глаголе наречного квалификатора в поэтической речи (см., например: Никого. Только ночь и свобода. Только жутко стоит тишина — Блок) также выявляет неакциональность глагола: признак *жутко* обозначает здесь не качество действия, он определяет опосредованно опредмеченное состояние *тишина*, в свою очередь отсылая к каузированному тишиной состоянию лирического героя.

Возможность разных подходов к изучаемому объекту не изменяет самого объекта, она говорит лишь о том, что в каждом случае от объекта абстрагируются различные его признаки, совокупность которых оказывается более или менее релевантной для дальнейших целей исследования.

С точки зрения синтаксиса текста формально-традиционный анализ по членам предложения действительно оказывается неперспективным, он ведет к отрицательному решению вопроса о структурной соотносительности текста (фрагмента текста) и предложения. Структурно-смысловой компонентный анализ открывает известные перспективы в этом направлении. В дальнейшем изложении попытаемся показать это на материале.

2. Очевидно, не вызывает сомнений, что фрагменты текста, различающиеся в речевом произведении, организуются прежде всего потребностью автора выразить смысл, т. е. они должны быть объединены какой-то семантической общностью [24]. Задача заключается в том, чтобы выявить, какими языковыми средствами выражается эта семантическая общность. Прежде всего, по-видимому, это отбор говорящим (пишущим) синтаксических моделей для выражения соответствующего содержания: предложений с акционально-глагольными предикатами для сообщения о действиях, предложений с именными и адъективными предикатами для описания предметов и их качеств и т. д. Далее — это взаимная организация предложений для построения связного фрагмента текста.

Поскольку для целей данной работы нет надобности анализировать текст как замкнутое единство, как целое речевое произведение, работаем здесь с категорией текстового фрагмента, удобной тем, что фрагмент может быть рассматриваем и как результат членения целого текста и как результат объединения предложений в сложное синтаксическое целое.

2.1. Категории актуального членения — тема и рема (данное и новое) — одни из главных организаторов связности текста, движения мысли от предложения к предложению. До сих пор исследователей больше интересовала тема, ее роль в композиционно-синтаксических связях между предложениями. Обратимся к реме.

[24] «Можно говорить о своего рода гносеологической первичности семантической связности среди строевых коррелятов единства текста» (*Гиндин С. И.* Внутренняя организация текста. Автореф. канд. дис. М., 1972, с. 16).

Направим внимание на слова, несущие на себе логическое ударение в пределах текстовых фрагментов разного типового содержания. Начнем с описания места действия:

В доме Гаврилы Афанасьевича из сеней направо находилась тесная *каморка* с одним окошечком. В ней стояла простая *кровать*, покрытая байковым одеялом, а пред кроватью еловый *столик*, на котором горела сальная *свеча* и лежали открытые *ноты*. На стене висел старый синий *мундир* и его повесница, треугольная *шляпа*, над нею тремя гвоздиками прибита была дубочная *картина*, изображающая Карла XII верхом (Пушкин, Арап Петра Великого).

Все ударные (выделенные курсивом) слова этого отрывка отличаются грамматико-семантической однородностью: это — обозначения предметов описываемой обстановки. Смысл описания обычно в том и состоит, чтобы констатировать наличие предметов, представляющих компоненты общей картины, и указать на пространственные соотношения между ними. Соответственно общими чертами характеризуются и предложения, рематическими элементами которых служат выделенные слова. Несмотря на то, что с формальной стороны все эти предложения глагольные, они вместе с тем не сообщают о действиях, а только о существовании и местоположении. Ни один из этих глаголов не принимает на себя логическое ударение. Другими словами, глаголы этого фрагмента характеризуются признаками неакциональности и нерематичности.

Те же особенности можно наблюдать и в отрывках аналогичного содержания из других произведений разных писателей. Например:

Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид. *Волга* протекала перед окнами, по ней шли нагруженные *барки* под натянутыми парусами и мелькали рыбачьи *лодки*, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись *холмы* и *поля, несколько деревень* оживляли окрестность (Пушкин, Дубровский).

Уже светало; ясно обозначились *баржа*, кусты *тальника* на воде и *зыбь*, а назад оглянуться — там глинистый *обрыв*, внизу *избушка*, крытая бурою *соломой*, а выше лепятся деревенские *избы* (Чехов, В ссылке).

Мы вышли на поляну в зеленом *ущелье*. Как белые острова, стояли в сочной траве толпы высоких *одуванчиков*. Под густыми буками мы увидели старый пустой *сарай*. Он стоял на берегу шумной горной *речонки* (Паустовский, Далекие годы).

Подобным же образом рематически организуются и аналогичного содержания фрагменты нехудожественных текстов. См. примеры:

Но вернемся на *космодром Байконур*. Далеко в степь уходит *бетонированное шоссе*. Оно ведет к той *стартовой площадке*, с которой был запущен первый спутник. Влево и вправо от шоссе — *ответвления*, они ведут к *другим стартовым площадкам*. Идут ответвления и к *наземным станциям слежения*, чаши антенн которых нацелены *в небо*. (Мы движемся по основному *шоссе*), и наконец на горизонте появляется *зеленый островок* с возвышающимся над ним монументальным *зданием* и знакомыми сейчас всем ажурными конструкциями *стартовой системы*. (Мы прибыли *в космический порт*)... (Наука и жизнь, 1978, № 1); Здание дирекции объединения прилепилось словно ласточкино гнездо к вершине крутого, невысокого *холма*. Отсюда хорошо различимы окрестные *взгорья* и *долины*, *пастбища*, расчерченные проволочными изгородями на ровные *квадраты*. Там и тут — группы аккуратных белых зданий *животноводческих ферм* (Правда, 1978, 1 янв.).

Во всех приведенных фрагментах рематически ударными словами продолжают быть названия предметов, характеризующих описываемую картину. Глаголы, семантика которых, казалось бы, стала разнообразнее (*протекала, шли, мелькали, тянулись, раскинулись, уходит, ведет, мы увидели* и т. п.), остаются по существу сообщениями о наличии в поле зрения наблюдателя предмета, функционирующего в момент восприятия (*свеча горела, река протекала, барки шли*), либо авторизующими включениями, указывающими на субъект и/или процесс восприятия картины (*мы увидели* и т. п.). Показательна и препозиция большинства глаголов в описании и неспособность их принять логическое ударение. Нельзя, конечно, преуменьшать роль в описательном отрывке всех прочих, неударных, слов, называющих неотъемлемые от рисуемой картины и от индивидуальной манеры автора детали и характеристики. Но движение мысли (или — здесь — мысленного взгляда) от предложения к предложению фиксируется предметными ремами, составляющими картину перед взором воспринимающего (читателя) так же, как содержащие их предложения составляют фрагмент текста. На этом основании введем понятие р е м а т и ч е с к о й д о м и н а н т ы текстового фрагмента.

В рассмотренных примерах, представляющих типовые текстовые фрагменты, содержащие описание места, единство сверхфразового целого, скрепляющее его изнутри и выделяющее его из текстового окружения, поддерживается в значительной мере семантико-грамматической однородностью предметных рем, или предметной рематической доминантой[25].

2.2 Обратимся к текстам иного содержания. Вот фрагменты, содержащие характеристику лица (персонажа):

Бурмин был в самом деле *очень милый* человек. Он имел именно *тот ум*, который нравится женщинам: ум *приличия* и *наблюдения*, *без* всяких *притязаний* и *беспечно насмешливый*. Поведение его с Марьей Гавриловной было *просто* и *свободно*; ...Он казался права *тихого* и *скромного*, но молва уверяла, что некогда был он ужасным *повесою*, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла *шалости*, обнаруживающие *смелость* и *пылкость характера* (Пушкин, Метель); Нина Александровна казалась *лет пятидесяти*, с худым, осунувшимся лицом и с сильной *черногой* под глазами. Вид ее был *болезненный* и несколько *скорбный*, но лицо и взгляд ее были довольно *приятны*; с первых слов выявлялся характер *серьезный* и полный истинного *достоинства*. Несмотря на прискорбный вид, в ней предчувствовалась *твердость* и даже *решимость*. Одета она была чрезвычайно *скромно*, в чем-то *темном*, и совсем *по-старушечьи*, по приемы ее, разговор, вся манера изобличали женщину, *видавшую и лучшее общество* (Достоевский, Идиот); Он вообще жил очень *замкнуто* и *дико*. Он иногда бывал необыкновенно *весел*, *мил*, *любезен*, *разговорчив*, *остроумен*, даже *блестящ*, *неистощим* на мастерские рассказы. Но большей частью был он как-то *едко молчалив*, все что-то *думал*, ядовито усмехаясь, зло бормоча и без конца поспешно шагая по дому, по двору, быстро раскачиваясь на своих *тонких и кривых ногах*. В это время всякую попытку заговорить с ним обрывал или короткой,

---

[25] Ср.: «...Функция темы типична для слов со значением предметности, а функция ремы для слов со значением признака — действия, качества, состояния и под. ...Функции ремы для слов со значением признака обусловлена их значением, а для слов со значением предметности — контекстом» (*Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976, с. 92). По-видимому, приведенное утверждение можно уточнить, если дифференцировать понятие контекста.

желчной *любезностью* или *дерзостью* (Бунин, Жизнь Арсеньева).

В отличие от предметной рематической доминанты, характеризующей описания места, здесь наблюдаем доминанту качественную. Логическое ударение в пределах этих отрывков несут слова, называющие качества, признаки внешности, характера представляемого персонажа. Грамматически это прилагательные, деадъективы или существительные признакового значения, именные сочетания, качественные наречия. Глаголы, как и в описаниях места, нерематичны и неакциональны. Семантика их призвана выражать отношение признака к предмету (*быть, бывать, иметь, обладать*), либо восприятие наблюдателя (*казалось, чувствовалось, обнаруживалось* и т. п.).

Аналогичны способы организации фрагментов, содержащих качественную характеристику предметов:

Коридор вагона был *узкий* и *длинный*. Возле наружной стены его были приделаны *складные скамейки*, которые сами с треском *захлопывались*, если с них слезешь. Сюда же, в коридор, выходили еще *десять дверей*. И все двери были *блестящие, красные, с желтыми золочеными ручками* (Гайдар, Чук и Гек); ...Стоит в поле завод. Поле *белое*, трубы *красные*. Дым *черный*, а свет *желтый*... Вот будка, и, укутанный в тулуп, стоит часовой. Часовой в тулупе *огромный, широкий*, и винтовка его кажется *тоненькой*, как соломинка (Там же); Красный фосфор получается в виде *порошка красно-бурого цвета*. Как все вещества с атомной кристаллической решеткой, он *нелетуч* и *нерастворим* ни в каких растворителях. Красный фосфор *не ядовит*. (Ходаков и др., Неорганическая химия).

2.2.1. Между текстами с предметной доминантой и качественной можно заметить различие и в тематической организации.

Поскольку содержание первых текстов сводится к изображению соположенных предметов, для них типична последовательная организация, когда темой следующего предложения становится рема предыдущего, т. е. предметы вводятся в описание как бы друг через друга, с помощью местоименных субституций: *Каморка*... В ней...— *столик*, на котором... *шляпа*, над нею... и т. п. Ср.: С высоты более двух тысяч метров ровными скосами спускаются к долину реки Жиу гряды *Ретезатских гор*. У их подножия раскинулись многоэтажные дома горняцкого поселка Лупени (Правда, 1978, 21 янв.).

Возможен в описаниях и другой тип тематической организации текста — параллельного соподчинения, когда темами служат обозначения частей (сторон) целого, так что движение тем составляет как бы план описания. Ср., например (темы выделяем разрядкой, ремы — курсивом): Обширный кабинет был убран со всевозможной *роскошью;* около стен стояли *шкафы с книгами,* и над каждым бронзовый *бюст;* над мраморным камином было широкое *зеркало;* пол обит был зеленым *сукном* и устлан *коврами* (Пушкин, Выстрел). Здесь при общем тематическом рисунке параллельного соподчинения (кабинет: стены, камин, пол) есть и частный прием последовательного развития текста (*шкафы...,* и над каждым); кроме того, нельзя не учитывать оценочно-качественного характера первой ремы, чем обусловлена значительность определений при названиях предметов.

Что же касается фрагментов, характеризующих персонаж, то они чаще организуются вторым способом, параллельного соподчинения, по тематическому «плану» (персонаж: ум, поведение, нрав, возраст, вид, характер, одежда, манеры и т. п.).

2.3. Перейдем к фрагментам, содержанием которых являются динамически сменяющие друг друга действия. Именно глаголы, называющие эти действия, становятся здесь носителями логического ударения, ремами ряда объединенных в фрагменте предложений:

Он *вспыхнул* и *дал* мне *пощечину*. Мы *бросились к саблям*; дамы *попадали в обморок*; нас *растащили*, и в ту же ночь *поехали* мы *драться* (Пушкин, Выстрел); С этим словом она *бросила* ему кольцо и *заперла* окошко. Мальчик *поднял* кольцо, во весь дух *пустился бежать* — и в три минуты *очутился у заветного дерева*. Тут он *остановился*, задыхаясь, *оглянулся* во все стороны и *положил* колечко *в дупло*. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг рыжий и косой оборванный мальчишка *мелькнул* из-за беседки, *кинулся к дубу* и *запустил* руку *в дупло*. Саша быстрее белки *бросился к нему* и *зацепился за его* обеими руками (Пушкин, Дубровский). Рано утром, еще, может быть, в восемь часов, Татьяна Павловна *прилетела* в мою квартиру... и вдруг *узнала* обо всех вчерашних ужасах... Мигом *бросилась* она к Катерине Николаевне... *разбудила* ее, *напугала* и *потребовала*, чтобы меня немедленно *освободили*. С запиской от нее она тот час же *полетела к Бьорингу* и немедленно вы-

требовала от него другую записку... Сэтой запиской она и *прибыла в участок* и просьба ее *была уважена* (Достоевский, Подросток); Нужно было *спасаться*, чем-нибудь *занять, отвлечь* себя, куда-нибудь *идти*. Он решительно *надел картуз, взял стек*, быстро *пошел*, звеня шпорами, *по пустому коридору, сбежал* по крутой лестнице *на подъезд*... (Бунин, Солнечный удар).

Применительно к текстовым фрагментам такого рода можно говорить об акциональной рематической доминанте, выраженной глаголами со значением действия. Тематическая организация акциональных фрагментов зависит в основном от характера субъекта действия: при одном субъекте чаще наблюдается последовательное развитие текста, темами следующих предложений могут быть достигаемые объекты, цели, адресаты, включенные в сферу рематических действий, при двух или нескольких субъектах темами обычно служат параллельно сменяющиеся обозначения этих лиц:

Проводник *шел*, а Гек поспешно *направился* к себе *в купе*. Он с трудом *приоткрыл дверь*. Осторожно, чтобы не разбудить маму, *закрыл* и *кинулся на* мягкую *постель*. А так как толстый Чук *развалился* во всю ширь, то Гек бесцеремонно *ткнул* его кулаком, чтобы тот *подвинулся* (Гайдар, Чук и Гек); Вдруг в народе кто-то *ахнул* от страха. Мальчик от этого крика *опомнился, глянул вниз* и *зашатался*. В это время капитан корабля, отец мальчика, *вышел из каюты*... (Л. Толстой, Прыжок).

Тексты с акциональной рематической доминантой неоднородны, могут быть выявлены их разновидности, определяющиеся характером соотношения действий между собой, их аспектно-временной локализованностью и другими признаками. Для примера приведем здесь фрагмент, где ремы выражены узуально-акциональными глаголами: Я придумал сложную игру... Я был владельцем самого большого флота в мире... Я *снимал* пароходы с одного рейса и *посылал* в другой. Я *следил* за плаваньем своих кораблей... Я *зачитывался* путеводителями, судовыми справочниками... (Паустовский, Далекие годы).

Особую грамматико-стилистическую разновидность акциональных фрагментов представляют такие синтаксические целые, где экспрессивная динамика действий передана номинативными или эллиптическими фразами с рематически выделенными девербативами от акциональных глаголов (часто – вместе с родительным производителя

действия), предложно-именными формами со значением направления, наречиями со значением характера действия, см., например: Мимо дома — *рысью в садок. Залегли под плетнем.* Глухой *говор. Звяк стремян. Скрип седел. Ближе* (Шолохов, Тихий Дон).

2.3.1. По ходу анализа уже затронут еще один непростой вопрос о составе и членимости ремы. Дело в том, что в текстах акционального типа глагольное сопровождение, объекты и обстоятельства действий либо включаются в состав ремы, так что логическое ударение выделяет не слово, а словосочетание, либо даже перетягивает логическое ударение на себя. По-видимому, могут быть сформулированы некоторые закономерности таких явлений, зависящие от семантики глагола и его сопровождения, от темо-рематического движения, а также от типа текста. В целом этот вопрос требует специального рассмотрения[26]. Приведем здесь лишь некоторые наблюдения.

а) Ударение принимает на себя словосочетание аналитического характера с неполнозначным, фразеологически связанным глаголом (*дал пощечину, попадали в обморок* и т. п.)[27].

б) При полнозначных, но сопровождаемых (предложно-)падежной формой глаголах распределение информативной значимости между ними происходит по-разному. Глаголы движения и перемещения служат ремой вместе с именными формами, обозначающими ориентиры движения, но бо́льшая сила ударения приходится при этом на ориентиры. Переходные же глаголы принимают ударение на себя, а включение/невключение объектной именной формы в состав ремы зависит от информативности, новизны предмета.

Объяснение этим различиям — в закономерностях взаимодействия семантики и синтаксиса падежных форм имени. Объектная форма имени — связанная, ее присутствие при глаголе обязательно, независимо от степени информа-

[26] Д. Н. Шмелев, подкрепляя наблюдения П. Адамца о роли категории определенности / неопределенности («индивидуализированности») в актуальном членении предложения, приводит примеры влияния отрицательной семантики глаголов на интонационное членение фразы (см.: *Шмелев Д. Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976, с. 130—131).

[27] Об этом см. также: *Ковтунова И. И.* Порядок слов и лексико-семантическая структура предложения.— В кн.: Грамматическое описание славянских языков. М., 1974, с. 184—186.

тивности; формы же со значением направления — свободные, содержащие сему движения, и факультативные, они могут не включаться в текст, когда направление движения несущественно или известно (Слуга *вошел* и объявил, что лошади готовы — Пушкин), но если включены, то информативная сила их становится часто больше, чем глагола, потому что для автора в сюжетных и изобразительных целях обычно важнее направление движения, путь движения, чем характер движения. См. примеры: Из сада по выгону *пошли к глиняным оврагам*. От часовни по дороге *спустились* домой *через деревню* (А. Н. Толстой); Певец Орфей *пошел* за погибшей женой *в страну мертвых*. *Вымолил* там ее душу и *повел* обратно *на землю, к жизни* (Изв., 1977, 29 июля); Дубровский *вскочил с кровати, схватил оружие* и *вышел из шалаша* (Пушкин).

Разумеется, вопрос о составе неоднословной ремы и характере отношений между ее компонентами нуждается в дальнейшем изучении. Заметим, что он возникает применительно к ремам не только глагольного, но и именного характера. В приведенном выше материале можно наблюдать как бы дополнительное, ослабленное по сравнению с основным, логическое ударение на компонентах именного рематического сочетания, обозначающих предметные признаки рематически выделенного предмета и вместе с ним иерархически вписывающихся в изображаемую картину (*каморка* с одним *окошечком...; кровать*, покрытая байковым *одеялом...; барки* под натянутыми *парусами; островок* с монументальным *зданием* и ажурными конструкциями *стартовой системы* и т. п.).

в) Большая семантико-синтаксическая нагруженность конструкции ведет и к большей сложности ее рематической организации. Можно, по-видимому, утверждать, что предложения, усложненные способом каузации, дают двухверщинную рему: первая выделяет предикатное имя события-каузатора, вторая — каузированное действие-состояние: В тот день ничто беды не предвещало. В горах Джевехетии сияло солнце, необычное для этого времени года. Вдруг нарастающий глухой *гул* | *насторожил людей* (Правда, 1978, 11 янв.); За окнами казармы постепенно светлело... *Сигнал тревоги* | *нарушил* предутреннюю тишину (Изв., 1977, 4 апр.).

Здесь, разумеется, надо отличать имя события-каузатора как новое, вводимое данным предложением и потому выделяемое рематически, от повторной номинации собы-

тия-каузатора, когда оно составляет тему данного предложения; в последнем случае каузативная усложненность структуры проявляется в большей выраженности (интонационно, паузально) темо-рематической расчлененности, ср.: *В и з г э т о т* как будто *разбудил* артиллериста (Л. Толстой); *Э т а в о з н я* мне начинала *надоедать* (Мамин-Сибиряк)[28].

Двухвершинная рематичность сохраняется и в том случае, когда новое — обозначение каузируемой реакции субъекта предшествует новому-каузатору:

Она ответила *вполголоса*, не от испуга, а от *смущения* (Паустовский); *Беспокойство вкладчиков* вызывают участившиеся в последнее время случаи *банкротства крупных компаний* (Изв., 1967, 16 апр.).

Приведенные наблюдения не исчерпывают вопроса о составе усложненной ремы, но они свидетельствуют о том, что для решения его должны учитываться структурно-семантическая роль в предложении глагола и характер отношений его с именным окружением (либо между сочетающимися именными формами).

2.4. Не ставя задачей полный перечень типов рематических доминант текстовых фрагментов, но стремясь лишь показать их роль в организации текстов и средства их языкового выражения, остановимся еще на фрагментах со значением состояния и изменения этого состояния.

Мертвая *тишина* стояла вокруг. *Замолчали* лягушки и птицы, *перестала плескать* рыба. Даже листья не *шевелились*, испуганные грозой. Мордан залез под дачу, тихонько повизгивал там и *не хотел выходить*. Только люди *шумели* и *перекликались*, но и людям *было не по себе* (Паустовский. Далекие годы). Состояние замершей перед грозой природы передается как бы заглавным рематическим выделением слова *тишина*, с категориальным значением состояния, и затем конкретизируется, развивается в глагольных ремах, в которых с помощью префиксации, отрицания, фазисных глаголов выражается прекращение, отсутствие действия. Люди, противостоящие природе, еще продолжают действовать, но они поддаются общему состоянию, выраженному статуальной фраземой в последней реме.

[28] Не вскрывая каузативной структуры подобных конструкций, И. И. Ковтунова считает их высказываниями с двумя темами при обоих вариантах расположения компонентов (см.: *Ковтунова И. И.* Порядок слов и лексико-семантическая структура предложения, с. 186—187).

Статуальная рематическая доминанта этого фрагмента резко противостоит акциональной доминанте следующего, где ее выражают фазисно-динамические глаголы совершенного вида: Потом все *завыло* и *засвистело*. *Заскрипели* столетние липы. Желтая мгла *помчалась* над самой землей. *Посыпались* стекла. Невиданно белый свет *зажегся* в этой мгле и *раздался* такой *треск*, будто дачу *вбило в землю* по самую крышу. По шумящим вершинам *прокатился* желтый огненный шар. Он трещал и дымился, а потом *взорвался* с сухим *грохотом*, как дальнобойный снаряд (Там же).

Содержание следующих фрагментов — постепенное изменение состояния:

Помню: солнце пекло *все горячее* траву и каменное корыто на дворе, воздух *все тяжелел, тускнел*, облака сходились *все медленнее* и *теснее* и, наконец, *стали подергиваться* острым малиновым *блеском*, стали где-то в самой глубокой и звучной высоте своей *погромыхивать*, а потом *греметь, раскатываться* гулким *гулом* и *разражаться* мощными *ударами*, да *все помовеснее, величавей, великолепнее...* (Бунин, Жизнь Арсеньева); Красный фонарь маяка, поворачиваясь, *то вспыхивал, то гас*. При его фотографическом свете, медленно-медленно, как негатив в глянцевой ванночке, *проявлялась ночь*. Сперва парус был *светлее неба*. Потом небо *стало светлее паруса*... Звезды *утратили лучистость*. Небо *отделилось от моря*. Море *стало темней неба... Началось утро*. Стал пробирать *холод*. Небо на востоке над морем *окрасилось в черешневый цвет* (В. Катаев, Море).

Лексико-грамматическими средствами в отрывке рематически выделяются значения состояний и признаков в их движении, фазисных переходах, утрата и приобретение качеств, изменение степени качеств. Назовем рематическую доминанту такого типа текста **статуально-динамической**.

2. 5. Можно назвать **импрессивной** доминанту тех фрагментов, в которых окружающая среда, внешний мир передаются через эмоциональное восприятие субъекта, через производимое на него впечатление; средствами выражения импрессивной ремы окажутся слова из категории состояния, качественно-оценочные прилагательные и наречия, отвлеченные имена соответствующей семантики. См. примеры:

Все было *хорошо*, во всем было безмерное *счастье*, великая *радость*; даже в этом зное и во всех базарных *запахах*, во всем этом *незнакомом городишке* и в этой старой уездной

гостинице была она, эта радость, а вместе с тем *сердце* просто *разрывалось на части*. (Бунин, Солнечный удар); Это было для меня *самое глухое* из всех глухих мест на свете. Какая *благословенная пустынность*! Казалась, сидел бы в этой лощине весь век, кого-то *любя* и кого-то *жалея*. Какой *прелестный* и по виду и по имени цветок цвел в густой и высокой траве и на скатах — малиновый Богородичный цветок с коричневым липким стеблем! И как *горестно-нежно* звенела в бурьяне своей коротенькой песенкой овсянка! (Бунин, Жизнь Арсеньева); Теперь он уверял себя, что Анну Акимовну он любит *платонически, идеально,* хотя сам не знал, что это значит. Но ему было *хорошо, уютно, тепло,* Анна Акимовна казалась *очаровательною, оригинальною,* и он думал, что приятное самочувствие, вызываемое в нем этой обстановкою, и есть именно то, что называется *платоническою любовью* (Чехов, Бабье царство).

По-видимому, фрагменты с импрессивной рематической доминантой больше других избирательны, свойственны или не свойственны манере определенных писателей и определенным жанрово-стилистическим видам текстов.

3.2.6. Заключим приведенные материалы обобщающей таблицей (табл. 5).

Таблица 5

Семантические типы текстовых фрагментов	Рематическая доминанта
Описание места	Предметная
Характеристика персонажа, предмета	Качественная
Динамика действия	Акциональная
Состояние (природы, среды, лица)	Статуальная
Изменение состояния, переход от состояния к действию	Статуально-динамическая
Субъективно-оценочное восприятие действительности	Импрессивная

Подчеркнем при этом три обстоятельства.

1) Выделение семантических типов текстовых фрагментов и характеризующих их рематических доминант опирается на различия в языковых средствах их организации и выражения (синтаксико-семантические модели предложений, семантико-грамматические разряды слов).

2) Нельзя, разумеется, думать, что всякий текст представляет собой ту или иную комбинацию упомянутых фрагментов. Дело обстоит сложнее и потому, что в данной работе описана только часть типовых фрагментов, и потому, что в реальных текстах типовые фрагменты вступают в разнообразные взаимодействия друг с другом, обычные и необычные: обычны взаимодействия описаний места, характеристики предмета с повествованием о движении, перемещении воспринимающего субъекта; повествования о действиях, событиях с импрессивно-оценочными, статуальными фразами или включениями во фразы и т. д. [29].

Вместе с тем очевидно, что явление следует показать на образцовых манифестациях по возможности «в чистом виде», для чего необходимы были и отбор и даже иногда купюры.

3) Задача полного описания, максимального охвата всех существующих типов рематических доминант здесь не ставится. Цель автора — показать определенное явление, вырастающее из наблюдаемых фактов, оценить его как инструмент анализа текста, сделать возможные выводы и наметить круг вопросов, к исследованию которых побуждают представленные наблюдения.

3. Изложенное позволяет подвести некоторые предварительного характера итоги:

1) Признание соотносительности предложения и сложного синтаксического целого (сверхфразового единства, фрагмента текста) принципиально возможно и необходимо. Становится все очевиднее, что отрицательное отношение к закономерностям связи структуры предложения и структуры текста объясняется тем, что в поисках текстовых характеристик исходят не из реально существующей синтаксической системы, а из традиционно сложившейся системы представлений о ней, не вполне адекватной представляемому объекту.

Ни в коей мере не уподобляя строение текста строению предложения, выявляем структурно-семантические основания этой соотносительности, которая с естественной логичностью вытекает из природы вещей: потребность выразить

[29] Кажется слишком обобщенным утверждение, что «на высшем уровне организации речи функционирует всего 4 основных семантических единицы... с предметным, процессуальным, темпоральным и локативным значениями» (их — около 99%) (*Лосева Л. М.* О синтаксическом и семантическом аспектах исследования целых текстов.— В кн.: Лингвистика текста. Материалы научной конференции, ч. 1. М., 1974, с. 182).

мысль реализуется как в предложении, так и в более крупных речевых единицах, избирая и соответственно организуя для обозначения однородных явлений действительности однородные лексико-грамматические категории слов. Формы синтаксического выражения, как писал В. В. Виноградов, «обычно находятся в структурном сочленении со значениями самих слов»[30]. Поскольку между текстом и предложением существуют отношения целого и части, построения и его составляющих, типовые значения фрагментов текста оказываются теми же, что и типовые значения предложений, иногда лишь поднятые выше иерархической ступенькой абстракции.

Не отрицая того, что различные компоненты, организующие текст, в составе целого могут получать дополнительные композиционные и экспрессивно-смысловые нагрузки («целое больше, чем сумма его частей»), полагаем, что смысл речевого целого не возникает лишь на уровне речи, а создается соотношением смыслов соединяющихся в нем семантико-синтаксических языковых единиц. Речь, или текст как произведение речевой деятельности, отбирает те модели и средства, которыми располагает языковая система для выражения соответствующих смыслов.

В большой мере правы лингвисты, замечающие, что до сих пор всеобщая практика анализа текстов сводится чаще всего к обнаружению лексических повторов и коннекторов, наличие которых не является тем не менее ни достаточным, ни необходимым признаком межфразовой связи. В связи с этим звучат призывы обратиться не к лексическому составу соединенных в тексте предложений, а к их грамматической структуре. При этом, как мы старались показать, важно видеть не только противопоставленность лексики грамматической структуре, но и их взаимодействие, без чего невозможно понимание ни грамматической структуры предложения, ни структуры текста.

С точки зрения интересующей нас здесь проблематики — синтаксиса текста — взаимодействие это осуществляется в определенном текстовом звене — реме, на уровне ее семантико-грамматического, категориального значения.

2) Рема имеет двойную функциональную направленность: внутри предложения она противопоставлена теме, соединяя исходную и новую, коммуникативно значимую информацию в коммуникативном акте; за рамками пред-

[30] *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы».— В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 2. М.— Л., 1936, с. 128.

ложения рема данного предложения вступает в смысловые отношения с ремами соседних предложений, создавая рематическую доминанту текстового фрагмента, сигнализирующую его семантическую общность и способствующую членению текста. Выявляются некоторые закономерности соотношения определенных типов темы с определенными типами ремы как несущих и несомых элементов в архитектонике текста[31].

3) Обнаруживается возможность внести некоторые уточнения в понятие коммуникативной парадигмы предложения. Известно, что категории темы—ремы подвижны, не закреплены за грамматическими категориями субъекта—предиката, что изолированное предложение обладает некоторым количеством возможностей варьирования темо-рематического отношения.

Рассмотренный материал снова подтверждает, что темо-рематическое (актуальное) членение предложения принадлежит грамматике текста, что именно текст, смысловое задание текстового фрагмента, его композиционно-смысловая доминанта обусловливает распределение темо-рематических ролей в предложении. И хотя глагольное предложение отличается большим набором рематических возможностей, даже элементарный пример из рассмотренных выше: (1) *Вдоль леса идет охотник* и (2) *Охотник идет вдоль леса* говорит о том, что первое предложение скорее предполагает окружение, представляющее читателю предметы, составляющие картину, и следовательно, порядок слов в нем подчиняется правилу предметной доминанты, а второе — окружение, в котором речь идет о смене действий, и порядок слов соответствует правилу акциональной доминанты[32]. Ср. аналогичное словорасположение в тек-

[31] Ф. Даneш в ряде своих работ указывал на важность установления связи между актуальным членением (функциональной перспективой предложения) и семантической структурой предложения, на важность изучения семантической функции ремы для классификации высказываний с точки зрения их роли в построении текста (см.: *Daneš F.* Functional sentence perspective and organization of the text.— In: Papers on functional sentence perspective. Praha. 1974; *Idem.* Semantic consideration in syntax.— In: Actes du X Congress international des linguistes, II. Bucarest, 1970, p. 402.

[32] Исследователи отмечали смысловое различие в подобных парах предложений, вытекающее из перемены мест имени и глагола (см.: *Ebeling C. L.* Subjekt and predicate especially in Russian. s'-Gravenhage, 1958, p. 20; *Adamec P.* Op. cit., s. 298; *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения,

стовых фрагментах с различной рематической доминантой:

(1) ...Гек за это время *увидел* через окно *немало*. Вот лесной *домик*. В огромных валенках, в одной рубашке и с кошкой в руках выскочил на крыльцо мальчишка... Но уже нет *ни домика, ни мальчишки, ни кошки* — стоит в поле *завод*... Вот *будка*, и, укутанный в тулуп, стоит *часовой*... Потом пошел танцевать *лес*... Проносились навстречу *поезда*... (Гайдар, Чук и Гек).

(2) ...Боб *побежал по лестнице* и *скрылся в дыму*. Через пять минут он *выбежал из дома* и в зубах за рубашку *нес девочку*. Мать *бросилась к дочери*... (Л. Толстой, Пожарные собаки).

Выявление соответствия/несоответствия между значением глаголов и семантическим типом текста, в построении которого они участвуют, позволяет выделить глаголы, обладающие признаком перематичности в определенных структурно-семантических условиях, и, следовательно, значительно сократить коммуникативную парадигму соответствующих предложений, теоретически конструируемую без учета этого признака.

4) Все изложенное, хотя и имеет дальнейшей целью выявление общих закономерностей структуры текстов, не может быть отнесено ни к тексту вообще, ни ко всякому тексту. Здесь обобщены некоторые особенности текстовых структур, наблюдаемых в определенном корпусе текстов, главным образом беллетристических и газетно-журнальных. Другие средства и приемы организации других текстов разнообразного жанрово-стилистического характера нуждаются в конкретном обследовании.

Думается, что современная лингвистика текста несколько преждевременно поспешает к глобальной теории текста вообще. Между тем актуальной задачей представляется не создание интегрального конструкта текста, а дифференциация типов текста, накопление знаний об их лингвистических свойствах и построение на этой основе типологии текстов.

с. 69—70), но рассматривали это различие лишь в рамках предложения; Д. Н. Шмелев (Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976, с. 119) отмечает различия в «семантическом потенциале» подобных фраз: констатирующий характер одной из фраз и описательный — другой. По-видимому, квалификации описательный, констатирующий и под. характеризуют скорее явления текста, чем отдельного предложения.

КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВРЕМЕНИ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ РЕЧИ

1. Категория времени глагола, достаточно определенный и единый объект лингвистического наблюдения, на разных ступенях грамматической иерархии — в морфологии, в синтаксисе языка и в синтаксисе речи — обнаруживает разные аспекты своего содержания, которыми и направляются соответственно задачи исследования.

С точки зрения морфологии в словоизменительной категории времени предметом изучения оказывается главным образом система формальных средств выражения противополагающихся значений настоящего, прошедшего и будущего времени.

В синтаксисе языка, в структуре его основной единицы — предложения, категория времени в совокупности с категориями модальности и лица служит средством реализации предикативности, соотнося высказываемое с действительностью. При этом языковой модели предложения потенциально свойственно значение всех трех времен, конкретное же предложение характеризуется одним из частных временных значений. Предложения одной модели с разными временными значениями (*Солнце светит*, *Солнце светило*, *Солнце будет светить*) могут рассматриваться как ряд грамматических модификаций, вариаций или как одна из парадигматических осей данной модели. Глагольные формы времени входят в класс спрягаемых глагольных форм. На этой более высокой ступени абстракции спрягаемые формы глагола сопоставляются и противопоставляются формам инфинитива, причастия, деепричастия, каждая из которых функционирует как синтаксическая форма слова со своими конструктивными возможностями. Синтаксические формы слова соответственно своим синтаксическим функциям выступают как организующие или периферийные компоненты предложения и дифференцируются именно по способам участия в разных синтаксических конструкциях.

Глагольные формы времени, противопоставляясь между собой по временным значениям, не противопоставляются по синтаксическим свойствам: они выступают как организующие, предицирующие компоненты одних и тех же глагольных моделей языка. Ср.: *Вьюга злится*, *вьюга плачет* (Пушкин); *Вечор, ты помнишь, вьюга*

зимлась (Пушкин). На этом основании возможно определить глагольные формы времени на уровне синтаксиса языка как морфологические варианты синтаксических форм слова, спрягаемых форм глагола. Было бы, однако, упрощением сводить эту вариативность к чисто морфологическим различиям в составе предложений. Наличие предложений одного состава, различающихся по временному значению глагола, представляет собой синтаксический факт, соотносительность их в одном ряду — также синтаксическая данность. Это подтверждается и коррелятивностью глагольных форм настоящего времени с конструктивно-синтаксическими способами выражения настоящего времени в безглагольных предложениях.

Аналогичное положение в системе глагольных форм занимают формы лица и числа: противопоставленные по этим значениям глаголы конструируют не разные модели предложения, а морфолого-синтаксические модификации тех же моделей. См., например: *Узнают коней ретивых По их выжженным тавром... Я любовников счастливых Узнаю по их глазам* (Пушкин).

Более широкий характер синтаксической категории времени по сравнению с морфологической категорией глагольного времени аргументируется также большей сложностью и многообразием синтаксических временных значений [33]. Многообразие значений временных форм глагола давно привлекает исследователей, им посвящена большая литература, убеждающая, что закономерности внутренней организации различных значений и оттенков значений, употреблений и транспозиций временных форм, выстроенных в один ряд, на одной основе общего грамматического отношения форм времени к моменту речи, не получают достаточного объяснения. Представляется, что при дальнейшей дифференциации и систематизации форм и значений глагольного времени важно обратить внимание на различие речевых сфер, в которых употребляются те или иные формы глагола. Изучение их, таким образом, выходит за рамки синтаксиса языка в область синтаксиса речи и стилистики.

Весьма перспективным оказывается путь, намеченный наблюдениями Э. Бенвениста над системой французского глагола и Н. С. Поспелова — над формами глагольного вре-

[33] См.: Основы построения описательной грамматики русского литературного языка. М., 1969, с. 149.

мени в русском языке. Исследователями предложено разграничить времена говорения (discours) и времена повествования (récit) соответственно плану речи и плану повествования — во французском[34], и два ряда грамматических значений в глагольных формах времени соответственно плану коммуникации и плану информации — в русском языке. Однако содержание и объем понятий «планов высказывания», определяемых Н. С. Поспеловым как «1) план свободной речевой деятельности говорящего, не ограничиваемой никаким специальным заданием, т. е. план коммуникации, и 2) план информации, ограничиваемой своим назначением — сообщения о событиях в рассказе о прошлом, при регистрации происходящего в настоящем или программировании предстоящего, имеющего произойти в будущем»[35], требует дальнейшего выяснения и конкретизации.

2. В предшествующей монографии автора[36] отмечено, что критерий разграничения временных значений — понятие точки отсчета — допускает два уточнения. Оба эти уточнения в предварительном порядке подводят к проблемам стилистической и речевой дифференциации. Во-первых, речь идет о подвижности точки отсчета, которая чаще не совпадает, чем совпадает с моментом речи. Точка отсчета, от которой основные значения времен определяются как одновременность, предшествование и следование,— это избираемый говорящим воображаемый момент восприятия и воспроизведения в речи событий по отношению к самим событиям. Говорящий либо помещает «наблюдательный пункт» в той же временной плоскости, в которой происходят действия, и говорит о них так, как будто точка отсчета, момент речи и действия одновременны, либо помещает «наблюдательный пункт» во времени, предшествующем действиям или следующем за ними, и тогда говорит о них в прошедшем или будущем времени. Совпадение момента речи и точки отсчета возможно в оби-

[34] *Benveniste E.* Les relations de temps dans le verbe français.— BSL, 1959, t. 54; русск. пер. в кн.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, гл. XXI («Отношения времени во французском глаголе»). В переводе соотносимые автором планы сообщения названы речевым и историческим.

[35] *Поспелов Н. С.* О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке.— ВЯ, 1966, № 2; *Он же.* О разграничении прямого и относительного употребления форм настоящего времени в русском языке.— В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965.

[36] *Золотова Г. А.* Указ. соч., с. 172—176.

ходном обмене репликами, в бытовом диалоге, в известной степени — в монологическом устном воспроизведении того, что происходит перед говорящим. Для рассказа, повествования, особенно письменного, естествен реальный разрыв между временем действия и моментом речи[37]. Момент восприятия, точка отсчета передвигается говорящим, пишущим по линии событий, останавливаясь в нужных ему местах. Так называемое актуальное настоящее в устной речи может обозначать действие, происходящее на глазах у говорящего, в письменном или устном повествовании то же настоящее обозначает действие, происходящее *как бы* на глазах у говорящего.

Таким образом, разграничение момента речи и точки отсчета намечает некоторые признаки дифференциации устно-диалогической и письменно-монологической речи.

Во-вторых, по отношению к точке отсчета многообразные временные значения глагольных форм составляют две группы: в одной употребление форм зависит от точки отсчета, мотивировано основным грамматическим значением форм времени, находясь в соотносительном трехчленном ряду прошедшее—настоящее—будущее; в другой — употребление глагольных форм времени не зависит от точки отсчета, не мотивировано трехчленной соотносительностью, но связано с выражением специфических темпоральных или модально-экспрессивных оттенков. Ср.: 1) *Так писывал [Шихматов] богомольный, По большей части так и я пишу... Отныне в рифмы буду брать глаголы.* 2) *В кухарке толку Довольно мало: то переварит, То пережарит, то с посудой полку Уронит; вечно все пересолит... Везде, во всем уж как-нибудь подгадит.* (Пушкин).

Логично предположить, что роль глагольных форм первой и второй группы в построении текста окажется различной.

3. Однако и в пределах первой группы глагольных форм, соотносящихся с точкой отсчета, обнаруживаются

[37] «Я могу употребить настоящее время лишь в тех случаях, когда действие представляется настолько продолжительным, что, начавшись до минуты сознания, не прекращается и в течение самого акта речи и сознания: *дождь идет* (т. е. теперь, когда я думаю об этом)» (*Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. IV. М.— Л., 1941, с. 137); «Ведь настоящее время обозначает то, что происходит *во время речи*» (*Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1957, с. 110).

основания для дифференциации временных форм по их роли в построении различных типов письменно-монологических текстов.

В. В. Виноградовым в работах 1936 и 1938 гг.[38] заложены основы теории и методики анализа композиционно-синтаксической роли временных форм глагола в структуре художественного произведения. Глагольные формы рассмотрены в единстве их временных и видовых значений, показаны их соотносительные функции в организации и движении повествования.

Отмечая в большей части пушкинских повестей господство форм глаголов прош. вр. сов. вида, В. В. Виноградов характеризует их как формы, наиболее насыщенные повествовательным динамизмом. «Они обозначают перелом процесса в направлении к результату действия и наличие этого результата... Динамика заложена в семантической сердцевине формы прош. вр. сов. вида»[39].

«Однако прямая логическая последовательность глаголов прош. вр. сов. вида — линейна, т. е. лишена пространственной перспективы... В линейный (иногда как бы обозначенный пунктиром) чертеж повествования, которое образуют формы прош. вр. сов. вида, вносятся новые измерения формами прош. вр. несов. вида. Именно эти формы создают пространственную перспективу в повествовании. Формы прош. вр. несов. вида намечают в свободных контурах широкий план прошлого. Они располагаются сами и размещают вещи в одной временной плоскости»[40].

Характеристика форм прошедшего времени сов. и несов. вида, соотносимых со значениями перфекта, аориста и имперфекта, приводит к важным выводам: «От стилистических вариаций в приемах взаимодействия и смены форм прош. вр. сов. и несов. вида зависит темп сюжетного движения и самый характер повествования... Синтаксис неразрывно связан с семантикой развития сюжета»[41].

Опыт блестящего анализа «Пиковой дамы» вызвал к жизни ряд работ, авторы которых предпринимали попытки применить разработанные В. В. Виноградовым прин-

[38] *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы»; *Он же.* Современный русский язык. М., 1938.
[39] *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы», с. 135.
[40] Там же, с. 137, 138.
[41] Там же, с. 135, 136.

ципы к анализу композиционно-синтаксической структуры прозаических и поэтических произведений [42].

Очевидно, становится правомерной задача обобщения полученных наблюдений для выявления композиционно-речевых форм, типов речи, различающихся определенными языковыми признаками, в частности, определенным набором сопоставленных и противопоставленных видо-временных форм глагола.

4.4. Проиллюстрируем указанные принципы анализом глагольных форм в структуре художественных текстов, начав для удобства с простейшей структуры малого жанра. Вот рассказ Л. Н. Толстого «Слон». Начинается он с экспозиции, в которой автор вводит в «предсюжетную» ситуацию: У одного индейца б ы л слон. Хозяин к о р м и л его и з а с т а в л я л много работать.

Глаголы прош. вр. несов. вида, с которых начинается рассказ, относят события вообще к прошедшему времени и имеют скорее характеристическое, чем событийное значение. Собственно действие, завязка события — в следующем предложении: Один раз слон **рассердился** и **наступил** ногою на своего хозяина.

С этого предложения, с момента, обозначенного темпоральным обстоятельством, начинается собственно сюжетное время, и действия, названные глаголами прош. вр. сов. вида аористического значения, последовательно сменяя друг друга, ведут повествование к развязке: Индеец **умер.** Тогда жена индейца **заплакала, принесла** своих детей к слону и **бросила** их слону под ноги. Она **сказала:** — Слон! Ты убил отца, убей и их. Слон **посмотрел** на детей, **взял** хоботом старшего, потихоньку **поднял** и **посадил** его к себе на шею.

Последняя фраза рассказа, заключая событие, начинательной формой глагола открывает перспективу продолжения действия, как бы растворяющегося в широком плане прошлого: И слон стал слушаться этого мальчика и работать для него. Этот широкий план прошлого с опреде-

[42] См.: *Поспелов Н. С.* Синтаксический строй поэмы Пушкина «Медный всадник».— Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ, 1946, вып. 1; *Он же.* Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., 1960; *Золотова Г. А.* Структура сложного синтаксического целого в карамзинской повести.— Труды ин-та языкознания АН СССР, 1954, т. 3; *Иванчикова Е. А.* О принципах изучения синтаксической композиции художественного текста.— Изв. АН СССР. СЛЯ, 1974, № 1; *Она же.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979.

ленным отрезком его, заполненным сюжетным временем, от завязки до развязки событий[43],— временная плоскость, предшествующая плоскости настоящего, из которого «смотрит» на события рассказчик. Организуется этот план прошлого взаимодействием, соотношением глагольных форм прош. вр. несов. и сов. вида.

Аналогично построение рассказа «Филипок». Нехитрая история прихода Филипка в школу помещается между первым «экспозиционным» предложением (Был мальчик, звали его Филипп) и последним, выводящим событие из сюжетного времени в перспективный, как бы расширяющийся временной план (С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу). С экспозиционной, имперфектной фразой перекликаются описательные включения, которыми по мере осложнения сюжета введением новых персонажей, новых ситуаций прослаивается динамическая основа повествования, опирающаяся на аористные формы глаголов, двигающие развитие сюжета. Сам сюжет складывается из импульсов, ведущих мальчика к школе. Темпоральное обстоятельство вместе с глаголом сов. вида вехой обозначают границу сюжетного времени: **Пошли** *раз* все ребята в школу. Следя за развитием действия, отмечаем формы времени: «Филипп **взял** шапку»,— но «мать **оставила** его дома». **Ушли** ребята, **ушли** родители (отец еще с утра **уехал** в лес — это предсюжетное, плюсквамперфектное или перфектное время), бабушка **заснула**, Филипку **стало** скучно, и он пошел в школу.

Следует описательная прослойка: Школа б ы л а за селом у церкви. Собаки в своей слободе не т р о г а л и Филипка — они его з н а л и. Но у чужих дворов **выскочила** Жучка, залаяла. Филипок **бросился** бежать. **Прибежал** к школе. Здесь на него **нашел** страх.

Момент эмоционального напряжения заставляет рассказчика переместить «наблюдательный пункт» в данную точку сюжетного времени: формы настоящего и будущего соответствуют восприятию и размышлению героя: На крыльце никого нет, а в школе слышно: *гудят* голоса ребят... Назад идти — опять собака *заест*, в школу идти — учителя *боится*. Последний импульс — «баба с ведром». Она как лицо недействующее, случайное, занятое своим делом — ш л а, п р о х о д и л а мимо, но репликой подтолк-

[43] Понятие сюжетного времени см.: *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы», с. 114 и др.

нула мальчика к решительному шагу: Филипок **отворил** дверь.

Картина, представшая перед ним, естественно, описывается в имперфектных формах: Школа вся **была** полна ребят. Все **кричали** свое и учитель в красном шарфе **ходил** посередине. Здесь активная роль двигателя сюжета переходит к учителю (он **закричал** на Филипка), Филипок же переживает состояние страха и волнения, «задерживая» сюжетную динамику. Наконец: Он **посмотрел** на учителя и **заплакал**. Тогда учителю жалко его **стало**.

Действие снова двинулось и последовательно, с одним еще перфектно-качественным включением (Филипок уж *знал* буквы и немножко читать *умел*) приводит к благополучному окончанию рассказа.

С более четкими композиционными обрамлениями, выраженными описательными, имперфектными формами глагола, встречаемся в таких различных повествовательных произведениях, как «Котенок» Л. Толстого, «Два четверостишия», «Воробей», «Нимфы» из «Стихотворений в прозе» Тургенева, «Переполох», «Анюта», «Ведьма» и многие другие рассказы Чехова. Организация рассказа последовательной чередой динамичных аористных форм глагола, открывающих, продолжающих и заключающих сюжетное время, обрамленное формами имперфектными, нединамичными, создающими более широкий временной фон, из которого возникает действие,— один из типичных приемов композиции повествовательного текста.

Смысловая нагрузка имперфектной композиционной рамки в разных произведениях различна. Это может быть выражение эмоциональной реакции рассказчика, столкнувшего реальный мир с миром аллегорической грезы, как, например, в «Нимфах» Тургенева; это может быть подчеркивание типичности невероятного, казалось бы, случая, как, например, в рассказе Чехова «В суде». Естественно, что в каждом случае идейно-эстетические функции композиционного приема должны рассматриваться неотделимо от художественных целей и позиций автора, здесь же нас интересуют определенные языковые средства обобщенных приемов литературного построения [“].

[“] Художественное время в литературном произведении все больше привлекает внимание литературоведов. Д. С. Лихачев замечает, что проблема изображения времени в словесном произведении не является проблемой грамматики, и это безусловно

Не менее характерен и другой композиционный тип динамического повествования, где границы сюжетного времени, обозначенного аористными формами глагола, совпадают с границами рассказа. Такое построение, четко вырезающее событие в последовательной смене составляющих его действий из более общего хода времени, часто встречается, например, в детских рассказах и в рассказах от имени детей, где заданному образу малолетнего повествователя соответствует способность видеть и воспроизводить виденное, но не способность обобщать и пояснять наблюденное знаемым. Так построена, например, большая часть рассказов В. Драгунского, психологически достоверно звучащих от имени восьмилетнего Дениски. Такова композиционная основа детских рассказов Л. Толстого «Орел», «Косточка» и сказки «Три медведя».

Разумеется, не менее вероятны построения текста с имперфектным началом и аористной концовкой, и наоборот — с динамичным аористным приступом и имперфектным завершением, обобщающим, как бы растворяющим рассказанное событие в течении жизни или в размышлении о ней. Но в основе всех этих вариантов, при бесконечном индивидуально-художественном разнообразии их, лежат типизованные комбинации композиционно-синтаксических единиц текста, для организации которых главным языковым средством является глагольная категория времени [45].

справедливо в том смысле, что изображаемое время «во всех его аспектах не может быть сведено к грамматике». Вместе с тем «само по себе грамматическое время произведения входит часто в художественный замысел высшего ряда» (*Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971, с. 240, 241). Задача языковеда, по-видимому, и состоит в том, чтобы выявить, какие свойства и значения, заложенные в грамматической системе данного языка, позволяют тем, а не иным глагольным формам времени исполнять столь важную роль в композиционно-синтаксической структуре текста.

[45] В. В. Виноградовым ставилась задача создания и «исторической типологии композиционных форм речи как систем языковых объединений, которые встречаются в ткани литературно-художественных произведений той или иной эпохи. Изучение этих основных типов естественно предполагает группировку не самых литературных произведений, а отвлеченных от них однородных форм словесной композиции, в общелингвистическом плане — на фоне эволюции композиционных жанров прагматической речи. Это учение не о структуре художественных единств, а о структурных формах речи, которые наблюдаются в организации литературных произведений.

5. Отправившись от небольших по объему и простых по композиции текстов, легко обозримых для анализа, перейдем к рассказу Чехова «Ванька», несколько более сложному по композиционной организации.

Композиция «Ваньки» организуется взаимодействием трех повествовательных пластов: а) рассказа о действиях, происходящих в сюжетное время; б) текста письма Ваньки; в) картин, возникающих в воспоминаниях и воображении Ваньки.

Сюжетное время рассказа невелико, оно укладывается в небольшой отрезок рождественской ночи и небогато действием: ведущие сюжет глаголы в аористной форме обозначают ряд конкретных действий героя, связанных с письмом и выражением сопутствующих эмоций: Он **достал** пузырек с чернилами..., **стал** писать, **оглянулся, вздохнул, вообразил, умакнул** перо, **покривил** рот, **потер** глаза, **всхлипнул, вспомнил, свернул** лист, **вложил** в конверт, **написал** адрес, **почесался, надел** шапку, **выбежал** на улицу, **сунул** письмо в ящик. Сюжетное время, четко отграниченное первым и последним глаголом (между «достал пузырек» и «сунул письмо»), выделено из более широкого фона длящейся в плане прошедшего времени рождественской ночи. Этот фон создается сюжетным обрамлением, образованным имперфектными фразами в начале и в конце рассказа:

Ванька Жуков... в ночь под рождество н е л о ж и л с я спать. . . . . .

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко с п а л...

В сюжетное действие включаются имперфектные глаголы, называющие основной процесс, длящийся в сюжетный отрезок времени: п и с а л, п р о д о л ж а л писать, п р о д о л ж а л... Композиционное назначение одних из этих глаголов в том, что они связывают сюжетное действие с текстом письма как ремарки, вводящие прямую речь. Роль других имперфектных форм глагола — собственно описательная, с их помощью рисуется обстановка действия: По обе стороны иконы т я н у л и с ь полки с колодками...Бумага л е ж а л а на скамье, а сам он с т о я л перед скамьей на коленях... В темном окне м е л к а л о отражение его свечки... При этом границы протяженности во

И его задача — установить закономерности в их построении как систем языковых соотношений» (*Виноградов В. В.* О художественной прозе. М.— Л., 1930, с. 32).

времени действий, названных последними четырьмя формами глаголов прош. вр. несов. вида, различны: длительность действий *лежала, стоял, мелькало* занимает некоторую часть сюжетного времени, это состояние или положение, составляющее фон для других сюжетных действий. Длительность действия *тянулись* (полки) выходит за рамки сюжета, это собственно не действие, а протяженное положение предмета в пространстве, значение глагола статичное, а значение прош. времени — постоянное, расширенное. Грамматическим показателем этих различий служат ограничения в видо-временных рядах глагола *тянуться* с подобным значением. Он может дать форму сов. вида (ср. *по стенам протянулись полки*), но она будет иметь значение статично-перфектное, а не динамично-аористное, она не может дать следующей видовой ступени *протягивались*. Она не даст фазисных модификаций (ср. *стоял — стал — постоял; мелькало — замелькало — мелькнуло* и т. д.).

В целом сюжетный пласт рассказа, строящийся взаимодействием аористного и имперфектного значений глаголов, размещается во временном плане прошедшего с точки зрения «наблюдательного пункта» рассказчика, находящегося в настоящем времени.

Текст письма, составляющий другой слой или пласт повествования, принадлежит другому «субъекту речи», чем и определяется иная точка отсчета для глагольных времен. Все три времени — настоящее, прошедшее и будущее, отсчитываемые от момента писания письма, относятся к плану прошедшего с точки зрения рассказчика, автора.

Настоящее время — преобладающая форма глаголов письма — выступает в разных своих значениях. Это настоящее актуальное действие, совпадающее с моментом речи: И *пишу* тебе письмо. *Поздравляю* вас с рождеством; настоящее расширенное узуальное, характеризующее обычные, повторяющиеся действия и состояния: Подмастерья надо мной *насмехаются*... а хозяин *бьет* чем попадя... Утром *дают* хлеба, в обед каши... Меня все *колотят* и кушать страсть *хочется*, а скука такая, что и сказать нельзя, все *плачу*; настоящее вневременное качественно-описательное чаще выражается конструктивно-синтаксическим способом, безглагольными моделями: А Москва город большой. Дома все господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы...

К настоящему времени примыкает одно предложение с перфектно-результативной глагольной формой прошедшего[46]: Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один **остался.**

Включения прошедшего времени в текст письма сообщают о конкретных эпизодах, происшедших в называемый момент прошлого (от момента писания Санькой письма): А *вчерась* мне была выволочка. Хозяин **выволок** меня за волосья на двор и **отчесал** шандырем...; А *на неделе* хозяйка **велела** мне почистить селедку, а я **начал** с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой **начала** меня в харю тыкать...; А *намедни* хозяин колодкой по голове **ударил...**

Предложения с формами будущего времени также ориентированы по отношению к моменту писания письма: Я *буду* тебе табак *тереть*, богу молиться... А когда *вырасту* большой, то за это самое *буду* тебя *кормить* и в обиду никому не *дам*...

В третьем пласте, изображающем картины деревенской жизни, вспоминаемые или воображаемые Санькой, преобладают формы настоящего времени, узуального или расширенно-характеристического в одних частях текста: Это маленький, тощенький... старикашка... Днем он *спит* в людской кухне или *балагурит* с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, *ходит* вокруг усадьбы и *стучит* в свою колотушку; Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно *смотрит* как на своих, так и на чужих..., актуального, совпадающего с «моментом восприятия» — в других: Теперь, наверно, дед *стоит* у ворот, *щурит* глаза на ярко-красные окна деревенской церкви...; Каштанка *чихает*, *крутит* мордой и, обиженная, *отходит* в сторону... А погода великолепная...

Там же к настоящему описательно-характеризующему примыкает результативно-перфектное значение глагольных форм: Млечный путь *вырисовывается* так ясно, как будто его перед праздником **помыли** и **потерли** снегом...

Настоящее время в этих частях текста свидетельствует о том, что точка отсчета времени передвинута автором от момента его рассказа к моменту, когда Санька пишет письмо и думает о дедушке, о своем деревенском детстве.

[46] Убедительные иллюстрации широкого употребления перфектных глагольных форм в контекстах со значением настоящего времени см.: *Поспелов Н. С.* О двух рядах грамматических значений..., с. 20, 21.

Этот прием помогает более изобразительно представить то, что видит Ванька в своей памяти. Вместе с тем картины и характеристики увиденного не совпадают с детским восприятием, «посредничество» автора сильно ощутимо[47]. Это «посредничество» возвращает точку отсчета к позиции автора, с еще двумя сдвигами к позиции Ваньки: Он **вспомнил**, что за елкой для господ всегда *ходил* в лес дед и *брал* с собою внука... Бывало, прежде чем вырубить елку, дед *выкуривает* трубку, долго *нюхает* табак...; Ему *снилась* печка. На печи *сидит* дед...

После «увиденной» Ванькой сценки в лесу рассказ снова переходит от настоящего времени к прошедшему, постепенно теряя связь со сферой Ванькиного сознания, превращаясь в авторскую информацию о «предыстории» героя, предшествующей сюжетному времени: Срубленную елку дед *тащил* в господский дом, а там *принимались* убирать ее... Больше всех *хлопотала* барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и *служила* у господ в горничных, Ольга Игнатьевна *кормила* Ваньку леденцами и от нечего делать **выучила** его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадриль. Когда же Пелагея **умерла**, сиротку Ваньку **спровадили** в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...

Для характеристики временных значений существенно то, что действия, названные в этом информативном отрывке, предстают вне конкретной длительности, вне прикрепленности к определенному моменту или отрезку сюжетного движения.

4.6. Именно этот признак может служить основанием для разделения всех временных форм, рассмотренных на материале рассказа «Ванька», на обозначающие *сюжетное время* и обозначающие *внесюжетное время*.

Основными сюжетными формами являются глагольные формы прошедшего времени с аористным и имперфектным значением. Аористные, результативно-динамичные формы глаголов прошедшего времени совершенного вида обозначают единичные действия, происшедшие в конк-

[47] Ср., например: «Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков... но кредитом не пользуется. Под его почтительностью и смирением скрывается самое иезуитское ехидство». Эта особенность чеховского стиля в «Ваньке» и других рассказах о детях отмечалась исследователями. См.: *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. М., 1971, с. 115 и след.

ретный момент сюжетного времени и последовательно сменяющие друг друга. Имперфектные формы глаголов прошедшего времени несовершенного вида в одном из своих значений изображают, воспроизводят действие в процессе его течения, заполняющим своей протяженностью либо итеративностью тот или иной отрезок сюжетного времени. Различные варианты взаимодействия аористных и имперфектных форм с сопровождающими их, соответствующими каждому из обоих значений, темпоральными обстоятельствами и конструируют сюжетное время повествования.

В конструировании сюжетного времени может участвовать и настоящее время актуальное,— актуальное авторское, «совпадающее» с моментом рассказа, авторской речи, и актуальное как результат передвижки «наблюдательного пункта» в один из моментов плана прошлого, сюжетного действия, сближающее авторское повествование с восприятием того или иного персонажа[48]. В план настоящего или прошедшего, смотря по окружению, обращают свое значение формы на *-л* перфектно-результативные. Важно, что глагольные формы со значением настоящего актуального и перфектные занимают свое место в движении сюжетного времени только на фоне взаимодействия аористных и имперфектных форм[49].

К внесюжетным временам отнесем настоящее в его расширенном, узуальном, постоянном значениях. Сюжетное время накладывается только на часть той линии, в виде которой можно представить себе протяженность действия, выраженного этими формами. Это не столько собственно действия, сколько свойства, качества, отношения, поэтому, естественно, такие формы используются в качественных характеристиках, в описательных фрагментах текста.

[48] Здесь лишь попутно касаемся более сложного вопроса о соотношении между позициями автора и персонажей, рассматривавшегося в литературе в плане проблемы образа автора (В. В. Виноградов), полифонии (М. М. Бахтин), точки зрения (Б. А. Успенский), словесных приемов эвокации (В. Скаличка, Кв. Кожевникова) и ждущего еще дальнейших исследований.

[49] «Настоящее время само по себе лишено движения. Лишь в синтагматике речевого процесса, в смене глагольных форм в их движущейся веренице настоящее время приобретает динамическое значение. Следовательно, динамичность настоящего времени — не непосредственная, а композиционно обусловленная, не тематико-морфологическая, а сюжетно-синтаксическая» (*Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы», с. 135).

С настоящим расширенным сближается качественно-описательная разновидность имперфектного значения: «по обеим сторонам тянулись полки» (тянулись и до сюжетного времени, до рождественской ночи, и после) — это по существу то же настоящее расширенное, только «увиденное» из другого, авторского временного плана.

7. Указанные наблюдения позволяют сформулировать некоторые положения более общего характера.

Художественное повествование (в общих чертах это относится ко всякому — бытовому, деловому повествованию, т. е. изложению событий, развивающихся во времени) организуется сюжетными временами. Внесюжетные времена, формами которых передаются выходы в разных направлениях из сюжетного времени, выполняют свою композиционную роль только на фоне сюжетных. Точнее можно сказать, что композиция повествования организуется взаимодействием глагольных форм со значением сюжетного и внесюжетного времени, противопоставленных друг другу по признаку прикрепленности/неприкрепленности к определенному моменту или отрезку времени в рамках сюжетного действия.

И сюжетные и внесюжетные времена соотносительны с точкой отсчета, ориентированы на нее, хотя сама точка отсчета может быть подвижной, передвигаясь по воле автора вдоль линии сюжетного действия. Формы глагольных времен, не соотносительные с точкой отсчета, конструктивной роли в композиции повествования не играют, выступая в качестве экспрессивных синонимов к глагольным формам, представляющим сюжетные времена.

Иные принципы организации текста в других типах книжно-монологической речи. Публицистические, газетные, научные, деловые тексты организуются преимущественно внесюжетными временами, формы сюжетных времен могут конструировать лишь отдельные вкрапления, фрагменты в их составе. Ведущая роль в композиции таких текстов принадлежит неактуальному, расширенному или постоянному настоящему, соотносительному с ним расширенному имперфектному, а также тем формам прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, которые информируют о фактах прошедшего абстрагированно от конкретных моментов или отрезков сюжетного движения (вспомним информативно поданную предысторию Ваньки).

Четкое в сюжетном повествовании противопоставление аористных и имперфектных значений глагольных форм на *-л* в несюжетных текстах нейтрализуется, так же как противопоставление настоящего и прошедшего времени в определенных частях научно-деловых текстов.

Здесь можно лишь иллюстрировать это положение. Приведем несколько примеров непротивопоставленных по времени и виду глаголов, которыми вводятся мнения по разным вопросам ученых прошлого в книге В. В. Виноградова «Русский язык»: *...Шахматов указывал, подчеркивал, писал, пишет, отмечал, отметил, ставил вопрос, не ставит, видит...*; *Попов видел...*; *Булич видел...*; *Потебня учил, учит...*; *Соболевский учил...*; *Богородицкий отмечал...*; *Востоков относит, помещает*; *выделял... вместе с тем отмечает* и т. д. Подобная непротивопоставленность видовременных форм характерна и для газетных жанров биографии, некролога[59]. Разумеется, в целом этот вопрос требует еще обширных исследований. Однако и беглых иллюстраций достаточно, чтобы оценить перспективность поисков дифференцирующих примет различных коммуникативно-стилистических типов речи именно в области характерных для них, организующих их видо-временных глагольных форм.

8. Вместе с тем закономерным оказывается вопрос о том, в какой мере и по какому праву многообразие временных значений и оттенков принадлежит компетенции грамматики. В самом деле, собственно морфологическая форма глагола на *-л* дает основания для определения только различий совершенного и несовершенного вида прошедшего времени. В. В. Виноградовым неоднократно подчеркивалась мысль о том, что для выявления и дифференциации временных значений глагольных форм существенную роль играет синтаксический контекст. Вопрос, по-видимому, может быть сформулирован так: понятие синтаксического контекста — включает ли мно-

---

[59] Аналогичные материалы приведены в кн.: *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, с. 222, 211 и др. Но дело, очевидно, не только в том, что зависимость употребления тех или иных временных форм от способа изложения проявляется в количественном преобладании прошедшего в повествовании и настоящего в описании и рассуждении, а в том, что повествование и описание опираются на разные подсистемы временных форм глагола.

жество индивидуальных для каждого случая текстовых комбинаций, не поддающихся грамматическому обобщению, или допускает известную типологию, основанную не только на семантико-стилистических, но и на грамматических признаках?

Имеется в виду возможность именно второго понимания синтаксического контекста. Грамматическим критерием различения разных типов синтаксического контекста представляется тот факт, что разные значения видо-временных форм группируются в системе языка в соотносительные ряды, опорные, организующие для текстов определенных типов, со своими доминантами в каждом ряду, и вне ряда соотносительных форм своих значений не выявляют, не реализуют. Иначе говоря, системность грамматического значения категории глагольного времени заключается не только в том, что глагольные формы времени являются носителями определенного отношения к точке отсчета, но и в том, что они являются представителями своего ряда, реализующего свои значения в определенной речевой сфере, при этом значение каждой из форм соотнесено с другими значениями в пределах ее ряда, а ряды сопоставлены между собой. Можно рассматривать эти ряды как подсистемы категории глагольного времени [51].

Представленные наблюдения должны показать, что изучение грамматической, системной сгруппированности видо-временных форм глагола подводит к обнаружению не только языковых средств организации текстов разного типа, но и синтаксических оснований для стилистического противопоставления устно-диалогической и книжно-монологической речи и повествовательной—неповествовательной в пределах книжно-монологической. Тем самым может быть подготовлена также постановка вопроса о соотношении категорий так называемых функциональных стилей и коммуникативных типов речи.

---

[51] Наблюдения М. Ивич показывают, что в славянских языках имеются различия и в видо-временных формах глаголов, употребляемых в референтном/нереферентном значениях, что, по-видимому, может быть соотнесено с разграничением этих двух подсистем (см.: *Ивић М.* Видско-временски облици глагола исказаног у нереференцијалном смислу. Доклад на заседании Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков, Москва, декабрь 1981).

О КОНСТИТУТИВНЫХ ЕДИНИЦАХ ТЕКСТА

1. Проблемы коммуникативной типологии речи, до сих пор обсуждавшиеся преимущественно в социологическом и прагматическом аспектах, могут и должны стать предметом собственно лингвистического рассмотрения.

Вспоминая о развитии филологических идей в 20-е годы, В. В. Виноградов говорил о том, что молодых исследователей, объединившихся затем в ОПОЯЗе, сплачивала, кроме прочего, неудовлетворенность академической наукой того времени, в частности то, что изложение синтаксиса не было «связано с изучением движения самих синтаксических форм в литературных произведениях разных типов» [52].

Неоднократно возвращаясь к проблеме синтаксических форм и разновидностей речи, композиционных систем речи, которые обслуживают разные социальные потребности и создают различные комбинации в композиционном единстве литературных произведений, В. В. Виноградов видел в изучении этих проблем сложную задачу, которая «не может считаться вполне уясненной и решенной до сих пор» [53]. Эта задача, не ограниченная интересами изучения художественных построений, вырастала в программу стилистики речи, в которой, по словам В. В. Виноградова, «приобретает огромное значение проблема выделения специфических речевых единиц и определения типовых композиционных их объединений как структурных элементов и форм в разных жанрах общественно-речевой практики» [54].

К необходимости решения этого вопроса подводит развивающаяся область филологической науки, которую называют лингвистикой текста. В самом деле, если подходить к тексту как к построению, надо определить те речевые единицы, которые являются конститутивными элементами текста.

В качестве таких единиц выдвигались и предложения (высказывания), и различные объединения предложений («сверхфразовое единство», «сложное синтаксическое целое», «прозаическая строфа», абзац и т. п.). Много работ за последние два десятилетия посвящено опознанию и

[52] *Виноградов В. В.* Из истории изучения поэтики (20-е годы).— Изв. АН СССР. СЛЯ, 1975, т. 34, № 3, с. 260.
[53] Там же, с. 268.
[54] *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 202 (разрядка моя.— *Г. З.*).

паречению средств связи между отдельными предложениями, разного рода субститутов, кореферентов, конъюнкторов. Справедливо замечалось в литературе, что таким образом внимание направлено более на лексический состав соединяющихся в тексте предложений, чем на их структурные свойства.

Представляемые таким образом построения бо́льшие, чем предложения, не убеждают окончательно в том, что в них выявлены структурные элементы текста. Дело не только в том, что остаются непреодоленными практические трудности членения текста. Дело в некоторых принципах.

Выделяясь из целого, его конститутивные части, или элементы, должны оставаться носителями каких-то свойств целого, составляющих его существенные, характеризующие признаки. Между тем в наборе признаков, обнаруживаемых в тексте (связность, цельность, относительная законченность, когерентность, кореферентность, единство коммуникативной перспективы, синтагматическая субституция, семантическая реккуренция и т. п.), не всегда с достаточной четкостью звучит признак общественно-коммуникативной предназначенности текста, принадлежности его к одной из форм общественно-речевой деятельности [55].

Этими функционально-коммуникативными признаками характеризуется не только целый текст, они прослеживаются и в отдельных фрагментах текста.

2. Чтобы удостовериться в этом, сравним несколько отрывков из разных речевых произведений.

---

[55] Многие авторы ведут свои наблюдения применительно к монологическим текстам «любой стилистико-жанровой принадлежности», полагая в этом гарантию перехода от реального языкового объекта к научной абстракции, см. об этом: *Зарубина Н. Д.* К вопросу о лингвистических единицах текста.— В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 103. Ср. точку зрения Ю. В. Рождественского: «Недифференцированный и неконкретный подход к тексту в так называемой лингвистике текста или теории текста, по-видимому, во многом обусловлен имплицитным признанием в рамках данной теории широкой схематизации картины языка, по Ф. де Соссюру или по Л. Блумфильду, и малым вниманием к теории словесности, к конкретным свойствам разных родов и видов текстов, разработанным в истории отечественной филологии» (*Рождественский Ю. В.* Проблематика современной теории текста в книге В. В. Виноградова «О художественной прозе». — Там же, с. 17).

(1) На дворе дул ветер. Дождь хлестал в стеклянную дверь террасы. За дверью появилась темная фигура доктора с зонтиком. Он постучал в стекло. Ширяев отпер дверь (Вересаев, Проездом).

(2) Мятлик луговой — многолетний корневищевый злак. Стебли тонкие, средней облиственности. Основную наземную массу составляют укороченные побеги. Размножается семенами и вегетативно. В СССР — основной компонент пастбищных травосмесей (БСЭ, 2-е изд., т. 28).

(3) — Ну вот и приехали,— сказал водитель Муса, когда наша машина подошла к невысоким, сотканным из тонкой проволоки воротам и остановилась.

Работница с коричневым от загара лицом поочередно подняла легкие створы, аккуратно их развела, кивнула нам и отошла в сторону.

Был полдень. Солнце висело над самой головой и палило вовсю. (С. Кошечкин, Когда цветет виноград (Этюды).— Правда, 1980, 19 июля).

(4) Зоологические коллекции, представляющие научную, культурно-просветительную, учебно-воспитательную или эстетическую ценность, подлежат государственному учету. Предприятия, учреждения, организации и граждане, являющиеся владельцами таких коллекций, обязаны соблюдать правила хранения, учета и использования коллекций объектов животного мира (Закон СССР Об охране и использовании животного мира.— Правда, 1980, 28 июня).

(5) О каждом теле можно сказать, что оно в любой момент времени находится в каком-то месте пространства, или, как говорят, занимает определенное положение в пространстве. Если с течением времени положение тела в пространстве изменяется, то говорят, что тело движется. Движением тела называется изменение его положения в пространстве с течением времени (И. К. Кикоин, А. К. Кикоин. Физика. Учебник для 8-го кл. М., 1971, с. 3).

(6) Коллектив объединения «Коминефть» одержал в предсъездовском соревновании большую трудовую победу. Досрочно выполнен пятилетний план добычи нефти. За это время объемы извлечения ее из недр выросли в два с половиной раза. По этому показателю объединение занимает одно из первых мест в отрасли (Правда, 1980, 18 дек.).

(7) Каждый народ в своем творчестве утверждает присущее ему представление о прекрасном, собственный

идеал красоты. Фольклорный образ — это всегда портрет живописный и нравственный. В народном творчестве извечно воспеваются благородство, самоотверженность, героизм. Героизм не только высоконравственен, но и прекрасен, и потому для людей герой обязательно красив. Народное искусство изначально воспитательно: оно осуждает плохое и поощряет хорошее (И. Моисеев. Истоки танца.— Правда, 1978, 2 апр.).

(8) Он был невелик ростом, но хорошо сложен и чрезвычайно ловок; прекрасно говорил по-французски и славился своим уменьем драться на шпагах (Тургенев, Три портрета).

(9) Рельефы отличаются большой пластической выразительностью. Округлые, энергично проработанные формы массивны и весомы, в обтеске камня чувствуются навыки профессиональных каменосечцев... Часть капителей и большинство масок выделяются своей сочностью, правильностью рисунка и чистотой отделки. Другие капители трактованы более плоско, их рельеф смягчен, они сделались суше (В. Н. Лазарев, Византийское и древнерусское искусство. М., 1978, с. 240).

(10) — Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне.
— Что, Таня, что с тобой? — Мне скушно,
Поговорим о старине (Пушкин, Евгений Онегин).

По поводу каждого из предложенных отрывков можно с большей или меньшей уверенностью сказать, что (1), (3) и (10) представляют беллетристический тип речи, художественное или очерковое повествование или очерковое с элементами диалога или без них, (2) — научно-деловую информацию энциклопедического типа, (4) — тип официально-делового текста юридического характера, (5) — текст научно-популярный, (6) — текст газетной информации, (7) — тип общего рассуждения, (8) и (9) — тип описания.

Очевидно, что функционально-коммуникативная принадлежность этих отрывков, или фрагментов, обнаруживается нами не только на основании их содержания, но и в силу особенностей языкового устройства.

Очевидно также, что использованные здесь предварительные опознавательные квалификации не представляют единой системы понятий, хотя бы потому, что они не противопоставлены друг другу, могут совмещаться и

пересекаться. Достаточно заметить: текст (8), иллюстрирующий тип описания, вместе с тем является отрывком из беллетристического, художественного произведения (ср. текст 1), описанием можно назвать и энциклопедическую характеристику мятлика (2).

По-видимому, каждый из предъявленных фрагментов должен обладать не только чертами, сигнализирующими характер целого текста, но какими-то различительными признаками, в которых проявляется специфика их языковой организации и — как следствие — возможность или невозможность их участия в текстах данного типа, а значит и возможность/невозможность их объединения (совстречаемость) в общих композициях.

Задача, как представляется, состоит в том, чтобы выявить эти признаки и сформулировать их как сопоставимые или противопоставимые лингвистические понятия.

Надо заметить, что и способ квалификации приведенных отрывков путем прикрепления их к категориям функциональных стилей был бы, как кажется, недостаточно содержательным, скорее этикеточным, чем сущностным, определением одного неизвестного через другое неизвестное. Хотя интуитивно речевые сферы, именуемые художественным стилем, научным, деловым, публицистическим и др. под., обычно различимы, лингвистическая необеспеченность этих понятий очевидна. Можно думать, что задача изучения языковых принципов организации текстов тех или иных разновидностей должна предварять и обсуждение вопроса о лингвистическом содержании категории функциональных стилей (естественно, составляющего особый предмет исследования).

Итак, какие языковые признаки организации наблюдались или могут быть наблюдены в отношении приведенных отрывков?

2.1. Прежде всего, отрывки различаются типовым содержанием. В них сообщается о действиях определенных лиц (1, 3, 6), о состоянии лица (10), о состоянии природы или среды (1, 10), перечисляются признаки, характеризующие класс предметов (2) или конкретный предмет (8), дается информация о событии (6), излагаются гносеологические подступы к сведениям о физических законах (5), формулируется юридический статус предмета (4).

В предшествующих разделах уже приходилось показывать, что типовое содержание получает свое выражение в типовых синтаксических моделях данного языка.

Так, для сообщения о действии лица используется главным образом номинативно-глагольная модель предложения с акциональным сказуемым (*Доктор постучал в стекло*; *Ширяев отпер дверь*; *Открой окно*; *Работница подняла створы*); для сообщения о передвижении лица или предмета — модели с глаголами движения (*Машина подошла к воротам*; *Работница отошла в сторону*; *Тело движется*); для сообщения о качествах, свойствах предмета — главным образом модель с адъективным или деадъективным предикатом (*Стебли тонкие*; *Он невелик ростом, хорошо сложен*; *Героизм высоконравствен*; *Герой красив*; *Формы массивны*; *Рельефы отличаются выразительностью*; *Капители выделяются сочностью*); для квалификации предмета, явления — модель двусоставная именная (*Мятлик — многолетний злак*; *Мятлик — основной компонент травосмесей*; *Фольклорный образ — это нравственный портрет*); для сообщения о состоянии природы, окружающей среды — преимущественно модели с глаголами, обозначающими наличие или осуществление названных явлений (*Дул ветер*; *Дождь хлестал*; *Был полдень*; *Солнце палило*); для сообщения о состоянии среды и о состоянии лица используются также конструкции с предикативными наречиями и безличными глаголами в сказуемом и неноминативным подлежащим (*Мне скучно*; (*Мне*) *не спится*; *Здесь душно*).

Помимо соответствующего отбора моделей типовая семантика текстового фрагмента получает выражение в организации актуального членения предложения, составляющих этот фрагмент.

Рематически выделяемые слова в предложениях однородной семантики оказываются также однородными в семантико-грамматическом отношении, что позволило ввести понятие рематической доминанты.

Предъявленные фрагменты текстов целиком или в своих частях демонстрируют акциональную рематическую доминанту, с переходом к статуальной или наоборот (тексты 3, 1, 10); качественную доминанту (тексты 2, 7, 8, 9).

2.2. Большое место в литературе по лингвистике текста и сверхфразовых единств занимают наблюдения над различными видами связи между соседними предложениями в тексте.

Опыт обобщения этих связей в целях построения типологии текста предпринят О. А. Нечаевой, которая в поисках логико-смыслового обоснования деления текстов на

повествование, описание и рассуждение находит главную опору именно в характере связей между предложениями (хотя этот принцип деления в самой работе не эксплицирован) [56]: для повествования О. А. Нечаева находит типичной диахроническую связь между предложениями, для описания — синхроническую, для рассуждения — причинно-следственную. В общем виде это деление можно наблюдать, сопоставив повествовательные части текстов (1, 3, 10) с их же описательными частями, с описательными текстами (2, 8, 9) и с текстом типа рассуждения (7). Автор, однако, недооценивает в своей классификации те невыраженные имплицитные причинно-следственные связи, которые характерны для повествования (особенно художественного) и не сводимы к простой временной последовательности (невыраженные причинные отношения связывают первый и второй абзацы текста (3), предложения — отрезки текста (10).

Пример из книги О. А. Нечаевой «...Замшелая крыша сарая была в дырах, из этих дыр тянулись поверху и исчезали в листве деревьев какие-то тонкие веревочные провода» (Гайдар, Тимур и его команда) [57] дает образец как раз такого художественного текста, в котором описание служит одновременно посылкой к выводу, который надлежит сделать персонажу-наблюдателю (здесь — девочке Жене) и вместе с ним читателю.

Материал показывает, что критерием в типологии текста может служить не признак наличия/отсутствия причинно-следственных связей между предложениями или более крупными частями текста, а скорее признак лексико-синтаксической выраженности/невыраженности этих связей.

2.3. Рассмотрим видо-временные особенности глаголов в приведенных текстах.

Видо-временные характеристики глаголов здесь подчиняются установленным оппозициям: А) глаголы сюжетного времени — Б) глаголы несюжетного времени. В подсистеме А основным является взаимодействие результативно-динамических форм глаголов прошедшего времени совершенного вида аористного значения, ведущих сюжетную линию, с описательно-изобразительными имперфектного значения формами глаголов прошедшего времени

[56] *Нечаева О. А.* Функционально-смысловые типы речи. Улан-Удэ, 1974.

[57] Там же, с. 26—27.

несовершенного вида, а также с формами настоящего актуального (тексты 1, 3, 8, 10).

Для подсистемы Б характерно настоящее неактуальное (в расширенном, узуальном, постоянном значении) и нейтрализация противопоставленности аористных и имперфектных значений прошедшего, которые информируют о фактах прошедшего абстрагированно от конкретной длительности действия (тексты 2, 4, 5, 6, 7, 9).

2.4. Видо-временные формы глаголов помимо участия в темпоральной организации текста служат одним из показателей его локально-временной характеристики [58], обнаруживающей противопоставление а) конкретного, единичного действия, события, состояния — б) отвлеченному от конкретного времени действию, состоянию, обычному или постоянному, становящемуся вневременным признаком предмета или способом выражения отношений между предметами. Ср.:

а) *Не спится...*; *Открой окно*, *Сядь ко мне* (10); *Появилась... фигура доктора*; *Он постучал*; *Ширяев отпер дверь* (1); *Сказал водитель*; *Машина подошла к воротам и остановилась*; *Работница развела створы*, *кивнула*, *отошла* (3);

б) *Побеги составляют наземную массу*; *Размножается вегетативно* (2); *Коллекции подлежат государственному учету* (4); *Тело занимает положение в пространстве* (5); *Объединение занимает первое место в отрасли* (6); *Народ утверждает собственный идеал красоты* (7); *Рельефы отличаются выразительностью* (9); *Он прекрасно говорил по-французски и славился уменьем драться на шпагах* (8).

Вместе с видо-временными формами глаголов в выражении этого противопоставления участвуют категориально-лексические значения имен, определительных и местоименных слов (ср. значения конкретно-единичного предмета: *доктор* (1), *водитель* (3), *няня* (10), конкретного множества определенных, данных предметов: *рельефы*, *часть капителей*, *большинство масок* (9), *коллектив объединения «Коминефть»* (6) и предмета вообще как представителя класса, массы: *мятлик* луговой — *злак* (2); *коллекции объектов животного мира* (4); *о каждом теле*, *в любой момент*, *в каком-то месте*, *определенное положение* (5); *каждый народ*, *герой*, *для людей* (7); в послед-

[58] См. об этом: *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971, с. 177.

ем тексте роль «кванторов всеобщности» иллюстрируется также наречиями *всегда*, *известно*, *изначально*, *обязательно* (при именном сказуемом).

Следует различать случаи приписывания постоянного, вневременного признака конкретному предмету (лицу)-носителю и предмету как представителю класса: ср.: *Он прекрасно говорил по-французски* (8) и *Мятлик размножается семенами* (2).

Характеристика текста по его локализованности во времени — абстрагированности во времени дополняется наблюдениями над семантикой используемых глаголов. С точки зрения интересующих нас показателей глагольные действия могут квалифицироваться как наблюдаемые и ненаблюдаемые. Ср. действия, которые можно воспринять зрением в процессе их протекания: *лить*, *мазать*, *линовать*, *ложиться*, *ловить* (*рыбу*, *такси*), *мести*, *ломать*, *мигать*, *маршировать*, *массировать*, *облизывать*, *отвязывать*, *отрывать*, *отнимать что-н.* или свойства, состояния, которые идентифицируются органами восприятия: *линнет*, *льется*, *журчит*, *леснится*, *мылится*, *лубенеет*, *мутнеет*, *синеет*, *мрачнеет*, *размягчается* и т. д. Глаголы другого ряда не называют воспринимаемые органами чувств действия, а дают оценочно-характеризующую квалификацию чьей-то деятельности, поведению, занятию: *ловчить*, *лукавить*, *малодушествовать*, *лишать кого-н. чего-н.*, *мелочиться*, *обманывать*, *отождествлять*, *перевыполнять*, *просчитаться*, *ротозействовать*, *свершить*, *симулировать*, *согласовывать*, *содействовать*, *упростить*, *унифицировать*, *трудоустроить*, *экономить*, *стилизовать*, *сожалеть*, *разделаться*, *мотивировать* и др.

Если отвлечься от разноречий в интерпретации терминов логико-грамматического направления, можно, очевидно, считать, что противопоставленность наблюдаемых—ненаблюдаемых глагольных действий соответствует соотнесенности денотативных (референтных) и сигнификативных значений в глагольных словах.

С точки зрения способа восприятия выделяется еще группа глаголов внутреннего состояния, которое может ощущаться только его носителем (*Меня лихорадит*, *ломает*, *тошнит*, *мутит*, *подмывает*; *у меня колет в боку*, *шумит в голове*, *болит зуб*; *мне дремлется*, *мне нездоровится* и под.); употребленные по отношению к 3-му лицу, они представляют собой своего рода цитату (*Его знобит* ≈ ≈*Он говорит, что его знобит*).

Как всякая дифференциация, и эта осложняется периферийно-синонимическими явлениями. Многие из глаголов основной номинации действия располагают синонимами метафорического или экспрессивно-стилистического характера. Ср., например: *смотреть — созерцать, таращиться, пялиться*; *сказать — молвить, ляпнуть*; *думать — мыслить, мозговать*; *удивляться — разинуть рот*; *сердиться — нахмурить брови* и т. д. Здесь «наблюдаемость—ненаблюдаемость» действия может зависеть от того, насколько жива или стерта первоначальная образность слова или выражения.

Возвращаясь к анализируемым текстам, отметим, что признак наблюдаемости здесь совпадает с признаком конкретно-временной локализованности (тексты 1, 3, 10), противопоставленным признаку временной абстрагированности действия и соответственно ненаблюдаемости (остальные тексты). Это противопоставление не абсолютно. Глаголы наблюдаемого действия могут употребляться и в значении конкретно-длительном и в отвлечении от конкретного времени (ср.: *Кто там в малиновом береге с послом испанским говорит*? и *Он прекрасно говорит по-французски*). Глаголы ненаблюдаемого действия, как правило, не выражают конкретной временной локализованности. В примерах типа — *А где Сидоров*? — *Он кабинете у директора, согласовывает один вопрос* — глагол обозначает действие, происходящее в момент речи, но не наблюдаемое, так как выражает собственно цель комплекса конкретных действий.

2.6. Признаки наблюдаемости—ненаблюдаемости ведут к проблеме субъекта наблюдения, наблюдателя того, о чем сообщается в тексте, от чьего лица сообщается.

Если автор текста — участник изображаемого или описываемого действия, это обнаруживается прежде всего в употреблении глагольных или местоименных форм лица (*наша машина, кивнула нам* — текст 1).

Позиция автора-наблюдателя, фиксированная или подразумеваемая, обнаруживается в условном «присутствии» автора во времени — месте действия («хронотопе», по М. М. Бахтину). «Наблюдательный пункт» автора (говорящего) в этом хронотопе совпадает с настоящим актуальным временем действия или с моментом, от которого развивается сюжетное движение. Воспроизведение прямой речи персонажей (— *Не спится, няня* (10),— *Ну, вот и приехали* (3)) также выдает «присутствие» автора-сви-

детеля. Расставляя пространственные ориентиры, автор определяет свое «местонахождение», свою «точку зрения». Если фигура доктора появилась «за дверью», то понятно, что автор «видит» ее вместе с другим персонажем, Ширяевым, находясь внутри, в комнате (1). Вместе с тем говорящее лицо в этих случаях как бы раздваивается на участника-свидетеля, «существующего» в хронотопе происходящего, и на повествователя, излагающего происшедшее в прошедшем времени из другого, «настоящего» времени, когда он берется за перо или рассказывает.

Фольклорная формула «Я там был, мед-пиво пил», выражает именно такую позицию субъекта речи, которую мы выявим в текстах (1), (3), (10).

Текстам этого типа противостоят другие, в которых позиция субъекта речи характеризуется полной непричастностью к тому, о чем сообщается. В тексте о мятлике (2), о зоологических коллекциях (4), о народном искусстве (7) нет никаких признаков присутствия говорящего субъекта, так же как нет и «хронотопа», никакой прикрепленности содержания к конкретному времени и пространству. Если авторская позиция в рассмотренных выше текстах означает «я это видел и слышал», то здесь она означает «это известно».

Отсылку к субъекту восприятия или знания выражают «авторизующие» глаголы. Глагол *чувствуется* в тексте (9) («в обтеске камня чувствуются навыки профессиональных каменосечцев») намекает на личное участие автора в получении излагаемых знаний о предмете, хотя, не будучи прикрепленным к конкретному времени, этот глагол не превращает описание предмета в повествование о процессе получения этих знаний (как было бы, допустим, в варианте «в обтеске камня чувствовались профессиональные навыки»). В тексте (8) глагол *славился* (*умельем драться на штагах*) отсылает, напротив, к мнению других («сам не видел, но слышал»).

В тексте (5) из учебника физики авторизующие слова *можно сказать, как говорят, говорят, называется* не соотнесены с определенным субъектом, а имеют обобщенно-личное значение, включающее авторов, и поскольку цель текстового фрагмента — ознакомление новичка с метаязыком специальности, такие формы подготавливают читателя к вступлению в ряд «посвященных». Это один из типичных приемов учебных и научно-популярных текстов. Здесь получают языковое выражение не только

отношения планов говорящий / содержание речи, но и отношение планов говорящий/адресат.

Характерен в этом смысле текст (4), представляющий разновидность юридической, законодательной речи. Отношения говорящий (коллективное лицо законодателя) и адресат-читатель — это вместе с тем отношения между двумя сторонами, представленными в Законе: говорящий представляет государство, читатель — гражданина, исполнителя Закона. Поведение исполнителя программируется неукоснительной категоричностью модальных слов *подлежит*, *обязаны*. Типична лаконичная конструкция фразы, где комплекс обязательных действий двух агенсов по отношению к объекту (владелец коллекции представляет ее для учета, государство учитывает) сформулирован как модальное свойство объекта: *коллекции подлежат учету*.

Итак, перед нами еще ряд характеристик языковой структуры рассматриваемых текстов, заключающихся в проявлении (либо непроявлении) роли говорящего по отношению к излагаемому и к адресату высказывания.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТИПЫ РЕЧИ

1. Суммируя выделенные признаки, заметим, что они проявляются не поодиночке, а взаимодействуя друг с другом. Взаимное тяготение группирует их в два комплекса, или в два пучка признаков: там, где подсистема сюжетных времен, там и конкретные, наблюдаемые действия, и свой хронотоп, и перцептивное «присутствие» говорящего субъекта, автора; для подсистемы несюжетных времен характерны неконкретные, множественные, нереферентные имена, ненаблюдаемые действия (хотя возможны и референтные и наблюдаемые), отсутствие хронотопа, конкретной длительности действий, и непричастность говорящего субъекта к сообщаемому (хотя возможны другие способы его обнаружения — метатекстовые, модальные и пр.) [59].

[59] Излагая интересные наблюдения над условиями, реализующими возможность актуального, узуального и генерического прочтения глаголов разных групп, Т. В. Булыгина приходит к близкому нам выводу о семантическом взаимодействии грамматических значений различных конституентов предложения и о связанности «суперкатегории» пространственно-временной локализованности с характером референции имен и глаголов

Этими двумя комплексами признаков организуется противопоставление двух основных коммуникативных типов, или регистров, речи: изобразительного и информативного.

Возникает вопрос: какова здесь роль структурно-семантических типов предложения, которые рассматривались в качестве первого признака? По отношению к ним различаются подтипы, или разновидности, регистров.

Эти две линии могут быть представлены как координаты таблицы. В вертикальном ряду разместим структурно-семантические типы предложения или рематические доминанты текстовых фрагментов со значениями действия, состояния, качества, отношения между предметами и понятиями. По горизонтали откладываем регистры: изобразительный и информативный, принимая за основную оппозицию наличие/отсутствие конкретной временной локализованности предикативного признака.

При пересечении изобразительности и акциональности получаем изобразительно-повествовательный регистр. На пересечении изобразительности и квалитативности — изобразительно-описательный. По тому же принципу (значения действия или качества, свойства, по абстрагированные от хронотопа) получаем информативно-повествовательный и информативно-описательный регистры (см. табл. 6).

Как видим, информативный регистр дает еще разновидности более высокой степени абстрагированности.

Итак, коммуникативные типы, или регистры, речи — понятие, абстрагированное от множества предикативных единиц или их объединений, употребленных в однородных текстах, сопоставленных по их общественно-коммуникативным функциям и противопоставленных по способу отражения действительности, что получает выражение в совокупности их лингвистических признаков.

Конкретные высказывания, тексты или их фрагменты, блоки представляют собой реализации коммуникативных, или регистровых, разновидностей речи.

Речевые блоки изобразительного и информативного регистров в их разновидностях и являются теми конститутивными единицами, из которых составляются (или на

(*Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи.— В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980).

Таблица 6

Семантическая характеристика	Способ отражения действительности		
	Регистры		
	Изобразительный	Информативный	
		Сообщения о фактах	Сообщения мыслей
Действия Состояния	Изобразительно-повествовательный	Информативно-повествовательный	Оценочно-квалифицирующий
Свойства Качества Отношения	Изобразительно-описательный	Информативно-описательный	
Логические связи между понятиями и явлениями		Информативно-логический	Обобщающе-логический

которые могут быть расчленены) тексты различного коммуникативного назначения. Разнообразные роды и жанры общественно-речевой практики демонстрируют свойственные каждому из них типовые композиционные объединения изобразительных и информативных блоков в их разновидностях, отличающиеся большей жесткостью или большей свободой, подвижностью конструкции.

Очевидно, что определением коммуникативных регистров и их конкретных текстовых реализаций — регистровых блоков — фиксируются повторяющиеся закономерности организации языковых средств, но не объем этих блоков. Блоки могут быть представлены и предложением, и группой предложений, и более крупными фрагментами текста, в которых сохраняется и внутреннее членение — смысловое, опирающееся на средства выражения межфразовых связей. Нижняя граница блока может совпадать с границами предикативной единицы — как самостоятельной, так и в составе сложного предложения. Взаимодействие или столкновение регистров, организующее сюжетно-композиционную структуру текста, может происходить внутри сложных предложений.

2. Возьмем для примера сказку Л. Н. Толстого «Три калача и одна баранка». Сюжет здесь развивается как конфликт между активными последовательными дейст-

виями героя, о которых в изобразительно-повествовательном регистре сообщается с помощью глагольных форм аористного значения, и фоном этих действий — независимым от его воли состоянием, о котором сообщается в изобразительно-описательном регистре с помощью глагольных форм имперфектного значения:

Одному мужику хотелось есть. Он купил калач и съел — *ему все еще хотелось есть.* Купил другой калач и съел — *ему все еще хотелось есть.* Он купил третий калач и съел — *ему все еще хотелось есть.* Потом он купил баранок и, когда съел одну, стал сыт. Тогда мужик ударил себя по голове и сказал: — Экой я дурак! Что ж я напрасно съел столько калачей? Мне бы сначала съесть одну баранку.

Прямая речь персонажа представляет элементы информативно-логического и оценочно-квалифицирующего регистров в экспрессивно-разговорной форме.

В художественной прозе изобразительно-повествовательный регистр служит обычно основным средством развития сюжетной линии, сообщения о действиях и активных состояниях (проявлениях состояний) создают первый план текста; описательно-повествовательный регистр создает второй план, или фон, сообщающий о свойствах, качествах, пассивных состояниях.

Если взять известные тексты, вспомним, как изобразительные кадры в рассказе Чехова «Шуточка» — троекратный спуск героя с Наденькой на санках с горы — сменяются информативным повествованием, обобщенно, в отвлечении от конкретной длительности действий, суммирующим происходящее: *И с этого дня я с Наденькой начинаю каждый день ходить на каток... Скоро Наденька привыкает к этой фразе...* Затем следуют с информативными прослойками еще два изобразительных кадра, вводимых указанием на время (*Как-то в полдень...* и *Как-то перед отъездом, в сумерки...*) и использующих перцептивные предикаты: *я вижу, как к горе подходит Наденька*; *И видно по ее лицу...*; *Я вижу, как Наденька выходит на крылечко.*

Эпилог рассказа содержит информативное сообщение о теперешнем, по отношению к времени повествования, состоянии Наденьки (*Наденька уже замужем... у нее уже трое детей*) и морализующе-оценочное рассуждение рассказчика.

Аналогична композиция чеховского «Злого мальчика». Сценка рыбной ловли и вручения платы за молчание злому мальчику сменяется информацией, отвлеченной от конкретного времени: *Злому мальчику, очевидно, все это нравилось, и, чтобы получить еще больше, он стал наблюдать... Весь июнь Коля не давал житья бедным влюбленным...*

Еще два изобразительных кадра завершаются информативно-оценочным абзацем.

Иногда можно наблюдать, как первый, сюжетный, и второй, фоновый, планы «меняются местами» в композиции текста. Вот фрагмент из «Анны Карениной» Л. Толстого (Левин в лесу на охоте).

Подъехав к лесу, Левин **слез** и **провел** Облонского на угол мшистой и топкой полянки, уже освободившейся от снега. Сам он **вернулся** на другой край к двойняшке-березе, и, прислонив ружье к развилине сухого нижнего сучка, **снял** кафтан, **перепоясался** и **попробовал** свободы движений рук.

Старая, седая Ласка, ходившая за ними следом, **села** осторожно против него и **насторожила** уши (I блок — изобразительно-повествовательный, внутри которого могут быть выделены две части, сообщающие о действиях разных субъектов — Левина и Ласки).

Солнце *спускалось* за крупный лес; и на свете зари березки, рассыпанные по осиннику, отчетливо *рисовались* своими висящими ветвями с надутыми, готовыми лопнуть почками.

Из частого лесу, где *оставался* еще снег, чуть слышно *текла* еще извилистыми ручейками вода. Мелкие птицы *щебетали* и изредка *пролетали* с дерева на дерево (II блок — изобразительно-описательный, представляет состояние природы, тоже две части: первая построена на зрительном восприятии, вторая преимущественно на слуховом).

— Каково! Слышно и видно, как трава растет! — сказал себе Левин, заметив двинувшийся грифельного цвета мокрый осиновый лист подле иглы молодой травы. (III блок — снова изобразительно-повествовательный).

Он *стоял*, *слушал* и *глядел* вниз, то на мокрую мшистую землю, то на прислушивающуюся Ласку, то на расстилавшееся перед ними под горою море оголенных макушек леса, то на подернутое белыми полосками туч тускневшее небо. (IV блок — изобразительно-описательный:

состояние застывших в наблюдении человека и собаки становится фоном для живущей своей жизнью природы).

Ястреб, неспешно махая крыльями, **пролетел** высоко над дальним лесом; другой точно так же **пролетел** в том же направлении и скрылся. Птицы все громче и хлопотливее *щебетали* в чаще. Недалеко **заухал** филин, и Ласка, вздрогнув, **переступила** осторожно несколько шагов и, склонив голову набок, **стала прислушиваться.** Из-за речки **послышалась** кукушка. Она два раза **прокуковала** обычным криком, а потом **захрипела, заторопилась и запуталась.** (V блок — снова изобразительно-повествовательный, субъектами действий становятся птицы — главный предмет внимания охотников. Одна описательная фраза о щебетании птиц в чаще характеризует общий звуковой фон изображаемого).

3. Особую задачу составляет изучение дифференцированности синтаксических моделей с точки зрения их связанности с речевыми регистрами. Одни модели предложений используются в разных регистрах, получая регистровое значение лишь в условиях контекста; другие закреплены за одним из регистров.

Сопоставление безглагольных предложений типа *Князь к морю; Шмель в окошко; Лошадь — на дыбы* (*Я за свечку, свечка — в печку. Я за книжку, та — бежать и вприпрыжку под кровать* — Чуковский) с их глагольными синонимами *Князь идет к морю; Шмель вылетает в окошко; Шмель улетел в окошко* и т. п. показывает, что первые, безглагольные, употребляются лишь в изобразительно-повествовательном регистре, их фиксированное значение настоящего времени реальной модальности (действие изображается как бы происходящим на глазах наблюдателя), их дополнительное экспрессивно-фазисное значение закрепляют за ними определенное место и в системе синтаксических моделей (см. выше, с. 200) и в речевом употреблении; те же характеристики и регистровые ограничения присущи двусоставным моделям с предикатом-инфинитивом, с предикатом-междометием и «междометным глаголом»: *Та — бежать; Царица — хохотать; Татьяна — ах!; Татьяна прыг в другие сени.* Синонимичные глагольные (с лично-глагольным предикатом) корреляты названных экспрессивных моделей, располагая модально-временной парадигмой, не связаны с определенным регистром [60].

[60] Разногласия между авторами в сравнительной оценке роли глагольных и эллиптических конструкций в тексте возникают

Преимущественно изобразительно-описательному регистру принадлежат модели типа *Весна*; *Светает*; *Ни облачка*; *Сыро и ветрено* (*Ни огня, ни черной хаты... Глушь и снег.*— Пушкин; *Утро. Нет паутин на вырубках. Очень тихо.*— Пришвин), поскольку они рисуют признаки хронотопа, среды, окружающей наблюдателя как бы в момент речи. Приписывание подобных признаков другому месту и времени требует дополнительных средств выражения, часто перестраивающих фразу и «открепляющих» ее от названного регистра. Ср., например: *К утру в Подмосковье ожидаются заморозки*; *В Белоруссии в ближайшие дни сохранится дождливая погода; Зимы в Сибири суровые* (*В тот год осенняя погода стояла долго на дворе* — Пушкин).

Предложение с акциональным предикатом, например: *Писатель беседовал с пехотинцами на переднем крае* может быть использовано в разных регистрах: в изобразительно-повествовательном сообщении о конкретном действии, происходившем в определенный момент; в информативно-повествовательном сообщении о повторявшемся факте, вне конкретной длительности; в информативно-описательном перечислении фактов и свойств, характеризующих лицо.

Таким образом, синонимия синтаксических конструкций может рассматриваться как внутрирегистровая и межрегистровая.

В литературе отмечалось, что в разговорной речи многие элементы коммуникации не имеют вербального выражения, поскольку они даны в ситуации [61]. Разработка коммуникативной типологии позволяет внести уточнения и в сложившуюся концепцию разговорной речи (РР). Утверждение о конситуативности как одной из главных характеристик РР, по-видимому, требует ограничений. Конситуативность — признак изобразительного типа речи. В РР же используются и другие типы (соотношение регистров в книжно-литературной и разговорной речи — само по себе

часто из недифференцированного употребления таких понятий, как описание, живописание, наглядное изображение, изображение действий и под.; ср. *Лекант П. А.* Об эллиптических предложениях в русском языке.— Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1964, т. 148, вып. 10, с. 121; *Сковородников А. П.* Эллипсис как стилистическое явление современного русского литературного языка. Красноярск, 1978, с. 74.

[61] См.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 19.

перспективный предмет исследования): информация, сюжетное повествование и в РР могут быть не связаны с ситуацией речи. Очевидно, конситуативность характеризует РР тогда, когда совпадают параметры РР и изобразительного регистра.

4. Изучение языковых средств, служащих для выражения и разграничения коммуникативных типов речи, выявляет, какие коммуникативные типы в каких комбинациях используются в разных речевых сферах. Некоторые закономерности использования и сочетания регистровых разновидностей связаны с коммуникативными функциями тех или иных сфер речевой практики.

1) В языке художественной литературы, которому присущи изобразительные и выразительные функции, преимущественно используется изобразительный тип речи. Сочетаемость этого типа с разновидностями информативного регистра, в том числе с обобщающе-логическим, зависит как от индивидуальных особенностей стиля писателя, так и от особенностей историко-литературного характера, связанных с жанром, школой, направлением, эпохой. Соотношение регистровых блоков — первооснова характеристики художественного текста того или иного вида.

2) Стили ораторские, литературно-критические, газетно-публицистические объединяются функциями анализа, разъяснения, убеждения с установкой на выразительность, но не изобразительность (точнее, элементы изобразительности здесь могут служить средствами выразительности). Отсюда — использование информативного, обобщающе-логического регистров речи как основных и изобразительного как подсобного, вспомогательного.

3) Деловым стилям (языку деловых документов — протокола, отчета, акта, договора и т. п.) присуща функция описания фактов и связей между ними и чужда установка на выразительность и изобразительность. Используют информативный речевой регистр, в некоторых жанрах — обобщающе-логический; изобразительный регистр деловому языку не свойствен.

Следующим шагом в исследовании может стать выявление типовых композиционных объединений коммуникативных блоков в разных жанрах тех или иных речевых сфер на изложенных основаниях.

5. Включаясь в обсуждение проблем типологии речи как особого раздела лингвистики, в котором изучаются виды и формы (типы и подтипы) языкового общения лю-

дей — проблемы, поставленной у нас в трудах Л. П. Якубинского, В. В. Виноградова, Н. И. Конрада, А. А. Холодовича — Р. А. Будагов справедливо утверждает, что виды и формы общения людей зависят не только от того, как протекает общение, но и от того, что обобщенно выражается [62].

Подчеркивая необходимость установить соотношение между формой и содержанием речевого акта, Р. А. Будагов имеет в виду социологический аспект проблемы (форма понимается как внешние условия речевого акта: коммуникативность—некоммуникативность, контактность—дистантность и т. п.; содержание, семантика как то или иное восприятие речи собеседника).

Таким образом, становится очевидным, что типология речи имеет своим объектом и первоочередной задачей собственно лингвистические *что* и *как*: типовое содержание речевых актов и языковые средства, предназначенные для его выражения в тех или иных композиционно-смысловых единствах. Выявление их позволит выйти и за пределы собственно лингвистических задач.

---

[62] См.: *Будагов Р. А.* О типологии речи.— Русская речь, 1967, № 6, с. 43—48.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение синтаксического строя русского языка в аспекте выполняемого языком коммуникативного назначения выявляет известные расхождения между объективно существующей организованностью синтаксиса, объективными функциями его средств и теми представлениями о его организации, которые традиционно сложились в грамматической теории.

Бытует мнение, что усилившийся интерес к семантике синтаксиса, к содержательному плану его устройства вызывает к жизни новую область синтаксических занятий или новое направление — «семантический синтаксис», способный развиваться параллельно синтаксису традиционному. Работа с синтаксическим материалом убеждает, однако, в том, что нет синтаксиса несемантического, как нет языка некоммуникативного. Коммуникативно-семантические критерии всегда были неотъемлемым, хотя и непоследовательно применявшимся, компонентом грамматических учений. На современном этапе лингвистики дело, очевидно, за тем, чтобы оценить последствия признания семантики для синтаксической теории, с опорой на семантику преодолеть в синтаксической науке застарелые влияния логицизма и морфологизма, найти открывающиеся возможности ответить на дискуссионные вопросы.

Решению этих задач могут способствовать следующие выводы и наблюдения, сделанные в результате проведенного синтаксического анализа:

1.1. Семантико-синтаксическая структура предложения формируется взаимодействием двух планов, в одном из которых получает отражение связь предложения с действительностью, в другом — связь его с процессом мышления. Акт мышления, выражаемый предложением, всегда двучленен: некоторому субъекту приписывается некий предикативный признак. В различиях языковых форм и значений субъектов и предикатов проявляется план свя-

ми предложения с внеязыковым миром; разным типовым содержанием и способами его оформления обусловлена принадлежность предложений к разным структурным типам.

2. Предикативность, характеризующая каждое предложение, понимается как предикативное отношение между структурно-смысловыми опорами мысли-предложения — субъектом и предикатом, выражающееся в языковых категориях времени, модальности и лица. Такое понимание предикативности позволяет объединить два противопоставляемых подхода к предикативности, а вместе с тем преодолеть искусственное разделение «грамматического» и «информативного» минимумов предложения.

3. Тем самым уточняется и представление о структуре языкового значения предложения. Предикативное отношение признака к его носителю рассматривается как общее для любого предложения, собственно грамматическое значение данной единицы синтаксического уровня. Различиями формально-содержательного состава взаимно обусловленных главных компонентов предложения определяется производное от этого состава семантико-синтаксическое значение того или иного типа предложения.

4. Многообразие так понимаемых типов предложения предстает в классификации, приводящей в соответствие выражаемое в той или иной модели предложения типовое содержание и языковые средства, предназначенные для выражения данного содержания.

5. Анализ компонентного состава предложения — установление для каждой модели составляющих ее структурно-семантических компонентов в их конкретно-типовых формах — сохраняет то рациональное, что имеется в учении о членах предложения, но позволяет преодолеть противоречия этого учения и вынужденность двойной номенклатуры «синтаксических» и «семантических» компонентов, материально нераздельных.

II. В компоненте предложения реализует свои функциональные потенции минимальная конститутивная единица синтаксиса — синтаксема. Введение понятия синтаксемы способствует прояснению:

а) отношений между предложением как целым и его конституирующим элементом, интегрантом: каждое предложение с точки зрения синтеза и с точки зрения анализа может рассматриваться как одна из предсказуемых комбинаций синтаксем;

б) уровня синтаксической абстракции: синтаксически релевантным оказывается категориально-семантическое значение подклассов в классах частей речи;

в) отношений формы и содержания в синтаксической единице: условия самого существования этой единицы состоят в мотивирующем друг друга взаимопроникновении элементов семантики и морфологии, так что наличие одних определяется наличием других;

г) понятий функции и позиции как более общей и более конкретной ступени абстракции: сумма возможностей, заключенных в координатах функций и позиций, составляет семантико-синтаксический потенциал синтаксемы и определяет ее принадлежность к одному из типов;

д) соотношения синтаксиса и словообразования: параллелизм их номинационных функций на общей гносеологической базе содержательных категорий предполагает и различия между лексико-синтаксической и структурно-синтаксической номинацией;

е) неоднородности морфологической парадигмы имени существительного, внутри которой возможны внутренние группировки форм, функционально и семантически противопоставляемые как предметные и признаковые.

III.1. Опора на совокупность и взаимодействие семантических, синтаксических и морфологических признаков в квалификации языковых явлений позволяет ввести понятия изосемичности/неизосемичности в качестве критерия разграничения центра и периферии как в системе подклассов частей речи, так и — соотносительно с ними — в системе моделей простого предложения. Соответствие основного категориального значения ведущих частей речи в составе предиката основным категориям внеязыковой действительности лежит в основе организации и типологии центральных моделей предложения и делает возможным установление системных мест вторичных, периферийных моделей по отношению к центральным.

2. Структура предложения определяется не одним предикатом, а соотнесенностью субъектного и предикатного компонентов, взаимной избирательностью их и общим участием в выражении семантико-грамматического значения. Реальное многообразие способов выражения обоих главных компонентов моделей русского предложения и — вместе с тем — условия научной классификации, требующие исходить из существенных, обязательных, а не факультативных, переменных признаков ведут к признанию

семантико-синтаксическим субъектом определенных моделей ряда форм косвенных падежей. Релевантным для типологии моделей является противопоставление субъектов личного/предметного значений.

3. В выражении предиката в русском языке, помимо глагола, участвуют словоформы разных частей речи, структурная роль глагола определяется соотношением в нем лексических и грамматических значений, степенью знаменательности, оппозицией акциональность/неакциональность.

Синтаксические дериваты глагола — неспрягаемые формы инфинитив, причастие, деепричастие, а также девербатив служат способами вторичного, имплицитно-предикативного обозначения признака и используются как синтаксические средства полипредикативизации первичной модели.

4. Схема синтаксического поля предложения дает возможное представление о соотношении с основной моделью ее регулярных грамматико-семантических модификаций, синонимических вариаций, полипредикативных осложнений.

5. Отмечено разное положение в синтаксической иерархии предложений 1-го ранга, вербализованно отображающих факты, свойства и связи денотатов, и 2-го ранга, содержащих вербализованный результат мыслительной операции над сигнификатом.

6. Компонентный анализ предложения служит основанием для установления тождества и различия синтаксических моделей, для определения отношений синтаксической синонимии. За синонимичные принимаются синтаксические конструкции, организуемые одинаковым набором одноименных, но разноформленных структурно-семантических компонентов. Выделены отношения неполной синонимии и омоморфности — морфологического подобия компонентов.

7. Исследование периферийных категорий — деадъектива, инфинитива — уточняет их семантику (косвенного, опредмеченного обозначения признака и обозначения потенциального действия) и показывает, что каждая из этих категорий своим возможным синтаксическим окружением обязана этой семантике; набор окружений и создает типы, модели конструкций, в которых слова данной категории участвуют как синтаксически активные или синтаксически пассивные компоненты.

Рассмотрение морфологических, семантических и синтаксических свойств категории состояния показало неоднородность этой категории и целесообразность выведения из ее состава особого лексико-грамматического класса слов со статусом категории оценки.

IV.1. Представленная концепция семантико-синтаксического устройства предложения содержит в себе предпосылки для последовательного перехода от синтаксиса предложения к синтаксису текста, от системы в статике к системе в речевой динамике.

2. Речь, или текст как произведение речевой деятельности, отбирает модели и средства, которыми располагает языковая система для выражения соответствующих смыслов. Внутренне однородные части текста реализуют в соответствующих моделях и категориях данный тип содержания. Взаимодействие лексики и грамматики в синтаксисе текста получает сконцентрированное выражение в определенном текстовом звене — реме, на уровне ее семантико-грамматического, категориального значения. Вводится понятие рематической доминанты. Различаются фрагменты текста с акциональной, предметной, качественной и др. под. рематическими доминантами. Показано, что возможности реализации коммуникативной парадигмы предложения ограничены типом рематической доминанты.

3. Видо-временные формы глагола рассматриваются как средство организации и членения композиции текста. Выдвигается положение о сгруппированности разных значений видо-временных форм в две подсистемы категории глагольного времени, реализующие значения своего ряда в определенных речевых сферах.

4. Наблюдения над закономерностями употребления языковых средств в разных видах общественно-речевой практики подготавливают постановку вопроса о лингвистических основаниях коммуникативной типологии речи.

а) Обосновывается понятие конститутивной единицы текста, характеризуются признаки, в которых проявляется специфика языкового устройства текстовых единиц, устанавливается возможность/невозможность их объединения (совстречаемость) в общих речевых композициях.

б) Двумя комплексами признаков, группирующихся вокруг основной оппозиции видо-временная локализованность/нелокализованность предиката, организуется противопоставление двух основных коммуникативных типов,

или регистров, речи: изобразительного и информативного, в их разновидностях.

в) Деление по способу отражения действительности взаимодействует со структурно-семантическими характеристиками единиц как горизонтальная и вертикальная координаты в классификационной схеме речевых регистров.

г) Конкретные высказывания, тексты или их фрагменты, блоки, рассматриваются как реализации коммуникативных, или регистровых, разновидностей речи. Разнообразные роды и жанры общественно-речевой практики демонстрируют свойственные каждому из них типовые композиционные объединения этих разновидностей.

д) Обращено внимание на дифференцированность синтаксических моделей предложения в ракурсе их связанности с речевыми регистрами; встает вопрос о внутрирегистровой и межрегистровой синонимии синтаксических конструкций.

V. Одна из ведущих идей монографии — стремление показать недооцениваемое часто в современной лингвистике рациональное и функционально целесообразное устройство языка как произведения и орудия разума.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Авторизация (авторизованные конструкции, авторизующие глаголы): 7, 37, 155, 167, 186, 239, 270, 347.
Агенс (субъект действия): 7, 30, 108—109, 135, 146, 208—212, 261
Актуальное (темо-рематическое) членение предложения: 99, 149—153, 202, 214, 220, 264, 282—292, 293
  Порядок слов (компонентов): 20, 99, 104, 139, 141, 147—214, 282
  Рема (новое): 289, 293—300, 302—319, 361
  Тема (данное): 149, 151, 202, 308—309
Блоки речевые: 349—353, 362
Взаимодействие семантических, морфологических и синтаксических признаков: 3, 52—33, 75, 102, 122—132, 134, 168, 169, 212, 224, 274
Видовые корреляции: 62, 127, 160—164
Временная локализованность: см. Категория времени
Глагол
  Акциональные — неакциональные глаголы: 62, 75, 78, 126—127, 129, 141, 159, 164—167, 303
  Безличные глаголы: 63, 115, 118, 119, 342
  Вспомогательные (неполнозначные) глаголы: 75, 91, 156—158, 228—229, 256—259, 302, 311
  Каузативные глаголы: 78—79, 166
  Компенсаторы: 158
  Компликаторы: 167
  Личные (предикативные) — неличные (непредикативные) формы глаголов: 7, 10, 43, 164, 253—273; Деепричастие: см. по алфавиту; Инфинитив: см. по алфавиту; Причастие: см. по алфавиту
  Модификаторы: модальные, фазисные, *модально-темповые, оценочно-темповые*: 61, 72—74, 124, 151, 157—158, 182, 234, 256—260
  Нерематичные глаголы: 289, 295, 302, 305, 319
  Подклассы глаголов: 31, 126
  Синтаксемы глагольные: 62—63, 75
Говорящее лицо: см. Субъект речи
Двусоставные — односоставные предложения: 21, 23, 24, 29, 59, 101—102, 104—107, 112, 120—121, 183, 210—211, 250

---

* Цифрами обозначены страницы; понятия, данные курсивом, введены в рамках излагаемой концепции.

Безличные предложения: 84, 104—107, 112—115, 120—121, 183
Номинативные: 82, 84, 112—115, 300
Деадъектив: 223—249, 360
Девербатив (номинализация): 7, 9, 10, 13, 15, 142, 146, 157, 251—253, 273
Деепричастие: 44, 51, 62, 116, 141, 164
Дериваты (деривации) синтаксические: 51, 62, 116, 183, 185—186, 229, 234, 360
Детерминанты (ситуанты, распространители модели): 20, 66, 85, 86, 95, 150—153, 174, 177
Динамический — статический предикат: 199
Значения
Категориально-семантические: 32, 47, 49, 50, 51, 59, 81
Номинативное: 67
Общеграмматическое: 48, 99
Падежные: 72
Предметное — признаковое: 22, 55, 61, 96, 136, 175, 359
Стилистические: 77, 107, 128—130, 158, 229, 249
Типовые (структурно-семантические): см. Типовое значение предложения
Экспрессивные: 23, 77, 99, 110, 117, 132, 175, 195, 236, 268, 287, 323
Изобразительный регистр: см. Типы речи
Плосемичность — неизосемичность: 127—129, 144, 145, 180, 211, 359
Интеррогация: 182
Интонация: 20
Информативный регистр: см. Типы речи
Инфинитив (инфинитивные конструкции): 20, 44, 62, 67, 78—79, 104, 110, 144, 157, 183—186, 249—273, 275—280, 360
Инфинитивизация: 164—165, 183—184, 269—270
Категория времени: 320—336, 343—344
Временная локализованность: 7, 12, 14, 344—345, 349, 361
Подсистемы глагольных времен: 336, 348, 361
Точка отсчета: 322—323
Категория лица: 145, 173, 254—256
Категория модальности: 9, 14, 15, 99, 175, 260
Категория оценки: см. Оценка
Категория состояния (предикативные наречия): 20, 35, 179, 274—281
Каузация (каузативные конструкции): 7, 8, 9, 12, 74, 145, 155, 185, 237—239, 268—270, 289, 312—313
Каузаторы: 6, 36, 37, 45, 55, 79, 119, 123—124, 143
Коммуникация (коммуникативность): 3—4, 5, 23, 28, 46, 282, 317, 348, 357
Коммуникативные типы речи: см. Типы речи
Коммуникативно-стилистические модификации [варианты] модели: см. Синтаксическое поле предложения
Компаратив (компаративные конструкции): 14, 78, 137, 143, 161, 185, 233
Компенсация (грамматическая): 128, 158
Композиция текста: 6—15, 324—328, 337—353, 355—356, 361—362
Компоненты предложения: 6, 8, 9, 12, 21, 27, 30, 33—34, 36—38, 40—43, 55, 65, 85, 87—92, 95, 98, 119, 129, 140—141, 162, 169, 174, 222, 358
Компонентный анализ предложения: 27, 187—281, 358

Компоненты двойственного (двойного) значения: 67, 79, 145, 237, 242, 289
Предицируемый (предметный) — предицирующий (признаковый) компоненты: 7, 8, 24, 94, 103, 116, 135, 168, 181, 183, 357—358; см. также Субъект, Предикат
Составные компоненты предложения: 158, 269—270
Субъектный — объектный компоненты: 134, 139—142, 145, 148—153, 166
Конститутивная единица синтаксиса: см. *Синтаксема*
Конститутивные единицы текста: см. *Речевые, регистровые блоки*
Контекст: 84, 99, 115—116, 152, 154, 174, 202, 292, 335—336
Личность — безличность: 102, 104—121, 209—212, 213, 254—256
Модель предложения: 3, 6, 15, 23, 24, 33, 40, 44, 50, 83—85, 98—99, 174, 177, 201, 358—361
Адъективные модели: 34, 179, 185, 342
Безглагольные (неглагольные): 156—157, 160—161, 188, 201, 353
Глагольные: 33—34, 104, 108, 156—168, 170—171, 179, 185, 342, 353
Именные: 9, 10, 157, 179, 189, 191, 266, 342
Квантитативные: 6, 8, 9, 10, 35, 179, 285—289
Наречные: 20, 35, 104, 179, 342
I ранга — II ранга (логической квалификации): 144, 184—187, 360
Усложненные: 67, 142—145, 238—239, 242, 289
Центральные — периферийные: 99, 127—130, 144—145, 174—175, 181—184, 360
Модификации регулярные: 6, 31, 73—74, 99, 124, 182; см. также Синтаксическое поле
Негация (отрицание): 9, 114, 141, 182
Неполное предложение: 115—116, 132, 187
Номинация: 46, 82—83, 127, 158, 178, 223—226, 227, 270
Лексико-синтаксическая — структурно-синтаксическая: 83
Прямая — косвенная: 127, 158, 223—226, 249
Односоставность: см. Двусоставность
Омоморфность: 41, 208
Омонимия синтаксическая: 52, 60, 61, 69, 70, 90, 141—142, 292
Оценка: 8, 138, 144, 184—187, 260—268, 271—281
Категория оценки: 271—281
Падежные значения: см. Значения
Винительный объекта и субъекта: 140—142
Винительный — родительный объекта: 195
Дательный субъекта восприятия: 137—138, 153
Родительный количественный: 286
Творительный каузатора: 210, 216—217
Парадигматические — синтагматические отношения (ряды): 28, 30, 57, 61, 79, 91, 104, 124, 132, 142, 181, 208
Подлежащее: 20, 29, 85, 102—104, 121, 123, 139—140, 222
Позиция: 54, 55—57, 66—67, 107, 359
Присловная — неприсловная: 20, 66, 150—152, 240—242
Полупредикативность: 184, 242, 295
Полипредикативность: 67, 164—166, 183—187, 228, 270, 288
Авторизация: см. по алфавиту
Адвербиализация: 164, 183
Атрибутизация: 164, 183
Инфинитивизация: 164, 183

Каузация: см. по алфавиту
Номинализация: 183
Полисемия: 60, 62, 69, 70, 89—91, 184, 242
Полисубъектность: см. Субъект
Порядок слов: см. Актуальное членение
Предикат (предикативный признак): 23, 24, 33, 44, 55, 61, 85, 168—184, 201, 214—215, 267, 285—289, 303—304, 342, 353—354
Предикативность: 24, 46, 93—96, 99, 129, 172, 267, 302, 320, 358
Категории модальности, времени и лица как выразители предикативности: 24, 44, 99, 163, 171, 183, 273, 279, 358
Предикативное сопряжение: 25, 30—31, 58, 70, 87, 91, 99, 163, 174, 178
Предикативный минимум: см. Модель, Схема предложения
Предложение: 15, 24—25, 45, 174—175, 323, 357—361
Причастие: 44, 141; см. также Атрибутизация
Причинно-следственные связи (отношения): 7, 37—38, 131, 167, 185—187, 238, 240, 343
Разговорная (устно-диалогическая) речь: 322—323, 336, 354—355
Регистры речевые: см. Типы речи
Рема: см. Актуальное членение
Рематическая доминанта: 306—319, 342, 361
Членимость ремы: 292—299, 311—312
Речевая реализация модели: 85, 117, 132, 174, 202
Сема: 76—78
Синонимия синтаксическая: 31, 70, 79, 81, 82, 91, 113, 123, 125—129, 145, 161, 180, 193, 198, 200, 203, 222, 229, 353—354, 360
Внутрирегистровая — межрегистровая синонимия: 353—354, 362
Неполная синонимия: 209
Синсемичность: 76, 157, 163, 196, 201, 232
Синтагма (синтагматическое членение): 292—299
Синтагматический: см. Парадигматический
Синтаксема (синтаксическая форма слова): 3, 48—83, 98—99, 134, 139—142, 320, 358—359
Синтаксемы свободные, связанные, обусловленные: 52, 66—69, 75—76, 98—99, 134, 152—153, 159, 190—191, 201, 287, 311—312
Синтаксическая (структурная) схема предложения: 46, 50, 83—97, 186—187
Синтаксическое поле предложения: 99, 129, 181—184, 360
Система: 3—4, 49, 65, 83, 99—100, 122—132, 176—187, 198—201, 211—212, 272, 336, 359—361
Ситуант: См. Детерминант
Сказуемое: 20, 33, 102; см. также Предикат
Слово: 39, 42—65
Словообразование: 22, 30, 32, 51, 55, 81—83, 225, 359
Словосочетание: 42, 49, 66—67, 75, 94, 103, 142, 202, 226, 242, 257, 270
Анализ словосочетания: 66—67, 143
Сложное предложение: 7, 10, 94, 240, 241, 279
Совстречаемость: 76, 341, 361
Согласование: 135, 173
Стилистические варианты (ограничения): см. Значения стилистические
Субъект предложения: 8, 23—24, 115, 133—155, 163, 169, 358
Варианты личного субъекта (обобщенно-личный, неопределенно-личный, определенно-личный): 7, 10, 96, 107—108, 110—111, 120, 146, 255—256

Комплексное обозначение субъекта: 154
Личный — предметный субъект: 114, 119, 164, 360
Неопределенно-предметный субъект: 118
Полисубъектность: 155, 166, 189, 264, 277
Пропозициональный субъект: 144
Субъект восприятия: 137, 153, 213—223, 235, 298
Субъект действия: см. Агенс
Субъект оценки: см. Оценка
Субъект речи (говорящее лицо): 3, 5, 115, 155, 167, 235, 298, 322, 346, 348
Существительное: 22, 39—40, 58, 79, 122
Имена отвлеченные: 8, 22, 37—39, 79, 84, 124, 135, 143—144, 223—249, 250—251
Текст: 3, 6—15, 99, 112, 152, 155, 282—356, 361—362
Тема: см. Актуальное членение
Типовое значение предложения: 3, 10, 15, 32, 86, 98—99, 292, 317, 341, 349
Типы (типология) предложения: 3, 15, 28—29, 31, 33, 39, 65, 99, 101, 112, 119, 168, 174—187, 341, 349, 358
Типы речи: 3, 15, 96, 244, 320, 334—336, 337—356, 361—362
Управление: 84—85, 88—93, 290
Уровень синтаксической абстракции: 17, 49—50, 54—55, 57—59, 67, 77, 359
Фазисные модификации: см. Глаголы-модификаторы, Синтаксическое поле
Форма: 39, 63—65, 79—80, 89—92, 359
Морфологические — *синтаксические формы слова*: 39—42, 70, 73
Функция: 44, 48, 65—66, 73, 79—80, 88, 122—125, 224, 359
Части речи: 58, 79—80, 121, 122, 125—126
Подклассы частей речи: 22, 31, 32, 39—40, 41, 45, 47, 50, 52, 55, 56, 59, 72, 126—127, 129, 223, 249, 359
Члены предложения: 18, 19—27, 67, 79—80, 85, 95, 102—103, 204, 358

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Глава первая

ЧЕЛОВЕК И МИР В КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ (структурно-смысловое содержание синтаксических единиц) 5

Картина мира в речи 5

Некоторые принципы изучения синтаксических явлений с точки зрения соотношения синтаксиса и семантики . . . 15

Глава вторая

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ЕГО СОСТАВ И ТИПОЛОГИЯ 39

О конститутивной синтаксической единице 39

О единицах описания структуры предложения 83

О системной организации синтаксиса 99

Соотношение лексики, морфологии и синтаксиса в категории частей речи и в системе русского языка 122

О субъекте предложения в современном русском языке . . 133

О роли глагола в структуре предложения 156

Типы предикатов и типы предложений в русском языке

Опыты компонентного анализа предложений 187

Компонентный анализ как способ распознавания полноты — неполноты предложения 187

Синонимические конструкции в свете компонентного анализа 203

О структуре некоторых типов предложения со значением восприятия 213

Деадъектив в синтаксисе предложения 223

Инфинитив в синтаксисе предложения 249

О категории оценки в русском языке 274

Глава третья

СТРУКТУРА ТЕКСТА И КОММУНИКАТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕЧИ 282

О роли семантики в актуальном членении предложения . . 282

Наблюдения над синтагматическим членением текста . . . 293

Роль ремы в организации и типологии текста 300

Категория глагольного времени как средство дифференциации коммуникативных типов речи 320

О конститутивных единицах текста 337

Коммуникативные типы речи 348

Заключение 357

Предметный указатель 363

ИРЯ
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru